

2020 №4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Байтмирова А.А., Коноплева И.Н.

Особенности эмоционального выгорания у офицеров силовых структур с различным сроком службы.....2-17

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю.

К проблеме психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур.....18-32

Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О.

Особенности субъективной витальности сотрудников МВД России, имеющих разный должностной статус.....33-50

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.

Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения.....51-63

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.

Динамика психоэмоционального состояния руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне в процессе развивающего консультирования.....64-75

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Бовина И.Б., Сачкова М.Е.

Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование.....76-92

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С., Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В., Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей.....93-110

Милехин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.

Психолого-педагогические условия первичной профилактики наркомании в студенческой среде.....111-125

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю.

Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения.....126-138

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.

Особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом.....139-151

**ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF
DEVIANANT AND CRIMINAL BEHAVIOR**

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.

Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет.....152-165

Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р.

Особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом.....166-184

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ И КРИЗИСНАЯ ПСИХОЛОГИЯ | PSYCHOLOGY OF EXTREME
SITUATIONS AND CRISES**

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.

Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям.....185-197

**ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE**

Макух Н.О., Сочивко Д.В., Ганишина И.С.

Оптимизация системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции.....198-213

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть II).....214-230

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | HISTORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.

Российское законодательство XI-XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних.....231-244

CONTENT:

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Baytimirova A.A., Konopleva I.N.

Specifics of Emotional Burnout in Power Structures Officers with Various Times of Service..... 2-17

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V., Fedotov A. Yu.

On the Question of Psychological Support for Occupational Reliability of Power Structures Professionals.....18-32

Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O.

Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses.....33-50

Borisova S.E., Zeynalov F.N.

Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety.....51-63

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.

Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of Developmental Counselling.....64-75

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Bovina I.B., Sachkova M.E.

Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study 76-92

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-method 93-110

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A.

Psychological and Educational Prerequisites for Primary Prevention of Drug Addiction among Students 111-125

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu.

Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution 126-138

Belyakova M. Yu., Bulygina V.G.

Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with Criminal Case History 139-151

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.

Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations 152-165

Vartanyan G.A., Gorbatov S.V., Murtazina I.R.

Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing Commercial Sex 166-184

PSYCHOLOGY OF EXTREME SITUATIONS AND CRISES

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.

Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare 185-197

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Makuh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.

Optimizing the System of Family Relations of Convicted Women in Places of Imprisonment through Psychological Intervention 198-213

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Tikhonova A.D., Bovin B.G., Bovina I.B.

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part II).....214-230

HISTORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Nuckova E.V.

Russian legislation of XI-XVIII Centuries on the Criminal Responsibility of Minors 231-244

Уважаемые читатели!

Мы рады представить вашему вниманию четвертый номер нашего журнала «Психология и право» за 2020 год. Тема этого номера «Правоохранительная деятельность».

В данном выпуске журнала особое внимание уделяется психологическому обеспечению правоохранительной деятельности, в частности, работе с сотрудниками, психологической помощи при выполнении служебных обязанностей, повышению профессиональной надежности специалиста. При этом акцент сделан на изучение личностных особенностей и деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В номере рассматриваются основные направления и подходы в практической работе психологов силовых структур, сфера интереса юридических психологов самых разнообразных направлений деятельности. Акцентируется внимание на работе с детьми и подростками. Рассматриваются особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом.

Представляет особый интерес работа, посвященная коммуникативным провокациям агрессивно настроенных блогеров и их влиянию на деятельность сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

Значительное внимание уделено особенностям эмоционального выгорания, особенностям субъективной витальности сотрудников МВД России.

В номере опубликована новая статья рубрики «История юридической психологии», посвященная Российскому законодательству XI-XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Уважаемые читатели, содержание статей отражает многообразие направлений исследований юридической психологии в контексте глобальных процессов, происходящих как в мировом сообществе, так и в нашей стране. Мы надеемся, что номер оказался для вас интересным, актуальным и востребованным.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Особенности эмоционального выгорания у офицеров силовых структур с различным сроком службы

Байтимова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3487-7815>, e-mail: andtria@list.ru

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Работа посвящена проблеме синдрома «эмоционального выгорания» у офицеров силовых структур. В исследовании изучаются такие показатели, как нервно-психическая устойчивость и волевая регуляция поведения, играющие роль в формировании данного синдрома и влияющие на успешность выполнения личным составом поставленных боевых задач. Определены основные направления в изучении особенностей личности у офицеров силовых структур, имеющих различный срок службы. В исследовании принимали участие сотрудники МО РФ, средний возраст испытуемых составил 38 лет. Приведены результаты проведенного эмпирического исследования, направленного на поиск связей между показателями нервно-психической устойчивости, волевой регуляции поведения и эмоциональным выгоранием. Подтверждено, что уровень эмоционального выгорания военнослужащего на любом сроке службы зависит от нервно-психической устойчивости и волевой регуляции поведения. Результаты проведенного исследования могут служить основанием для составления программ профилактической и психокоррекционной работы с офицерами силовых структур.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, военнослужащие, нервно-психическая устойчивость, волевая саморегуляция.

Для цитаты: Байтимова А.А., Коноплева И.Н. Особенности эмоционального выгорания у офицеров силовых структур с различным сроком службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 1–16. DOI:10.17759/psylaw.2020100401

Specifics of Emotional Burnout in Power Structures Officers with Various Times of Service

Anna A. Baytimirova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: andtria@list.ru

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

This work focuses on the problem of burnout syndrome in officers of power structures. The following parameters are studied in the research: emotional and mental stability and volitional behavior control. These play a role in the creation of the syndrome and influence the success of combat missions carried out by the military personnel. Key areas were identified in studying the personality characteristics of power structures officers with various times of service. Officers of the Ministry of Defense of the Russian Federation took part in the study. The average age of the test subjects was 38 years. The results of the empirical examination are presented. It was aimed to find how one's emotional and mental stability, volitional behavior control and emotional burnout correlate. We have confirmed that the burnout level of a military serviceman with any length of service depends on his/hy emotional and mental stability and volitional behavior control. The findings of the study we performed can serve as foundation for preventive and psychological-interventional programming for power structures officers.

Keywords: burnout syndrome, military personnel, servicemen, emotional and mental stability, volitional self-control.

For citation: Baytimirova A.A., Konopleva I.N. Specifics of Emotional Burnout in Power Structures Officers with Various Times of Service. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 2–17. DOI:10.17759/psylaw.2020100401 (In Russ.).

Введение

Далеко не каждый человек, решивший связать свою жизнь со службой в силовых структурах, может это осуществить. К кандидатам на службу предъявляется внушительный перечень самых разнообразных требований. Помимо отличной физической подготовки, отсутствия медицинских противопоказаний и безупречной репутации будущий военнослужащий должен обладать определенными личностными качествами. Вступление на должность и становление полноценным представителем профессии военнослужащего представляется возможным только в том случае, если кандидату удалось пройти все ступени отбора. Однако если поставленная цель достигнута и желаемая должность получена, не стоит надеяться, что психологические испытания для личного состава остаются пройденным этапом. Контроль и, по необходимости, корректировка психологических качеств будут

сопровождать всех сотрудников силовых структур на протяжении служебной деятельности, и этому есть вполне оправданное объяснение.

Нередко происходит так, что ожидания сотрудника по поводу того, как будет проходить его трудовая деятельность, не оправдываются, а это может случиться как у молодого бойца, так и у человека, работающего в системе достаточно долго. Происходит это зачастую по причине того, что профессия военнослужащего нередко бывает нестабильной, а быстрой и простой процедуры разрыва контракта, как в гражданских организациях, фактически не существует. И тогда, при сложившихся неблагоприятных условиях работы для индивида, начинается процесс изменения его личностных качеств. В таких случаях при проведении психологической диагностики могут отмечаться низкие показатели нервно-психической устойчивости и волевой регуляции поведения, а также высокие показатели эмоционального выгорания сотрудника. Данные преобразования, в свою очередь, будут обязательно отражаться на всей деятельности сотрудника и снижать эффективность выполненной работы, приводить к отклоняющимся формам поведения, а в ряде случаев и к правонарушениям, что недопустимо в данной профессии. Стоит отметить, что несоответствующие требованиям деятельности личностные качества при своевременном выявлении подвластны коррекции, что является благоприятным, как для самого сотрудника, так и для ведомства, в котором человек осуществляет свою профессиональную деятельность.

Актуальность нашего исследования обусловлена высокими показателями уровня эмоционального выгорания среди сотрудников силовых структур и необходимостью выяснения возможных причин, способствующих этому.

Синдромом эмоционального выгорания занималось значительное число отечественных и зарубежных ученых, среди них можно выделить В.В. Бойко, К. Маслач, С. Джексон, Н.Е. Водопьянова, В.И. Ковальчук, Е.С. Старченкова, М. Буриш, Д. Дирендок, Дж. Гринберга, Р.Т. Голембиевски и Р.Ф. Мунзендиера и многих других [2; 13; 15]. Значительное число работ посвящено проблеме эмоционального выгорания работников опасных профессий [3; 8; 9; 11]

Первое упоминание понятия эмоционального выгорания появилось в 1974 г. в Америке благодаря психиатрам Г. Фрейндбергу и С. Гинзбургу. Определялся термин как *burnout* — «сгорел на работе». Необходимость понятия заключалась в определении состояния людей, не имеющих проблем с психическим здоровьем и находящихся в тесном постоянном контакте с другими людьми с большой эмоциональной отдачей по причине требований их профессии, т. е. работающих в системе «человек—человек». К таким профессиям можно отнести, например, профессии врачей, психологов, учителей, юристов и многие другие. Авторы под эмоциональным выгоранием понимали ощущение изнеможения и истощения, граничащее с осознанием своей бесполезности и беспомощности, которое сопровождало профессиональную деятельность человека [21; 22].

Выгорание — это масштаб измерения разрыва между возможностями человека и требованиями, которые к нему предъявляются на работе. Происходит переоценка собственных сил, возможностей, достоинства, духа и воли, т. е. изнашивание души человека. Это болезнь, которая на протяжении длительного времени распространяется постепенно и равномерно, затягивая человека в заколдованный круг, из которого трудно выскользнуть, в безвыходное положение. На сегодняшний день исследователи выделяют несколько подходов

к пониманию и проявлению данного феномена.

Первый подход утверждает, что синдром эмоционального выгорания и синдром хронической усталости — это тождественные понятия [1; 21]. Признаками являются такие симптомы, как истощение со стороны психических, физических и, в первую очередь, эмоциональных процессов. Происходит это в связи с нахождением большого количества времени в ситуации эмоциональной перегруженности, непосредственно связанной с общением между людьми в профессиональной сфере.

Представители второго подхода придерживаются мнения, что эмоциональное выгорание — процесс не односложный, а состоит из двух составляющих, моделей. Первая модель рассматривается так же, как и в предыдущем подходе, в виде эмоционального истощения, вызванного особенностями деятельности. Вторая же определяется деперсонализацией. Под деперсонализацией подразумевается обезличивание других людей в рамках их эмоций и чувств, снижение положительного отношения к окружающим, в некоторых случаях и к себе [12].

Представители третьего подхода, исследователи синдрома эмоционального выгорания К. Маслач и С. Джексон утверждают, что данный феномен шире вышеописанных подходов и представляет не двухмерную модель, а трехступенчатую структуру, компонентами которой являются следующие явления:

- эмоциональное истощение;
- деперсонализация;
- редукция собственных личностных достижений [23; 24]

Свидетельствовать об эмоциональном истощении могут такие признаки, как пониженный эмоциональный фон; безразличие к рабочим процессам; раздражение от поручений руководства и просьб коллег, находящихся в рамках должностных обязанностей; отсутствие стойкого интереса и мотивации по отношению к действиям, которые раньше приносили удовольствие во время рабочего процесса.

Деперсонализация проявляется в изменении взаимоотношений с другими людьми, что не отмечалось ранее, в особенности по отношению к тем людям, которые являются клиентами. Происходит обезличивание людей, например, как пациентов, возможны проявления стереотипности реакций на проблемы. Проявляется как формальный и однотипный подход более поверхностное рассмотрение ситуации. Присутствует высокий уровень раздражительности, который удается скрывать на первых этапах, но затем это становится сложнее и гнев выходит наружу, что приводит к конфликтным взаимоотношениям. Как вариант, деперсонализация может выражаться в чрезмерной зависимости от других.

Редукция собственных личностных достижений проявляется в обесценивании своих успехов, носящих необъективный характер, в личностных запретах. В первую очередь это нежелание брать на себя ответственность и стремление переложить с себя ответственность в профессионально важных вопросах, относящихся к собственной компетенции, на других людей [24].

Вопрос возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания у сотрудников силовых структур, по данным статистики, довольно распространенное явление [5; 6; 10; 14; 18]. Объяснений этому феномену несколько.

Во-первых, нередко отношение офицеров силовых структур к психологам, работающим в подразделениях, да и ко всей психологической службе в целом, носит формальный характер. Данная тенденция приводит к тому, что в случае возникновения проблем, как личного, так и профессионального характера, офицеры не стремятся к проработке данных вопросов с психологом, что свою очередь приводит к накоплению неразрешенных негативных моментов и развитию синдрома эмоционального выгорания.

Второй, не менее важной, причиной, является факт сильного физического и эмоционального перенапряжения у людей, работающих в силовых структурах. Вся система силовых структур имеет определенную специфику, начиная от необходимости ношения и применения табельного оружия и заканчивая тем, что при определенной боевой задаче офицеру придется рисковать самым ценным, что он имеет, а именно жизнью. Помимо профессиональных моментов, отрицательное воздействие может поступать со стороны руководства, коллег-сослуживцев; да и не принимать личную жизнь во внимание будет, как минимум, неправильно. В связи с этим необходимо учитывать тот факт, что переход на новые стадии и развитие синдрома эмоционального выгорания у личного состава силовых структур может происходить гораздо быстрее, чем у людей, связавших свою жизнь с иным направлением деятельности.

Третьей причиной можно обозначить неудовлетворенность ожиданиями от выбранной профессии или непосредственного места службы (воинской части), а также невозможность быстрой смены или направления по причине того, что контракт, который заключается с военнослужащим в начале или при продлении службы, имеет срок в несколько лет, а разорвать его гораздо сложнее, чем в любых гражданских организациях [16].

Для того чтобы не упустить тонкую грань между началом и серьезным развитием синдрома эмоционального выгорания, что в конечном итоге может привести к серьезным последствиям, существует необходимость проведения ряда психологических мероприятий, способствующих предотвращению ухудшения состояния личного состава и возникновения неблагоприятных для службы последствий.

- Мониторинг личного состава на наличие синдрома и выраженности эмоционального выгорания.
- Беседы с руководством о необходимости нормирования рабочего дня и последствий невыполнения данного условия.
- Индивидуальные консультации с личным составом с целью разъяснения им важности самоконтроля собственного эмоционального и физического напряжения. Обучение методам расслабления и саморегуляции.
- Групповое информирование сотрудников силовых структур и их семей с целью ознакомления с симптомами эмоционального выгорания и дальнейшими действиями при их обнаружении.
- Повышение статуса психологической службы в военных структурах, разъяснение вопросов, с решением которых может помочь психолог.
- Организация системы поощрений.
- Проведение тренингов на сплочение, доверительное отношение и освоение способов снятия психического напряжения.

Также необходимо отметить, что при соблюдении своевременного контроля и ряда несложных правил можно не допустить дальнейшего развития синдрома эмоционального выгорания [19].

С целью анализа взаимосвязи личностных особенностей военнослужащих различного срока службы с эмоциональным выгоранием, нами проведено эмпирическое исследование. Предметом исследования явились нервно-психическая устойчивость, волевая регуляция поведения и эмоциональное выгорание офицеров силовых структур.

Выборку данного исследования составили офицеры воинских частей Министерства обороны Российской Федерации в количестве 60 человек с разным сроком службы — 20 офицеров, которые служат от 1 до 5 лет, 20 офицеров, служащих в части от 6 до 10 лет и 20 офицеров, служащих в данных частях более 11 лет. В исследовании принимали участие респонденты мужского пола. Средний возраст испытуемых составил 38 лет.

Методы

В нашем исследовании были использованы следующие методики, позволившие получить данные по изучаемым феноменам.

1. Авторская анкета, нацеленная на сбор социодемографических данных респондентов.
2. Анкета В.Ю. Рыбникова «Прогноз-2». С ее помощью возможно установить уровень нервно-психической устойчивости у офицера силовых структур [17; 20].
3. Тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции», позволяющий определить уровень развития волевой регуляции поведения у испытуемых [7].
4. Опросник МВІ, позволяющий определить наличие и уровень имеющегося эмоционального выгорания у респондента. Авторы методики — американские психологи К. Маслач и С. Джексон, адаптирован Н.Е. Водопьяновой [4].

Часть методик обработана с помощью Автоматизированного рабочего места военного психолога. Для статистической обработки данных использована программа IBM SPSS Statistics 25, русскоязычная версия.

Результаты

В результате проведенного исследования нами получены данные, свидетельствующие о том, что у военнослужащих, прослуживших более 6 лет уровень нервно-психической устойчивости (НПУ) находится на среднем и выше среднего уровне (рис. 1), в отличие от военнослужащих первых пяти лет службы, среди которых выявлены низкие значения НПУ (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

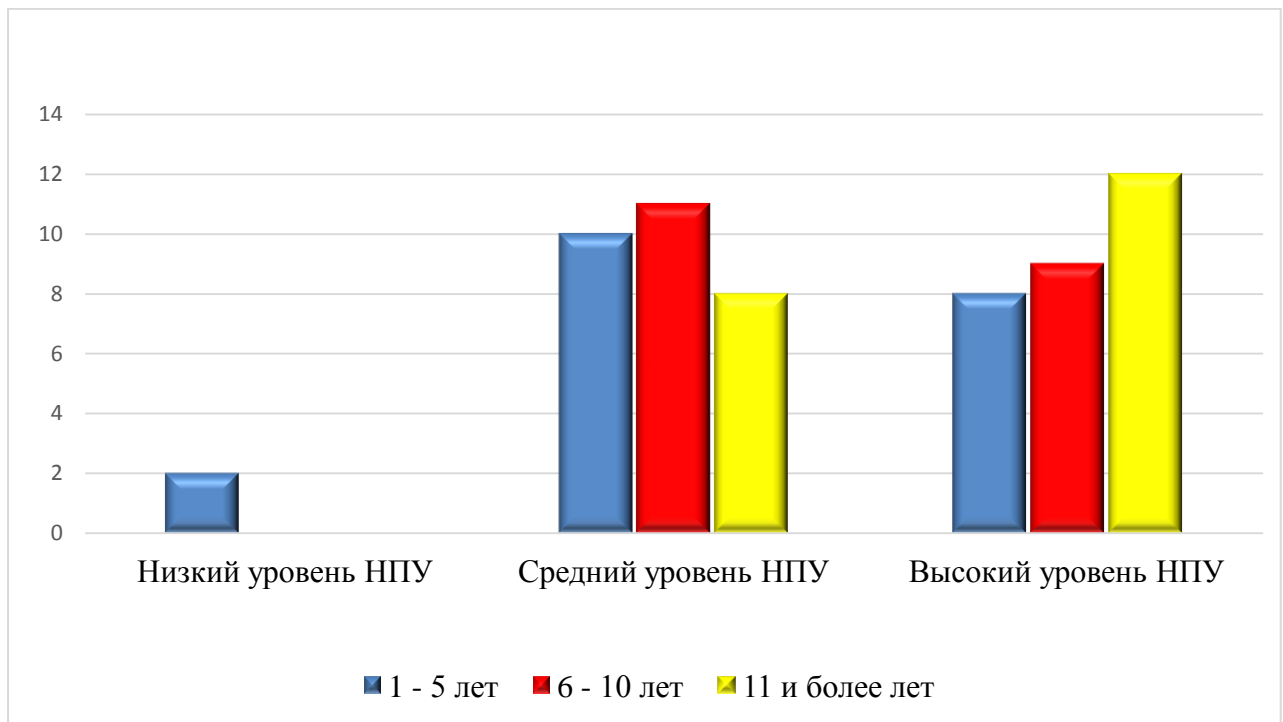

Рис.1. Выраженность НПУ у офицеров в зависимости от срока службы

Низким уровнем НПУ обладают 2 респондента (10%) из первой выборки, средний уровень — у 10 человек (50%), высокий уровень — у 8 человек (40%). Во 2-й группе военнослужащих (от 6 до 10 лет) низкий уровень НПУ не выявлен, средний уровень диагностирован у 11 человек (55%), высокий у 9 респондентов (45%).

В 3-й группе (11 лет и больше) низкий уровень также не выявлен, средний выявлен у 8 испытуемых (40%), высокий у 12 человек (60%).

При анализе особенностей волевой саморегуляции (ВСК) военнослужащих получены данные, свидетельствующие о значимо выраженных особенностях ВСК у офицеров до 11 лет службы и снижении показателей после 11 лет службы (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$). Наглядно данные представлены на рис. 2.

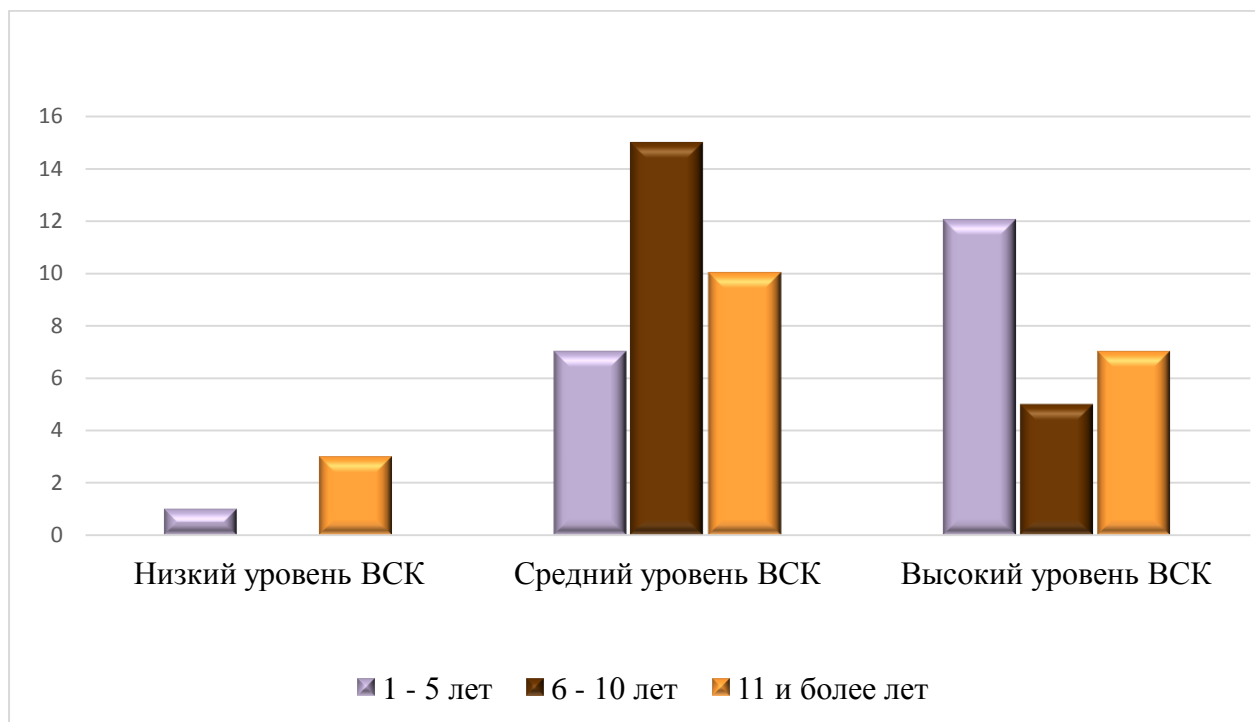

Рис. 2. Особенности волевой саморегуляции у офицеров разного срока службы

Офицеров силовых структур, имеющих низкий уровень волевой саморегуляции, во второй группе (от 6 до 10 лет) не выявлено. Однако есть один человек из первой группы (от 1 до 5 лет), что составляет 5% от данной выборки, и 3 человека из группы сроком службы более 11 лет, что составляет 15% от данной выборки.

Средний уровень ВСК выявлен у 7 человек из первой группы (35%), 15 человек из второй группы (от 6 до 10 лет), что составляет 75%, и 10 респондентов третьей группы (50%).

Высокий уровень волевой регуляции отмечается у 12 респондентов первой группы (60%), 5 участников (25%) второй группы, и 7 участников из группы сроком службы более 11 лет (35%).

Далее мы исследовали особенности синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) у сотрудников с разным сроком службы и выяснили, что у сотрудников со сроком службы от 5 до 10 лет они наиболее выражены (рис. 3). Как и прогнозировалось, наименее выражено выгорание в группе сотрудников от 1 года до 5 лет. У респондентов, работающих более 11 лет, показатели выгорания находятся, скорее, на низком и среднем уровне, лишь у небольшой части респондентов этой группы выявлен высокий уровень проявления эмоционального выгорания (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

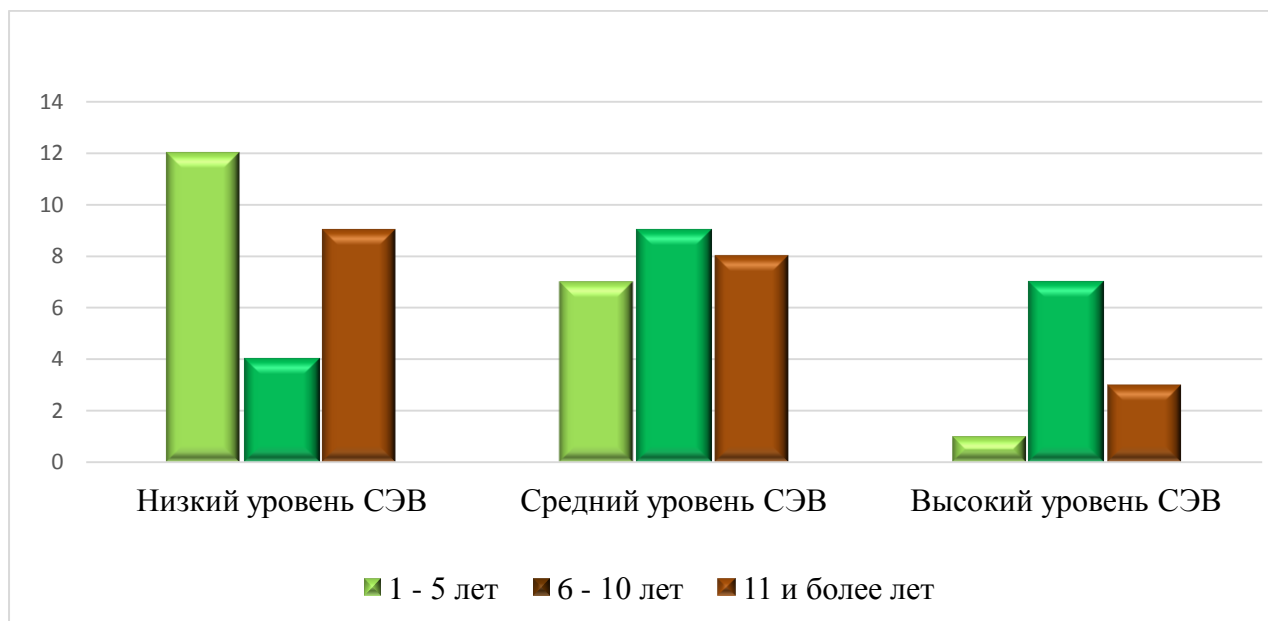

Рис. 3. Проявления эмоционального выгорания у офицеров разного срока службы

Низкий уровень СЭВ выявлен у 12 респондентов из первой группы (60%), у 4 респондентов второй группы (20%) и у 9 участников третьей группы (45%).

Средний уровень эмоционального выгорания отмечается у 7 участников первой группы (35%), у 9 респондентов второй группы (45%) и у 8 человек третьей группы (40%).

С высокими показателями уровня эмоционального выгорания выявлены один человек (5%) первой группы, 7 человек сроком службы от 6 до 10 лет (35%) и 3 человека третьей группы (15%).

Далее мы проанализировали взаимосвязь выраженности СЭВ с нервно-психической устойчивостью и волевой саморегуляцией в каждой группе испытуемых. Для данного анализа использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

При анализе особенностей личности 1-й группы, срок службы сотрудников которой составляет от 1 до 5 лет, отмечается прямая связь между высоким уровнем нервно-психической устойчивости и низким уровнем эмоционального выгорания (коэффициент корреляции — 0,85, при уровне значимости $p \leq 0,05$) (рис. 4). Полученный результат можно объяснить тем, что высокий уровень нервно-психической устойчивости является сильным сдерживающим фактором развития эмоционального выгорания.

Выявлена прямая связь (0,46; $p \leq 0,05$) между высоким уровнем нервно-психической устойчивости и средним уровнем волевой регуляции поведения. Этот факт можно объяснить тем, что в случае стабильного нервно-психического состояния волевая регуляция поведения также находится в стабильности.

Средний уровень нервно-психической устойчивости коррелирует со средним уровнем эмоционального выгорания. Прямая связь (0,573; $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что отличное от высоких показателей значение нервно-психической устойчивости влияет на уровень эмоционального выгорания.

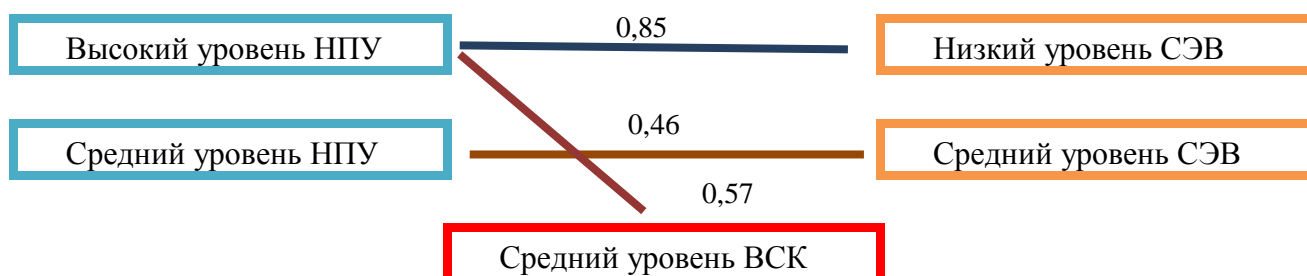

Рис. 4. Корреляционный анализ особенностей личности сотрудников 1-й группы (со сроком службы от 1 до 5 лет)

При корреляционном анализе особенностей личности 2-й группы, срок службы сотрудников которой составляет от 6 до 10 лет, были получены следующие результаты.

Высокий уровень нервно-психической устойчивости коррелирует с низким уровнем эмоционального выгорания (0,84; $p \leq 0,05$) — это может быть обусловлено тем, что высокий уровень нервно-психической устойчивости является сильным сдерживающим фактором развития эмоционального выгорания.

Также прямая связь наблюдается между показателями «Средний уровень нервно-психической устойчивости» и «Средний уровень волевой регуляции поведения» (0,57; $p \leq 0,05$). Здесь стоит обратить внимание на то, что в случае стабильного нервно-психического состояния волевая регуляция поведения также находится в стабильности.

Прямая связь отмечается между высоким уровнем нервно-психической устойчивости и низким уровнем эмоционального выгорания (0,84; $p \leq 0,05$). Это может свидетельствовать о том, что лица, обладающие нервно-психической устойчивостью, являются более приспособленными к сменяющимся или тяжелым условиям работы.

Приведенные связи отражены на рис. 5.

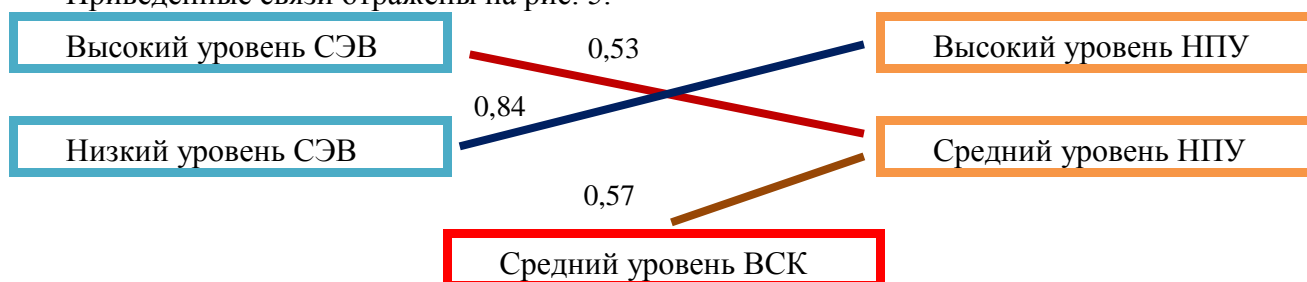

Рис. 5. Корреляционный анализ особенностей личности 2-й группы (со сроком службы от 6 до 10 лет)

При корреляционном анализе особенностей личности третьей группы, срок службы сотрудников которой составляет от 11 лет и более, были выявлены следующие статистически значимые взаимосвязи (рис. 6).

Выявлена прямая связь (0,67; $p \leq 0,05$) между высоким уровнем нервно психической устойчивости и низким уровнем эмоционального выгорания. Это говорит о том, что лица,

обладающие нервно-психической устойчивостью, являются более приспособленными к сменяющимся или тяжелым условиям работы.

Средний уровень нервно-психической устойчивости коррелирует со средним уровнем волевой регуляции поведения (0,57; $p \leq 0,05$) и средним уровнем эмоционального выгорания (0,79; $p \leq 0,05$). Наличие корреляции по данным показателям во всех выборках позволяет сделать вывод, что на протяжении всех профессиональных этапов нервно-психическая устойчивость оказывает влияние на волевую регуляцию поведения.

Между высоким уровнем нервно-психической устойчивости и средним уровнем волевой регуляции поведения отмечается прямая связь (0,65; $p \leq 0,05$). Полученные результаты можно принимать во внимание при работе с военнослужащими, которые нуждаются в развитии волевой регуляции поведения.

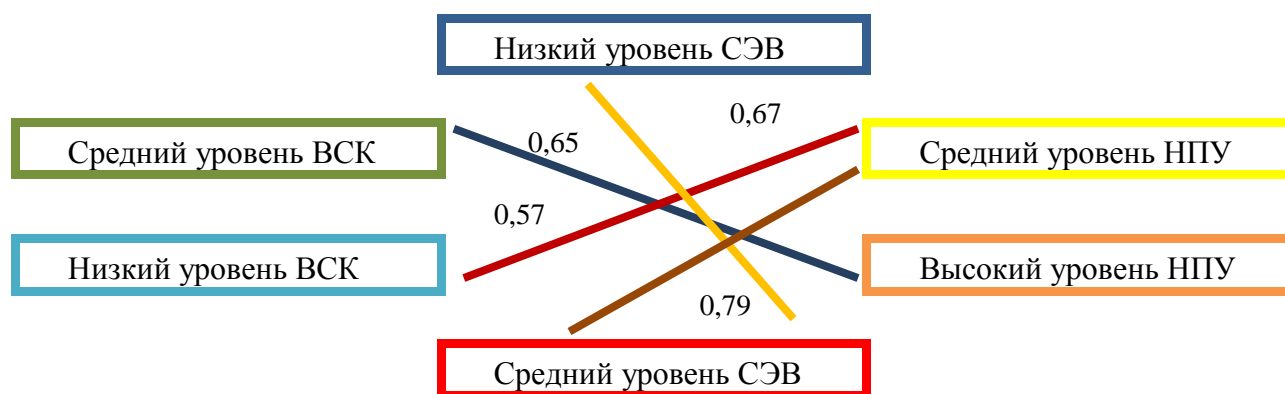

Рис. 6. Корреляционный анализ особенностей личности 3-й группы (со сроком службы более 11 лет)

Выводы

Анализируя результаты нашего исследования, можно сделать следующие выводы.

- У сотрудников со стажем от 1 до 5 лет низкий уровень эмоционального выгорания сопровождается высоким уровнем нервно-психической устойчивости и средними значениями волевой регуляции поведения. Средний уровень эмоционального выгорания коррелирует со средним уровнем нервно-психической устойчивости. Высокий уровень нервно-психической устойчивости достоверно связан со средним уровнем волевой регуляции поведения.
- В группе офицеров, служащих от 6 до 10 лет, низкий уровень эмоционального выгорания также сопровождается высоким уровнем нервно-психической устойчивости. Высокий уровень эмоционального выгорания сопровождается средними показателями нервно-психической устойчивости. Есть взаимосвязь между выраженностью нервно-психической устойчивости и волевой регуляцией поведения.
- В группе офицеров, служащих более 11 лет, как и в двух предыдущих, низкий уровень эмоционального выгорания сопровождается высоким уровнем нервно-психической устойчивости и сниженной волевой регуляцией поведения. Есть взаимосвязь между выраженностью нервно-психической устойчивости и волевой регуляцией поведения. Средний уровень эмоционального выгорания достоверно

связан со средним уровнем нервно-психической устойчивости и волевой регуляции поведения.

Подводя общие итоги, можно сказать, что уровень эмоционального выгорания у военнослужащего на любом сроке службы зависит от нервно-психической устойчивости и волевой регуляции поведения. Данный факт можно учитывать при психологической работе с офицерами силовых структур, и для успешного преодоления синдрома эмоционального выгорания необходимо дополнительно развивать рассматриваемые характеристики. Стоит отметить, что эмоциональное выгорание наиболее выражено у сотрудников, служащих от 6 до 10 лет. Также замечено, что волевая регуляция поведения личного состава при продолжительной работе имеет тенденцию к развитию и переходу на более высокий уровень.

Результаты проведенного исследования могут служить основанием для составления программ профилактической и психокоррекционной работы с офицерами силовых структур.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Психология в медицине / Г.С. Абрамова, ЮА. Юдчиц: учеб. пособие. М.: ЛПА «Кафедра-М», 2012. 272 с.
2. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Наука, 1996. 154 с.
3. *Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В.* Взаимосвязь проявления синдрома эмоционального «выгорания» и отклоняющегося поведения у сотрудников УИС [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 15–38. doi:10.17759/psylaw.2019090203
4. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. Сер. 9. Профессиональная практика. М.: Юрайт, 2017. 343 с.
5. *Воробьева Н.Н.* Взаимосвязь личностных характеристик военнослужащих контрактной службы с уровнем эмоционального выгорания // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения, инновации: сб. докладов и материалов Национальной научно-практической конференции. Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт непрерывного образования", Москва, 2017. С. 228—233.
6. *Зимницкая Е.А.* Синдром эмоционального выгорания у военнослужащих // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения. Материалы международной научно-практической конференции / Научный редактор А.П. Орлова. 2015. С. 180—183.
7. *Исаев А.А., Никифоров Г.С., Родионова Е.А.* Психология профессионального здоровья: обзор концепций // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Т. 32. № 2. С. 114—122.
8. *Ковалева М.Е.* Особенности нервно-психической дезадаптации у специалистов различного профиля профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 219—231. doi:10.17759/psylaw.2019090316
9. *Ковалева М.Е., Булыгина В.Г.* Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. № 4(7). С. 137—150. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411> (дата обращения: 20.05.2020)

10. Красавцева О.В. К проблеме об эмоциональном выгорании военнослужащих // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 13 частях, Тамбов, 2013. С. 78—79.
11. Кулакова С.В. Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 1. С. 80—89. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (дата обращения: 13.07.2020).
12. Ларенцова Л.И., Терехина Н.В. Феномен эмоционального выгорания: механизм формирования, симптомы и способы преодоления с точки зрения различных психологических подходов // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 37—48.
13. Макарова Г.А. Синдром эмоционального выгорания // Вопросы социального обеспечения. 2005. № 8. С. 11—21.
14. Мачульская И.А., Беляев Р.В., Машин В.Н. Феномен эмоционального выгорания военнослужащих в процессе их профессиональной деятельности // Территория науки. 2015. № 5. С. 72—77.
15. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Школьный психолог. 2001. Том 22. № 1. С. 90—101.
16. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях. // Психологический журнал. 2002. Том 23. № 3. С.85—95.
17. Рыбников В.Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в вуз // Тез. докл. на 1-м всеармейск. совещ. М.: Воениздат, 1990. С. 132—135.
18. Савин М.А. Проблемы изучения эмоционального выгорания у военнослужащих // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2018. № 1. С. 75—78.
19. Трунов Д.Г. «Синдром сгорания»: позитивный подход к проблеме // Журнал практического психолога. 1998. № 8. С. 84—89.
20. Чермянин С.В., Корзунин В.А., Юсупов В.В. Методологические аспекты диагностики нервно-психической неустойчивости у специалистов экстремальных видов деятельности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2008. № 6. С. 49—54.
21. Freudenberg H.G. The problem of diagnosing burnout. N.Y., 1974. 192 p.
22. Maher E. The burnout syndrome // J. of Consulting and Clinical psychology. 1983. № 7. P. 8—12.
23. Maslach C. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry / C. Maslach, M.P. Leiter // World Psychiatry. 2016. № 2. P. 103—111.
24. Maslach C. Burnout in organizational settings / C. Maslach, S.E. Jackson // Applied Social Psychology Annual. 1994. Vol. 5. P. 133—153.

References

1. Abramova G.S. Psikhologiya v meditsine [Psychology in medicine]. G.S. Abramova, Yu.A. Yudchits: Uchebnoe posobie. Moscow: LPA «Kafedra-M». 2012. 272 p.
2. Boiko V.V. Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii [The syndrome of "emotional burnout" in professional communication]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 154

р.

3. Borisova D.P., Dvoryanchikov N.V. Vzaimosvyaz' proyavleniya sindroma emotsional'nogo «vygoraniya» i otklonyayushchegosya povedeniya u sotrudnikov UIS [Interdependence of emotional burnout syndrome and deviant behaviour among employees of penal system] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019. V. 9, no. 2, pp. 15–38. doi:10.17759/psylaw.2019090203
4. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. *Prakticheskoe posobie. 3-e izd., ispr. i dop. Ser. 9 Professional'naya praktika*. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2017. 343 p.
5. Vorob'eva N.N. Vzaimosvyaz' lichnostnykh kharakteristik voennosluzhashchikh kontraktnoi sluzhby s urovnem emotsional'nogo vygoraniya [The relationship of the personal characteristics of contract servicemen (military personnel, military people) with the level of emotional burnou]. *Nauka i tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya, innovatsii. Sbornik dokladov i materialov Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2017. Pp. 228–233.
6. Zimnitskaya E.A. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya u voennosluzhashchikh [Military burnout syndrome]. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennogo obshchestva i cheloveka: puti resheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nauchnyi redaktor A.P. Orlova. 2015. Pp. 180–183.
7. Isaev A.A., Nikiforov G.S., Rodionova E.A. Psikhologiya professional'nogo zdorov'ya: obzor kontseptsii [Occupational Health Psychology: A Review of Concepts]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*, 2019. T. 32, no. 2, pp. 114–122.
8. Kovaleva M.E. Osobennosti nervno-psikhicheskoi dezadaptatsii u spetsialistov razlichnogo profilya professional'noi deyatel'nosti [Special Aspects of Neuropsychic Maladaptation in Specialists of Various Professions] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019. V. 9, no. 3, pp. 219–231. doi:10.17759/psylaw.2019090316
9. Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Psikhofiziologicheskie prediktory psikhicheskoi adaptivnosti u spetsialistov opasnykh professii (na primere voennosluzhashchikh) [Psychophysiological predictors of mental adaptability among specialists of extreme profile (servicemen)] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017, no. 4 (7). pp. 137-150. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411>
10. Krasavtseva O.V. Ob emotsional'nom vygoranii voennosluzhashchikh [On the emotional burnout of military personnel]. *Aktual'nye voprosy v nauchnoi rabote i obrazovatel'noi deyatel'nosti. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 13 chastyakh*. 2013. Pp. 78–79.
11. Kulakova S.V. Spetsifika proyavlenii sindroma professional'nogo vygoraniya u praktikuyushchikh psikhologov [The specificity of manifestations of the professional burnout syndrome in practicing psychologists] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015. V. 5, no. 1., pp. 80–89. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (data obrashcheniya: 13.07.2020)
12. Larentsova L.I., Terekhina N.V. Fenomen emotsional'nogo vygoraniya: mekhanizm formirovaniya, simptomy i sposoby preodoleniya s toчки zreniya razlichnykh psikhologicheskikh podkhodov [The phenomenon of emotional burnout: the formation mechanism, symptoms and methods of overcoming from the point of view of various psychological approaches]. *Prikladnaya*

yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology], 2009, no. 2, pp. 37–48.

13. Makarova G.A. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya [Burnout Syndrome]. *Voprosy sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Issues], 2005, no. 8, pp. 11–21.

14. Machul'skaya I.A., Belyaev R.V., Mashin V.N. Fenomen emotsional'nogo vygoraniya voennosluzhashchikh v protsesse ikh professional'noi deyatel'nosti [The phenomenon of emotional burnout of military personnel in the process of their professional activity]. *Territoriya nauki* [Territory of Science], 2015, no. 5, pp. 72–77.

15. Orel V.E. Fenomen «vygoraniya» v zarubezhnoi psikhologii: empiricheskie issledovaniya i perspektivy [The phenomenon of "burnout" in foreign psychology: empirical research and prospects]. *Shkol'nyi psikholog* [School psychologist], 2001. T. 22, no. 1, pp. 90–101.

16. Ronginskaya T.I. Sindrom vygoraniya v sotsial'nykh professiyakh [Burnout syndrome in social professions]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2002. Tom 23, no 3, pp. 85–95.

17. Rybnikov V.Yu. Ekspress-metodika «Prognoz-2» dlya otsenki nervno-psikhicheskoi neustoichivosti kandidatov na uchebu v VUZ [Express methodology "Forecast-2" for assessing the neuropsychological instability of candidates for study at a university]. *Tez. dokl. na 1 vsearmeisk. soveshch.* Moscow: Voenizdat, 1990. Pp. 132–135.

18. Savin M.A. Problemy izucheniya emotsional'nogo vygoraniya u voennosluzhashchikh [Problems of studying emotional burnout of military personnel]. *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Journal of the Taganrog State Pedagogical Institute], 2018, no 1, pp. 75–78.

19. Trunov D.G. «Sindrom sgoraniya»: pozitivnyi podkhod k problem [«Burnout Syndrome»: a positive approach to the problem]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of the Practical Psychologist], 1998, no. 8, pp. 84–89.

20. Chermyanin S.V., Korzunin V.A., Yusupov V.V. Metodologicheskie aspekty diagnostiki nervno-psikhicheskoi neustoichivosti u spetsialistov ekstremal'nykh vidov deyatel'nosti [Methodological aspects of the diagnosis of neuropsychic instability of (among) specialists of extreme activities]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh*, 2008, no. 6, pp. 49–54.

21. Freudenberg H.G. The problem of diagnosing burnout. N.Y., 1974. 192 p.

22. Maher E. The burnout syndrome. *J. of Consulting and Clinical psychology*, 1983, no. 7, pp. 8–12.

23. Maslach C. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry. C. Maslach, M.P. Leiter. *World Psychiatry*, 2016, no. 2, pp. 103–111.

24. Maslach C. Burnout in organizational settings. C. Maslach, S.E. Jackson. *Applied Social Psychology Annual*, 1994. V. 5, pp. 133–153.

Информация об авторах

Байтимилова Анна Александровна, студентка факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3487-7815>, e-mail: andtria@list.ru

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва,

Байтимилова А.А., Коноплева И.Н.
Особенности эмоционального выгорания у офицеров
силовых структур с различным сроком службы
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 2–17.

Baytimirova A.A., Konopleva I.N.
Specifics of Emotional Burnout in Power Structures
Officers with Various Times of Service
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 2–17.

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail:
konopleva.i.n@gmail.com

Information about the authors

Anna A. Baytimirova, graduate, faculty of Law Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3487-7815>, e-mail: andtria@list.ru

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Получена 04.05.2020

Received 04.05.2020

Принята в печать 16.11.2020

Accepted 16.11.2020

К проблеме психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур

Кубышко В. Л.

Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-5605>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Крук В. М.

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (ФГКУ ВУ МО
России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4156-4529>, e-mail: krukvladim@yandex.ru

Вахнина В. В.

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО
АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Федотов А. Ю.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я.
Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru.

В статье рассматривается проблема психологического обеспечения профессиональной надежности, освещаются вопросы ее сущности, содержания и структуры, отдельное внимание уделяется экспериментальным данным, касающимся обоснования возможностей достижения психофизических качеств, детерминирующих профессиональную надежность в рамках профессионально-психологического отбора и профессионально-личностного развития. Исследуется проблема психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур. Представлены теоретический анализ и экспериментальные апробации решения проблемы. Профессиональная надежность специалиста силовых структур трактуется как интегральное психофизическое качество личности, детерминирующее своевременное достижение необходимой эффективности действий и ее сохранение в установленных временных пределах. Освещены основные задачи и этапы психологического обеспечения стрессоустойчивости, особенности стресс-факторов, влияющих на эффективность выполнения профессиональных задач. Исследуются особенности формирования профиля профессиональной надежности в рамках психологического обеспечения профессиональной деятельности специалиста силовых структур.

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V., Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, профессиональная надежность, психофизические качества-детерминанты, профессионально-личностная диагностика, профессионально-личностное развитие, индивидуальный психофизический тренинг.

Для цитаты: *Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю.* К проблеме психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32. DOI:10.17759/psylaw.2020100402

On the Question of Psychological Support for Occupational Reliability of Power Structures Professionals

Vladimir L. Kubyshko

Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-5605>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Vladimir M. Kruk

Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4156-4529>, e-mail: krukvladim@yandex.ru

Victoria V. Vakhnina

Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, vikavahnina@mail.ru

Andrey Yu. Fedotov

Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

The article deals with the problem of psychological support for occupational reliability as well as its nature, substance and makeup. Special consideration is given to experimental data pertaining to justification for the attainability of mental and physical characteristics that determine one's occupational reliability during professional-psychological selection as well as in course of one's professional and personal development. In studying the problem of psychological support for occupational reliability of power structures professionals we present theoretical analysis of this problem and experimental testing of its solution. Occupational reliability of a professional of a power structure is interpreted as the integral mental and physical characteristic of his/her personality which determines attaining necessary effectiveness within reasonable time and maintaining it within specified time limits. We describe the key tasks and stages of psychological support for establishing one's immunity to stress, the specifics of stress factors affecting the success in carrying out one's professional duties. Within the framework of

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

psychological care for occupational activities of a power structure professional we also study the peculiarities in the development of his/her occupational reliability profile.

Keywords: psychological support, occupational reliability, mental and physical determinant characteristics, professional and personal development, individual mental and physical training.

For citation: Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V., Fedotov A. Yu. On the Question of Psychological Support for Occupational Reliability of Power Structures Professionals. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32. DOI:10.17759/psylaw.2020100402 (In Russ.).

Введение

Повышение значимости и социальной цены профессиональной деятельности специалиста силовых структур происходит на фоне ее динамичного усложнения, являющегося следствием изменяющихся условий и совершенствующихся средств и способов силового разрешения межгосударственных и социальных противоречий [10]. Традиционная система профессиональной подготовки нуждается в непрерывной коррекции [7; 12], учете как позитивного, так и негативного влияния, которое оказывает эта динамика на специалиста. В этих условиях остро ставится вопрос об обосновании системы дополнительных мер по изучению психологических последствий изменения профессиональной деятельности и их быстрого принятия для достижения соответствия специалиста силовых структур требованиям современности. Как показывает теоретический анализ проблемы и проведенные экспериментальные исследования, задача может быть успешно решена в рамках психологического обеспечения профессиональной надежности.

Сущность, содержание и принципы психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур

Профессиональная надежность специалиста силовых структур это интегральное психофизическое качество личности¹, детерминирующее своевременное достижение необходимой эффективности действий и ее сохранение в установленных временных пределах при воздействии комплекса профессиональных стрессовых факторов; характеризующееся заданной избыточностью по отношению к типичным ситуациям профессиональной деятельности. Она издавна ставилась и решалась в нашей стране в разных

---

¹ Термином «психофизические качества» подчеркивается целостность отражательного и моторного процесса в ходе реализации функций психики и роль моторной составляющей в механизмах интериоризации и экстериоризации в динамике развития специалиста. Присущая специалисту совокупность телесных (прежде всего моторных), физиологических и психических свойств в процессе отражения реальности, построения интегрального образа, регуляции деятельности реализуется целостно путем интеграции, понимаемой в контексте теории поуровневого построения движений и действий Н.А. Бернштейна, развитого в трудах В.П. Зинченко, Н.Д. Гордеевой, Б.М. Величковского и др.

*Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.*
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

*Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.*
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

контекстах, однако концептуально научно разработана только в современное время [5, 6].

Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур² это комплекс дополнительных мероприятий психологической работы по непрерывному изучению психологических причин срывов, ошибок и затруднений в профессиональной деятельности, обоснованию системы детерминирующих их психофизических качеств, направленный на оценку и совершенствование этих качеств путем внесения изменений в процедуры профессионально-личностной диагностики, профессионально-личностного развития. [15]. Содержание психологического обеспечения составляет непрерывный цикл мероприятий (рис. 1) направленный:

- на исследование ситуаций профессиональной деятельности и выявление системы психофизических детерминант ее срывов, ошибок и затруднений;
- реализацию данных исследования в рамках системы профессионально-личностной диагностики и профессионально-личностного развития.

Теоретический анализ и экспериментальные апробации решения проблемы психологического обеспечения профессиональной надежности позволяют сформулировать его принципы.

1. Единство с профессиональной деятельностью специалистов силовых структур и погруженность в нее.
2. Непрерывность исследования профессиональной деятельности и совершенствования технологий выявления детерминант профессиональной надежности.
3. Оперативность реализации исследовательских данных, выражающаяся в совершенствовании технологий профессионально-психологического отбора и профессионально-личностного развития.
4. Целостность психологического обеспечения профессиональной надежности.
5. Комплексность психологического обеспечения профессиональной надежности специалистов силовых структур.
6. Прогрессивность психологического обеспечения профессиональной надежности или принцип восходящей спирали индивидуального профессионально-личностного развития.
7. Специализированность средств и способов психологического обеспечения профессиональной надежности.

---

² Далее по тексту — психологическое обеспечение.

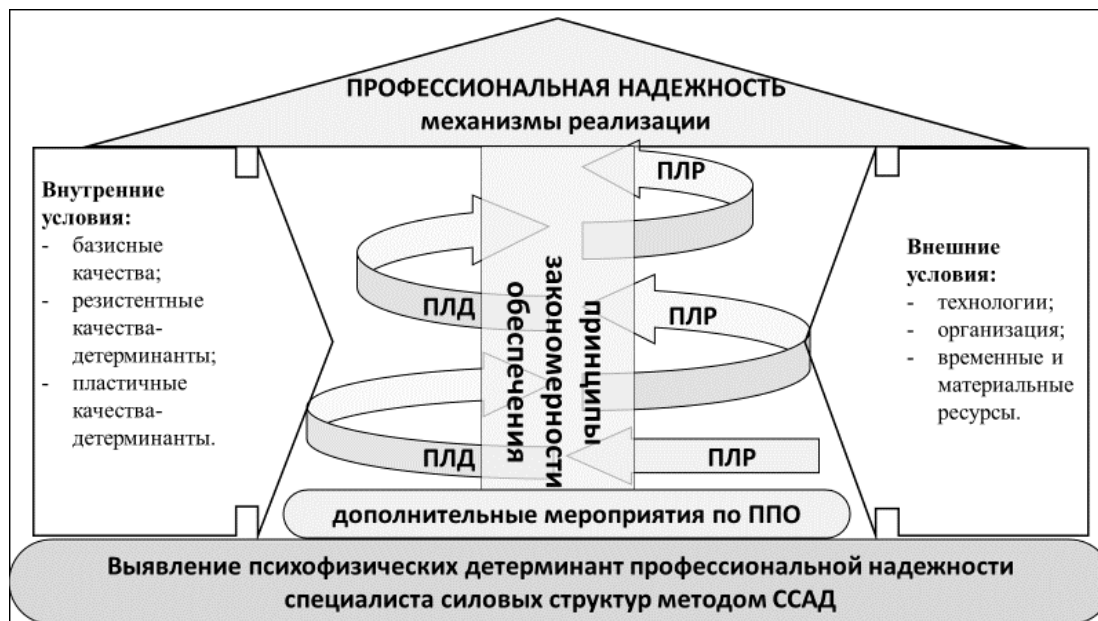

Рис. 1. Концептуальная модель психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур.

Перечисленные принципы воплощаются в единстве применяемых психологических технологий изучения деятельности, оценки степени соответствия специалиста выявленным требованиям и его развития.

Структура психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур

Первая группа технологий составляет исследовательскую часть психологического обеспечения профессиональной надежности специалистов силовых структур. Вторая группа ориентирована на профессионально-личностную диагностику (ПЛД) и профессионально-психологический отбор (ППО). Третья группа технологий направлена на профессионально-личностное развитие (ПЛР).

Первая группа технологий ориентирована на изучение профессиональной деятельности методом ССАД и обоснование системы психофизических качеств, детерминирующих профессиональную надежность. В проведенном экспериментальном исследовании данные ССАД о системе психофизических качеств-детерминант и ситуациях их проявления в практической деятельности использованы как основа для изучения особенностей диагностических и развивающих процедур реализационной части психологического обеспечения. В данной статье технология ССАД не рассматривается, так как достаточно представлена в современной научной литературе, как в теоретическом, так и прикладном вариантах [5; 6; 9].

Для их успешной реализации второй и третьей групп технологий необходимо выяснить:

какие из психофизических качеств-детерминант профессиональной надежности³ должны быть обеспечены в рамках профессионально-психологического отбора, а какие — в рамках профессионально-личностного развития. Качества-детерминанты, не способные к изменениям в процессе профессионально-личностного развития, рассматриваются как предмет профессионально-психологического отбора. Этот признак лежит в основе деления качеств-детерминант на резистентные и пластичные.

Результаты экспериментального исследования психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур

По итогам годового формирующего эксперимента, проведенного в условиях функционирующего подразделения силовых структур выявлен перечень резистентных и пластичных показателей профессиональной надежности специалиста, также апробированы диагностические и развивающие средства, соответствующие задачам психологического обеспечения (табл. 1).

Таблица 1

Показатели профессиональной надежности специалиста силовых структур, уровень их резистентности и методы диагностики

Методики		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Показатели												
Мотивационный фактор												
1.1	Профессиональность диспозиционной мотивации	+	+	-	-	-	-	-	6,8	8,1	1,98	В
1.2	Профессиональность ситуативной мотивации	+	-	-	-	-	-	-	6,5	8,8	3,98	Н
1.3	Мотивационная устойчивость Я-образа	+	+	-	-	-	-	-	7,1	8,5	2,73	С
1.4	Рефлексивность побуждений	+	+	-	-	-	-	-	5,4	7,8	4,01	Н
Фактор саморегуляции												
2.1	ИПССР	+	+	-	-	+	+	-	5,6	7,6	4,05	Н
2.2	Владение техниками ППСР	+	-	+	+	-	-	-	3,2	5,3	4,15	Н
2.3	Стеничность профессиональных эмоций	+	-	-	-	+	-	-	6,1	7,5	2,63	С
2.4	Контроль волевых процессов	+	-	-	-	-	+	-	7,1	8,3	1,96	В
2.5	Осознанность глубинных уровней Я-образа	+	-	-	-	-	-	-	5,4	7,2	3,87	Н
Профессионально-исполнительский фактор												

³ далее по тексту — качества-детерминанты.

3.1	Сенсомоторная реактивность	+	-	+	+	-	-	-	7,1	8,5	2,72	С
3.2	Исполнительская универсальность	+	-	+	+	-	-	-	6,4	8,1	3,79	Н
3.3	Профессиональные исполнительские умения	+	-	-	-	-	-	+	5,3	6,8	2,81	Н
3.4	Образ ситуации (внешние компоненты)	+	-	-	+	-	-	+	5,4	7,2	3,95	Н
3.5	Устойчивость Я-образа	+	-	+	+	-	-	-	6,2	7,6	2,75	С
3.6	Стрессовая резистентность исполнительских действий	+	-	+	+	-	-	-	4,4	6,2	4,02	Н
Профессионально-аналитический фактор												
4.1	Аналитическая универсальность	+	-	-	+	-	-	+	5,4	6,8	2,74	С
4.2	Прогностичность	+	-	-	+	-	-	+	4,7	6,2	2,73	С
4.3	Профессиональные интеллектуальные умения	+	-	-	-	-	-	+	3,4	4,9	2,83	Н
4.4	Образ ситуации (аналитический компонент)	+	-	-	+	-	-	+	5,1	6,6	2,73	С
4.5	Рефлексивность опыта профессиональных действий	+	-	-	+	-	-	+	5,2	8,1	4,05	Н
4.6	Стрессовая резистентность интеллектуальных процессов	+	-	-	-	-	-	-	4,6	6,4	3,98	Н

Примечание: 1 — моделирование ситуации МПДО/АМ; 2 — диагностика мотивации; 3 — диагностика сенсомоторных процессов; 4 — диагностика познавательных процессов; 5 — диагностика эмоциональной сферы; 6 — диагностика волевой сферы; 7 — компьютерная ситуативно-игровая диагностика; 8 — величина показателей по результатам начального измерения; 9 — величина показателей по результатам итогового замера; 10 — статистическая значимость различий по развитию качеств-детерминант экспериментальной группы по итогам формирующего эксперимента (t критерий Стьюдента для связанных выборок: $p = 0,001$; $t_{ks} > 3,65$; $p = 0,01$; $t_{ks} > 2,75$; $p = 0,05$; $t_{ks} > 2,04$ при $n=31$; $p = 0,001$; $t_{ks} > 3,71$; $p = 0,01$; $t_{ks} > 2,78$; $p = 0,05$; $t_{ks} > 2,06$ при $n=32$); 10 — степень резистентности качества: В — высокая, С — средняя, Н — низкая.

Из таблицы 1 видно, что примененная технология ПЛР высоко эффективна по отношению к большинству показателей ($> 50\%$), характеризующих качества-детерминанты. Высокую резистентность имеют диспозиционная мотивация и волевые качества, остальные показатели улучшились на уровне статистически значимой тенденции ($p < 0,05$). В контрольной группе изменения на уровне тенденции произошли лишь по показателям 3.3, 3.4 и 4.3 (в таблице не приводится).

Как показал эксперимент, диагностические методики, применяемые для ППО и для ПЛД в

рамках ПЛР, должны отвечать различным требованиям. Так, методики ППО [8, 9], оценивающие резистентные качества-детерминанты, должны быть высоко валидны, надежны, способны точно выявлять глубинные особенности личности по большому числу показателей, иметь высокий прогностический потенциал, ориентироваться на определенные объективные показатели профессиональных норм.

Требования к диагностическому инструментарию, используемому в сопровождении процесса ПЛР пластичных качеств-детерминант, несколько иные. Эти методики должны быть простыми, т. е. применимыми в полевых условиях, не занимать много времени в процессе получения и обработки данных, быть доступными для применения инструктором, даже не имеющем специального психологического образования. Не так важна глубина и многосторонность получаемых данных, их абсолютная точность, как их ипсативность⁴.

Технологии профессионально-личностной диагностики и профессионально-личностного развития подбираются, разрабатываются и совершенствуются в тесной взаимосвязи. Они систематизированы в рамках индивидуального психофизического тренинга (ИПФТ), разработанного на основе отечественных теоретико-прикладных подходов [1; 2; 3; 4; 9; 11; 13; 17].

Весь комплекс методов ИПФТ реализуется в форме:

1) специализированных занятий, направленных развитие способности к самоосознанию и саморегуляции в процессе поуровневой интеграции психофизических функций от фоновых уровней (А — тонуса и В — синергий), до ведущих процессе выполнения профессиональных задач (С — пространственных, D — предметных и E — символических действий) [7; 12];

2) психологического сопровождения:

а) плановых занятий по профессиональной подготовке путем включения в них методов, освоенных в процессе специализированных занятий, в целях повышения эффективности овладения соответствующими умениями и развития качеств-детерминант, а также расширения сфер применения и получения опыта применения психофизических методик;

б) выполнения профессиональных задач, где применяются методы, освоенные в процессе специализированных и плановых занятий для адресной активации функций, обусловленных качествами-детерминантами при реализации профессиональных знаний, навыков и умений, и тем самым повышения эффективности действий;

3) психологической помощи:

а) целенаправленного развития индивидуальной стрессоустойчивости [12];

б) приобретения положительного опыта использования освоенных методов самовоздействия;

в) проработки негативного опыта профессиональной и жизнедеятельности [7;15];

Содержание ИПФТ как основы психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур

⁴ Ипсативный, т. е. отраженный или измеряемый относительно себя. Ипсативное измерение, показывает изменения психофизических качеств до и после воздействия или соотношение уровня развития различных видов того ли иного процесса (например, память на лица в сравнении с памятью на пространственные формы и т. п.), но не может показывать, являются ли его показатели достаточно стабильными и высокими или низкими относительно общепрофессиональных норм.

Содержание технологии ИПФТ профессионально-личностного развития профессиональной надежности специалистов силовых структур представлено рядом взаимосвязанных блоков, реализующихся в рамках всех вышеперечисленных форм занятий. Структура блоков, их содержательные пропорции могут изменяться в зависимости от особенностей профессиональной деятельности конкретной категории специалистов силовых структур, имеющих материальных и временных ресурсов. Базовый вариант представлен на рис. 2.

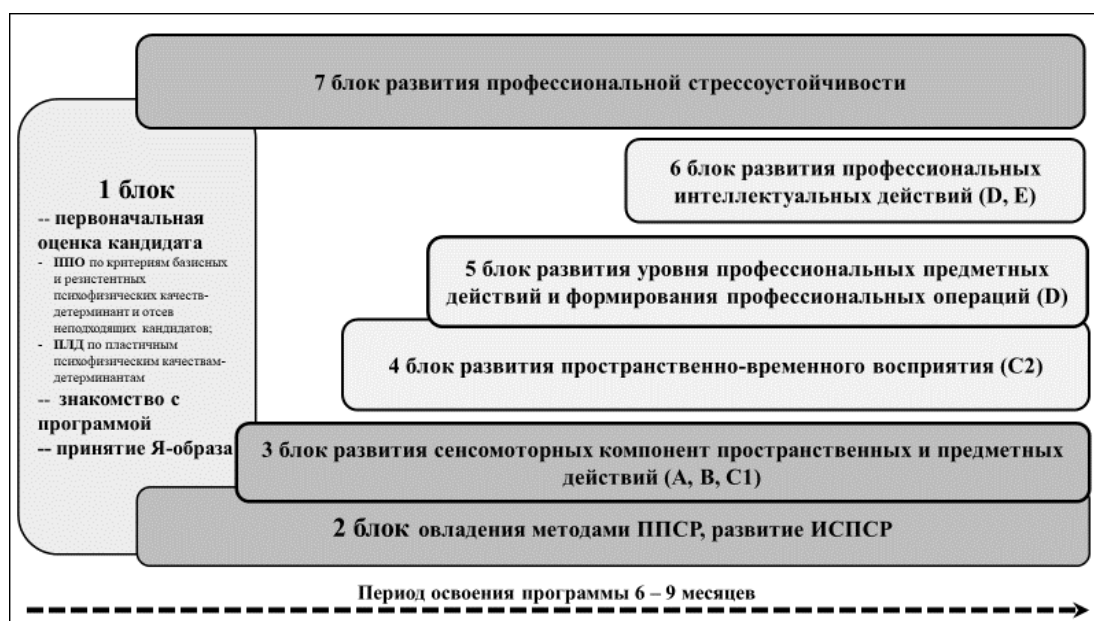

Рис. 2. Структура базового курса индивидуального психофизического тренинга в рамках психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур.

1. *Блок первоначальной оценки и принятия Я-образа.* А. ППО по показателям базисных и резистентных качеств-детерминант и отсева неподходящих кандидатов. Реализуется перед включением в штат подразделения или включением специалиста в программу ПЛР профессиональной надежности⁵. Б. ПЛД по пластичным психофизическим качествам-детерминантам и проведение специальных процедур, направленных на понимание, осознание и принятие существенных для ИПФТ компонент Я-образа. Реализуется самостоятельно как первый этап ИПФТ и сопровождает прохождение всех последующих блоков программы.

2. *Блок овладения методами произвольной психической саморегуляции.* Предполагает овладение технологиями произвольной психической саморегуляции, подобранными и

⁵ В формирующем эксперименте исключение специалистов по данным показателям не производилось в целях доказательства гипотезы в части, касающейся определения возможностей используемой системы ПЛР по их совершенствованию и определению их роли в развитии пластичных качеств-детерминант.

модифицированными с учетом особенностей профессиональной деятельности. По мере освоения программы ИПФТ и приобретения опыта саморегуляции для решения учебных и практических профессиональных задач складывается индивидуальный стиль профессиональной саморегуляции (ИСПСР), который продолжает совершенствоваться в рамках всей последующей профессиональной жизни и деятельности.

3. *Блок развития сенсомоторных компонент пространственных и предметных действий.* Предполагает использование возможностей, которые дает саморегуляция по осознанию глубинных уровней построения движений и действий (А — тонуса и В — синергий). Это позволяет довести качества-детерминанты этих уровней до профессиональной нормы и сформировать двигательные инварианты, обеспечивающие избыточную вариативность исполнительских и интеллектуальных операций на ведущих уровнях (С — пространственного поля, D — предметных действий, E — интеллектуальных действий).

4. *Блок развития пространственно-временного восприятия.* Предполагает профессиональную операционализацию естественного алгоритма перцептивных действий. Реализуется путем функциональной интеграции А- и В-качеств на уровне пространственного поля С — усвоения перцептивных эталонов и целенаправленного развития значимых для профессиональной деятельности сенсорных модальностей, пространственной памяти, внимания.

5. *Блок развития уровня профессиональных предметных действий и формирования профессиональных операций.* Предполагает целенаправленное расширение профессиональной вариативности уровня предметных действий D на основе инвариантности его сенсомоторных и перцептивных компонент по уровням А, В, С.

6. *Блок развития профессиональных интеллектуальных действий.* Предполагает целенаправленное развитие уровня предметных D и символических действий E, их профессионализацию применительно к задачам профессиональной коммуникации; получения, селекции, изучения и интерпретации информации; принятия решений и программирования вариантов его реализации и т. п. на основе инвариантности сенсомоторных и перцептивных компонент действия по уровням А, В, С и вариативности исполнительских профессиональных действий по D.

7. *Блок развития профессиональной стрессоустойчивости.* Реализуется в целях развития способностей к осознанию и регуляции диапазонов стеничности и взаимной трансформации базовых эмоциональных регистров, с опорой на известные закономерности их функционирования [7]. Ознакомление специалиста с особенностями воздействия профессиональных стрессоров происходит в процессе моделирования соответствующих типологизированных ситуаций из банка данных ССАД.

Особенностью ИПФТ как технологии профессионально-личностного развития профессиональной надежности специалистов силовых структур является то, что:

1) освоение перечисленных блоков методик осуществляется в рамках последовательно-параллельного алгоритма; технологии предыдущего блока интегрируются в следующий, для которого освоенные ранее методы являются предпосылкой успешности его освоения;

2) представленная последовательность блоков технологий определяется логикой естественной взаимосвязи и развития психических структур от базовых элементарных к высшим и отражает оптимальный алгоритм формирования качеств-детерминант;

3) использование технологий произвольной психической регуляции не только нацелено на общую релаксацию или активацию специалиста, но и используется для повышения возможностей актуализированного осознания и ретроспективной рефлексии в процессе профессиональной подготовки и практической деятельности.

4) упражнения, разрабатываемые для развития качеств-детерминант в рамках любого блока, конструируются как тот или иной аспект типологизированных ситуаций профессиональной деятельности, взятой из банка данных ССАД, а следовательно, учитывают специфику конкретного ведомства.

Закономерности и механизмы психологического обеспечения

В процессе теоретического анализа, экспертной оценки и варьирования содержания применяемых технологий в формирующем эксперименте обоснованы закономерности профессионального обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур.

1. Поуровневая интеграция психофизических функций, предполагающая учет взаимосвязи развития психофизических качеств высших уровней построения движений и действий D, E с предшествующей глубокой профессионализацией нижележащих уровней A, B и C.

2. Актуализированное осознание в процессе тренинга, предполагающее учет влияния осознанности нюансов функционирующих психофизических процессов на эффективность их развития.

3. Рефлексия как влияние ретроспективного осознания, рационального оценивания, накопления, оптимизации и применения опыта профессиональной деятельности в процессе совершенствования профессиональных действий.

4. Профессиональная самоидентификация как взаимосвязь осознания всего многообразия проявлений избранной профессии профессионального и их принятия на уровне Я-образа.

Посредством теоретического анализа, экспертной оценки и моделирования типичных и вероятных ситуаций профессиональной деятельности в констатирующем эксперименте были выявлены механизмы профессиональной надежности специалиста силовых структур.

1. Избыточность — реализация профессиональных действий в рамках вариативных алгоритмов и преодоление большего количества значимых затруднений, чем необходимо в типичных профессиональных ситуациях.

2. Резервирование — актуализация в типичных ситуациях только необходимого объема психофизического ресурса, привычка сохранять его запас и востребовать его в случае неблагоприятного развития ситуации.

3. Компенсация — осуществление действий за счет рекрутирования одних психофизических функций при невозможности или нецелесообразности использования других, выбор осуществляется в зависимости от оценки условий, актуального состояния и оставшихся психофизических резервов.

4. Самоконтроль — осознание и произвольное изменение значимых внутренних компонент действий в ключевые моменты развития ситуации.

5. Самодетерминация — дополнительное самомотивирование на выполнение задачи в ситуациях конфликта позитивной диспозиционной и ситуативной мотивации, с одной

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

стороны, и негативной ситуативной мотивации, связанной с актуализацией потребности самосохранения — с другой стороны.

Таким образом, проведенные экспериментальные исследования доказывают, что реализация данной модели психологического обеспечения дает возможность существенно повысить профессиональную надежность специалиста силовых структур.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., Наука, 1990. 496 с.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
3. Зинченко В.П. Человек развивающийся: очерки российской психологии 2-е изд., уточн. и доп. / Е.Б. Моргунов. М.: ТОО «Тривола», 1994. 304 с.
4. Зинченко В.П. Функциональная структура действия / Н.Д. Гордеева. М: МГУ, 1982. 174 с.
5. Крук В.М., Федотов А.Ю. Показатели неблагонадежности чиновников, в том числе из отставных раненых офицеров, в России начала XIX века: забытые страницы истории / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2020). Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПб У ун-т МВД России, 2020. С. 19-24.
6. Крук В.М., Федотов А.Ю., Середенко Г.Е. Психологические аспекты проблематики надежности (благонадежности) в законах Российской империи (1649-1881) // Человеческий капитал. 2019. № 12-2 (132). С. 58-68.
7. Крук В.М., Федотов А.Ю. Системно-ситуативный анализ в практической деятельности должностных лиц психологической службы: учебно-методическое пособие. М.: НУК ИУ МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2016. 177 с.
8. Крук В.М., Носс И.Н., Федотов А.Ю. Психодиагностическая оценка надежности сотрудника. Учеб. пособие для студентов вузов. Под ред. В.М. Крука. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 143 с. (Сер. «Magister»)
9. Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 3. С. 34-47. doi: 10.17759/psylaw.2018080303
10. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 352 с.
11. Путин В.В. Выступление на коллегии Министерства обороны РФ [Электронный ресурс] // Стенограмма от 24 декабря 2019 г. С. 3—5. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-kollegii-ministerstva-oborony-24-12-2019.html> (дата обращения: 31. 12. 2019).
12. Томилов В.Н. Принципы формирования рациональных двигательных действий в спорте: дисс. д-ра пед. наук. СПб, 2010. 311 с.
13. Федотов А.Ю. Профессионально-психологическое развитие военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД России на основе системно-ситуативного подхода: монография. М.: Мос У МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 128 с.

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

14. Вахнина В.В. Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 16–23. doi:10.17759/psylaw.2016060403
15. Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю. Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2020100213
16. Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю. Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 128–141. doi:10.17759/psylaw.2018080412
17. Федотов А. Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур : автореф. дис. д-ра психол. наук. М., 2020. 47 с.

References

1. Bernstein N.A. Fiziologiya dvizhenii i aktivnost' [Physiology of movements and activity]. Moscow: Publ. Nauka, 1990. 496 p.
2. Velichkovsky B.M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya [Cognitive science: Fundamentals of the psychology of knowledge]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Publ. Sense: Publishing center "Academy", 2006. 448 p
3. Zinchenko V.P. Chelovek razvivayushchiysya [Man developing] In. Morgunov E. B. Essays of Russian psychology. Moscow: 1994. 304 p.
4. Zinchenko V.P. Funktsional'naya struktura deistviya [Functional structure of action] In.. Gordeeva N. D. (ed.). Moscow: Publ.MGU, 1982. 174 p.
5. Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Pokazateli neblagonadezhnosti chinovnikov, v tom chisle iz otstavnykh ranenyykh ofitserov, v Rossii nachala XIX veka: zabytye stranitsy istorii [Indicators of unreliability of officials, including retired wounded officers, in Russia at the beginning of the XIX century: forgotten pages of history] Materials of the international scientific and practical conference. Saint-Petersburg: the SPb University of the Ministry of interior of Russia, by 2020. Pp. 19-24.
6. Kruk V. M., Fedotov A. Yu., Seredenko G. E. Psikhologicheskie aspekty problematiki nadezhnosti (blagonadezhnosti) v zakonakh Rossiiskoi imperii (1649-1881) [Psychological aspects of the problem of reliability (reliability) in the laws of the Russian Empire (1649-1881)] Chelovecheskii kapital [Human capital], 2019, no. 12-2 (132), pp. 58-68.
7. Kruk V.M., Fedotov A. Yu. Sistemno-situativnyi analiz v prakticheskoi deyatel'nosti dolzhnostnykh lits psikhologicheskoi sluzhby. Uchebno-metodicheskoe posobie [System-situational analysis in the practical activities of officials of the psychological service]. Moscow: Publ. Bauman Moscow state technical University, 2016. 177 p.
8. Kruk V. M., Noss I. N., Fedotov A. Yu. Psikhodiagnosticheskaya otsenka nadezhnosti sotrudnika [Psychodiagnostic assessment of employee reliability]. Moscow: UNITY-DANA, 2017. 143 p. (Ser. " Magister»).

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

9. Kubyshko V. L., Kruk V. M., Noss I. N., Borodina T. I. Eksperimental'noe obosnovanie model'nogo podkhoda v professional'nom psikhologicheskom otbore sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Experimental substantiation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 34-47.
10. Prokhorov A. O. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti [Self-Regulation of mental States: phenomenology, mechanisms, regularities]. Moscow: Publ. PER SE, 2012. 352 p.
11. Putin V.V. Vystuplenie na kollegii Ministerstva oborony RF. Stenogramma ot 24 dekabrya 2019 g. [Elektronnyi resurs] [Speech at the Board of the Ministry of defense of the Russian Federation. Transcript of December 24, 2019. pp. 3-5. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-kollegii-ministerstva-oborony-24-12-2019.html>. (Accessed 31. 12. 1019).
12. Tomilov V.N. Printsipy formirovaniya ratsional'nykh dvigatel'nykh deistvii v sporte. [Principles' of formation of rational motor actions in sports Dr. Sci. (Pedagogical) diss]. Saint Petersburg. 2010. 311p .
13. Fedotov A. Yu. Professional'no-psikhologicheskoe razvitie voennosluzhashchikh podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniya vnutrennikh voisk MVD Rossii na osnove sistemno-situativnogo podkhoda. Monografiya [Professional and psychological development of military personnel of special purpose units of internal troops of the Ministry of internal Affairs of Russia on the basis of a system-situational approach. Monograph]. Moscow: Publ. At the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 2017. 128 p.
14. Vakhnina V. V. Psikhologiya peregovornoj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v situatsiyakh, svyazannykh s faktom soversheniya prestupleniya [Psychology of negotiation activity of employees of internal Affairs bodies in situations related to the fact of committing a crime] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2016. Vol. 6, no. 4, pp. 16-23.
15. Kubyshko V. L., Vakhnina V. V., Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Psikhologicheskoe obespechenie stressoustoichivosti kak elementa professional'noi nadezhnosti spetsialista silovykh struktur [Psychological support of stress resistance as an element of professional reliability of a specialist of power structures] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2020, no. 2, pp. 167-178.
16. Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V., Fedotov A. Yu. Integratsiya psikhologicheskikh i informatsionnykh tekhnologii v ramkakh metoda situativno-obraznogo modelirovaniya problemnykh situatsii spetsialistov silovykh struktur [Integration of информация об авторах psychological and information technologies in the framework of the method of situational-figurative modeling of problem situations of power structures specialists] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 128-141.
17. Fedotov A. Yu. Psikhologicheskoe obespechenie professional'noi nadezhnosti spetsialista silovykh struktur [Psychological support of professional reliability of the specialist of power structures] author's thesis of the doctor of psychological Sciences. Moscow: Publ. 2020. 47 p.

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В.,
Федотов А.Ю.
К проблеме психологического обеспечения
профессиональной надежности специалиста силовых
структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 18–32.

Kubyshko V. L., Kruk V. M., Vakhnina V. V.,
Fedotov A. Yu.
On the Question of Psychological Support for
Occupational Reliability of Power Structures
Professionals
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 18–32.

Информация об авторах

Кубышко Владимир Леонидович, кандидат педагогических наук, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, Департамент государственной службы и кадров МВД России (ДГСК МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-5605>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Крук Владимир Михайлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (ФГКУ ВУ МО России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4156-4529>, e-mail: krukvladim@yandex.ru

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Федотов Андрей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии УНК ПСД, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru.

Information about the authors

Vladimir L. Kubyshko, PhD in Education, head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-5605>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Vladimir M. Kruk, honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of psychology, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation (FGKOU VU MD of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4156-4529>, e-mail: krukvladim@yandex.ru

Victoria V. Vakhnina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of psychology, pedagogy and organization of work with personnel, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia (FGKOU VO AU MVD of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Andrey Yu. Fedotov, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the of the Department of psychology, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (V. Kikot FGKOU Mos U MVD of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Получена 20.04.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 20.04.2020
Accepted 16.11.2020

Особенности субъективной витальности сотрудников МВД России, имеющих разный должностной статус

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Мальцева Т.В.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

Бурцев А.О.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Цель представленного исследования — выявить особенности составляющих субъективной витальности у руководителей и сотрудников МВД России и раскрыть их специфику по сравнению с данными аналогичных по статусу специалистов гражданских организаций. Концептуально субъективная витальность рассматривается через отношение личности к генезису внутренних сил, соотношенных с масштабом и возможностями реализации намеченных планов в сферах жизнедеятельности. Придерживаясь субъектно-деятельностной методологии, базируясь на положениях концепции психологической безопасности личности и ресурсной концепции стресса, актуализируется роль феномена субъективной витальности в самосохранительном поведении. С помощью русскоязычной версии методики определения субъективной витальности, разработанной в рамках теории самодетерминации Р. Райаном и К. Фредерик в модификации Л.А. Александровой, исследованы 80 человек. В ходе исследования выявлено, что наиболее низкий уровень субъективной витальности у гражданских специалистов и руководителей ОВД, у сотрудников ОВД он близок к средней норме. Выявлено, что женщинам, проходящим службу в МВД России, в большей степени присущ феномен «неустойчивая витальность».

Ключевые слова: профессиональный стресс, самосохранительное поведение, субъективная витальность, персонал гражданских организаций, сотрудники и руководители МВД России, психологический мониторинг, психологическая помощь.

Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О.
Особенности субъективной витальности сотрудников
МВД России, имеющих разный должностной статус
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33—50.

Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O.
Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian
Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33—50.

Для цитаты: Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О. Особенности субъективной витальности сотрудников МВД России, имеющих разный должностной статус [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33—50. DOI:10.17759/psylaw.2020100403

Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Tatyana V. Maltseva

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

Anton O. Burtsev

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

The purpose of this study is to identify the component parts of the subjective vitality in the officials and other personnel of internal affairs divisions and to reveal the difference between these data and those of similar-ranked professionals in civilian organizations. On the conceptual level one's subjective vitality is viewed through the personality's attitude to the genesis of its inner forces compared to the scale and feasibility of one's projected plans in various areas of activity. Based on the subject-activity approach, the concept of personality's psychological safety and the resource-based concept of stress we actualize the role of subjective vitality in health behavior. 80 individuals were examined using the Russian adaptation (made by Alexandrova L.A) of the methodology for identifying the subjective vitality developed by R. Ryan and C.Frederic within the framework of the self-determination theory. The study found that civilian staff and officials of the internal affairs divisions have the lowest subjective vitality, whereas in the officers of internal affairs divisions it is near average. It is revealed that women working within the Internal Affairs are more distinguished by "unstable vitality".

Keywords: professional stress, health behavior, subjective vitality, staff of civilian organizations, heads and staff of internal affairs divisions, psychological monitoring, psychological support.

For citation: Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O. Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33—50. DOI:10.17759/psylaw.2020100403 (In Russ.).

Введение

Профессиональную деятельность сотрудников полиции в силу присущих ей высоких физических и психических нагрузок традиционно включают в первую тройку наиболее стрессогенных видов труда, так как ее условия негативно не только сказываются на эффективности выполнения профессиональных функций, но и могут вести к ухудшению здоровья [12]. Проведенные психологами монографические исследования свидетельствуют, что следствием высокой интенсивности профессионального стресса у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее — сотрудники ОВД) являются как состояния хронической усталости и профессиональные деструкции личности, так и психосоматические расстройства и иные заболевания [4; 7].

Придерживаясь субъектно-деятельностной методологии и базируясь на положениях концепции психологической безопасности личности (Ю.П. Зинченко, Т.С. Кабаченко, С.Н. Казаков, Н.В. Тарабрина и др.) и ресурсной концепции стресса (С. Хобфолл), актуальным является изучение роли феномена субъективной витальности в самосохранительном поведении сотрудников ОВД. Ведь при испытываемых ими перманентных перегрузках при выполнении профессиональных задач необходимо оптимальное расходование внутренних сил, чтобы сохранялся оптимальный уровень субъективной витальности (от лат. *vitalis* — жизненный, жизнеспособный [10]) — психической энергии субъекта труда.

Анализ публикаций свидетельствует, что масштабные эмпирические исследования проблем самосохранительного поведения за рубежом начались в 1970-е гг., а в России ведутся с 1990-х гг. В итоге учеными, несмотря на дисциплинарную разноплановость охвата содержания и причин данного феномена, под самосохранительным поведением понимается «... совокупность действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла, продление сроков жизни в его пределах» [5; 11]. Самосохранительное поведение на уровне личности проявляется в том, что, с одной стороны, целенаправленно реализуются социальные действия, направленные на сохранение физического и психического здоровья, а с другой — используются способы саморегуляции и самоконтроля, учитывающие взаимодействие материального и духовного, биологического и социального в рамках определенного образа жизни [3].

Термин «витальность» приобрел научный статус относительно недавно (с 1990-х гг.) и первоначально был включен лишь в категориальный аппарат позитивной психологии [2]. До этого энергетический аспект функционирования личности описывался на уровне бессознательной психики и, прежде всего, в психоанализе (З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг и др.) и динамической психологии К. Левина, причем под такими понятиями, как «либидо», «катексис», «драйв» и пр. В настоящее время в психологической науке считается, что каждая личность обладает как общим потенциалом жизненной энергии, так и частными потенциалами: например, адаптационный, коммуникативный, потенциалы к активному личностному росту, проявлениям творчества, которые могут быть развиты [9].

Анализ публикаций свидетельствует, что зарубежными учеными феномен субъективной витальности традиционно рассматривается как производная от личной автономии и показателя субъективного благополучия человека (Р. Уайт (R.W. White, 1960), Р. ДеЧармс (R. DeCharms, 1968), Д. Макнейр, М. Лорр и Л. Допплман (D. Mc Nair, M. Lorr, L. Doppleman, 1971), Р. Тэйер (R.E. Thayer, 1987), Э. Деси (E.L. Deci, 1991), А.Л. Стюарт и Дж. Э. Уэр (A.L.

Stewart, J.E. Ware, 1992), Р. Райан и К. Фредерик (R.M. Ryan, C. Frederick, 1997), Т. Кассер (V.G. Kasser, 1999) и др.). Российские исследования Л.А. Александровой (2009, 2014), Т.О. Гордеевой (2010), А.А. Лебедевой (2009), Д.А. Леонтьева (2006, 2009, 2011, 2016), Е.И. Рассказовой (2006), Е.Б. Станковской и О.Е. Обидиной (2016) существенно расширили представления о феномене субъективной витальности и показали, что он играет важную роль в развитии личности и процессе преодоления ею сложных обстоятельств жизни. Выявлено, что высокий уровень субъективной витальности влияет на совладание с жизненными трудностями, конструктивное решение профессиональных задач, а также способствует внутренним преобразованиям, дополнительно вырабатывая в самой личности психическую энергию, которую она далее использует как ресурс [8].

В концептуальном объяснении феномена «субъективная витальность» авторитетной признается теория самодетерминации Р. Райана и К. Фредерик (1997), в рамках которой выделены две его составляющие: субъективная витальность как состояние (Vt-s — ситуационная витальность) и субъективная витальность как личностная диспозиция (Vt-d — диспозиционная витальность). Л.А. Александрова (2014) доказала, что указанные конструкторы не являются полностью взаимозаменяемыми. При этом диспозиционная витальность глубоко интегрирована в структуру личностного потенциала и оказывает большее влияние на цели и жизненные планы личности, на совладание со стрессовыми обстоятельствами жизни, а ситуационная витальность при регулярном проявлении может влиять на повышение диспозиционной витальности [1].

Субъективную витальность у сотрудников ОВД следует оценивать, на наш взгляд, через отношение их к генезису внутренних сил, соотносенных с масштабом и возможностями реализации намеченных планов в профессиональной и иных сферах жизнедеятельности. При этом увеличение или уменьшение уровня субъективной витальности зависит от того, каким образом субъект труда контролирует и как использует источники (телесные, душевные, духовные) подкрепления жизненной энергии.

В научных исследованиях К.М. Шелдона, Р.М. Райана и Г.Т. Рейса. (K.M.Sheldon, R.M. Ryan, H.T. Reis) [18], Р.М. Райана и К. Фредерик (R.M. Ryan, C. Frederick) [15], Р.М. Райана, Ж. Куль и Э.Л. Деси (R.M. Ryan, J. Kuhl, E.L. Deci) [16; 17], В.Ж. Кассер и Р.М. Райана (V.G. Kasser, R.M. Ryan) [13], Г.Т. Рейса, К.М. Шелдона, Ш.Л. Гейбл, Дж. Роско и Р.М. Райана (H.T. Reis, K.M. Sheldon, S.L. Gable, J. Roscoe, R.M. Ryan) [14] и др., выявлены разноплановые факторы, способные повышать и понижать уровень субъективной витальности. К факторам, понижающим уровень субъективной витальности относят: стрессы; тревогу; конфликты; высокие рабочие нагрузки; астенические эмоциональные переживания; несформированную или внешне навязанную профмотивацию; отсутствие целеполагания; вынужденный повышенный самоконтроль; высокую ответственность за выполнение профессиональных функций и работу своего коллектива; отсутствие обратной связи об успешности и качестве выполнения работы; ситуации выбора между альтернативами равнозначно не желательными; деятельность по принуждению или строго регламентированную; усиленную мыслительную деятельность; жизненные трудности, постоянные неудачи; непродуктивный или навязанный извне стиль жизни; большое количество межличностных контрактов. К факторам, повышающим уровень субъективной витальности, обычно относят: повышение автономии (самодостаточность, самостоятельность); целостность личности (отсутствие длительно неразрешенных

внутренних конфликтов); реализацию потребности в самоактуализации; стиль жизни, продиктованный внутренними личными целями; своевременный полноценный отдых; «погружение» в природную среду; удовлетворение основных психологических потребностей во взаимосвязи со своими внутренними жизненными целями; конструктивную коммуникативную сферу (правильно выстроенная коммуникация); адекватность в социальной среде (социальная поддержка, семья, друзья, профессиональное окружение); позитивный жизненный опыт; позитивное мышление (словесное воздействие, самовнушение).

Методы

Преследуя цель выявить особенности составляющих субъективной витальности у сотрудников ОВД и раскрыть их специфику по сравнению со специалистами и руководителями гражданских организаций, нами с использованием Методики определения субъективной витальности Р. Райана и К. Фредерик (в модификации Л.А. Александровой [1]) обследованы 80 респондентов из двух контрастных выборок по 40 человек. Первая выборка — это сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, где 20 человек — руководители территориальных органов МВД России (далее — руководители ОВД) и 20 человек — лица, замещающих должности рядового и младшего начальствующего состава (далее — сотрудники ОВД). Вторая выборка — это специалисты гражданских организаций, где 20 человек — руководители и 20 человек — персонал (сотрудники частных компаний, учителя, медицинские работники, работники госпредприятий). Сравнительный анализ между выборками и внутри них проводился с помощью расчета t-критерия Стьюдента.

По полу, стажу и возрасту представители внутри выборок имели частотную представленность, отражающую их процентное распределение по количеству и статусам в генеральной совокупности соответствующих категорий лиц. Так, мужчин среди респондентов — руководителей ОВД было 68%, а в группе сотрудников 48 %, а средний стаж службы в ОВД соответственно 19,7 и 12,7 лет. Среди всех специалистов гражданских организаций 38% мужчин. Средний стаж в руководящей должности у представителей МВД России 10,3 лет, а у руководителей гражданских организаций 11,8 лет.

Использованная методика имеет две шкалы: шкалу витальности как состояния (Vt-s) и шкалу диспозиционной витальности (Vt-d). Данные по первой шкале позволяли оценивать респондентам свое состояние «здесь и сейчас», а по второй шкале — характерный для человека уровень витальности как свойства личности.

Результаты и обсуждения

Данные по руководителям и сотрудникам ОВД по Методике определения субъективной витальности Р. Райана и К. Фредерик (в модификации Л.А. Александровой) представлены на рис. 1 и в табл. 1.

Из рис. 1 видно, что уровень субъективной витальности сотрудников существенно превышает данный показатель у руководителей, особенно по показателю уровня субъективной витальности как состояния (далее -Vt-s). Это означает, что в наличных ситуациях сотрудники ОВД, согласно авторам адаптации метода [1], обладают гораздо бóльшим ощущением жизненной энергии, чем руководители, в том числе бóльше удовлетворены жизнью и чувством субъективного благополучия, чем руководители. При этом из табл. 1 видно, что руководители ОВД не дотягивают даже до средних норм

исследуемого феномена по стандарту адаптированной методики [1]. Напротив, у сотрудников ОВД статистически значимых отличий от норм, установленных авторами адаптации, по шкалам субъективной витальности не выявлено.

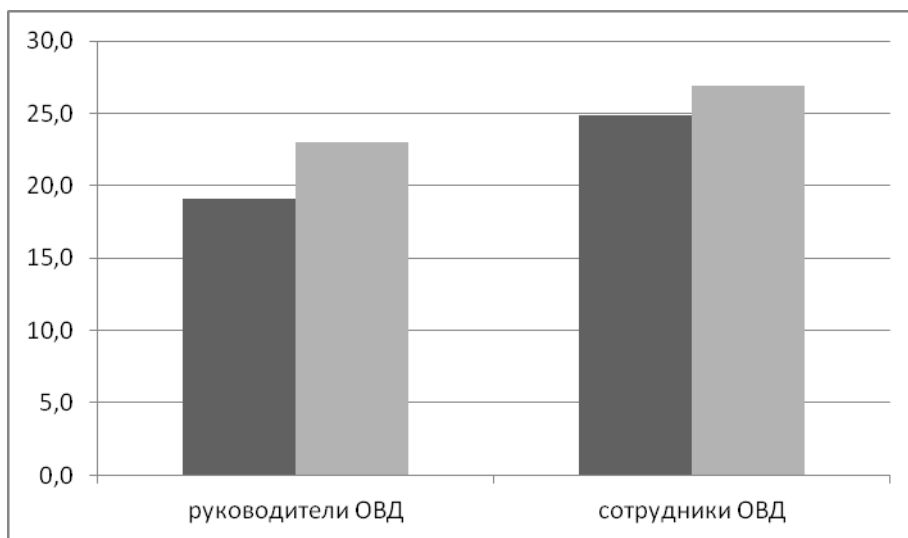

Рис. 1. Средние показатели составляющих субъективной витальности среди руководителей и сотрудников ОВД:

- — Vt-s — уровень субъективной витальности как состояния;
- — Vt-d — уровень субъективной витальности как диспозиции

Таблица 1

Средние показатели и значимость различий в группах руководителей и сотрудников ОВД

	Руководители ОВД РФ	Сотрудники ОВД РФ	Значимость различий — руководитель/сотрудник	Нормы витальности	Различия с нормой руководителей	Различия с нормой сотрудников
Пол	0,68421	0,47619	Нет			
Общий стаж	19,73684	12,76190	0,001			
Vt-s	19,06842	24,89048	0,0111	28,7	0,00001	Нет
Vt-d	22,98947	26,86667	0,0743	28,5	0,0075	Нет

В целом, данные, полученные по шкалам субъективной витальности, позволяют констатировать, что значительная часть руководителей не ощущают себя полноценно «энергетически заряженными» для активности в профессиональной деятельности. Это может

отрицательно сказываться не только на настроении, но на удовлетворенности жизнью, особенно в случаях, как установлено из индивидуальных бесед с руководителями, когда они с увеличением стажа службы начинают ощущать признаки переутомления и угрозы здоровью. В то же время сотрудники чувствуют у себя достаточный уровень витальной энергии, чтобы проявлять активность на службе, переживать стенические эмоциональные состояния, что, несомненно, повышает эффективность их работы и общую удовлетворенность жизнью.

Выявленный контраст по показателям субъективной витальности среди личного состава ОВД ориентирует ведомственных психологов на то, что у руководителей территориальных органов, длительно находящихся в должности, необходимо контролировать наличие профессионального выгорания и наблюдать особенности проявления жизнестойкости. Данная категория должна получать специализированную психологическую помощь. При этом психологи, определяя ориентиры в реализации психологического сопровождения руководителей ОВД, должны, на наш взгляд, принять во внимание позицию видного ученого XX столетия Пауля Тиллиха, доказывавшего, что «... витальность человека настолько сильна, насколько сильна его интенциональность» [6], в том числе выраженная у субъекта труда через мотивационно-смысловую наполненность жизнедеятельности.

Сравнительный анализ между двумя группами респондентов — гражданскими лицами и личным составом ОВД — позволил выявить специфику в проявлении субъективной витальности. При этом до начала интерпретации полученных данных по субъективной витальности отметим объективный факт контраста респондентов из двух групп по полу и стажу (рис. 2), ориентирующий на учет значимости имеющихся различий (табл. 2) в делаемых выводах по субъективной витальности (рис. 3).

Следует отметить, что среди респондентов из числа сотрудников ОВД существует тенденция к преобладанию мужчин. Это объясняется попаданием в нашу выборку значительного числа лиц, относящихся к оперативно-служебным подразделениям в структуре МВД России. Из рис. 2 и табл. 2 видно, что имеются существенные статистически значимые различия по стажу между общими данными личного состава ОВД и персонала гражданских организаций. Это связано, прежде всего, с возможностями инициативного ограничения срока нахождения на службе в полиции, так как аттестованный личный состав имеет право раньше уходить на пенсию.

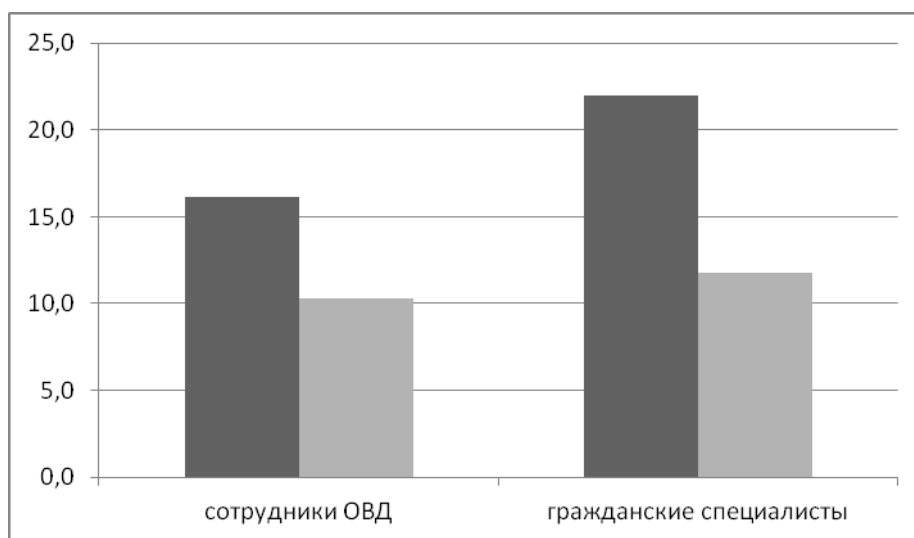

Рис. 2. Средние показатели общего стажа и стажа руководства в разных группах обследуемых:

■ — общий стаж; ■ — стаж в должности руководителя

Таблица 2

Средние показатели и значимость различий в группах сотрудников МВД России и гражданских специалистов

	Выборка — МВД	Выборка — гражданские специалисты	Значимость различий — ОВД/гражданские	Нормы витальности	Значимость различий с витальности с нормой по МВД	Значимость различия витальности с нормой по гражданским специалистам
Пол	0,58974	0,37500	Нет			
Общий стаж	16,10256	21,95000	0,0222			
Стаж в должности руководителя	10,27368	11,80000	Нет			
Vt-s	22,21282	21,17500	Нет	28,7	0,0042	0,0012
Vt-d	25,25128	23,65000	Нет	28,5	0,0266	0,0036

Из рис. 3 и табл. 2 видно, что средние показатели по обеим составляющим субъективной витальности выше у сотрудников ОВД, по сравнению с гражданскими специалистами. Это можно объяснить тем, что на службу в МВД России, с одной стороны, изначально отбираются лица, мотивированные и с высокими уровнем здоровья, а с другой стороны, сотрудники ОВД ежегодно проходят диспансеризацию и имеют возможность льготного санаторно-курортного лечения. Однако общие показатели субъективной витальности

сотрудников ОВД находятся на среднем уровне при соотнесении с нормами по адаптации методики.

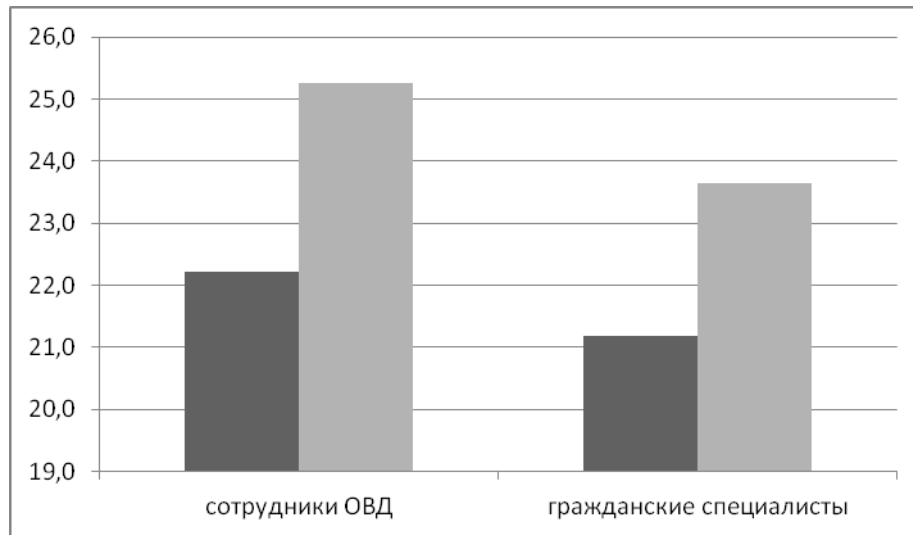

Рис. 3. Средние показатели субъективной витальности как состояния и как диспозиции в разных группах обследуемых:

- — Vt-s — уровень субъективной витальности как состояния;
- — Vt-d — уровень субъективной витальности как диспозиции

Интерес представляют данные анализа субъективной витальности, полученные при учете гендерных различий по контрастным группам обследованных (рис. 4, рис. 5 и табл. 3).

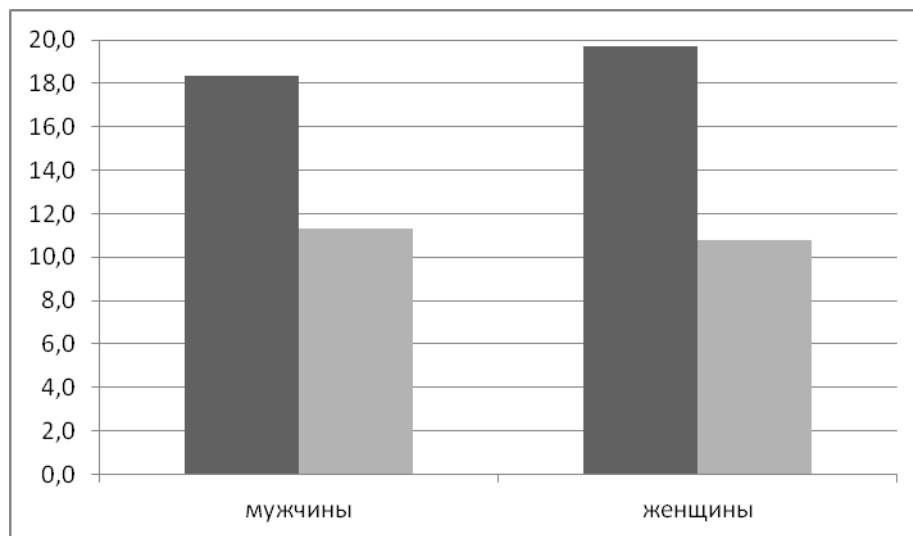

Рис. 4. Средние показатели стажа по всей выборке обследуемых мужчин и женщин:

- — общий стаж;
- — стаж в должности руководителя

Из рис. 4 видно, что общий стаж трудовой деятельности или службы несколько выше у женщин, в то время как стаж руководящей работы несколько выше у мужчин. Это объясняется давно существующей социальной установкой, что руководителем должен быть мужчина. Она хотя и существует сегодня подсознательно, так как в России в последнее десятилетие идет рост и числа «женщин в погонах», но в реальности руководителей из числа женщин, во-первых, меньше, а во-вторых, их чаще сменяют мужчины.

Из рис. 5 видно, что уровень субъективной витальности у женщин выше, чем у мужчин, причем и по *Vt-s* и по *Vt-d*. Это свидетельствует, что женщины более адаптированы, более энергичны и больше удовлетворены жизнью. При этом, если сравнить показатели субъективной витальности у мужчин и женщин с нормативными показателями шкал (см. табл. 3), можно заметить, что у мужчин показатели исследуемого феномена сильно отличаются от средних в низкую сторону, а у женщин только уровень субъективной витальности наличного состояния статистически значимо ниже средней, а субъективная диспозиционная витальность от средней нормы мало отличается (хотя и несколько ниже).

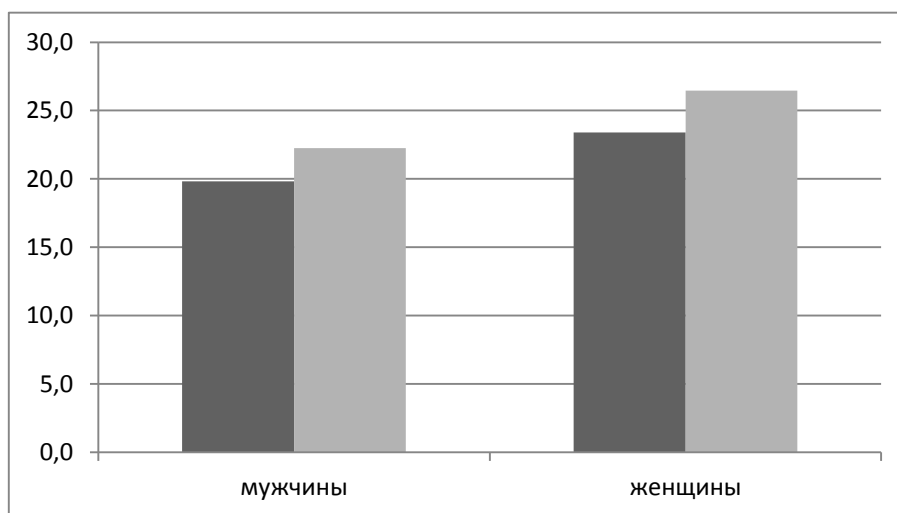

Рис. 5. Средние показатели субъективной витальности в группах мужчин и женщин — сотрудников МВД России:

- *Vt-s* — уровень субъективной витальности как состояния;
- *Vt-d* — уровень субъективной витальности как диспозиции

Таблица 3

Средние показатели и значимость различий в группах мужчин и женщин — сотрудников МВД России

	Мужчины	Женщины	Значимость различий — мужчины/женщины	Значимость различий — мужская норма	Значимость различий — женская норма
Общий стаж	18,34211	19,73171	Нет		

Стаж в должности руководителя	11,28571	10,78889	Нет		
Vt-s	19,83158	23,40732	0,0906	0,00001	0,0024
Vt-d	22,25263	26,46829	0,0376	0,00001	Нет

Выявленные особенности по сотрудникам МВД России позволяют говорить, что женщина в системе ОВД в целом чувствует себя вполне энергичной, готовой к продуктивной деятельности, вполне удовлетворенной жизнью. Однако личные беседы с сотрудниками ОВД женского пола показали, что при фрустрирующих ситуациях уровень этого состояния может резко меняться в негативную сторону. Поэтому следует отметить, что женщины — сотрудники ОВД, в отличие, например, от сотрудников и руководителей мужского пола, обладают неустойчивой субъективной витальностью.

При анализе гендерных различий прослеживается явная тенденция к более высокому стажу у мужчин, как служебному, так и общему (рис. 6).

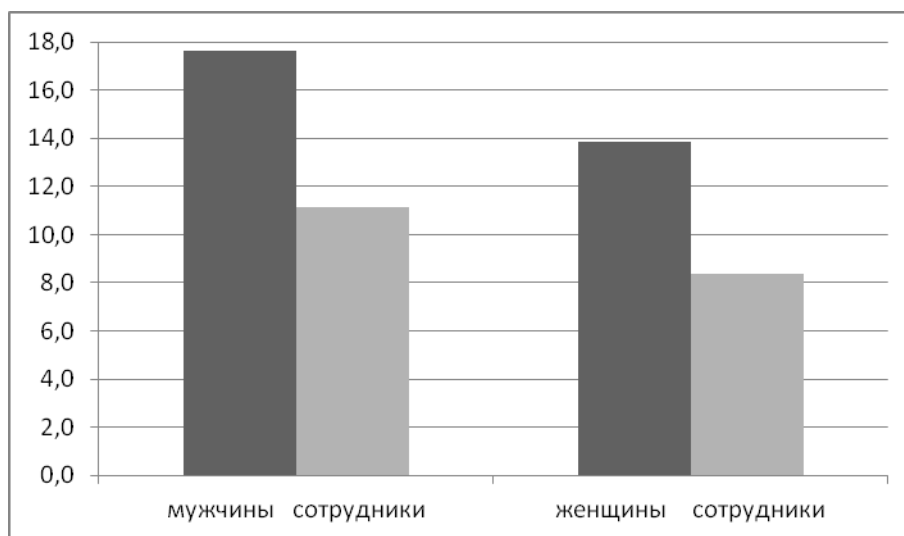

Рис. 6. Средние показатели стажа по выборке сотрудников ОВД мужского и женского пола:

■ — общий стаж; ■ — стаж в должности руководителя.

Из рис. 6 видны, на первый взгляд, весьма контрастные различия. Однако до значимых статистических показателей эти различия не дотягивают. На наш взгляд, можно говорить лишь о некой тенденции того, что среди личного состава у мужчин в среднем стаж работы больше.

По всей выборке испытуемых, включающей разнодолжностной личный состав ОВД, не выявлено статистических различий по показателям субъективной витальности у мужчин и женщин, (рис. 7, табл. 4). По всей видимости, одинаковые условия службы в закрытых социальных институтах, каковым является и МВД России, с увеличением стажа «стирают» гендерные различия у сотрудников, делая их близкими к андрогинному типу. Однако

беспокоит выявленный факт, что субъективная витальность наличного состояния остается у сотрудников ОВД, как у мужчин, так и у женщин, на низком уровне. Субъективная диспозиционная витальность не имеет статистических различий с нормативным показателем, т. е. в среднем уровень субъективной диспозиционной витальности находится близко к норме.

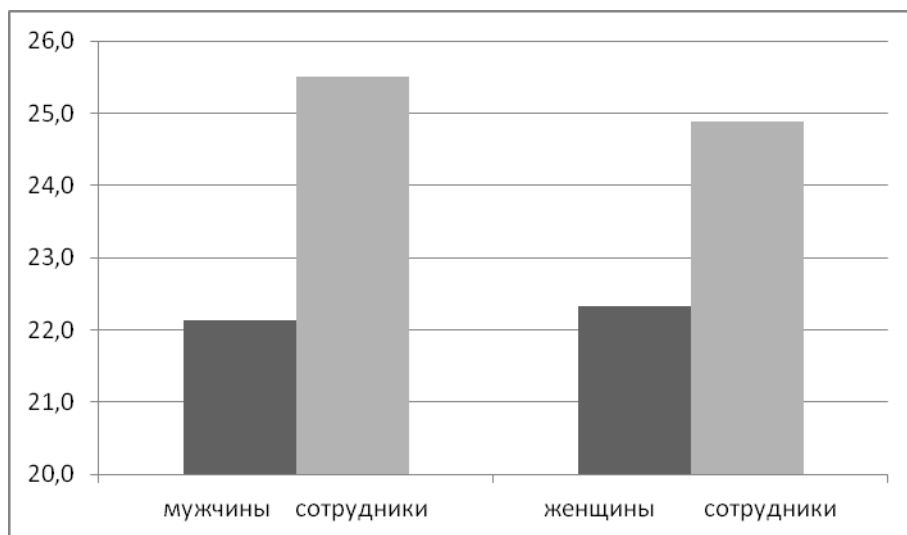

Рис. 7. Средние показатели субъективной витальности по выборке сотрудников ОВД мужского и женского пола:

- — Vt-s — уровень субъективной витальности как состояния;
- — Vt-d — уровень субъективной витальности как диспозиции

Таблица 4

Средние показатели и значимость различий по выборке сотрудников ОВД мужского и женского пола

	Сотрудники мужчины	Сотрудники женщины	Значимость различий ($p \leq$) — мужчины/женщины	Значимость различий ($p \leq$) — мужчины/норма	Значимость различий ($p \leq$) — женщины / норма
Общий стаж	17,65217	13,87500	Нет		
Стаж в должности руководителя	11,15385	8,36667	Нет		
Vt-s	22,13478	22,32500	Нет	0,002	0,0097
Vt-d	25,50435	24,88750	Нет	Нет	Нет

При анализе гендерных различий по выборке гражданских специалистов (рис. 8, табл. 5) существенных статистически значимых различий в стаже у гражданских специалистов не

наблюдается. Невелика вероятность получить их и при увеличении объема выборки, так как слишком малы абсолютные различия между средними показателями, из чего можно сделать вывод о наличии лишь некоторой тенденции в среднем большего общего трудового стажа у женщин. Их стаж в среднем на 4 года больше, чем у мужчин.

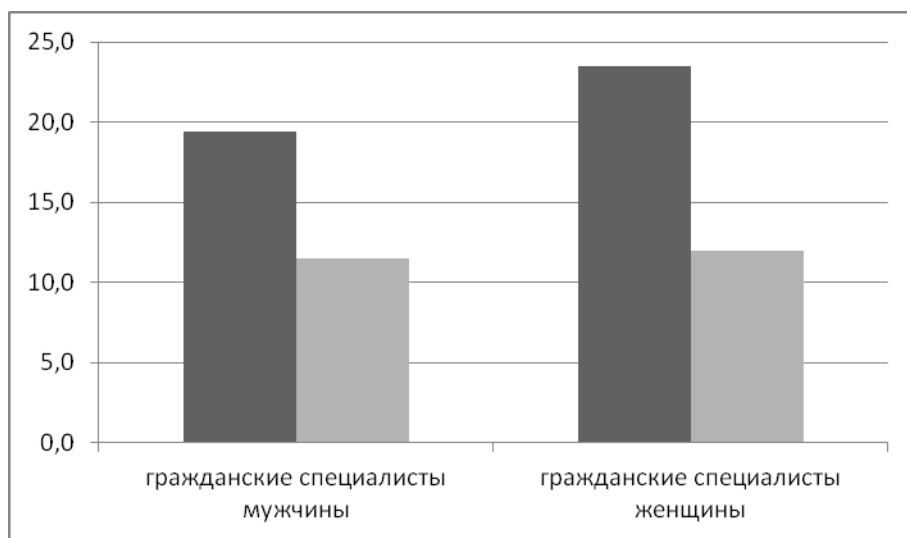

Рис. 8. Средние показатели стажа по выборке гражданских специалистов мужского и женского пола:

■ — общий стаж; ■ — стаж в должности руководителя

В выборке гражданских специалистов по показателям субъективной витальности обнаружены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами (табл. 5, рис. 9).

Таблица 5

Средние показатели и значимость различий в группах гражданских специалистов мужского и женского пола

	Гражданские специалисты мужчины	Гражданские специалисты женщины	Значимость различий (p≤) — мужчины/ женщины	Значимость различий (p≤) — мужчины / норма	Значимость различий (p≤) — женщины / норма
Общий стаж	19,40000	23,48000	Нет		
Стаж в должности руководителя	11,50000	12,00000	Нет		
Vt-s	16,30000	24,10000	0,014	0,00001	0,0284
Vt-d	17,26667	27,48000	0,0027	0,00001	Нет

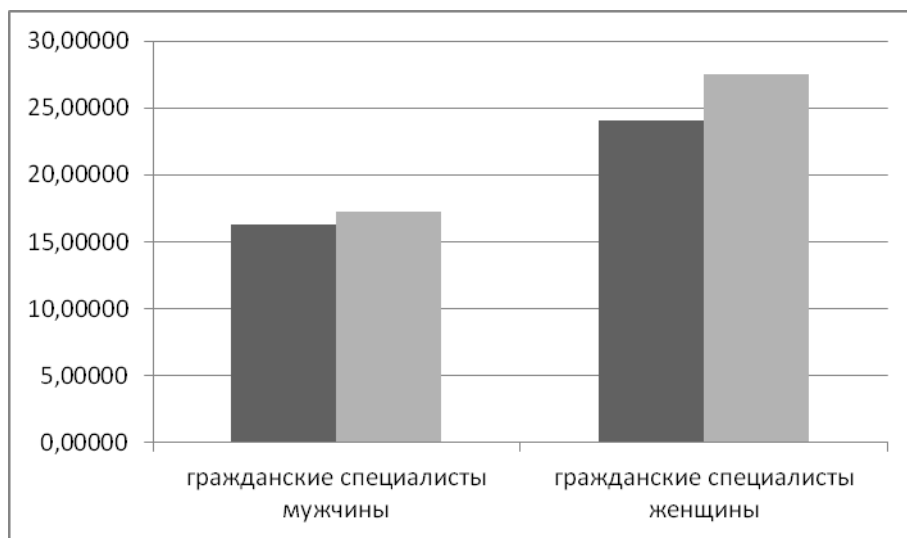

Рис. 9. Средние показатели субъективной витальности гражданских специалистов мужского и женского пола:

- — Vt-s — уровень субъективной витальности как состояния;
- — Vt-d — уровень субъективной витальности как диспозиции

Показатели по персоналу гражданских организаций свидетельствуют о большей энергичности женщин, их удовлетворенности работой и жизнью. Однако в сравнении с нормами только показатель диспозиционной субъективной витальности приближается к среднему значению и статистически от него не отличается. Субъективная витальность наличного состояния значимо ниже статистической нормы у гражданских специалистов, как женщин, так и мужчин. Это указывает на то, что и в выборке гражданских специалистов женского пола наблюдается неустойчивая субъективная витальность. Видимо, этот феномен достаточно распространен среди женщин в целом.

Выводы

В качестве основных результатов проведенного анализа можно зафиксировать следующие моменты.

Установлено, что при динамичной трансформации условий труда и жизнедеятельности в России в среднем уровень проявления составляющих субъективной витальности, как у личного состава МВД, так и у персонала гражданских организаций, является недостаточным. При этом наиболее низкий уровень субъективной витальности наблюдается у гражданских специалистов, достаточно низкий показатель у руководителей ОВД и только у сотрудников ОВД он близок к средней норме. Выявленный факт, что у руководителей ОВД имеется «энергетическая дефицитарность», на первый взгляд, можно назвать парадоксальным, так как существует житейское представление о том, что у них гораздо больше возможностей автономно и независимо устраивать свою жизнь. Однако индивидуальные беседы с ними показали, что осознание ответственности, которая лежит на них как «людях в погонах», накладывает отпечаток на уровень отношения к генезису жизненной энергии.

Выявлено, что женщинам, проходящим службу в органах внутренних дел Российской Федерации, в большей степени, чем личному составу мужского пола, присущ феномен «неустойчивая витальность», суть которого состоит в том, что в повседневных ситуациях они в целом энергичны, достаточно удовлетворены работой и жизнью, но при фрустрирующих ситуациях рассеивают энергию, а при построении стратегии поведения в экстремальных условиях порой попросту теряются.

С учетом обнаруженных особенностей в проявлении составляющих субъективной витальности у личного состава МВД России актуальным является проведение психологического мониторинга и оказание специализированной психологической помощи разнодолжностным по статусу и иным признакам категориям сотрудников.

Литература

1. Александрова Л.А. Субъективная витальность как предмет исследования. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 1. С. 133—163.
2. Бонивелл И. Ключи к благополучию. М.: Время. 2009.
3. Дубровинская Е.И., Заварзина О.О., Савченко Д.В., Козьяков Р.В., Моисеев Р.Л. Здоровый образ жизни как компонент имиджа современной молодежи. Имидж образования — вызовы современного мира: матер. I Междунар. конф. / Под ред. Е.А. Петровой. М.: АИМ, 2015. С. 56.
4. Кобозев И.Ю. Профессиональный стресс руководителей ОВД и его психопрофилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 28 с.
5. Ковалева А.А. Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья. Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2. С. 179—191.
6. Кричевец А.Н., Солодушкина М.В. Мужество быть. Жизнестойкость и вера. Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 5. С. 103—117. doi:10.17759/cpp.2014220505
7. Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолеляющего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 31 с.
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2011.
9. Мальцева Т.В. Использование практик трансперсональной психологии в образовательной среде ведомственного вуза. Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 140—144.
10. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 84.
11. Цветкова Н.А., Четверик М.А. Специфика изучения самосохранительного поведения в предметном поле социальной психологии: ученые записки РГСУ. 2017. Т.16. № 3(142). С. 60—68. doi:10.17922/2071-5323-2017-16-3-60-68
12. Човдырова Г.С., Клименко Т.С. Психология труда сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. 215 с.
13. Kasser V.G., & Ryan R.M. The Relation of Psychological Needs for Autonomy and Relatedness to Vitality, Well-Being, and Mortality in a Nursing Home // Journal of Applied Social Psychology. 1999. 29(5). P. 935—954. DOI:10.1111/j.1559-1816.1999.tb00133.x
14. Reis H. T., Sheldon K. M., Gable S. L., Roscoe J., & Ryan R. M. Daily well-being: The role of autonomy, competence, and relatedness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. 26(4).

Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О.
Особенности субъективной витальности сотрудников
МВД России, имеющих разный должностной статус
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33—50.

Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O.
Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian
Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33—50.

P. 419—435. DOI:10.1177/0146167200266002

15. Ryan R. M., Frederick C. On Energy, Personality, and Health : Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being // *Journal of personality*. 1997. Vol. 65. № 3. P. 529—565. DOI:10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x

16. Ryan R.M., Deci E. L. From Ego Depletion to Vitality: Theory and Findings Concerning the Facilitation of Energy Available to the Self // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2. № 2. P. 702—717. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00098.x

17. Ryan R. M., Kuhl J., Deci E. L. Nature and Autonomy: An Organizational View of Social and Neurobiological Aspects of Self-Regulation in Behavior and Development // *Development and Psychopathology*. 1997. 9. P. 701—728. DOI:10.1017/S0954579497001405

18. Sheldon K. M., Ryan R. M., Reis H.T. What Makes for a Good Day? Competence and Autonomy in the Day and in the Person // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. 22(12). P. 1270—1279. DOI:10.1177/01461672962212007

References

1. Aleksandrova L.A. Sub"ektivnaya vital'nost' kak predmet issledovaniya [Psychology Subjective vitality as a subject of research]. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 1. pp. 133—163. (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Bonivell I. Klyuchi k blagopoluchiyu [Keys to well-being]. Moscow.: Vremya Publ. 2009. (In Russ.).

3. Dubrovinskaya E.I., Zavarzina O.O., Savchenko D.V., Koz'yakov R.V., Moiseev R.L. Zdorovyi obraz zhizni kak component imidzha sovremennoi molodezh Imidzh obrazovaniya — vyzovy sovremennogo mira [Healthy lifestyle as a component of the image of modern youth. The image of education - the challenges of the modern world] I Mezhdunar.konf. / pod red. E.A. Petrovoi [I Intern. conf. / ed. E.A. Petrova.]. Moscow.: Publ. AIM, 2015. p. 56. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Kobozev I.Yu. Professional'nyi stress rukovoditelei OVD i ego psikhoprofilaktika : avtoref. dis. ... kand.psikhol. nauk. [Professional stress of ATS managers and their psychoprophylaxis: abstract. dis. dis. ... cand. psychol. sciences.]. Saint-Petersburg., 2011. 28 p. (In Russ.).

5. Kovaleva A.A. Samosokhranitel'noe povedenie v sisteme faktorov, okazyvayushchikh vliyanie na sostoyanie zdorov'ya [Self-preserving behavior in the system of factors that influence the state of health]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2008. Vol. XI, no. 2, pp. 179—191. (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Krichevets A.N., Solodushkina M.V. Muzhestvo byt'. Zhiznestoikost' i vera [The courage to be. Resilience and faith]. *Konsul'tativnaya psikhologiya I psikhoterapiya=Advisory psychology and psychotherapy*. 2014. no. 5. pp. 103—117. DOI:10.17759/cpp.2014220505 (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Lebedev I.B. Psikhologicheskie mekhanizmy, strategii i resursy stresspreodolevayushchego povedeniya (koping-povedeniya) spetsialistov ekstremalnogo profilya (na primere sotrudnikov MVD Rossii) : avtoref. dis. ... dokt.psikhol. nauk [Psychological mechanisms, strategies and resources stress overcoming behavior (coping behavior) of extreme specialists (for example, employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia): author. dis. ... doc. psychol. sciences]. — Saint-Petersburg., 2002. 31 p. (In Russ.).

8. Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika, pod red. D. A. Leont'eva [Personal potential: structure and diagnosis, ed. D.A. Leontiev]. Moscow: Smysl Publ. 2011. (In Russ.).

9. Mal'tseva T.V. Ispol'zovanie praktiktranspersonal'noi psikhologii v obrazovatel'noi srede

Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О.
Особенности субъективной витальности сотрудников
МВД России, имеющих разный должностной статус
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33—50.

Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O.
Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian
Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33—50.

vedomstvennogo vuza [The use of practices of transpersonal psychology in the educational environment of a departmental university]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 10, pp. 140—144. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Gl. redaktsiya: L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow.: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. P. 84. (In Russ.).

11. Tsvetkova N.A., Chetverik M.A. Spetsifika izucheniy samosokhranitel'nogo povedeniya v predmetnom pole sotsial'noi psikhologii [The specifics of studying self-preservation behavior in the subject field of social psychology]. *Uchenye zapiski RGSU=Scientific notes of the RSSU*, 2017. Vol. 16, no. 3 (142), pp. 60—68. DOI:10.17922/2071-5323-2017-16-3-60-68 (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Chovdyrova G.S., Klimenko T.S. *Psikhologiy truda sotrudnikov organov vnutrennikh del. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Labor psychology of employees of internal affairs bodies. Textbook for universities]. Moscow.: Yurait Publ., 2019. 215 p. (In Russ.).

13. Kasser V.G., & Ryan R.M. The Relation of Psychological Needs for Autonomy and Relatedness to Vitality, Well-Being, and Mortality in a Nursing Home. *Journal of Applied Social Psychology*, 1999, 29 (5), pp. 935—954. DOI:10.1111/j.1559-1816.1999.tb00133.x

14. Reis H. T., Sheldon K. M., Gable S. L., Roscoe J., & Ryan R. M. Daily well-being: The role of autonomy, competence, and relatedness. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000, 26 (4), pp. 419—435. DOI:10.1177/0146167200266002

15. Ryan R. M., Frederick C. On Energy, Personality, and Health : Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being. *Journal of personality*, 1997. Vol. 65, no. 3, pp. 529—565. DOI:10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x

16. Ryan R.M., Deci E. L. From Ego Depletion to Vitality: Theory and Findings Concerning the Facilitation of Energy Available to the Self . *Social and Personality Psychology Compass*, 2008. Vol. 2, no. 2, pp. 702—717. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00098.x

17. Ryan R. M., Kuhl J., Deci E. L. Nature and Autonomy: An Organizational View of Social and Neurobiological Aspects of Self-Regulation in Behavior and Development. *Development and Psychopathology*. 1997. 9. pp. 701—728. DOI:10.1017/S0954579497001405

18. Sheldon K. M., Ryan R. M., Reis H.T. What Makes for a Good Day? Competence and Autonomy in the Day and in the Person. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996. 22 (12), pp. 1270—1279. DOI:10.1177/01461672962212007

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Мальцева Татьяна Вячеславна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

Бурцев Антон Олегович, кандидат психологических наук, начальник отделения по изучению

Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О.
Особенности субъективной витальности сотрудников
МВД России, имеющих разный должностной статус
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33—50.

Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O.
Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian
Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33—50.

проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor, Professor Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Tatyana V. Maltseva, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of psychology, pedagogy and personnel management, Academy of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru , mtv-psyi@mail.ru

Anton O. Burtsev, PhD in Psychology, head of Department for the study of problems of psychological support of the operational activities of the division for research of problems of industrial management of the research center, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: mtv-psyi@mail.ru, burcev_anton@bk.ru

Получена 10.03.2020

Принята в печать 16.11.2020

Received 10.03.2020

Accepted 16.11.2020

Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИИ МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Зейналов Ф.Н.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИИ МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3628-8176>, e-mail: fazil-z@yandex.ru

Раскрывается смысл коммуникативной провокации с элементами речевой агрессии, проявляющейся в поведении блогеров в конфликтных ситуациях взаимоотношений с сотрудниками дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Специфика коммуникативной провокации анализируется с психологической и правовой точек зрения, исходя из содержания видеозаписей непосредственного общения участников дорожного движения и сотрудников Госавтоинспекции. Характеризуются тактики конфликтного речевого поведения блогеров, а также психологические особенности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения как объекта коммуникативной провокации. Формулируются предложения психолого-правового значения, направленные на ослабление степени конфликтности рассматриваемых ситуаций, повышение уровня компетентности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения и совершенствование их профессиональных действий.

Ключевые слова: коммуникативная провокация, речевая провокация, вербальная агрессия, конфликтная ситуация, дорожно-патрульная служба Государственной инспекции безопасности дорожного движения, взаимоотношения с участниками дорожного движения, блогер.

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

Для цитаты: *Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.* Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63. DOI:10.17759/psylaw.2020100404

Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety

Svetlana E. Borisova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Orel, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Fazil N. Zeynalov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Orel, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3628-8176>, e-mail: fazil-z@yandex.ru

This study clarifies the essence of communicative provocation with elements of verbal aggression manifesting in the way internet bloggers behave if conflict situations arise between them and traffic patrol officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety. The specifics of communicative provocation is analyzed from the psychological and legal perspective and on the basis of video recordings of direct communication between road users and traffic patrol officers. We describe the tactics of bloggers' conflict verbal behavior and also the psychological makeup of traffic patrol officers as the target of communicative provocation. Suggestions of psychological and legal significance are formulated with the view of: 1) relaxing the conflict potential of the situations under consideration; 2) strengthening the skills of traffic patrol officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety; 3) improvement of their professional performance.

Keywords: communicative provocation, speech provocation, verbal aggression, conflict situation, traffic patrol service of the State Inspectorate for Road Traffic Safety, relationships between road users, bloggers.

For citation: Borisova S.E., Zeynalov F.N. Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10,

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

no. 4, pp. 51—63. DOI:10.17759/psylaw.2020100404 (In Russ.).

В настоящее время сохраняют актуальность вопросы, касающиеся оценки состояния и эффективности выполнения оперативно-служебной деятельности органами внутренних дел, совершенствования основ их функционирования, повышения уровня компетентности и в то же время обеспечения правовой защищенности личного состава.

При этом остается пристальным взгляд со стороны социума, направленный, прежде всего, на сотрудников полиции, выполнение обязанностей которыми носит в наибольшей мере публичный характер, а именно на сотрудников Госавтоинспекции.

Повышенное внимание граждан сопровождается их стремлением осуществлять своеобразную проверку процесса реализации служебного предназначения сотрудниками Госавтоинспекции, а в некоторых случаях, допускать провокационное поведение в отношении них. Самостоятельного рассмотрения заслуживает демонстративно-провокационное поведение блогеров, способствующее созданию конфликтных ситуаций, в том числе сопровождающихся проявлением агрессии.

Отметим, что явление блоггинга играет особую роль в социальной жизни и наделяется определенным, отвечающим современной действительности предназначением.

В Федеральном законе от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» вводится понятие «организатор распространения информации в сети Интернет» (далее — организатор) [19].

Организатором в данном случае считается лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем или программ для электронных вычислительных машин, предназначенных или используемых для приема, передачи, доставки или обработки электронных сообщений пользователей системы Интернет. Исходя из данного определения, под действие закона могут попасть социальные сети и блоги, форумы и все сайты, имеющие формы обратной связи [20].

В научных публикациях при определении блога поясняется, что под ним понимается регулярно обновляемая и модифицированная веб-страница, состоящая из датированных записей (комментариев), расположенных в обратном хронологическом порядке [9]; Интернет-сайт, сопровождающийся высказыванием блогером личного мнения [15]; разновидность сайтов, являющихся составяющей системы современных интернет-технологий и социальных отношений [13].

Исследователями подчеркивается уникальность коммуникативного пространства блога, отличающегося феноменом публичной интимности, согласно которому переживания блогера и произошедшие с ним события становятся доступными восприятию других пользователей, способны вызвать отклик и создать эффект сопричастности происходящему [1].

Одновременно усиливается демонстративная составляющая в позиционировании человеком разных сфер жизни, проявляющаяся не только в презентации фото- и видеоматериалов со своим участием, но и в наличии репостов, количестве просмотров,

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

подписчиков и комментариев [11].

Стоит сказать, что в литературе освещаются особенности разных видов блогов и их функций, преимущественно позитивного характера [1; 2].

Вместе с тем в структуре блогосферы имеются веб-сайты, контент которых, хотя и позволяет обнаружить социально значимые проблемные ситуации, способствует созданию отрицательного общественного настроения в отношении сотрудников Госавтоинспекции ввиду манеры подачи содержания видеоматериала блогером и использования им провокации как инструмента построения коммуникативного процесса.

Имеются в виду видеоблоги лиц, выступающих активными инициаторами конфликтно-провокационных ситуаций взаимоотношений с сотрудниками дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее — ДПС ГИБДД), использующих элементы речевой агрессии и предпринимающих попытку выставить профессиональные действия сотрудников Госавтоинспекции в неприглядном виде.

При этом блогерами производится видеозапись ситуаций непосредственного общения с сотрудниками Госавтоинспекции, а затем подготовленные видеоматериалы, нередко сопровождающиеся оценочно-субъективными рассуждениями блогера, выкладываются им в интернет-дневнике, вызывая соответствующую, как правило, критично-негативную реакцию подписчиков и любителей-комментаторов.

Примечательно, что в ряде случаев взаимоотношения сотрудников Госавтоинспекции и участников дорожного движения получают дальнейшее развитие в рамках правового поля и завершаются результатами служебных проверок не в пользу инспектора ДПС ГИБДД. Итогом является вынесение руководителем территориального органа внутренних дел постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, либо вынесение судебных решений при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу об административных правонарушениях, в том числе в связи с недопустимостью собранных сотрудниками Госавтоинспекции доказательств.

Цель научной статьи: на основе психологического и юридического анализа раскрыть сущность коммуникативной провокации агрессивно настроенных блогеров, создающих, а затем использующих в качестве видеоконтента конфликтные ситуации взаимоотношений с сотрудниками ДПС ГИБДД, и выработать предложения, направленные на нейтрализацию конфликтного взаимодействия и совершенствование профессиональных действий сотрудников ДПС ГИБДД в обозначенных ситуациях.

Для описания специфики провокационного поведения блогеров учитывались представления ученых о феномене агрессии как форме социального поведения и взаимодействия [3, с. 27, 29; 8], принимались во внимание публикации, посвященные коммуникативной и речевой провокации [6; 12], а также речевой агрессии [7; 10].

В качестве эмпирического материала для наблюдения и анализа нами использованы видеосюжеты, подготовленные блогерами и находящиеся в открытых источниках ресурсов Интернет¹.

¹ См., в частности: #2 | Обязательно к просмотру!!! «Видел бы это Путин В.В.!!!» #TDG78. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F0BjUKpISqc> (дата обращения: 05.04.2020); #3 | Инспектор ДПС Дьяконов очень хотел стать звездой Ютуба! Юрист Денис Таташвили помог ему! #TDG78. URL:

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

Анализ видеоматериала позволяет утверждать, что участники дорожного движения, в том числе блогеры, инициируют коммуникативную провокацию, применяя определенные тактики речевого поведения, охарактеризованные в литературе (сообщение заведомо ложной информации, гипертрофированная демонстрация обиды, колкость) [5; 6] и рассматриваемые нами в контексте научной статьи применительно к ситуациям взаимоотношений с сотрудниками ДПС ГИБДД.

Так, сообщение заведомо ложной информации проявляется в отказе водителя транспортного средства (далее — ТС) передать необходимые документы сотруднику ДПС ГИБДД при их фактическом наличии. Другими словами, сотрудники Госавтоинспекции, вероятно, сознательно вводятся в заблуждение участниками дорожного движения (нередко водителем совместно с пассажиром), создающими видимость отсутствия обязательных и оформленных в установленном порядке документов на ТС.

Показная демонстрация участником дорожного движения обиды сочетается с выражением отрицательных эмоций (возмущения, презрения), относящихся к содержанию профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД, что, в свою очередь, способствует возникновению у полицейских замешательства и чувства вины.

Достаточно часто встречающимся элементом провокации в поведении блогеров является колкость, определяемая в литературе как тактика агрессивного эмотивного поведения; намеренное и изо щренное вербальное воздействие на эмоциональную сферу другого человека с целью вовлечения его в конфликтное взаимодействие [5].

При этом колкость позволяет использующему ее человеку чувствовать психологическое превосходство над собеседником; данный способ речевой провокации может отличаться оттенком интеллектуальности и признаками пассивной агрессии. Так, в анализируемых видеосюжетах блогером озвучиваются следующие высказывания, включающие колкость и отражающие оценочное отношение к действиям сотрудников ДПС ГИБДД в ходе общения с ними: «Давайте по закону, а не понятиям», «Вы подрываете доверие, Вы позорище», «Мы вроде не в цирке находимся», «Вы ведете себя неадекватно, Ваше поведение не соответствует обстановке», «Идите на переаттестацию», «Пару раз проведем с Вами ликбез и Вы будете служить по закону, либо Вам не место в органах МВД» и другие².

Бесспорно, для понимания степени логичности применения фраз блогером их целесообразно воспринимать во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами и диалогами, запечатленными в анализируемых видеороликах. Вместе с тем очевидно, что приведенные высказывания отражают стремление блогера вызвать у публики впечатление собственной

<https://www.youtube.com/watch?v=IZGJXvCjoGU> (дата обращения: 05.04.2020); «Незнание закона ДПС, привело к скандалу с защитником!» (1 ЧАСТЬ)#TDG78. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQmrv7Eq6E8> (дата обращения: 05.04.2020); ДПС против блогера Владимира Голубева. Сюжет РЕН ТВ. #полиция# ДПС #беспредел# ВЛАДИМИР Голубев #РЕНТВURL: <https://www.youtube.com/watch?v=rL5CFU4J6w> (дата обращения: 05.04.2020); ДПС ГИБДД Уфа. Развод за детское кресло. Беспредельный пузотолкатель. URL: https://www.youtube.com/watch?v=12j_Ju1JAIs (дата обращения: 05.04.2020).

² См., в частности: #2 | Обязательно к просмотру!!! «Видел бы это Путин В.В.!!!» #TDG78. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F0BjUKpISqc> (дата обращения: 05.04.2020); Что? Где? Когда? Сотрудник ДПС, против трех Юристов! #TDG78. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HSjPwpcPS0c> (дата обращения: 05.04.2020).

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

безукоризненной грамотности и одновременно некомпетентности сотрудников Госавтоинспекции. Юридический взгляд на ситуации показывает, что, формируя собственный имидж автоюриста, в действительности в некоторых эпизодах блогер безотчетно или сознательно допускает неточности, но убедительно преподносит целевой аудитории свою позицию в форме осведомленности в области приказов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД РФ) и законодательства РФ в целом.

В качестве примера можно привести фрагменты общения с сотрудниками Госавтоинспекции набирающего популярность в видеохостинге «Youtube» блогера-автоюриста, выступающего в роли водителя или пассажира.

Так, в одной из ситуаций, вероятно, совместно смоделированной блогером и водителем, водитель игнорирует аргумент сотрудника ДПС ГИБДД³.

Согласно приводимому аргументу, в соответствии со статьей 13 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ полицейский имеет право проверить документы, удостоверяющие личность граждан, если, в частности, имеется повод к возбуждению в отношении них дела об административном правонарушении [18].

Автоюристу, как смеем предположить, известно, что в соответствии со статьей 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) защитник допускается к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении, а не до этого мгновения [14].

Также блогеру как защитнику интересов водителя следовало бы учесть, что требования к обеспечению обзорности транспортных средств отражены в соответствующем решении Комиссии Таможенного союза [17].

Порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, вызвавший нарекания со стороны автоюриста, заслуживает самостоятельного и детального юридического разбора, выходящего за рамки данной публикации.

Уточним, что блогер называет свой видеоканал обучающим и образовательным, поскольку содержание выкладываемых им материалов показывает процесс осуществления возложенных на сотрудников Госавтоинспекции обязанностей. Позволим высказать сомнение относительно однозначности такой трактовки статуса веб-блога, поскольку с педагогической точки зрения образовательный процесс должен сопровождаться конструктивной обратной связью между его участниками, призван носить целенаправленный и позитивный характер.

В то же время стоит признать полезность изучения анализируемых видео сотрудниками Госавтоинспекции для повышения ими уровня собственной профессиональной компетентности, включающей правовую подготовленность, коммуникативную грамотность, способность соблюдать меры личной профессиональной безопасности в ситуациях взаимоотношений с участниками дорожного движения.

Остросюжетными и в высокой мере конфликтными выступают ситуации взаимоотношений сотрудников ДПС ГИБДД с блогерами, реализующими коммуникативную

³«Незнание закона ДПС, привело к скандалу с защитником!» (1 ЧАСТЬ)#TDG78. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQmrv7Eq6E8> (дата обращения: 05.04.2020).

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

провокацию, сопровождающуюся не пассивной, а активной вербальной агрессией.

Причем, как складывается впечатление, для начала проявления провокационно-агрессивного поведения достаточно наличия факта принадлежности объекта нападок к профессиональной группе сотрудников Госавтоинспекции. Другими словами, само по себе форменное обмундирование сотрудника ДПС ГИБДД выступает для блогера визуальным раздражителем и позволяет ему распознать потенциальный объект провокации, на который затем демонстративно направляется активная речевая агрессия, напористо проявляющаяся в форме дерзких, обидных и обескураживающих фраз, негативных пожеланий и высмеивания.

Активная речевая агрессия блогеров, обращенная на сотрудников ДПС ГИБДД и запечатленная на анализируемых видеозаписях, выражается, в частности, в использовании следующих словесных оборотов: «Тебя провоцирую? Ты кто такой? Ты еще ростом даже не вырос, чтобы тебя провоцировать! Вызывай главного своего», «А я тебе вообще запрещаю жить, иди и повесься, понял?!», «Боишься, да? Боишься?!», «Я буду повышать на тебя голос!», «Меня не трогай, возможно, ты заразный!»⁴.

В данном случае коммуникативная провокация блогеров сочетает речевое воздействие с невербальными приемами привлечения внимания к своей персоне. Например, стремление водителей, вышедших из собственных ТС, нарушить приемлемое для делового контакта расстояние и сократить дистанцию межличностного общения с инспектором ДПС ГИБДД усиливает состояние психологического дискомфорта у полицейского и обостряет конфликтный характер взаимоотношений с ним.

Отметим, что спокойное и сдержанное поведение сотрудников Госавтоинспекции, сохранение ими внешней нейтральности эмоциональных проявлений выступает психологически грамотной формой реагирования в конфликтной ситуации, поскольку не позволяет вызвать у них ответную агрессию. Однако профессиональная компетентность сотрудников ДПС ГИБДД подразумевает не только наличие эмоциональной уравновешенности и тактичности, но и уверенное принятие юридически грамотных решений, нейтрализующих и пресекающих провоцирующее и правонарушающее поведение блогеров.

При этом последовательные, соответствующие установленному порядку и точно обоснованные со ссылкой на конкретный пункт нормативного правового акта профессиональные действия сотрудников ДПС ГИБДД, в том числе строгое соблюдение ими административных процедур, являются эффективным средством противостояния провокационному поведению участников дорожного движения, снижающим накал конфликтного взаимодействия.

Поясним, что рассмотренные особенности коммуникативной провокации отличаются непосредственным характером, однако побуждающий посыл, содержащийся в видеосюжетах блогеров, инициирует речевую агрессию, выходящую за пределы ситуаций взаимоотношений с сотрудниками ДПС ГИБДД и распространяющуюся в блогосфере в виде

---

⁴ ДПС против блогера Владимира Голубева. Сюжет РЕН ТВ. #полиция# ДПС #беспредел# ВЛАДИМИР Голубев #РЕНТВ.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rL5CFUi4J6w> (дата обращения: 05.04.2020); Погоня за лайками закончилась изолятором: как нижегородский блогер дерзил полицейским — Россия 24. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y_S7sC_Q9Gk (дата обращения: 06.04.2020).

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

неодобрительных или даже неприличных комментариев иных пользователей в отношении служебных функций полицейских.

Следует предположить, что выбор инспекторов ДПС ГИБДД в качестве объекта провокации, как и обсуждение на веб-сайте нюансов их поступков, не случаен, а обусловлен разными факторами. Среди причин происходящего стоит назвать неосновательность профессиональной подготовки указанной категории полицейских при доступности визуального восприятия их действий участниками дорожного движения; недостаточность материально-технической оснащенности подразделений ГИБДД, препятствующую оперативной и регулярной фиксации фактов правонарушений; преобладание негативного отношения существенной части общества к представителям указанной профессиональной группы; возможный отрицательный опыт общения с сотрудниками Госавтоинспекции у блогеров, а также их личное стремление к самоутверждению и самопродвижению, благодатной почвой для которого оказывается слабая компетентность отдельных сотрудников ДПС ГИБДД.

Исходя из осуществленного психолого-правового анализа, сформулируем предложения, направленные на снижение степени конфликтности рассматриваемых ситуаций и совершенствование профессиональных действий сотрудников Госавтоинспекции.

Так, представляется своевременным внесение в «Правила дорожного движения Российской Федерации» (далее — ПДД РФ) дополнений, предписывающих корректное, уважительное и этичное поведение участников дорожного движения в ситуациях взаимоотношений с сотрудниками подразделений Госавтоинспекции. Также видится насущным юридическое обоснование и введение в КоАП РФ административно-правовой ответственности водителей и пассажиров за несоблюдение ими обязанностей, изложенных в ПДД РФ.

Одновременно требуется конкретизация алгоритма профессиональных действий сотрудников Госавтоинспекции в конфликтных обстоятельствах взаимоотношений с блогерами, допускающими коммуникативную провокацию, с последующим закреплением выработанных способов конструктивного поведенческого реагирования инспекторов ДПС ГИБДД в ходе занятий по морально-психологической, профессиональной служебной и физической подготовке. При этом уместно формировать умения и навыки гибкого вербального реагирования с использованием заранее усвоенных фраз-шаблонов, выступающих своеобразными речевыми заготовками, ослабляющими меру адресованного сотруднику Госавтоинспекции провокационного воздействия со стороны участников дорожного движения. Приведем здесь мнение авторов, исследующих приемы нейтрализации вербальной агрессии: согласно высказываемой ими точке зрения обучение правилам речевого поведения и их интеграция в коммуникативный опыт личности значительно способствуют подготовке сотрудника Госавтоинспекции к продуктивному общению [16].

С учетом набирающей масштаб информатизации общества считаем разумной разработку современных методов психолого-правового воздействия на сознание и поведение участников дорожного движения с применением информационно-коммуникационных технологий. Такое воздействие, с одной стороны, должно быть нацелено на формирование адекватного социального восприятия образа сотрудника Госавтоинспекции и понимания значимости реализуемого им профессионального предназначения, с другой стороны, оно должно быть

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

направлено на выработку нетерпимости граждан к фактам нарушений ПДД РФ и угрозам безопасности дорожного движения.

Учитывая имеющийся в теории и практике опыт [4], целесообразно обозначить проблему строгого научного обоснования способов изучения речевых особенностей, вбирающих признаки унижения чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ДПС ГИБДД, применяемых при разрешении конфликтных ситуаций взаимоотношений с участниками дорожного движения в рамках лингвистической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы, назначение и проведение которой может быть уместным в ходе судебных разбирательств.

Условия осуществления профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции и требования, предъявляемые к их профессионально важным личностным качествам, обуславливают необходимость внесения существенных корректив в организацию процесса отбора и подготовки кадров для подразделений ДПС ГИБДД. В связи с этим в числе перспективных мер стоит назвать разработку подробных профессиограмм должностных категорий ДПС ГИБДД, создание новых психодиагностических методик изучения психологических качеств кандидатов на службу и действующего персонала, использование активных форм обучения личного состава в сочетании с методами стимулирования процесса самообразования и профессионально-личностного саморазвития сотрудников.

Литература

1. Антонова Л.Г., Лебедева Е.А. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 89—93.
2. Близняк Р.З., Герасимов И.А. Блоггинг как технология социальной и политической коммуникации: уточнение понятия и характеристика эвристических возможностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 222—231.
3. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия / Пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой, С. Шпака; под ред. В. Усманова. СПб.: Питер, 2000. 352 с.
4. Варлакова Т.В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4(51). С. 33—36.
5. Волкова О.С. Колкость как ироничная провокация негативных эмоций в коммуникативном конфликте // Грани познания. 2015. № 1(35). С. 18—21.
6. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2014. № 5(24). С. 49—55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>.
7. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26. № 2. С. 109—116.
8. Гребнева Н.Н., Слободенюк М.А., Варясова Е.В. Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 134—148. doi:10.17759/psylaw.2019090410

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

9. *Горошко Е.И.* Политический блоггинг в глобальной и локальной перспективах // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2009. Т. 14. № 13. С. 335—345.
10. *Громова Н.С.* Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 173—189.
11. *Жижина М.В.* Социальные представления студенческой молодежи о личности блогера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 4. С. 432—436.
12. *Ионкина Е.Ю., Литвинова Е.А.* Некоторые особенности коммуникативного поведения адресата как объекта провокационного воздействия в интервью-портрете (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1(38). С. 87—90.
13. *Ирхин Ю.В.* Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 75—89.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.04.2020).
15. *Нарушева П.Ю.* Основные черты блога и его роль в жизни современного человека // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2017. № 1(10). С. 38—43.
16. *Новикова Т.Ф., Смирнов П.Ю.* Приемы нейтрализации вербальной агрессии в составе средств речевого воздействия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 2. С. 194—203.
17. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности колесных транспортных средств"» (вместе с "Техническим регламентом ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств") [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125114/ (дата обращения: 03.04.2020).
18. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 03.04.2020).
19. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 05.05.2014 № 97-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 03.04.2020).
20. *Филимонов А.* Соцсети, блогеры и государство: новые меры по регулированию Интернета [Электронный ресурс] // Интернет-версия системы ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/article/543540/> (дата обращения: 03.04.2020).

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

References

1. Antonova L.G., Lebedeva E.A. Strategii samoprezentatsii yazykovoi lichnosti blogera [Strategies for self-presentation of a blogger's language personality]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik [Upper Volga philological Bulletin]*, 2015, no. 2, pp. 89—93. (In Russ.; abstr. in Engl.).
2. Bliznyak R.Z., Gerasimov I.A. Blogging kak tekhnologiya sotsial'noi i politicheskoi kommunikatsii: utochnenie ponyatiya i kharakteristika evristicheskikh vozmozhnostei [Blogging as a technology of social and political communication: clarification of the concept and characteristics of heuristic features]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science]*, 2017, no. 40, pp. 222—231. (In Russ.; abstr. in Engl.).
3. Beron R., Richardson D. Agressiya [Aggression]. In Usmanov V. (ed.). Saint-Peterburg: Piter Publ., 2000. 352 p. (In Russ.).
4. Varlakova T.V. Rechevaya provokatsiya kak ob"ekt sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy [Speech provocation as an object of forensic linguistic expertise] // *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2013, no. 4 (51), pp. 33—36. (In Russ.; abstr. in Engl.).
5. Volkova O.S. Kolkost' kak ironichnaya provokatsiya negativnykh emotsii v kommunikativnom konflikte [Sarcasm as an ironic provocation of negative emotions in a communicative conflict]. *Grani poznaniya [Facets of knowledge]*, 2015, no. 1 (35), pp. 18—21. (In Russ.; abstr. in Engl.).
6. Volkova O.S. Kommunikativnaya provokatsiya kak strategiya destruktivnogo povedeniya v bytovom konflikte [Communicative provocation as a strategy of destructive behavior in domestic conflict]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Bulletin of Volgograd state University. Series 2. Linguistics]*. 2014, no. 5 (24), pp. 49—55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>. (In Russ.; abstr. in Engl.).
7. Vorontsova T.A. Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Bulletin of Udmurt University. Series of history and Philology [Bulletin of Udmurt University. Series history and Philology]*, 2016. Vol. 26, no. 2, pp. 109-116. (In Russ.; abstr. in Engl.).
8. Grebneva N.N., Slobodenyuk M.A., Variyasova E. V. Analiticheskii obzor issledovaniy po probleme agressivnogo obshchestvenno opasnogo povedeniya molodezhi [Elektronnyi resurs] [Analytical review of research on the problem of aggressive socially dangerous behavior of young people]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2019, Vol. 9, no. 4. pp. 134—148. doi:10.17759/psylaw.2019090410 (In Russ.; abstr. in Engl.).
9. Goroshko E.I. Politicheskii blogging v global'noi i lokal'noi perspektivakh [Political blogging in global and local perspectives]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki [Bulletin of the Odessa national University. Sociology and political science]*, 2009. Vol. 14, no. 13. pp. 335—345. (In Russ.; abstr. in Engl.).
10. Gromova N.S. Rechevaya agressiya: ot kommunikativnykh oshibok do pravonarusheniya [Speech aggression: from communication errors to offenses]. *Yurilingvistika [Legal linguistics]*, 2016, no. 5, pp. 173—189. (In Russ.; abstr. in Engl.).
11. Zhizhina M.V. Sotsial'nye predstavleniya studencheskoi molodezhi o lichnosti blogera [Social representations of student youth about the personality of a blogger]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov*

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2019. Vol. 19, no. № 4, pp. 432—436. (In Russ.; abstr. in Engl.).

12. Ionkina E.Yu., Litvinova E.A. Nekotorye osobennosti kommunikativnogo povedeniya adresata kak ob"ekta provokatsionnogo vozdeistviya v interv'yu-portrete (na materiale nemetskogo yazyka) [Some features of the recipient's communicative behavior as an object of provocative influence in the interview-portrait (based on the material of the German language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological science. Questions of theory and practice*], 2014, no. 8-1 (38), pp. 87—90. (In Russ.; abstr. in Engl.).

13. Irkhin Yu.V. Povyshenie roli blogosfery v publichnoi politike [Increasing the role of the blogosphere in public policy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [*Social and humanitarian knowledge*], 2016, no. 1, pp. 75—89. (In Russ.; abstr. in Engl.).

14. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ [Elektronnyi resurs] [Code of the Russian Federation on administrative offences of 30.12.2001 no. 195-FZ]. *Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tantPlyus»* [*Official website of the company “ConsultantPlus”*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed 03.04.2020).

15. Narusheva P.Yu. Osnovnye cherty bloga i ego rol' v zhizni sovremennogo cheloveka [The main features of a blog and its role in the life of a modern person]. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of young scientists and specialists of Samara state University*], 2017, no. 1 (10), pp. 38—43. (In Russ.; abstr. in Engl.).

16. Novikova T.F., Smirnov P.Yu. Priemy neutralizatsii verbal'noi agressii v sostave sredstv rechevogo vozdeistviya [Techniques for neutralizing verbal aggression as part of the means of speech influence]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [*Scientific Bulletin of the Belgorod state University. Series: Humanities*], 2018, Vol. 37, no 2, pp. 194—203. (In Russ.; abstr. in Engl.).

17. Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 09.12.2011 № 877 “O prinyatii tekhnicheskogo reglamenta Tamozhennogo soyuza “O bezopasnosti kolesnykh transportnykh sredstv” (vmeste s “TR TS 018/2011. Tekhnicheskii reglament Tamozhennogo soyuza. O bezopasnosti kolesnykh transportnykh sredstv”) [Elektronnyi resurs] [Decision Of the Commission of the Customs Union of 09.12.2011 no. 877 “On the adoption of the technical regulations of the Customs Union” on the safety of wheeled vehicles” (together with “TR CU 018/2011. Technical regulations of the Customs Union. About the safety of wheeled vehicles”). *Ofitsial'nyi sait kompanii “Konsul'tantPlyus”* [*Official website of the company “ConsultantPlus”*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125114/ (Accessed 03.04.2020).

18. Federal'nyi zakon “O politsii” ot 07.02.2011 № 3-FZ [Elektronnyi resurs] [Federal law “On Police” dated 07.02.2011 no. 3-FL]. *Ofitsial'nyi sait kompanii “Konsul'tantPlyus”* [*Official website of the company “ConsultantPlus”*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (Accessed 03.04.2020).

19. Federal'nyi zakon “O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii” i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam uporyadocheniya obmena informatsiei s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei” ot 05.05.2014 № 97-FZ [Elektronnyi resurs] [Federal law “On amendments to the Federal law” on information, information technologies and

Борисова С.Е., Зейналов Ф.Н.
Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 51—63.

Borisova S.E., Zeynalov F.N.
Communicative Provocation Coming from Aggressive Bloggers and Improvement of Professional Performance of Traffic Patrol Officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 51—63.

information protection” and certain legislative acts of the Russian Federation on the regulation of information exchange using information and telecommunications networks” dated 05.05.2014 no. 97-FL]. *Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tantPlyus»* [Official website of the company “ConsultantPlus”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (Accessed 03.04.2020).

20. Filimonov A. Sotsseti, blogery i gosudarstvo: novye mery po regulirovaniyu Interneta [Elektronnyi resurs] [Social networks, bloggers and the state: new measures to regulate the Internet]. *Internet-versiya sistemy GARANT* [Online version of the GARANT system]. URL: <https://www.garant.ru/article/543540/> (Accessed 03.04.2020).

Информация об авторах

Борисова Светлана Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Зейналов Фазил Назим оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности ГИБДД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация, ORCID:<https://orcid.org/0000-0003-3628-8176>, e-mail: fazil-z@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana E. Borisova, PhD in Psychology, Assistant professor of the Chair of criminal law, criminology and psychology, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Fazil N. Zeynalov, PhD in law, Assistant professor of the Chair of organization activity of the State inspection road safety, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3628-8176>, e-mail: fazil-z@yandex.ru

Получена 17.05.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 17.05.2020
Accepted 16.11.2020

Динамика психоэмоционального состояния руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне в процессе развивающего консультирования

Вахнина В.В.

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Костина Л.Н.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Ефимова И.В.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2634-4904>, e-mail: irina080886@mail.ru

В работе рассматривается проблема развивающего психологического консультирования руководителей территориальных органов на районном уровне. Современные требования, предъявляемые к руководящему звену в ОВД, ориентируют сотрудников на постоянное саморазвитие, самореализацию и актуализацию психолого-управленческого, инновационного потенциала, определяя в качестве одного из методов психотехнологию развивающего консультирования. Обосновывается актуальность исследования особенностей динамики позитивных изменений личности руководителя ТО МВД России в процессе развивающего консультирования. Психотехнология способствует позитивным изменениям личности субъекта управленческой деятельности, тем самым позволяя оптимизировать процессы профессионально-личностного развития руководителей. Развивающее консультирование руководителей ОВД представляется как подвид психологического консультирования, психотехнологией, способствующей позитивной динамике личности, разрешению психологических проблем и кризисов профессионально-личностного развития руководителя. Представлены результаты изучения преобладающих фоновых функциональных состояний личности руководителя.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, развивающее

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.
Динамика психоэмоционального состояния
руководителей территориальных органов МВД России
на районном уровне в процессе развивающего
консультирования
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75.

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.
Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of
District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of
Developmental Counselling
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75.

консультирование, динамика позитивных изменений личности,
профессионально-личностное развитие, кризисы профессионально-
личностного развития, динамика психоэмоционального состояния.

Для цитаты: *Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.* Динамика психоэмоционального состояния руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне в процессе развивающего консультирования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75. DOI:10.17759/psylaw.2020100405

Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of Developmental Counselling

Victoria V. Vakhnina

Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Lyubov N. Kostina

Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Irina V. Efimova

Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2634-4904>, e-mail: irina080886@mail.ru

The article considers the problem of developmental psychological counselling for the heads of the district-level internal affairs divisions. Modern requirements which are imposed on the senior leadership of internal affairs divisions guide the officials towards continuous self-development, self-realization and modernizing of their psychological, managerial and innovative potential and the psychotechnology of developmental counselling is viewed as one of methods for that. We substantiate the relevance of the study of positive developments in the personalities of the heads of district-level internal affairs divisions in the process of developmental counselling. This psychotechnology (seen as a kind of psychological counselling) facilitates positive changes in the personalities of subjects of management activities (i.e. heads of internal affairs divisions) and optimizes their professional and personal development, helps to resolve psychological problems and crises arising in course of their careers. We also presented the results of the study of the prevailing background functional states of leadership's personalities.

Keywords: psychological support, developmental counselling, dynamics of positive changes in a personality, professional and personal development, crises of professional and personal development, dynamics of mental and emotional state.

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.
Динамика психоэмоционального состояния
руководителей территориальных органов МВД России
на районном уровне в процессе развивающего
консультирования
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75.

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.
Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of
District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of
Developmental Counselling
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75.

For citation: Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V. Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of Developmental Counselling. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75. DOI:10.17759/psylaw.2020100405 (In Russ.).

Актуальность исследования обусловлена постоянно растущими требованиями к сотруднику органов внутренних дел (далее — ОВД), особенно к управленческому звену. В последние годы для органов внутренних дел все более значимой становится проблема повышения эффективности и качества управленческой деятельности, сокращения текучести кадров.

Руководители территориальных органов (далее — ТО) МВД России на районном уровне представляют наиболее многочисленную группу руководящего состава ОВД. Между тем, по данным Департамента государственной службы и кадров МВД России, сменяемость руководителей данной категории остается довольно высокой (более 20%). Возникла необходимость эмпирически исследовать динамику позитивных изменений личности руководителя ТО МВД России на районном уровне как состоящую из подструктур — интерпсихических и интрапсихических отношений, изучить индивидуально-личностные и социально-психологические качества респондентов контрольной и экспериментальной групп.

В связи с этим важно изучить преобладающие фоновые функциональные состояния личности руководителя. Для реализации поставленной цели нами использовался 8-цветовой тест М. Люшера — проективная методика исследования личности, основанная на субъективном предпочтении цветовых стимулов [5]. Анализируя психоэмоциональное состояние, мы определяли цветовой психотип испытуемых, далее рассчитывались психодинамические коэффициенты (методом расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко) [7] При этом используемый метод расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко дает возможность рассчитать достаточно тонкие флуктуации движений цветов в ряду цветовых выборов испытуемых, которые реагируют на текущие изменения функциональных состояний в течение достаточно кратких сроков какого-то психологического воздействия (в данном случае развивающего психологического консультирования).

В качестве основного направления организации формирующего эксперимента выступала апробация разработанной психотехнологии развивающего консультирования в контролируемых и управляемых условиях. В специально смоделированном процессе психологической работы посредством развивающего консультирования приняли участие 84 слушателя (экспериментальная группа), обучающихся на факультете подготовки руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне (далее — 2-й факультет) Академии управления МВД России.

Контрольную группу составили 89 слушателей — руководителей, обучающихся на 2-м факультете Академии управления МВД России, с которыми не использовалась психотехнология развивающего консультирования.

Мы подвергли психодинамическому цветовому изучению психотипы испытуемых руководителей контрольной и экспериментальной групп, чтобы выявить устойчивые эффекты развивающего консультирования и определить цветовые психотипы руководителей.

Используя метод расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко в качестве системного анализа основных цветовых факторов [4; 7], мы выявили три цвета (цветовых

фактора), которые дают устойчивую картину различий цветовых психотипов в контрольной и экспериментальной группах. Это синий, зеленый и красный цвета.

Напомним, что предпочтение или отвержение цвета М. Люшер называл «ролью» этого цвета: «Итак, под “ролью”, я понимаю постоянно воображаемую (иллюзорную) самооценку и результирующее из нее поведение, а также образ действий человека. Роли, таким образом, соответствует представление, что окружающий мир оценивает мою личность так, как я об этом думаю, что именно я означаю для другого человека (например, для партнера по любви, для партнера по браку, для моего сына, для делового партнера) или для общественной группы» [2].

Нахождение цвета в начале цветового выбора свидетельствует о «роли-идоле» цвета (проявляющейся на поведенческом и личностном уровне), напротив, нахождение цвета в конце ряда цветовых выборов свидетельствует о «роли-защите» цвета.

Д.В. Сочивко с помощью предложенного им метода расчета психодинамических коэффициентов в тесте М. Люшера обосновал возможность оценки среднего присутствия «роли-защиты» или «роли-идола» цвета в группе с учетом отношения положения данного цвета и каждого испытуемого по отношению ко всем другими цветами [5; 7]. Подвергнув роли основных цветов психодинамическому анализу, автор показал основные полюса — центры притяжения интрапсихических сил — каждой роли каждого основного цвета, между которыми находится индивидуально неповторимое системное переживание состояния того или иного испытуемого.

Проведенный анализ ролей цветов М. Люшера позволил также четко отслеживать изменение индивидуальных состояний в группе после тех или иных психологических воздействий, в частности развивающего консультирования.

На рис. 1 можно видеть, что график психодинамических коэффициентов испытуемых руководителей экспериментальной группы во всех своих точках находится выше графика руководителей контрольной группы. Это означает, что в экспериментальной группе испытуемые склонны к большему системному отвержению синего цвета по отношению ко всем другим цветам. Соответственно в контрольной группе испытуемые более склонны к системному (т. е. по отношению ко всем другим комбинациям из трех цветов) принятию синего цвета. Это свидетельствует, о том, что руководители экспериментальной группы тяготеют к роли-защите синего цвета.

М. Люшер определил роль-защиту синего типа поведения как «страх перед пустотой». Опасение, что существующая связь может превратиться в неудовлетворяющую пустоту, в отсутствие переживаний, блокирует настоящие и искренние эмоциональные отношения.

Когда эмоции блокируются страхом, то вместо реального содержания переживаний они порождают мнимое содержание суеверий, идеологическую веру и даже бредовые представления. И тогда в этих сугубо личных эмоциональных джунглях бурно разрастаются сентиментальные, а также героические грезы (сны наяву) самоотдачи в отношениях, страх наткнуться на непонимание, ответную пустоту.

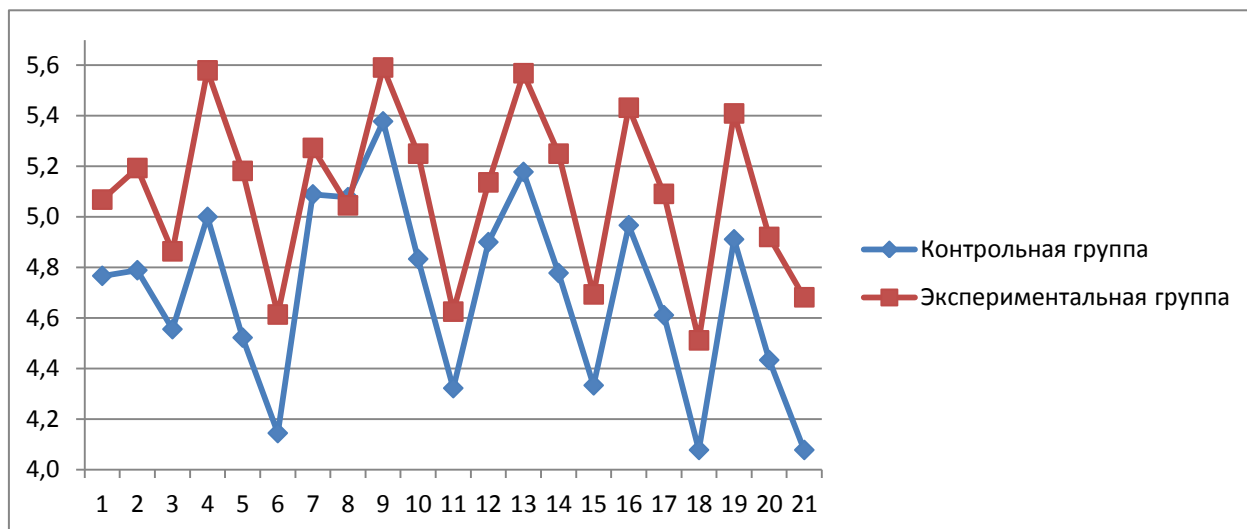

Рис. 1. Средние показатели психодинамических коэффициентов
Д.В. Сочивко по синему фактору

Объединяя в психодинамическую пару особенности роли-защиты синего типа, получаем, что страх пустоты находит свое психологическое выражение в двух направлениях поведения:

- дистанцировании, ограничении, охлаждении и формализации общения;
- уходе в иллюзорный мир суеверий, «снов наяву», примет, слухов, вообще несуществующих отношений, которые начинают заменять реальные человеческие отношения.

Если взглянуть на этот процесс с позиций современной психодинамики, то означенная пара крайних состояний вступает в циклическое общение, образуя психодинамический цикл [6; 7]. Индивид в переживании своего состояния, подобно облаку, рассредоточен между этими двумя силовыми полюсами. Он то сдержан в общении, то вдруг может углубиться в обсуждение слухов, или, например, свести знакомство от искреннего общения к обсуждению оккультных тем и т. п.

Однако следует заметить, что стеновые оценки испытуемых на графике недалеко отстоят от пятибалльной оценки, т. е. находятся в пределах статистической нормы, поэтому можно говорить лишь о тенденции выраженности страха пустоты у некоторых членов группы, на которых следует в первую очередь обратить внимание психологу-консультанту.

Аналогичным образом представим «роль-идол» синего типа поведения, основной чертой которого М. Люшер считал «стремление к удовлетворению» [2; 3].

Это стремление к удовлетворению во всех направлениях собственной жизнедеятельности на основе исследований Д.В. Сочивко [7; 8] проявляется по следующим двум направлениям:

- стремление все вокруг превратить в удовольствие, закрывая глаза на существующие проблемы до той степени, пока это возможно, не прибегая к дополнительным защитам;
- «регрессия» — стремление убежать в иллюзорный беспроблемный мир, где за тебя все решают, подобный миру детства, когда просто не замечать проблемы становится уже невозможно.

Таким образом, по синему фактору руководители контрольной группы в большей степени стремятся в своей непосредственной деятельности к получению удовлетворения, которое

проявляется то реально («нас пока не касается, нечего и озабочиваться»), то регрессивно-иллюзорно (например, по отношению к высшему руководству: «простите, недоглядели, еще опыта не набрались, никак не ожидали такого, все сделаем и т. п.). Эта позиция в целом близка к позиции избегания («моя хата с краю», «ни во что не лезть», «инициативы не проявлять»).

Но следует заметить, что мы обозначили лишь крайние позиции психодинамического цикла. Если обратиться к рис. 1, то можно заметить, что стеновые оценки психодинамических коэффициентов в контрольной группе, хотя в массе своей и ниже пятибалльной оценки, но только в пределах одного стена. Поэтому можно говорить лишь о тенденции некоторого легкомыслия у испытуемых контрольной группы. Этот факт, кстати, хорошо согласуется с фактом большей выраженности у них либерального (попустительского) стиля руководства (по методике «Самооценка стиля управления (руководства)» А.В. Аграшенкова).

В экспериментальной группе прослеживается отход от излишней тяги к удовольствиям в сторону возникновения «страха пустоты». Однако в крайних формах, как уже отмечалось, этот страх будет проявляться лишь у некоторых членов группы. В целом же, «страх пустоты», как это ни парадоксально, оказывается одним из двигателей профессиональной деятельности руководителя. Этот страх не позволяет останавливаться на достигнутом и заставляет руководителя ставить все новые и новые задачи.

Эффектом развивающего консультирования, обнаруженного по синему фактору, можно считать снижение направленности на поиск излишнего удовольствия в работе, легкомысленности и регрессивных защит в случае неудачи. Излишний «страх пустоты» может возникать лишь у некоторых представителей экспериментальной группы (согласно нормальному распределению оценок вокруг средней). И это также является задачей для психолога-консультанта — замечать такие случаи и оказывать соответствующую психологическую поддержку.

Обратимся к анализу психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко по зеленому цветовому фактору (рис. 2).

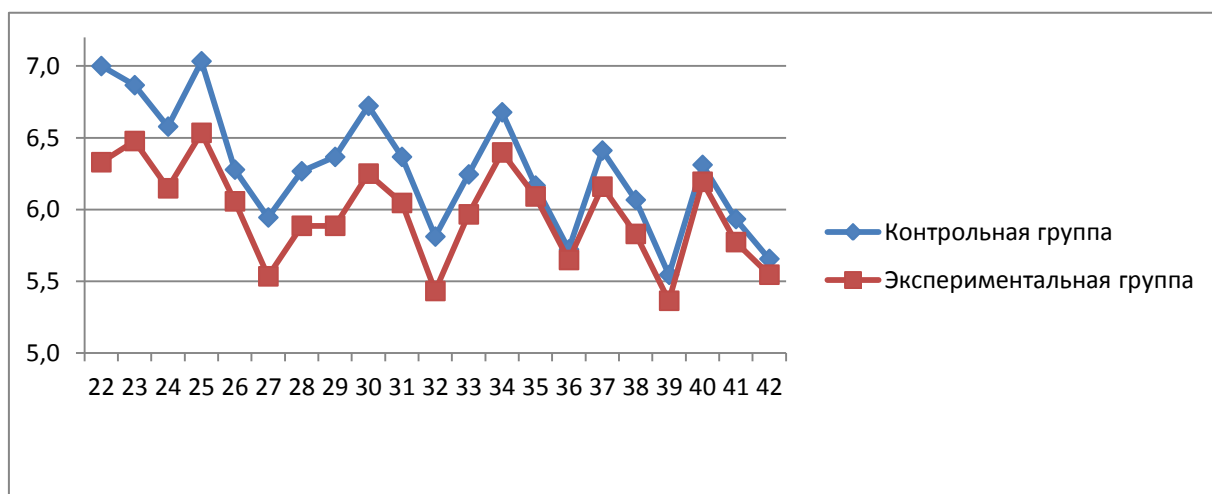

Рис. 2. Средние показатели психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко по зеленому фактору

Первое, на что стоит обратить внимание, это то, что оба графика по двум группам испытуемых лежат выше пятибалльной оценки. Это означает, что и в контрольной, и в экспериментальной группе руководители системно отвергают зеленый цвет.

Зеленый цвет — это цвет уверенности в себе, высокой самооценки, упорства и т. п. Как пишет Л.Н. Собчик, «... зеленый действует подобно плотине, за которой накапливается, не получая разрядки, напряжение, вызванное внешними причинами. При этом повышается чувство гордости, осознанное превосходство над другими, ощущение своей силы и возможности контролировать события или, по крайней мере, ощущение возможности управлять ими и направлять их» [4]. Следовательно, зеленый цвет в зоне предпочтения означает не только уверенность в себе, но и высокую напряженность, за счет чего, собственно, эта уверенность и дается.

М. Люшер представлял «роль-идол» зеленого цвета как «стремление к значимости, тщеславию».

По Д.В. Сочивко, основными векторами психодинамики поведения «роли-идола» зеленого типа являются следующие:

— иллюзорное самоутверждение в границах собственного Я. Это авторитарный тиран, по крайней мере, в пределах собственной семьи и подчиненного окружения. Все, что он имеет и в социальном, и в материальном плане, должно подтверждать его уверенность в себе, его несгибаемость и силу. Но в этом и состоит иллюзия самоутверждения, так как самообладание еще не есть уверенность в себе;

— все время находиться в иллюзии своего самоутверждения невозможно, и маятник циклически качнется в другую сторону — отвержения собственного Я и компенсации этого отвержения за счет создания иллюзии непобедимого МЫ.

Между двумя этими полюсами находится весь спектр состояний «зеленого» поведения. Но нас в соответствии с полученными данными интересует больше «роль-защита» зеленого цвета, которую М. Люшер определял как «страх перед стесненностью, зависимостью и принуждением». Эффектом развивающего консультирования является снижение этого страха стесненности в экспериментальной группе.

Два психодинамических полюса, которые Д.В. Сочивко выделяет в описании «роли-защиты» зеленого типа у М. Люшера, следующие:

— абсолютное притязание, которое делает зеленую «роль-защиту» неспособной принимать действительность такой, как она есть. Готовность брать и неготовность отдавать. Отсутствие уверенности в себе и правильности своих действий порождает потребительский образ жизнедеятельности и попустительский стиль руководства;

— принятие позиции «жизненной лжи» («по-другому было нельзя», «времена были такие», «виновато руководство с их приказами» и т. д.), которая становится не просто нормой поведения, а некоторой идеологией бытия — «ложь во спасение»: но только эта ложь делается ежеминутной, а жизненная правда исчезает совсем. Между этими двумя энергетическими полюсами выстраиваются индивидуальные варианты «роли-идола» зеленого цвета. Но, как уже было указано, такого типа психодинамика не представлена ни в контрольной, ни в экспериментальной группе.

Эффектом развивающего консультирования с экспериментальной группой является снижение страха стесненности, зависимости и принуждения. Через изменение структуры личности в сфере ее самоактуализации и экзистенции, как было показано выше, возрастает

ее экзистенциальная свобода: «свобода для» (а не «свобода от»), которую очень трудно стеснить или принудить, как, например, трудно принудить человека верить в целесообразность своей жизни и деятельности, если они, конечно, истинны и свободны. Эти факты функциональных состояний хорошо согласуются с фактами самоактуализации личности и профессионально-личностного развития.

Что касается изначального системного отвержения зеленого цвета у руководителей и выраженности у них «роли-защиты» зеленого поведения, то это, на наш взгляд, в первую очередь объясняется спецификой их профессиональной деятельности, нервной перенапряженностью, высоким уровнем ответственности и т. д.

Как мы показали, этот страх стесненности, зависимости и принуждения поддается коррекции, несмотря на то, что руководители ТО МВД России почти каждый день попадают именно в порождающие этот страх ситуации. Роль психологической работы в этом направлении психолога-консультанта очевидна.

Обратимся к исследованию психодинамических коэффициентов по красному фактору. На рис. 3 можно видеть, что графики контрольной и экспериментальной групп нигде не пересекаются, а следовательно, в контрольной группе можно говорить о большем системном предпочтении красного цвета, чем в экспериментальной. При этом следует отметить, что, в целом, значения коэффициентов группируются вокруг пятибалльной оценки, и лишь некоторые из них опускаются ниже, но в пределах одного балла.

По мнению Л.Н. Собчик, красный представляет собой выражение жизненной силы, нервной и гуморальной деятельности, и поэтому он имеет значение желания и всех форм потребностей и стремлений.

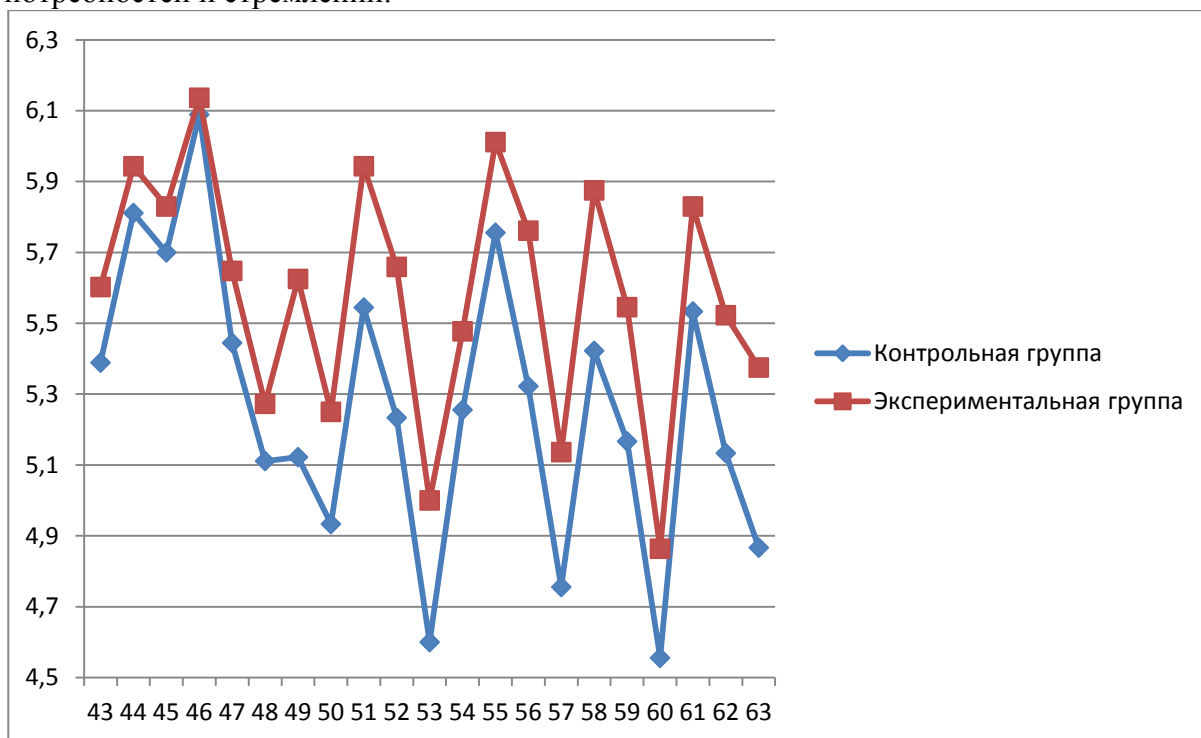

Рис. 3. Средние показатели психодинамических коэффициентов
Д.В. Сочивко по красному фактору

В случае системного отвержения красного цвета М. Люшер говорил о «роли-защите» красного типа поведения, которая понимается как «страх перед избытком раздражения и перевозбуждения». В цветовом тесте это соответствует отвержению красного в ряду цветовых предпочтений (минус красный).

В нашем исследовании мы можем отметить только тенденцию отвержения красного цвета, которая больше выражена у испытуемых экспериментальной группы. Психодинамическими полюсами этого страха «избытка раздражения и возбуждения», т. е. основными направлениями психодинамики «роли-защиты» красного типа поведения, по мнению Д.В. Сочивко, являются:

- плохо контролируемое «перераздражение», плохо сдерживаемый (или вовсе не сдерживаемый, «выпущенный на волю», по М. Люшеру) гнев;
- депрессия, неврастения, бегство от проблем, подавленность.

В этом облаке состояний между двумя указанными полюсами индивидуально флуктуирует поведение красного цвета у руководителей: гнев сменяется депрессией, порожденной тем же гневом. Для психолога-консультанта важно сформировать у руководителя адекватные защитные механизмы, сократить амплитуду метаний между крайними полюсами. И здесь большую роль, играет экзистенциальность личности, в частности самодистанцирование от ситуации.

Переведя личность руководителя на экзистенциальные позиции, психолог-консультант получает возможность избежать заикливания на волнующей проблеме, вернуть личность руководителя к ее основным смылосодержащим состояниям. То, что руководители экспериментальной группы в большей мере дают выход своим негативным эмоциям, может быть и позитивным фактом. Сначала проработка состояний гнева и раздражительности совместно с психологом-консультантом, а затем самостоятельные попытки справиться с таким поведением.

Для сравнения приведем психодинамические характеристики «роли-идола» красного цвета (плюс красный) по Д.В. Сочивко:

- маниакальное стремление к поиску возбуждений в вовне, в социуме ... как подтверждение собственной нужности, незаменимости;
- маниакальное стремление к заботе о себе, своих развлечениях и удовольствиях.

Руководитель характеризуется эмоциональным возбуждением в процессе деятельности, потребностью в поощрении со стороны других [1; 9; 10, 11].

Итак, эмоциональный фон деятельности руководителя не определяется случайными факторами возникающих ситуаций, а гораздо теснее связан с экзистенциальными проявлениями руководителя в его повседневной деятельности, где большую роль играет страх утраты экзистенциальных ценностей, экзистенциальной наполненности и осмысленности его жизни и деятельности. Развивающее консультирование выступает в качестве одного из видов психологической работы, способствующих позитивной динамике интерпсихических и интрапсихических отношений личности в ключе их трансформации (перестройки), способствует стабилизации психоэмоционального фона руководителей ТО МВД России. Преобладающие фоновые функциональные состояния личности руководителя ОВД, сопровождающие жизнедеятельность достаточно длительное время, возможно оценить посредством определения цветового психотипа испытуемого.

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.
Динамика психоэмоционального состояния
руководителей территориальных органов МВД России
на районном уровне в процессе развивающего
консультирования
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75.

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.
Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of
District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of
Developmental Counselling
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75.

Литература

1. Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 219–235. doi:10.17759/psylaw.2018080419.
2. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 176 с.
3. Люшер М. Цвет вашего характера. М.: РИПОЛ классик, 1997. 236 с.
4. Собчик Л.Н. МЦВ — Метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. СПб.: Речь, 2001. 112 с.
5. Сочивко Д.В. Психодинамика. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2007. 432 с.
6. Сочивко Д.В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. М.: Пер Сэ, 2002. 304 с.
7. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2009. 432 с.
8. Сочивко Д.В. Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад. // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 131—141.
9. Федотов А.Ю. Профессионально-психологическое развитие военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД России на основе системно-ситуативного подхода: монография. М.: Мос У МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 128 с.
10. Вахнина В.В. Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 16–23. doi:10.17759/psylaw.2016060403
11. Вахнина В. В. Коммуникативные аспекты интуиции в структуре саморегуляции профессиональной деятельности инспекторов ДПС // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 2(77). С.158– 165.

References

1. Kubyshko V. L., Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Psikhologicheskaya podgotovka: uroki i perspektivy v kontekste professional'no-lichnostnogo razvitiya spetsialista [Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist] Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2018, no. 4, pp. 219-232.
2. Lusher M. Signaly lichnosti: rolevye igry i ikh motivy [Signals of personality: role-playing games and their motives]. Voronezh: Publ. NPO MODEK, 1995. 176 p.
3. Lusher M. Tsvet vashego kharaktera [The Color of your character]. Moscow: Publ. RIPOLL classic, 1997. 236 p.
4. Sobchik L. N. M MTsV — Metod tsvetovykh vyborov. Modifitsirovannyi vos'mitsvetovoi test Lyushera.[TSV-Method of color choices. Modified eight-color Lusher test]. Saint Petersburg: Publ. Rech, 2001. 112 p.
5. Sochivko D. V. Psikhodinamika [Psikhodinamika]. Moscow: Publ. Publishing house of the Moscow psychological and social Institute, 2007. 432 p.
6. Sochivko D. V. Raskoloty mir. Opyt analiza psikhodinamiki cheloveka v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [The Split world. Experience of analysis of human psychodynamics in extreme conditions of life]. Moscow: Publ. : Per Se, 2002. 304 p.

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.
Динамика психоэмоционального состояния
руководителей территориальных органов МВД России
на районном уровне в процессе развивающего
консультирования
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75.

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.
Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of
District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of
Developmental Counselling
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75.

7. Sochivko D. V. Tsvetopsikhodinamika [Tsvetopsikhodinamika]. Moscow: Publ. Publishing house of the Moscow psychological and social University, 2009. 432 p.
8. Sochivko D. V. Psikhologiya molodezhnykh subkul'tur, ili «Khleba i zrelishch» na sovremennyi lad [Psychology of youth subcultures, or "Bread and circuses" in a modern way] Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology], 2008, no. 1, pp. 131-141.
9. Fedotov A. Yu., Professional'no-psikhologicheskoe razvitie voennosluzhashchikh podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniya vnutrennikh voisk MVD Rossii na osnove sistemno-situativnogo podkhoda. Monografiya [Vocational and psychological development of military special forces internal troops of the MIA of Russia on the basis of the system-situational approach. Monograph.] Moscow: Publ. Mos Ministry of internal Affairs of Russian named after V. J. Kikot, 2017. 128 p.
10. Vakhnina V. V. Psikhologiya peregovornoj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v situatsiyakh, svyazannykh s faktom soversheniya prestupleniya [Psychology of negotiation activity of employees of internal Affairs bodies in situations related to the fact of committing a crime] Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2016. Vol. 6, no. 4, pp. 16-23.
11. Vakhnina V. V. Kommunikativnye aspekty intuiicii v strukture samoregulyacii professional'noj deyatel'nosti inspektorov DPS [Communicative aspects of intuition in the structure of self-regulation of professional activity of traffic police inspectors] Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogics in law enforcement agencies], 2019. Vol. 24, no. 2 (77), pp. 158-165.

Информация об авторах

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, vikavahnina@mail.ru

Костина Любовь Николаевна, доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Ефимова Ирина Вадимовна, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2634-4904>, e-mail: irina080886@mail.ru

Information about the authors

Victoria V. Vakhnina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of psychology, pedagogy and organization of work with personnel, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Lyubov N. Kostina, Doctor of Psychology, Associate Professor, head of the Department of psychology of the educational and scientific complex of service psychology, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В.
Динамика психоэмоционального состояния
руководителей территориальных органов МВД России
на районном уровне в процессе развивающего
консультирования
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 64–75.

Vakhnina V. V., Kostina L. N., Efimova I. V.
Dynamics of Mental and Emotional State of the Heads of
District-Level Internal Affairs Divisions in the Process of
Developmental Counselling
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 64–75.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Irina V. Efimova, senior lecturer of the Department of psychology, pedagogy and organization of work with personnel, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2634-4904>, e-mail: irina080886@mail.ru

Получена 27.04.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 27.04.2020
Accepted 16.11.2020

Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова М.Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Целью поискового исследования, выполненного в логике идей структурного подхода теории социальных представлений, было выявление и анализ социальных представлений российской молодежи о подчинении и неподчинении. Выборку составили студенты гуманитарных факультетов вузов г. Москвы (N=189 человек в возрасте 18—25 лет, 17% мужчин, M возраста=20,77 лет, SD возраста =1,79 года). Прототипический анализ данных, по П. Вержесу, позволил выявить структуру представлений о подчинении и неподчинении. Полученные результаты позволяют прийти к заключению, что центральным элементом социального представления молодежи о подчинении выступает власть. Подчинение и неподчинение по-разному окрашены в понимании студентов: подчинение воспринимается нейтрально, неподчинение имеет различную валентность, с преобладанием негативной окраски. Результаты исследования соотносятся с выводами классического эксперимента С. Милграма и с данными, полученными в современных исследованиях на примерах итальянских, австрийских и американских студентов. Показаны культурные и национальные особенности социальных представлений о подчинении—неподчинении у российской и западной студенческой молодежи.

Ключевые слова: подчинение, неподчинение, власть, теория социальных представлений, структурный подход, студенческая молодежь.

Для цитаты: Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76—92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406

Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

The aim of the presented exploratory study was to reveal the social representations of obedience and disobedience among Russian students (N=189, aged from 18 to 25). Following the ideas of the social representations theory, mainly of the structural approach it was shown that the representations of obedience was crystallised around the elements related to power. Obedience and disobedience are composed with the element of different connotation, namely: the representation of obedience was composed by the elements evaluated neutrally, the representation of disobedience was composed by the elements predominantly with negative valence. The obtained results are discussed in line with the ideas of the theory of social representations, the comparison with results obtained in other cultures are made.

Keywords: obedience, disobedience, power, theory of social representations, structural approach, students.

For citation: Bovina I.B., Sachkova M.E. Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 76—92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406 (In Russ.).

Памяти Ж.-Л. Бовуа (8 сентября 2020 года не стало Ж.-Л. Бовуа; одному автору посчастливилось познакомиться с Жан-Леоном в ходе аспирантской конференции в 2000 году, поражала глубина его мысли, живость интереса не только к социальной психологии, но и к нам, ее молодым исследователям).

Введение

Интерес к проблеме подчинения и неподчинения в социальной психологии имеет долгую историю, начиная с исследований С. Милграма [3; 4]. Результаты его многочисленных экспериментальных серий [3; 4] не только получили чрезвычайно широкую известность в рамках психологического знания, но привлекли внимание представителей социальных наук в целом. Наряду с попыткой осмысления результатов, возникла линия резкой критики, которая

сопровождалась широкой дискуссией об этических принципах в научном исследовании [7; 8; 16]. В частности, Д. Баумринд, критикуя эксперимент Милграма за нарушение этических принципов, вменяет ученому в вину в том числе и то, что с субъективной точки зрения в долгосрочной перспективе испытуемому был нанесен серьезный ущерб, ибо экспериментальная процедура вела к «... потере достоинства, снижению самооценки и потере веры в рациональность власти» [3, р. 423]. Хотя Милграм вовсе не создал явление подчинения в лабораторных условиях, а обратился к научному анализу того, что в недавнем прошлом имело самые драматические последствия для человечества в целом. Эксперименты имели самые непосредственные последствия для самого автора, как отмечает Т. Ле Тексье, С. Милграм поплатился за этот эксперимент и уже до конца своей жизни работал в менее престижных университетах [17].

Различаются две стартовые точки эксперимента: 1) попытка обратиться к событиям Шоа и понять с психологической точки зрения ту легкость, с которой в нацистской Германии был реализован план по «окончательному решению еврейской проблемы»; 2) заинтересованность результатами экспериментов С. Аша, которые С. Милграм хотел воспроизвести в более значимом контексте, нежели просто решение перцептивной задачи [3; 4].

Многочисленные попытки воспроизведения экспериментальной схемы С. Милграма демонстрировали все ту же закономерность подчинения испытуемого [3; 7; 8; 9]. К результатам С. Милграма апеллировали и для объяснения реальных событий: будь то массовое убийство мирных жителей американскими солдатами в Сонгми в 1968 г. во время войны во Вьетнаме или массовое самоубийство, совершенное представителями религиозной секты «Храм народов» по приказу ее основателя Д. Джонса в 1978 г., и для понимания противоположной линии поведения, например, когда во французской деревне Ле Шамбон жители противостояли приказам правительства Виши, спасая евреев [27].

Современные исследователи пытаются воспроизвести экспериментальную схему С. Милграма. Одна из примечательных попыток недавнего времени принадлежит Ж.-Л. Бовуа с коллегами [8]. В его исследовании легитимная власть науки (что соответствовало ситуации 60-х гг.) была заменена на легитимную власть телевидения (что в той или иной степени отражает актуальную ситуацию); сама экспериментальная парадигма С. Милграма представлена в виде телевизионной игры, где ведущий является агентом власти телевидения [8]. Сравнение классической и новой экспериментальных парадигм по 15 ключевым параметрам показало, что смена источника легитимной власти не изменила саму экспериментальную схему и позволяет считать эксперимент Бовуа воспроизведением эксперимента С. Милграма. Выборка была подобрана по тем же критериям, что и в работе Милграма (в классическом эксперименте было 40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, представители различных профессий; у Бовуа возраст испытуемых составил от 25 до 55 лет), Бовуа добавил 36 женщин, отобранных по тем же критериям, что и мужчины. Вместо диапазона от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт Бовуа использовал шкалу от 20 до 460 вольт с шагом в 20 вольт. К четырем имеющимся у Милграма уровням инструкции: 1) «Пожалуйста, продолжайте» (или «Пожалуйста, дальше»); 2) «Условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали»; 3) «Чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали»; 4) «У вас нет другого выбора, вы должны продолжать» [4], — Бовуа добавил пятый уровень: «Мы несем ответственность за последствия» [8]. По сравнению с результатами, полученными в

воспроизводимой серии С. Милграма (62,5%), в эксперименте Ж.-Л. Бовуа подчинение было в 81% случаев; при этом разница между испытуемыми по социально-демографическим критериям (будь то возраст, пол, профессия) отсутствовала [8].

С другой стороны, можно упомянуть серию работ, принадлежащих перу А. Хаслама и С. Рейчера, в которых авторы подвергли сомнению тот факт, что в экспериментах С. Милграма действительно изучается подчинение [16], аргументируя свою позицию тем, что приказ содержался только в четвертом уровне инструкции, а в остальных его нет. Хотя Милграм уделяет самое серьезное внимание определению понятий, говоря, что: «Мы говорим, что Y подчиняется X, если он выполняет указание X» [4, с.140], между X и Y имеют место отношения иерархии. По сути, именно то, что и происходило в экспериментах Милграма и Бовуа [3; 4; 8]. Кроме того, Милграм разграничивает понятия «подчинение», «сотрудничество» и «конформность» [4]. В первом случае речь идет о разделении общих целей, во втором, как отмечает Милграм, предполагается, что человек соглашается с суждениями других или повторяет их действия, «... при отсутствии ярко выраженных требований с их стороны» [4, с. 140]; к тому же в ситуации эксперимента испытуемый оказывался под влиянием двух «взаимоисключающих воздействий возникшего социального поля» [4, с. 140]; т. е. речь идет о двух источниках социального влияния — экспериментаторе и ученике. При этом представляется возможным говорить о некоторой иерархии — экспериментатор обладает определенным статусом, чего нельзя сказать об ученике. И апелляция к идее социальной идентичности как объяснительному механизму происходящего не противоречит определению подчинения, данному С. Милграмом, а лишь указывает на то, как именно происходит это подчинение.

Теория социальных представлений как рамка анализа проблемы подчинения и неподчинения

Исследование проблемы подчинения—неподчинения едва ли предпринималось через призму идеи социального мышления (в литературе мы обнаружили единичные работы [13; 25; 26], хотя теория социальных представлений (СП) обладает серьезным потенциалом для этого). Объясним применимость идей этой теории. По одному из многочисленных определений, СП — это «... системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией... во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладеть ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории» [21, р. xiii]. СП вырабатываются в повседневной коммуникации, в ней они структурируются и трансформируются. Их предназначение заключается в том, чтобы объяснить новые и пугающие объекты, события, явления, поместив их в существующую, понятную индивиду систему координат. Это одна из важнейших функций СП, наряду с которой СП служат для конструирования и поддержания социальной идентичности, а также для регулирования поведения и оправдания социальных отношений [6; 11; 12; 22; 24]. В трудах С. Московиси можно выделить две идеи, касающиеся структуры СП. Согласно одной, СП организовано вдоль трех измерений, а именно: 1) информации, 2) поля представлений, 3)

аттитюдов [18]. Вторая идея касается фигуративного ядра, это набор изображений, визуализирующих набор идей [23]. Фигуративное ядро — своего рода эмбрион СП, обеспечивающий индивида языком, посредством которого организуется знание об объекте СП [18; 23]. Именно к идее фигуративного ядра восходит структурный подход, в рамках которого и выполнено предлагаемое здесь исследование. В соответствии с этим подходом СП является набором убеждений, которые организованы в виде ядра и периферии [6; 18; 19]. Ядро СП является стабильной и устойчивой частью [6; 18]. Анализ исследований позволяет говорить о том, что ядро образовано незначительным количеством элементов [14; 18]. Эти элементы в наибольшей степени коренятся в культуре. Ядро выполняет ряд функций: смыслообразования, организации и стабилизации СП [18]. Стабильность ядра СП достигается в результате процесса объективации. Ядро кристаллизуется в ценностной системе, разделенной членами группы, и поддерживается за счет коллективной памяти.

Периферическая система СП конкретизирует значение ядра, является связующим звеном между ядром и той конкретной ситуацией, в которой выработано и действует СП. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью, она образована значительным количеством элементов [18]. За счет вариативности и изменчивости периферия позволяет СП адаптироваться к изменяющемуся контексту. Периферия является «защитной системой» не только ядра СП, но и всего СП, так как изменение ядра оборачивается изменением СП. Идея структуры СП открывает путь к сравнению СП. Таким образом, потенциал теории СП заключается в том, что позволяет проанализировать то, как человек выстраивает понимание явлений подчинения и неподчинения, а также как эта конструкция регулирует его поведение и оправдывает социальные отношения. Очевидно, что в повседневной жизни человек сталкивается с подчинением и неподчинением в самых многообразных контекстах. С. Милграм отмечает [4], что понятие подчинения указывает на самые различные ситуации и мотивы подчинения: от взаимодействия в семье (ребенок—родители) до взаимодействия в армии (рядовой—офицеры). Однако речь всегда идет об одной и той же конфигурации: Y подчиняется X, если они находятся в отношениях субординации, и Y выполняет указания X [4].

В рамках теории СП была реализована серия исследований, позволивших говорить о специфике СП студенческой молодежи о подчинении и неподчинении в разных культурах [13; 25; 26]. Для выявления структуры СП использовалась методика направленных ассоциаций (предлагалось дать ответы существительными и прилагательными, которые анализировались отдельно) с последующим прототипическим анализом данных по П. Вержесу [28]. Остановимся кратко на рассмотрении результатов, что послужит отправной точкой для формулирования общих предположений нашего исследования и позволит понять последующие результаты. В исследовании, реализованном на выборке итальянской студенческой молодежи (190 человек, 27,9% женщин, M возраста=23,75 года, SD возраста=3,67 года), было показано, что подчинение связывается с соблюдением имплицитных (социальных, семейных) и эксплицитных (формальных требований, законов) правил. Субъектами влияния являются конкретные персонажи (авторитетная личность) или социальные институты, а составляющие СП имеют положительную и отрицательную коннотацию. Подчинение понимается как способ адаптации к нормам социального бытия, оно нужно для того, чтобы принадлежать к определенной социальной группе. Подчинение,

которое сопровождает человека с детства, материализуется в ядре СП в виде категории *родители*. Зона ядра СП о подчинении включает также элементы: *законы, уважение, авторитет*. В зоне контрастирующих элементов — *общество, страна, семья, иерархия, дисциплина, образование, работа*. Первая периферическая система включает: *послушание, обязанности, власть*. Вторая периферическая система состоит из элементов: *приказ-команда, наказание, религия, социальный порядок, мэтр*. Неподчинение содержательно связано с не уважением правил и социальных норм. Понятия *законы, восстания, авторитет, общество, протест, свобода, отвержение* образуют зону ядра СП о неподчинении. Позиция меньшинства (зона контраста) включает *уважение, молодые люди, поведение, дети*. Первая периферическая система включает: *наказание, родители*. Вторая периферическая система объединяет ассоциации: *приказ, девиация, семья, навязывание, грубость, отказ*.

СП о подчинении и неподчинении комплементарны, они связаны с властью и похожи по составу: *авторитет* и *законы* находятся в зоне ядра СП. В СП итальянской молодежи подчинение — это уважение норм и законов, данных институциональной властью, и выполнение приказов, данных властью человека; неподчинение — неуважение законов и правил, навязанных авторитетом или социальной группой. В понимании испытуемых особенностью неподчинения является то, что оно совершается осознанно: человек признает незаконность просьбы или несправедливость правила в конкретной ситуации и сознательно протестует.

В другом исследовании, реализованном Ф. Фаттори с соавторами [13] на выборке студентов Венского университета (154 человека, 68,8% женщин, М возраста=22,9года, SD возраста=3,5года). Подчинение ассоциируется с соответствием правилам, безоговорочным принятием законов. В зоне ядра СП оказались элементы: *авторитет, регулирование, власть*. В зоне контраста находим ассоциации: *приказ, законы, принуждение, дисциплина, уважение, воля*. Первая периферическая система образована элементом *воспитание*. Вторая периферическая система включает следующие понятия: *подавление, последствия, военный, наказание, субординация, насилие, внедрение*. Авторитет австрийскими студентами понимается сходным образом, что и итальянскими студентами: в первую очередь его олицетворяют родители, затем социальные нормы и правила. Исследователи делают вывод, что родители играют решающую роль в развитии способности подчиняться и воспроизводить необходимые социальные формы совместной жизни, адаптацию к авторитетам, что является необходимым условием для общественного порядка. При этом подчинение также не является положительным или отрицательным явлением. Неподчинение рассматривается в качестве несоответствия правилам или авторитетам. В зону ядра СП попали элементы: *регуляция, восстание*, контрастирующие элементы: *злоба и нарушение правил*; первая периферическая система объединяет: *воспитание, сопротивление, наказание, индивидуальность*. Наконец, вторая периферическая система включает элементы: *упрямство, свобода, авторитет, политика, смелость, подчинение*. Восстание против несправедливых правил требует мужества и рефлексивных навыков, поэтому данное понятие может иметь как негативную коннотацию, когда неуважение других осуществляется ради собственной выгоды, так и позитивную, когда речь идет о восстании ради важных социальных изменений. Если подчинение может быть слепым, без размышления об адекватности требований власти, то неподчинение всегда сознательно и рефлексивно.

Еще одно исследование СП о подчинении и неподчинении М. Поцци с соавторами было реализовано в США (151 человек, 52,3% женщин, М возраста=22,7 года, SD возраста =1,3 года), что позволило сравнить результаты, полученные на итальянской и американской выборках [26]. Зона ядра СП о подчинении образована элементами: *семья, правила, уважение, дети, религия*. В зоне контраста (позиция меньшинства): *последователь, лояльность, работа, полиция*. В первую периферическую систему попали составляющие: *школа, животные, армия*. Вторая периферическая система включала элементы: *превосходящий, соответствие, закон, конформность, внимание, социальный порядок*. В зоне ядра СП о неподчинении: *тюрьма, неуважение, преступник*, — все они имеют негативную коннотацию. В зону контраста вошли: *игнорирование, школа, невыполнение, непокорность, подросток, наказание, закон*. Первая периферическая система СП образована элементами: *дети, животные, негативность, восстание*. Наконец, вторая периферическая система объединяет элементы: *правило, нарушение субординации, тайм-аут, хулиганы*. Неподчинение авторы объясняют «концепцией неудачи» — человек, который не учится у семьи правильно вести себя в отношениях с авторитетом, будет в будущем испытывать больше трудностей с повиновением. «Непослушный» становится синонимичным понятию «необразованный» (невежественный, упрямый), он не уважает других и не знает, как себя вести. Неподчинение — преднамеренное действие, т. е. это не неудача, а запланированный акт. Люди, которые не могут принять приказ, испытывают когнитивный диссонанс, и неповиновение связано со стремлением его уменьшить. Американские студенты относятся к неподчинению как к антиобщественному поведению, опасному для окружающих.

Если у итальянцев подчинение понимается через апелляцию к нормам: приказы начальства, кодекс, закон, то американцы представляют его либо в связи с лояльностью и личным уважением, либо как вызывающее страх наказания. В отличие от итальянцев американцы трактуют подчинение преимущественно как положительное явление. В СП о неподчинении у них попало больше элементов, т. е. ядро менее согласованное. Кроме того, у них ярко проявилась тема наказания как следствия неподчинения. У итальянцев неподчинение ассоциируется чаще с гражданским неповиновением, у американцев — с отсутствием личного уважения/неуважения или в качестве выбора «неудачного поведения» (неумения быть послушным). Другими словами, в социальном мышлении о подчинении и неподчинении затрагивается самый различный контекст: индивидуальный, институциональный и социальный, — в СП присутствуют указания на различные властные фигуры, объективизирующие власть. Обращает на себя внимание специфика СП, связанная с принадлежностью к той или иной культуре. Ограничение для непосредственного сравнения результатов можно усмотреть в некоторых различиях выборки, а именно в пропорции мужчин и женщин, участвующих в каждом исследовании.

Программа исследования

Итак, теория СП обладает серьезным потенциалом для анализа проблемы подчинения и неподчинения, ибо позволяет выявить и проанализировать специфику понимания подчинения и неподчинения в повседневной жизни, что так или иначе ведет к пониманию соответствующего отношения и действий, направленных на других в социальном контексте.

Очевидно, что вариативность трактовки подчинения и неподчинения в выборках студенческой молодежи, принадлежащей к различным культурам, отражает специфику СП, обусловленных культурой [13; 25; 26], и позволяет ожидать, что в российской выборке будут выявлены различия в структуре СП о подчинении и неподчинении. Тем более что ядро, выполняющее ключевые функции в структуре самого СП (смыслообразование, организация и стабилизация СП [18]) опирается на ценностную систему, разделенную членами группы, и поддерживается за счет коллективной памяти.

Целью нашего исследования был анализ СП о подчинении и неподчинении в молодежной среде. *Объектом исследования* явилась студенческая молодежь, выборку составили студенты гуманитарных факультетов ряда Московских вузов в возрасте от 18 до 25 лет (N=189, 17% мужчин, M возраста=20,77 лет, SD возраста =1,79 года), основной деятельностью для респондентов была учебная (58,2%), однако у 41,8% респондентов имелся опыт работы (в самых различных сферах), которая являлась второстепенной по сравнению с вовлеченностью в процесс получения высшего образования. В целом, выборка в настоящем исследовании сопоставима с оными в исследованиях Поцци с коллегами [13;25;26]. *Предмет исследования* — особенности СП о подчинении и неподчинении.

Принимая во внимание результаты, полученные Поцци с коллегами в серии работ [13; 25; 26], в нашем исследовании мы исходили из следующих достаточно общих предположений (несмотря на то, что статус нашего исследования, поискового, позволяет нам не выдвигать предположений): 1) СП о подчинении и неподчинении кристаллизуются вокруг элементов, связанных с властью в различных контекстах (индивидуальном, институциональном и социальном); 2) ключевые элементы СП о подчинении и неподчинении имеют преимущественно негативную коннотацию. Основным *методом* исследования был опрос в варианте анкеты. В соответствии с теорией, для выявления структуры СП использовалась методика свободных ассоциаций. Участникам было предложено высказать пять ассоциаций с двумя словами-стимулами *подчинение* и *неподчинение*, каждую ассоциацию предлагалось оценить по шкале от -3 до +3, что позволяло определить валентность элементов СП в соответствии с идеей А.С. де Розы [10; 15]. Если в работах итальянских исследователей такая процедура отсутствовала [13; 25; 26], то можно вспомнить, что респондентов просили дать специфические ассоциации прилагательными, что косвенным образом позволяло говорить об оценочных коннотациях элементов СП. Наконец, респондентам было предложено ответить на ряд социально-демографических вопросов (пол, возраст, уровень образования, опыт работы). Отметим особо, что в нашей работе мы принимали во внимание результаты, полученные итальянскими коллегами в трех исследованиях, однако отдали предпочтение отличающемуся методическому инструментарию, что позволило нам получить свободные ассоциации, выраженные различными частями речи, а для измерения коннотации понятий использовали шкалу (как сказано выше), фиксируя ответы самих респондентов, а не оценки, которые нужно было получить от независимых экспертов.

Результаты исследования и их интерпретация

В соответствии с логикой структурного подхода [18;19] полученные ассоциации были подвергнуты прототипическому анализу в программе Iramuteq [20]. В результате была

выявлена структура каждого СП (табл. 1)

Таблица 1

Структура СП о подчинении и неподчинении

Объект СП	Понятие (частота, ранг, валентность)			
	Зона ядра	Контрастирующие элементы	Первая периферическая система	Вторая периферическая система
Подчинение (20,2; 2,59)*	Начальник (51; 2,3; 0,7)**. Власть (48;2,0;0,5). Доминирование (29; 1,9; -0,1). Послушание (27;2,3; -0,2) .	Управление (16; 2,4; 1,1). Унижение (15;2,1; -2,9). Порядок (13; 2,3; -0,4). Отсутствие свободы (12; 2,4; -2,2)	Работа (36; 2,7; 1,4). Рабство (27;2,9; -2,9). Зависимость (22; 2,6; -2,0). Долг (22; 3,5; 1,0).	Исполнение (20; 3,7; 1,2). Иерархия (10; 2,9; 1,9). Сила (10; 3,0; 1,3). Закон (10;2,9; 1,7). Насилие (9; 3,3; -3,0). Принуждать (9;3,6; -1,2). Ответственность (9;3,6;1,9). Подавление (9;3;-1,9).
Неподчинение (17,09; 2,63)	Свобода (45; 2,0; 1,9). Непослушание (32; 1,9; -1,3) Бунт (31; 1,9; -1,1). Нарушение правил/закона (29; 2,6; -1,8). воля (20; 2,6; 1,7).	Напористость (11; 2,5;-1,0). Неуважение (10; 2,2; -1,0). Безответственность (9;2,3;-2,4). Соппротивление (9; 2,6; 1,6).	Наказание (31; 2,9;-1,6). Собственное мнение (22; 3,1; 2,1). Своеволие (20; 2,8; 0).	Независимость (17; 2,8; 2,1). Конфликт (13; 3,4; -0,8). Увольнение (11; 2,9; -1,6). Протест (10; 2,8; -0,7). Отказ (10; 3,3; -1,3). Индивидуальность (10; 3; 2,1). Начальник (9, 2,9; 0). Стойкость (9; 2,9; -0,1). Власть (9; 2,7; 0,4). Девияция (9; 3,2; -1,6).

Примечание:

«*» — в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости понятия, рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа, показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП (14; 20;28). Валентность — указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента [15].

«**» — в скобках указаны частота встречаемости, средний ранг появления и среднее значение для валентности каждого понятия. Негативная валентность соответствует промежутку от -3 до -1, нейтральная валентность соответствует промежутку от -1 до +1, позитивная валентность соответствует промежутку от +1 до +3.

В результате предпринятого анализа ассоциаций было выявлено, что ключевыми элементами, вокруг которых кристаллизуется СП о подчинении, являются: *начальник, власть, доминирование, послушание* (см. табл. 1). При этом мы видим, что подчинение, прежде всего, связывается с фигурой носителя власти, объективизируется в ней. В СП можно усмотреть своего рода дихотомию иерархических отношений, заключающуюся в «доминировании—подчинении». В то же самое время, *послушание*, скорее всего, является синонимом объекта СП (подчинения). На что указывает С. Милграм, говоря, что такие слова, как *подчинение, послушание, покорность и повиновение* — синонимичны, указывают на одно и то же явление [4]. Если исходить из идеи, что в зоне контрастирующих элементов содержится позиция меньшинства, противостоящая позиции большинства, то стоит указать на то, что она образована своего рода оппозицией: с одной стороны, указание на иерархию и власть — *управление, порядок*, с другой стороны — цену подчинения: *унижение и отсутствие свободы*.

Элементы периферии в целом включают в себя две различающиеся по содержанию и направленности категории — «социальные обязанности» (*работа, долг, исполнение, закон*) и «ограничение свободы и принуждение» (*рабство, зависимость, насилие, подавление, принуждать*). В элементе *рабство*, принадлежащем первой периферической системе, объединяющей элементы, которые разделяются значительным числом респондентов (сопоставимым с зоной ядра СП), но являются вторичными по своему значению по сравнению с ядром, можно усмотреть аллюзии с исторической реальностью (будь то рабство в прямом смысле слова или крепостное право), указание на абсолютность подчинения, отсутствие каких-либо степеней свободы. Обращает на себя внимание тот факт, что зона ядра образована элементами, которые, с точки зрения респондентов, имеют нейтральную валентность (варьируют в промежутке от -1 до +1). Позиция меньшинства представлена элементами, имеющими позитивную, нейтральную и негативную валентность (с преобладанием последней).

СП о неподчинении (табл. 1) выражено такими ключевыми элементами, как *свобода, непослушание, бунт, нарушение закона, воля*. Все перечисленные элементы находятся в едином семантическом пространстве и так или иначе связаны с возможностью проявлять собственное мнение или поведение без ограничений. Отметим особо, что элемент *бунт*, имеющий самый низкий ранг наряду с непослушанием (синонимом объекта СП) и достаточно высокую частотность (см. табл. 1) указывает на специфику этого неподчинения

(по аналогии с Пушкинским — бунт, «бессмысленный и беспощадный»). Любопытно, что большая часть этих элементов обладает негативной валентностью, другая (меньшая) — позитивной (сюда как раз попадает высокочастотное понятие *свобода*). Зона контраста включает в себе как высокую степень активности (*напористость, сопротивление*), так и пренебрежение к установленным нормам (*неуважение, безответственность*). Позиция меньшинства содержит элементы, имеющие преимущественно негативную коннотацию.

Обращает на себя внимание тот факт, что в периферической системе понятия перекликаются с элементами зоны ядра СП о подчинении (*начальник, власть*), а также включают, как и контрастирующая зона, активное сопротивление требованиям и навязыванию позиции (*независимость, протест, отказ, индивидуальность, стойкость*) и негативные последствия отклонения (*конфликт, увольнение, девиация*).

Если сопоставить эти результаты с теми, что были получены итальянскими коллегами на выборах в различных культурах, то можно заметить следующее: зоны ядра СП о подчинении имеют достаточно серьезные различия. Один элемент совпал с австрийской выборкой (*власть*), являющийся ключевым в целом для всего СП. Еще один элемент *авторитет* сопоставим с ассоциацией *начальник*, который может выступать для российских студентов носителем такого авторитета. Данное соотношение справедливо и в связи с тем, что итальянские исследователи объединили в одно понятие *авторитет* также ассоциации, связанные с руководителем и лидером. Единственное, обратим внимание на то, что авторитет зачастую связан с неформальным влиянием, а в образе начальника на первый план выходит официальная власть. Таким образом, речь здесь может идти, используя терминологию М.Ю. Кондратьева, не о «власти авторитета», а об «авторитете власти», т. е. подчинение происходит только из-за того, что начальник обладает легальными полномочиями доминировать и приказывать [2]. Если в европейском и американском примере в зоне ядра и СП меньшинства значимыми элементами выступают *правила* и *законы*, то в нашем случае эти элементы располагаются в периферической системе и играют второстепенную роль. Полученные факты хорошо объяснимы в логике культурологических особенностей и, на наш взгляд, обусловлены спецификой национального характера. В России власть всегда имела ярко выраженный личный характер, образы лидеров (начальников) выступали приоритетными перед институтами власти: «самобытный тип мышления, эмоционально-чувственное отношение к миру, приверженность патриархально-общественным ценностям обусловили тяготение... к сакрализованному отношению к власти как к источнику истины, слитность права и морали, абсолютный авторитет власти» [5, с. 210]. Если в западном характере закрепилось стремление к приоритету права и закона, то в русском право перерастает в мораль, на первое место выходят не юридические, а морально-этические нормы.

Интересным, на наш взгляд, является и то, что такой важный элемент как «родители» — носители авторитетной власти отсутствует в СП россиян о подчинении. Этот факт требует, несомненно, дополнительного исследования и объяснения в рамках культурологической парадигмы, ибо пока не представляется возможным понять, является ли данный факт следствием дефрагментации современного общества, где привычные категории теряют свою значимость. Различия были также обнаружены в валентности СП. Так, имеет место разница коннотации, которую можно приписать ключевым элементам СП о подчинении. Если у

итальянских и австрийских студентов элементы в зоне ядра СП окрашены в целом положительно, еще более позитивны они у американских респондентов, то в нашем исследовании все ядерные понятия были оценены респондентами нейтрально. Подчинение, таким образом, не вызывает эмоционального отклика у россиян и, возможно, понимается, скорее, как неизбежная данность.

Общими элементами в ядрах СП о неподчинении у россиян и европейцев стали *бунт* (*восстание*), нарушение правил/законов и свобода (последнее с итальянцами). Понятие «свобода» в русском языке обладает отличающимся содержанием, чем *freedom* в английском, как отмечает А. Вежбицкая, что отражает «иной взгляд на человеческую жизнь» [1, с. 233], предлагая культурно-специфическое толкование свободы, включающее целый набор аспектов: «... некто (X) может думать нечто вроде этого; если я хочу что-то сделать, я могу сделать это; когда я нечто делаю, я могу не думать (что сделают или скажут другие); из-за этого X чувствует нечто хорошее» [1, с. 237]. При этом с американскими студентами нет схожих ядерных понятий.

Мы можем сделать вывод о большей близости СП о неподчинении, как связанном с активными и, скорее всего, сознательными действиями, направленными против установленных норм социальных институтов или авторитетов. Представляется возможным предполагать сходство коннотаций элементов: ассоциации имеют как положительную (у элементов, связанных с отсутствием ограничений), так и отрицательную валентность (связанных с нарушениями). В отличие от этого ассоциации американских студентов, связанные с неподчинением, все имеют ярко выраженный негативный характер и подразумевают всегда тяжелые последствия для нарушителя. Для российских респондентов же в неподчинении более значимым выступает активная позиция субъекта, чем угроза наказания за отклоняющееся поведение. Любопытно и то, что в результатах, полученных на итальянских и американских респондентах, неподчинение связывается с группой, нарушающей правила и законы. В итальянской выборке речь идет о молодежи и детях (зона контраста, позиция меньшинства), в американской — о подростках (зона контраста, позиция меньшинства). В наших результатах подобных элементов в структуре СП не было обнаружено.

Итак, полученные нами результаты, позволяют сделать следующие **выводы**, относительно исходных предположений.

Гипотеза о кристаллизации СП вокруг феномена власти получает частичную эмпирическую поддержку, ибо власть, объективированная в фигуре начальника, актуализируется в СП о подчинении, контекст этой власти представлен преимущественно сферой личностного влияния и профессиональных отношений. Другие контексты (семейный и социальный в более широком смысле), как можно было бы ожидать, апеллируя к результатам, полученным в исследованиях итальянских коллег на трех различных выборках (итальянской, австрийской и американской), не проявляются так ярко в СП, так как хоть и входят в содержание представлений, но не попадают в зону ядра. В СП о неподчинении ключевыми элементами являются указания на последствия неподчинения, а также апелляции к нарушению правил.

Гипотеза о выраженной негативной валентности ядерных элементов также получила частичную эмпирическую поддержку, это касается СП о неподчинении. Элементы ядра СП о

подчинении имеют нейтральную коннотацию.

Заключение

Систематическое изучение проблемы подчинения и неподчинения началось с экспериментальных работ С. Милграма, реализованных в Йельском университете в 1961 [3; 4]. Почти полвека спустя с момента начала экспериментального изучения феномена подчинения и неподчинения по-прежнему не угасает интерес к анализу этого явления, не прекращаются споры относительно результатов С. Милграма. С одной стороны, предпринимаются все новые и новые попытки воспроизвести эксперимент С. Милграма в классическом варианте или помещая его в новый контекст (как это было в работе Ж.-Л. Бовуа с коллегами [3; 4; 8]). С другой стороны, появляются все новые работы, в которых результаты С. Милграма ставятся под сомнение [9; 16]. Наконец, можно различить третью линию анализа проблемы подчинения и неподчинения через призму идей теории СП, согласно которой представляется возможным выявить и проанализировать специфику понимания подчинения и неподчинения в повседневной жизни, а также обозначить соответствующее отношение и действия, направленные на других в социальном контексте [6; 11; 12; 14; 18; 22]. Изложенное здесь исследование выполнено в логике третьей линии анализа. Его цель заключалась в анализе СП о подчинении и неподчинении в молодежной среде. СП о подчинении кристаллизуется вокруг элементов, обладающих, с точки зрения респондентов, нейтральной валентностью: *начальник, власть, доминирование, (послушание — синоним объекта СП)*. СП о неподчинении выстраивается вокруг элементов, имеющих позитивную коннотацию: *свобода и воля*, — а также элементов с негативной коннотацией: *непослушание* (синоним объекта СП), *бунт, нарушение закона*. Сопоставление полученных на российской выборке результатов с таковыми, полученными на примере итальянской, австрийской и американской выборок, позволяет говорить о том, что СП об этих ключевых феноменах процесса социализации — подчинении и неподчинении являются культурно-специфическими, ибо власть для россиян всегда имела ярко выраженный личный характер, образы лидеров (начальников) выступали приоритетными перед институтами власти. Если в западной культуре закрепилось стремление к приоритету права и закона, то в русской право перерастает в мораль, на первое место выходят не юридические, а морально-этические нормы. Именно эти особенности мы и обнаруживаем в СП о подчинении и неподчинении.

К несомненным ограничениям в настоящем исследовании можно отнести преобладание женщин в выборке, что отчасти оправдывается тем, что в исследовании приняли участие студенты гуманитарных факультетов Московских вузов. В последующих исследованиях предполагается преодолеть это ограничение. Обозначая линию дальнейшего анализа, следует констатировать, что расширение выборки за счет респондентов, имеющих опыт работы, а также людей более старшего возраста, позволило бы нам проверить наши предположения, которые пока получили только частичную эмпирическую поддержку. Перспективным, на наш взгляд, может стать исследование СП о подчинении/неподчинении также в связи с учетом этнокультурного, а также регионального компонентов, детерминирующих понимание данного феномена респондентами, проживающими в разных территориальных субъектах России.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.
2. *Кондратьев М.Ю.* Слагаемые авторитета. М.: Знание. 1988. 80 с.
3. *Милграм С.* Подчинение авторитету. М.: АНФ. 2016. 282 с.
4. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер. 2000. 336 с.
5. *Политическая психология / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева.* М.: Академический Проект. 2001. 858 с.
6. *Abric J.-C.* A structural approach to social representations. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions.* Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42—47.
7. *Baumrind D.* Some thoughts on ethics of research: Afterreading Milgram's "Behavioral Study of Obedience" // *American Psychologist.* 1964. Vol. 19. P. 421—423. DOI:10.1037/h0040128
8. *Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D.* The Prescriptive Power Of The Television Host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show // *European Review of Applied Psychology.* 2012. Vol. 62. P. 111-119.
9. *Burger J.M.* Replicating Milgram: Would People Still Obey Today? // *American Psychologist.* 2009. Vol. 64. P. 1—11.
10. *De Rosa A.S.* Le réseau d'associations comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: structure, contenus polarité du champ sémantique // *Cahiers Internationaux Psychologie Sociale.* 1995. Vol. 28. P. 96-122.
11. *Doise W.* Les Représentations Sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales.* Neuchâtel: Delachaux & Niestlé. 1986. P. 86-98.
12. *Empirical Approaches To Social Representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.).* Oxford: Oxford University Press. 1993. 350 p.
13. *Fattoria F., Curlyb S., Jörchelb A.C., Pozzi M., Mihalitsb D., Alfieria S.* Authority Relationship From a Societal Perspective: Social Representations of Obedience and Disobedience Austrian Young Adults // *Europe's Journal Psychology.* 2015. Vol. 11. P. 197—213. DOI:10.5964/ejop.v11i2.883
14. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des Idées Ordinaires. Paris: Armand Colin. 2003. 256 p.
15. *Galand C., Salès-Wuillemin E.* La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie : effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // *Les Cahiers Internationaux Psychologie Sociale.* 2009. Vol. 84. P. 125-152.
16. *Haslam A.S., Stephen D. R., Birney M.E.* Nothing by mere authority: Evidence that in an experimental analogue of the Milgram paradigm participants are motivated not by orders but by appeals to science // *Journal of Social Issues.* 2014. Vol. 70. P. 473-488.
17. *Le Texier T.* Histoire d'un Mensonge. Enquête sur l'expérience de Stanford. Paris: Editions la Découverte. 2018. 295 p.
18. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *Cambridge Handbooks In Psychology. The Cambridge Handbook Of Social Representations.* Cambridge University Press. 2015. P. 83-95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009

19. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble. 2015. 139 p.
20. Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2017. 190 p.
21. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich (ed.). Health and Illness. A social psychological analysis. London: Academic Press. 1973. P.ix—xiv.
22. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1961. 652 p.
23. Moscovici S. The Phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social Representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press. 2000. P.18-77.
24. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 18-61.
25. Pozzi M., Fattori F., Bocchiario P., Alfieri S. Do the right thing! A study on social representation of obedience and disobedience // *New Ideas in Psychology*. 2014. Vol.35. P.18-27. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2014.06.002
26. Pozzi M., Quartiroli A., Alfieri S., Fattori F., Pistoni C. (Dis)Obedience in U.S. American Young Adults: A New Way to Describe Authority Relationships // *Europe's Journal of Psychology*. 2018. Vol. 14. P.404—423. DOI:10.5964/ejop.v14i2.1314
27. Rochat F., Modigliani A. The Ordinary Quality of Resistance: From Milgram's Laboratory to the Village of Le Chambon // *Journal of Social Issues*. 1995. Vol. 51. P. 195-210.
28. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV (405). P. 203—209.

References

1. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Kondrat'yev M.YU. Slagayemyye avtoriteta [Authority terms]. Moscow: Znaniye, 1988. 80 p. (In Russ.).
3. Milgram S. Podchineniye avtoritetu [Submission to authority]. Moscow.: ANF.2016. 282 p. (In Russ.).
4. Milgram S. Eksperiment v sotsial'noy psikhologii [Experiment in social psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2000. 336 p. (In Russ.).
5. Politicheskaya psikhologiya [Political psychology] / pod obshchey red. A.A. Derkacha, V.I. Zhukova, L.G. Lapteva. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt, 2001. 858 p. (In Russ.).
6. Abric J.-C. A structural approach to social representations. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. pp. 42-47.
7. Baumrind D. Some thoughts on ethics of research: After reading Milgram's "Behavioral Study of Obedience". *American Psychologist*, 1964. Vol.19, pp.421—423. DOI:10.1037/h0040128
8. Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D. The prescriptive power of the television host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show. *European Review*

of *Applied Psychology*, 2012. Vol. 62, pp.111-119.

9. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? *American Psychologist*, 2009. Vol.64, pp. 1–11.
10. De Rosa A.S. Le «réseau d'associations» comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: structure, contenus et polarité du champ sémantique. *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 1995. Vol. 28, pp. 96-122.
11. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchâtel: Delachaux & Niestlé, 1986, pp.86-98.
12. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
13. Fattoria F., Curlyb S., Jörchelb A.C., Pozzi M., Mihalitsb D., Alfieria S. Authority Relationship From a Societal Perspective: Social Representations of Obedience and Disobedience in Austrian Young Adults. *Europe's Journal of Psychology*, 2015. Vol. 11, pp.197–213. DOI:10.5964/ejop.v11i2.883
14. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
15. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 2009. Vol.84, pp.125-152.
16. Haslam A.S., Stephen D. R., Birney M.E. Nothing by mere authority: Evidence that in an experimental analogue of the Milgram paradigm participants are motivated not by orders but by appeals to science. *Journal of Social Issues*, 2014. Vol.70, pp. 473-488.
17. Le Texier T. *Histoire d'un mensonge. Enquête sur l'expérience de Stanford*. Paris: Editions la Découverte, 2018. 295 p.
18. Moliner P., Abric J.-C. Central core theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *Cambridge handbooks in psychology. The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge University Press, 2015, pp.83-95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
19. Moliner P., Guimelli C. *Les représentations sociales*. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble, 2015. 139 p.
21. Moscovici S. Foreword. In: C.Herzlich (ed.). *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix—xiv.
22. Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1961, 652 p.
23. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: G.Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press, 2000, pp.18-77.
24. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18-61.
25. Pozzi M., Fattori F., Bocchiaro P., Alfieri S. Do the right thing! A study on social representation of obedience and disobedience. *New Ideas in Psychology*, 2014. Vol.35, pp.18-27. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2014.06.002
26. Pozzi M., Quartiroli A., Alfieri S., Fattori F., Pistoni C. (Dis)Obedience in U.S. American

Бовина И.Б., Сачкова М.Е.
Подчинение и неподчинение в понимании
студенческой молодежи: поисковое исследование
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76—92.

Bovina I.B., Sachkova M.E.
Obedience and Disobedience in the Understanding of
Russian Students: An Exploratory Study
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 76—92.

Young Adults: A New Way to Describe Authority Relationships. *Europe's Journal of Psychology*, 2018. Vol. 14, pp.404—423. DOI:10.5964/ejop.v14i2.1314

27. Rochat F., Modigliani A. The Ordinary Quality of Resistance: From Milgram's Laboratory to the Village of Le Chambon. *Journal of Social Issues*, 1995. Vol.51, pp.195-210.

28. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. T. XLV (405), pp. 203—209.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Получена 08.06.2020

Received 08.06.2020

Принята в печать 16.11.2020

Accepted 16.11.2020

Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Койкова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0590-1783>, e-mail: xenia.koykova@gmail.com

Бригадиренко Н.В.

Ресурсный центр «Одаренные дети», г. Энгельс, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0355-2113>, e-mail: brigadirenko2016@yandex.ru

Стратийчук Е.В.

Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Тишкова Ю.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3440-6167>, e-mail: ulikon@gmail.com

Чеботарев И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9076-5896>, e-mail: ivanche8@yandex.ru

В статье вопросы выбора программ и технологий профилактики социальных рисков в системе образования рассматриваются с позиций доказательного подхода. Представлены результаты апробации и исследования эффективности технологии «Умелый класс», российской адаптации финской игровой программы «Skilful Class», ориентированной на решение и реализующей творческий и позитивный подход к обучению детей, преодолевающих эмоциональные и поведенческие трудности в классе/группе. Технология

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

основана на методе «Kids' Skills» Б. Фурмана, 15-шаговой программе формирования социальных навыков у детей. Технология прошла апробацию на более чем 20 региональных площадках. Были установлены статистически значимые показатели сформированности и динамики осваиваемых детьми навыков и других параметров, важных для снижения факторов риска девиантного поведения. Технология может служить инструментом ранней профилактики социальных рисков детства, возникающих в дошкольном и младшем школьном возрасте (школьной дезадаптации, эмоциональных и поведенческих проблем, девиаций, нарушений системы отношений: остракизма, школьного буллинга, конфликтов).

Ключевые слова: технология «Умелый класс», ранняя профилактика, девиантное поведение, антибуллинговые программы, метод «Kids' Skills» Б. Фурмана, социально-эмоциональные навыки, навыки саморегуляции, начальная школа.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО МГППУ в рамках проекта «Инструменты доказательного подхода к анализу и оценке практик, программ и политик в сфере профилактики социальных рисков детства», а также проекта «Апробация, адаптация и внедрение программ ранней профилактики девиантного поведения путем формирования социальных навыков у детей дошкольного возраста и учащихся начальных классов» (Соглашение № 249 от 20.11.2019 г. о предоставлении МГППУ гранта Департамента образования и науки г. Москвы).

Благодарности: Авторы благодарят за сотрудничество руководителей Хельсинкского Института краткосрочной терапии Бена Фурмана и Майу Ахола, руководителей и специалистов 14 образовательных организаций, принявших участие в программе апробации технологии «Skilful Class», студентов-кураторов экспериментальных площадок проектов и Студенческое научное общество (СНО) факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ.

Для цитаты: Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С., Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В., Чеботарев И.В. Оценка профилактического потенциала технологии формирования социально значимых навыков у детей «Умелый класс» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93—110. DOI:10.17759/psylaw.2020100407

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-Method

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.
Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Ekaterina E. Boikina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Kseniya S. Koikova

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0590-1783>, e-mail: xenia.koikova@gmail.com

Natal'ya V. Brigadirenko

Resource Center «Gifted Children», Engels, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0355-2113>, e-mail: brigadirenko2016@yandex.ru

Evgeniya V. Stratiichuk

Charitable Foundation «Volunteers to Help Orphans», Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Yuliya V. Tishkova

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3440-6167>, e-mail: ulikon@gmail.com

Ivan V. Chebotarev

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9076-5896>, e-mail: ivanche8@yandex.ru

Programs and technologies for the prevention of social risks in the education system are considered from the standpoint of an evidence-based approach. The article presents the results of approbation and analysis of the «Skillful class»-method effectiveness. This is a Russian adaptation of the Finnish Skillful Class solution-oriented program, which implements a creative and positive approach to teaching children with emotional and behavioral difficulties in the class / group. It was based on the Kids' Skills method of Ben Furman, his 15-step-program for developing children social skills. The technology has been tested at more than 20 regions platforms. Statistically significant indicators of the formation and dynamics of skills mastered by children were termed as well as other parameters that are significant for reducing risk factors of the deviant behavior. This method can serve as a tool for early prevention of social risks that appear in preschool and primary

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

school age (school maladaptation, emotional and behavioral problems, deviations, ostracism, school bullying, conflicts).

Key words: skillful class method, early prevention, deviant behavior, anti-bullying programs, Ben Furman's Kids' Skills method, social and emotional skills, self-regulation skills, primary school.

Funding: Research was conducted by the financial support of the Moscow State University of Psychology and Education in the framework of the project «Tools of evidence-based approach to the analysis and evaluation of practices, programs and policies in the field of social risks prevention of childhood» and in the framework of the project «Approbation, adaptation and implementation of programs for early prevention of deviant behavior by forming social skills in children of preschool age and primary school pupils» (Agreement No. 249 of 20.11.2019 on providing the grant by Department of Education and Science of Moscow).

Acknowledgements: Authors express their gratitude for the cooperation to Helsinki Brief Therapy Institute heads, Ben Furman and Maiju Ahola, heads and specialists of 14 educational organizations that took the part in the program of the Skillful Class technology approbation, students-curators of the projects' experimental platforms, and Student Scientific Community (SSC) of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of MSUPE.

For citation: Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V. Evaluation of the Preventive Potential of the Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-method. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93—110. DOI:10.17759/psylaw.2020100407 (In Russ.).

Введение

В системе образования остро стоят вопросы выбора форм и методов разноуровневой профилактики социальных рисков детства, к которым относятся ранние проявления проблемного, девиантного, поведения детей, а также разворачивающиеся в юридически значимом контексте агрессивные формы девиаций, делинквентность, аддикции, буллинг, скулшуттинг и т. п. В России и других странах существует множество различных подходов, программ, практик, технологий профилактики рисков агрессивного и противоправного поведения несовершеннолетних, эффективность которых не очевидна, не доказана или признана лишь по совокупности внешне наблюдаемых феноменов или результатов количественного мониторинга. Современный тренд на доказательность формирует запрос на исследование социальных практик в области профилактики на предмет их воздействия на психологические, психосоциальные, поведенческие паттерны и социальные отношения участников. Подбор профилактических методов требует предварительной оценки их применимости, соответствия возможностям и компетенциям специалистов, учета особенностей взаимоотношений между субъектами образовательной деятельности [5].

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirensko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

В 2019—2020 гг. научным коллективом кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии и Студенческим научным обществом ФГБОУ ВО МГППУ была предпринята попытка объединить практические задачи системы образования в области ранней профилактики девиантного поведения с задачами научного обоснования выбора профилактических методов и оценки их эффективности.

Авторским коллективом для апробации с целью последующего внедрения были выбраны программы ранней профилактики девиантного поведения, ориентированные на формирование социальных навыков и принятие социальных норм у старших дошкольников и учащихся начальных классов. Апробировались две методики: в дошкольном звене — авторская игропрактика на основе русских фольклорных игр «Сила народной игры» (Folk skill) [10], в начальной школе — методика «Skilful Class» (Умелый класс), основанная на ориентированной на решение методике «Детские навыки» (Kids' Skills), созданной в 1990-х гг. под руководством доктора Бена Фурмана (Финляндия) [11; 12].

В этой статье мы подробнее остановимся на пилотном исследовании эффективности методики «Skilful Class» (в российской версии — «Умелый класс»).

Методологическим основанием выбора для апробации данного кейса стал анализ социальных рисков детства, возникающих на раннем этапе социализации — при переходе в школу и в младшем школьном возрасте, а именно школьной дезадаптации, эмоциональных и поведенческих проблем, девиаций, нарушений системы отношений (остракизма, школьного буллинга, конфликтов и пр.). Первые признаки дезадаптации, нарушений социализации появляются на фоне повышающихся социальных и учебных ожиданий и требований к социально-коммуникативному развитию детей. Так, Федеральный государственный стандарт уже на уровне дошкольного образования ориентирует на усвоение детьми норм, принятых в обществе, становление самостоятельности, целенаправленности и саморегуляции собственных действий; развитие социального и эмоционального интеллекта, формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками и др. [7].

Один из существенных рисков начальной школы — неблагоприятные отношения с первым учителем и одноклассниками, в которых ребенок получает сигналы отвержения, исключения или игнорирования (так называемый социальный остракизм), в результате чего депривируются его базовые потребности и могут возникать проявления социально-психологической дезадаптации агрессивного и аутоагрессивного типа [2]. Столь же разрушительным и сходным по воздействию является буллинг. Анализ зарубежных и отечественных исследований показывает, что буллинг распространен среди детей 6—11 лет, а в дошкольных учреждениях распространено виктимизирующее поведение. Как следствие — у детей закрепляется низкий социальный статус в группе, который имеет ряд негативных последствий [1]. Одна из ключевых фигур в профилактике и разрешении ситуаций школьного буллинга — учитель, поскольку именно он является носителем моделей социального поведения в школе и определяет атмосферу в классе [4; 9].

В связи с этим основным направлением интервенций в рамках ранней профилактики является именно система отношений, которая определяет не только социальное и эмоциональное благополучие ребенка, но и развитие его высших психических функций [3]. С антропологической точки зрения основным смыслом этого возрастного периода является

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

вхождение в культуру, а способность человека к саморазвитию — основная цель и образовательный результат [8].

С учетом вышесказанного в качестве профилактического инструмента для реализации в начальной школе (в программу апробации вошли также и подготовительные группы ДОУ) был выбран метод, прямо направленный на развитие социальных навыков, связанных с системой актуальных отношений детей. Еще одним важным критерием выбора методики для апробации стала доказанная эффективность базовой методики «Kids' Skills», успешно применяемая более чем в 30 странах [11].

«Skilful Class» — психолого-педагогическая технология профилактики эмоциональных и поведенческих проблем детей посредством освоения ими социальных навыков, она разработана Беном Фурманом и Майю Ахола (Ben Furman, Maiju Ahola) как модификация методики «Kids' Skills» для применения в работе с классом, группой. Методика основана на подходе, ориентированном на решение [13]. Это означает, что основной фокус лежит на освоении навыка, а не на обсуждении проблемы. Ключевой фигурой в процессе является сам учащийся. Он сам решает, какой навык стоит изучить. Особое внимание при этом уделяется сильным сторонам и уже освоенным ребенком навыкам, а небольшие шаги и положительные изменения являются значительными факторами мотивации [14; 15]. «Умелый класс» уделяет особое внимание социальному сообществу и тому, как учащиеся могут учиться у друг друга.

«Kids' Skills» задает алгоритм освоения навыков, состоящий из 15 последовательных шагов, начиная с выбора навыка либо преобразования проблемы в навык и заканчивая празднованием успеха и передачей своего опыта другим. В технологии «Skilful Class» (русская версия названия «Умелый класс») два этапа. На первом школьники всем классом осваивают один из 6 общегрупповых навыков, который они выбрали как наиболее актуальный для класса, а затем переходят к выбору и освоению одного из 22 индивидуальных навыков. Допустимо, чтобы несколько учащихся выбрали один и тот же навык для освоения и сформировали группу для совместного освоения этого навыка. На первый этап обычно отводится 2—3 недели, на второй до 4 недель. Освоение навыков происходит в безопасном пространстве, где задаются правила игры, построенные по принципу позитивной обратной связи: нужно замечать и отмечать достижения других детей, на ошибки реагировать условным сигналом-напоминанием. Игровая ситуация задается карточками с названием, изображением и описанием навыков, а также символикой и атрибутикой шагов: выбор «существа силы» — героя навыка, сигнала-напоминания, образа будущего праздника. Дети сами решают, как они будут отмечать успехи класса и друг друга (например, наполнять емкость чем-то или выкладывать на стенд фигурки). Этот принцип необычной для школьной ситуации поддерживающей среды призван также включить учителей и родителей в сообщество, дающее детям такую обратную связь, в которой ребенок получает подтверждение своей компетентности, что является важным условием развития на данном возрастном этапе. Таким образом, формируется культура отношений, в которой нет места травле, отвержению, игнорированию.

В начале 2019 г. после заключения Соглашения о сотрудничестве с Helsinki Brief Therapy Institute в лице д-ра Б. Фурмана (Финляндия), в котором МГППУ предоставлялось право использования методики для апробации и исследования эффективности, методика «Skilful

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Class» была переведена на русский язык. Перевод осуществлялся с английского и финского языков (переводчик Воронкова А.А.). Обратный перевод был сверен с автором методики Беном Фурманом и получил положительный отклик. Русскоязычная версия названия «Умелый класс» также согласована с авторами. В текст методики кроме собственно методического руководства, входит описание навыков, алгоритма освоения в классе/группе, примерных сценариев обсуждений с детьми и родителями, оценочных процедур (шкала оценки и самооценки детьми навыков, анкета для учителя). Мы добавили в руководство протоколы сбора данных для разных этапов программы «Умелый класс», а впоследствии — и пакет диагностических методик для исследования эффектов программы¹.

Программа исследования

Исследование изначально планировалось как долгосрочное, состоящее из нескольких этапов.

Подготовительный этап включал в себя анализ разработок и исследований в области проблематики ранней профилактики девиантного поведения, социальных и учебных проблем дошкольников и младших школьников, а также выбор методики/технологии для апробации на основании разработанных критериев. Предварительная оценка применимости, соответствия целям профилактики, возможностям и компетенциям специалистов, учет особенностей взаимоотношений в системе образования позволили предположить, что методика Б. Фурмана «Skilful Class» соответствует этим критериям и имеет перспективы внедрения.

Эмпирическое исследование включало в себя пилотную апробацию базовой финской версии методики Б. Фурмана «Skilful Class» и разработку и проведение рандомизированного исследования (с применением пакета диагностических методик, направленных на выявление значимых изменений у субъектов апробации (детей, учителей, родителей) и школьной среды, количественный и качественный анализ эмпирических данных, статистический анализ достоверности полученных результатов). Жанр исследования рандомизированный контролируемый эксперимент, единица рандомизации — класс/группа.

Программа апробации включала отбор участников на основании предварительного знакомства широкого круга образовательных учреждений России с методикой Б. Фурмана (в рамках его выступлений на конференциях и семинарах на базе МГППУ в 2019 г.) и мотивированных заявок от учителей по согласованию с руководством организаций и с согласия родителей. Были сформированы проектные команды, состоящие из учителей, педагогов-психологов и/или социальных педагогов и других школьных специалистов, а также студентов-кураторов от СНО МГППУ. Члены проектных команд прошли обучение у автора метода и разработчиков программы апробации в объеме не менее 36 часов.

---

¹ Здесь и далее по отношению к «Умелому классу» применяются разные определения: метод или методика (если речь идет о реализации определенного способа получения результата, основанного на подходе, ориентированном на решение), технология (если имеется ввиду алгоритм действий по получению запланированного результата), программа (если речь идет о мероприятиях по реализации полного технологического цикла).

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Этапы и базы апробации

1. *Пилотная апробация* базовой методики «Skillful Class»: первое полугодие 2019 учебного года на базе 9 образовательных учреждений Саратовской и Самарской областей, Камчатского края, городов Москва, Санкт-Петербург, Сургут. На 14 апробационных площадках работали 18 учителей начальных классов, 11 педагогов-психологов, 20 студентов-кураторов от СНО МГППУ. В программу изначально были включены около 300 учеников начальных классов. 11 классов реализовали программу «Умелый класс», 7 классов представляли контрольную группу. Пре- и пост-тестирование проводилось по шкалам самооценки навыков детьми и их внешней оценки взрослыми, а также по авторской анкете для педагогов, встроенных в методику «Skillful Class». Ввиду того, что участие в программе имело добровольный характер, не все площадки, вступившие в проект, завершили сбор данных: 2 площадки (класса) вышли из программы на начальном этапе, программу «Умелый класс» завершили полностью 7 классов.

Валидные данные были получены по части измеряемых параметров, а именно: по оценке и самооценке навыков применялись методы математической статистики, качественные результаты были получены по материалам фокус-групп и анкет учителей. На основании полученных данных было разработано методическое руководство к технологии «Умелый класс» с учетом российской образовательной ситуации.

2. *Апробация технологии «Умелый класс»: 2019—2020 учебный год* — 2 этапа апробации — рандомизированного исследования эффективности программы. Апробация проходила в рамках Проектов МГППУ (— на московских площадках по гранту ДОНМ). В проект вошли 22 экспериментальные площадки в 9 образовательных учреждениях г. Москвы, и 17 площадок в регионах. В процесс исследования были включены контрольные классы и группы. В апробацию методик были включены более 600 детей, 87 педагогов, более 300 родителей. На этом этапе апробации к встроенным в методику способам оценки результата было добавлено исследование изменений психологических параметров (самооценки, статуса детей в группе, особенностей поведения и адаптации, социально-коммуникативных навыков, тревожности детей, учителей, родителей, изменений в отношениях). Вхождение в проект было не равномерным в силу различных обстоятельств, региональной и организационной специфики. На некоторых площадках завершение или развертывание программы «Умелый класс» пришлось на начало пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Исследование будет продолжено в 2021 г.

Цели и гипотезы исследования

Цель исследования на первом пилотном этапе была проверить, насколько технология «Умелый класс» может интегрироваться в образовательную среду российской школы.

Цель второго этапа — выявить сформированность и динамику показателей, значимых для снижения факторов риска девиантного поведения. Аналогичное исследование проводилось параллельно на апробационных площадках фольклорной игропрактики «Сила народной игры» [10].

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
 Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
 Чеботарев И.В.
 Оценка профилактического потенциала технологии
 формирования социально значимых навыков у детей
 «Умелый класс»
 Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
 N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
 Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
 for the Formation of Socially Significant Children Skills
 in the Skillful Class-method
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что заданная технология, проводимая в соответствии с методикой, значительно повышает показатели удовлетворенности детей отношениями, а также влияет на их психологические параметры, значимые для снижения риска девиантного поведения.

Частные гипотезы:

- в процессе реализации программы существенно повышается рефлексивная способность детей видеть, осознавать и оценивать свои навыки и навыки и поведение других детей;
- способность детей отмечать положительные изменения в поведении других детей, побуждаемая и закрепляемая 15 шагами, значительно влияет на социометрическую динамику в классе и повышает популярность ранее незаметных или непопулярных детей;
- участие в программе родителей и других значимых взрослых в качестве группы поддержки повышает коррекционно-профилактические показатели профилактических программ;
- показатели удовлетворенности детей собственными достижениями в программе связаны с (не)авторитарной позицией учителя.

Процедура проведения и методики

Пилотный этап проходил в школах Саратовской и Самарской областей, Камчатского края, городов Москва, Санкт-Петербург, Сургут в период март—май 2019 г.

Проводился сравнительный анализ оценки взрослыми (учителями и родителями) и самооценки детьми навыков до начала апробации и после завершения работы над общеклассными и индивидуальными навыками детей с использованием инструментов оценки, заложенных в саму методику разработчиками. Самооценка детьми и оценка учителями и родителями навыков класса и детей проводилась по 10-балльной шкале.

Таблица 1

Схема-алгоритм оценки динамики навыков по программе «Умелый класс»

Фазы исследования	Выборки		
	Учителя	Учащиеся	Родители
ВХОДНАЯ ДИАГНОСТИКА			
До начала реализации программы	1. Анкета учителя по программе «Умелый класс» (вход.). Оценка навыков детей	1. Самооценка 6 общих навыков класса (по Б. Фурману)	1. Оценка навыков детей (Анкета родительская по Фурману + вопросы на готовность к участию в проекте)

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
 Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
 Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
 формирования социально значимых навыков у детей
 «Умелый класс»
 Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
 N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
 Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
 for the Formation of Socially Significant Children Skills
 in the Skillful Class-method
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Фаза 1 — работа с общим навыком класса			
		1. Протокол наблюдения за поведением детей в проекте (учителя, психологи, кураторы). 2. Фиксация идей и предложений детей. 3. Самооценка 6 навыков — 2-ой срез	I. Дневник наблюдения
Фаза 2 — работа с индивидуальными навыками			
		1. Самооценка индивид. навыков — 1-ый срез. 2. Протокол наблюдения	1. Дневник наблюдения
После — программная диагностика	ВТОРОЙ СРЕЗ ДИАГНОСТИКИ		
	1. Анкета учителя «Умелый класс». Оценка навыков детей	1. Самооценка индив. навыков (по Б.Фурману)	1. Оценка 6 и 22 навыков
	Проведение фокус-групп «Что изменилось?»		
	ТРЕТИЙ СРЕЗ Отсроченная диагностика через 3—5 месяцев. Повторяет второй срез		

Результаты

В формате одной статьи невозможно представить все многообразие полученных данных, поэтому остановимся на базовых показателях пилотной серии — собственно изменениях, произошедших у детей, осваивающих важные для них навыки.

Валидные данные пилотной серии представили площадки 5 школ (из г. Москвы, Саратовской и Самарской областей). Три школы имеют статус общеобразовательных школ, две — статус гимназии или лицея. В статистический анализ включены данные 9 классов, а именно: шести первых классов, двух вторых и одного четвертого класса. Шесть участвовавших в проекте классов имеют статус лицейских или гимназических, два класса — общеобразовательных, один — коррекционный (речевые нарушения). В общую выборку вошли 203 ребенка, из них 133 вошли в экспериментальную группу, 70 — в контрольную. Средний возраст участников экспериментальной группы — 7,7 лет, контрольной — 7,0 лет. 16 учеников из экспериментальной группы имеют различного рода ограниченные

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

возможности здоровья. В статистическую обработку данных вошли результаты опроса 9 учителей, 60 родителей.

Анализ результатов

Оценка эффективности программы учитывала:

1) изменения в уровнях развиваемых навыков в экспериментальных классах (по результатам самооценки детьми и оценки взрослыми) во время первого и второго замеров. Проведены расчеты (критерий Уилкоксона) по следующим показателям:

- выбранный для дальнейшего развития общеклассный навык;
- выбранный для дальнейшего развития индивидуальный навык;
- прочие общеклассные навыки (для каждого навыка критерий рассчитывается отдельно);
- прочие индивидуальные навыки (для каждого навыка критерий рассчитывается отдельно);

2) значимые различия между результатами измерений в экспериментальной и контрольной группах:

- в качестве основного измеряемого параметра выступает оценка изменения навыка (ОИН — разность между оценкой изменения навыка до программы и изменения навыка после программы). Для оценки целесообразности необходимо рассчитать:
  - среднюю ОИН по 6 общеклассным навыкам для каждого ребенка (как в рамках оценки навыков детьми, так и в рамках оценки навыков родителями и учителями);
  - среднюю ОИН по 22 индивидуальным навыкам для каждого ребенка (как в рамках оценки навыков детьми, так и в рамках оценки навыков родителями).

О высокой эффективности программы свидетельствует преобладание количества детей с положительной динамикой самооценки (т. е., уровень самооценки навыка после программы выше уровня самооценки того же навыка до программы) над количеством детей с отрицательной динамикой и детей с совпадающими уровнями самооценки навыка до и после программы, подтвержденное значением асимптотической значимости по критерию знаковых ранговых сумм Уилкоксона ниже 0,05.

Рассматривая изменения в уровне самооценки по шести общеклассным навыкам (табл. 2), можно отметить, что, как по навыку, выбранному в качестве основного, так и по остальным общеклассным навыкам, значительно преобладает количество детей с увеличением показателей самооценки уровня владения тем или иным навыком в ходе программы. Значимость различий в самооценке навыков до и после программы подтверждается значением асимптотической значимости, полученной по критерию знаковых ранговых сумм Уилкоксона на уровне 0,000. Таким образом, можно сделать вывод, что программа «Умелый класс» способствует развитию указанных общеклассных навыков.

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
 Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
 Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
 формирования социально значимых навыков у детей
 «Умелый класс»
 Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadireno
 N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
 Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
 for the Formation of Socially Significant Children Skills
 in the Skillful Class-method
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Таблица 2

Изменение самооценки уровня владения общеклассными навыками до и после программы

Навык	N	Снижение показателей самооценки	Увеличение показателей самооценки	Совпадающие наблюдения	Критерий знаковых ранговых сумм Уилкоксона
Выбранный в качестве основного	119	10	93	16	-7,545*
Собирать портфель	102	13	78	11	-6,429*
Выполнять ДЗ	90	11	58	21	-4,460*
Поднимать руку	75	12	53	10	-4,634*
Слушать учителя	82	5	67	10	-6,841*
Разрешать споры	86	9	67	10	-5,647*
Держать себя в руках	75	14	46	15	-3,589*

По индивидуальному навыку, выбранному для дальнейшего развития в качестве основного, отмечается схожая тенденция, а именно: значительное преобладание детей с увеличением показателей самооценки. По прочим навыкам можно отметить преобладание детей с отсутствием изменений в уровне самооценки данных навыков, однако значимые изменения в уровне самооценки детей до и после программы ($p < 0,05$) отмечаются практически для всех навыков, кроме навыков «говорить нет» и «благодарить других». То есть можно сделать вывод, что программа «Умелый класс» эффективна, пусть и с менее выраженной динамикой, при развитии большинства из указанных индивидуальных навыков.

Эффективность программы «Умелый класс» подтверждалась также путем сравнения степени изменений уровня самооценки навыков в экспериментальной и контрольной группах. Результаты расчетов представлены в табл. 3. Значимые различия между экспериментальной и контрольной группами, значения, полученные по критерию Манна—Уитни свидетельствуют о том, что тенденция к увеличению оценки навыка по результатам программы у экспериментальной группы выше, чем у контрольной группы по прошествии аналогичного периода времени.

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
 Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
 Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
 формирования социально значимых навыков у детей
 «Умелый класс»
 Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
 N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
 Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
 for the Formation of Socially Significant Children Skills
 in the Skillful Class-method
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Таблица 3

Различия в оценке навыков между экспериментальными и контрольными классами

	Ранги			
	Группа	N	Средний ранг	Сумма рангов
ОИН общеклассные	Экспериментальная группа	105	106,76	11210,00
	Контрольная группа	70	59,86	4190,00
	Всего	175		
ОИН_ индивидуальные	Экспериментальная группа	82	97,64	8006,50
	Контрольная группа	70	51,74	3621,50
	Всего	152		
Статистические критерии^а				
	ОИН общеклассные	ОИН индивидуальные		
U Манна-Уитни	1705,000	1136,500		
Z	-6,034	-6,567		
Асимп. знач. (двухсторонняя)	,000	,000		
а. Группирующая переменная: Группа				

Кроме того, было установлено, что наибольший рост самооценки навыков наблюдался в классе с инклюзивной формой обучения.

Была установлена прямая корреляция между самооценкой изменения уровня владения навыками у детей и аналогичной оценкой, проведенной их родителями.

О влиянии программы «Умелый класс» на изменение в оценке навыков детей свидетельствуют также отзывы участников проектных команд.

Психологи:

Родители заинтересовались возможностью скорректировать поведение ребенка как бы играючи. С удивлением, а затем с интересом наблюдали за изменениями.

В целом данное направление работы очень ценно активным взаимодействием с родителями, оно помогает в решении одной из проблем, о которой с тревогой говорят специалисты по работе с семьей — «угасание родительской инициативы»; в ходе работы родители пересматривают общение с ребенком. Впервые родителям даются не общие фразы по взаимодействию, а конкретный алгоритм действий.

Учителя:

Дети научились видеть положительные поступки друг друга, меньше замечая негативные.

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Почувствовала, что ... стала ближе к ученикам.

...Стоит также отметить повышение активности в групповой работе учеников, которые до начала реализации проекта предпочитали не предлагать идей и имели узкий круг общения в классе.

Анкетирование учителей выявило значимое повышение показателей удовлетворенности всеми сферами отношений, особенно отношений с родителями учеников, и работой в целом.

Аналогичные результаты были получены нашими коллегами, параллельно осуществляющими апробацию метода в Финляндии и Китае [14].

На втором этапе апробации установлено, что позитивные изменения самооценки «общеклассных» навыков являются наиболее выраженными при применении программы на втором году школьного обучения; у детей, участвующих в программе, увеличилась продуктивность совместной деятельности; снизилось количество детей, имевших низкие социометрические статусы.

Выводы о профилактическом потенциале программы «Умелый класс»

В процессе апробации технологии и исследования ее эффективности было установлено, что в процессе участия в программе «Умелый класс» значимо улучшаются у детей не только выбранные для тренировки и освоения навыки, но и ряд других measurable навыков. Улучшение этих же навыков у детей, не участвующих в программе, не столь значительно.

Хотя «Умелый класс» и не называется антибуллинговой программой, следует предположить большой профилактический потенциал программы, помогающий снизить уровень буллинга и виктимизации в младшей школе за счет входящих в программу элементов: руководство со стороны учителя, обучение навыкам [9].

Программа «Умелый класс» работает с поведенческими паттернами: это помогает предотвратить прямой буллинг, характерный для младшей школы (обзывательства, порчу вещей и др.) через тренировку навыков, которые помогают общаться в ненасильственном и уважительном ключе. Работа с навыками поможет школьникам, которые могут быть вовлечены в буллинг в качестве зачинщиков или подвергающихся буллингу из-за недостатка социальных навыков. Одновременно программа дает возможность сформировать отношения внутри коллектива, основанные на поддержке сильных сторон каждого ученика.

Заключение

В процессе апробации установлено, что эффекты технологии «Умелый класс» достигают статистически значимых изменений исследуемых параметров, но для ее полной валидации требуется продолжение исследования устойчивости полученных результатов, эффективности различных моделей внедрения и комбинации с другими профилактическими практиками, разработка организационно-управленческих оснований и системы подготовки специалистов образования в области применения профилактических программ с доказанной эффективностью.

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.
Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadireno
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Литература

1. Аммон А.В., Филиппова Е.В. Связь социального статуса детей в группе с их психологическими, социально-когнитивными и поведенческими характеристиками // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 162—175. doi:10.17759/cpp.2015230410
2. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127—140. doi:10.17759/psylaw.2019090310
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2017. 359 с.
4. Гусева А.В. Роль учителя в профилактике правонарушений подростков [Электронный ресурс] // Вестник СамГУ. 2011. № 82(1-1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-uchitelya-v-profilaktike-pravonarusheni-y-podrostkov> (дата обращения: 11.10.2020).
5. Организация просветительской работы с родителями по вопросам профилактики девиантного поведения. Методические рекомендации для руководителей образовательных организаций / Дворянчиков Н.В. и др. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. 112 с.
6. Профилактика и коррекция девиантного (аддиктивного, противоправного) поведения несовершеннолетних: проблемы, методы, технологии/авторы-составители / Н.Л. Хананашвили, Р. В. Чиркина. М., 2016. 76 с.
7. Приказ № 1155 от 17.10.2013 года «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» [Электронный ресурс]. Министерство просвещения РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/a72db92c851c9f9c33d52d482420b477/> (дата обращения: 20.10.2020)
8. Слободчиков В.И. Становление человеческого в человеке - императив отечественного образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. Том. 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/issues> (дата обращения: 20.10.2020).
9. Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. Позиция учителя в школьном буллинге [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 45—52. doi:10.17759/jmfp.2019080305
10. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 296—309. doi:10.17759/psylaw.2019090321
11. Фурман Б. Навыки ребенка в действии: Как помочь детям преодолеть психологические проблемы: пер. с англ. М.: АНФ, 2013.
12. Фурман Б. Навыки ребенка: Как решать детские проблемы с помощью игры: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 220 с.
13. Kelly M.S., Kim J.S., Franklin C. Solution-focused brief therapy in schools: A 360-degree view of the research and practice principles. New York: Oxford University Press, 2008.

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.

Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method

Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

14. Niu S.J., Niemi H. Teachers Support of Students' Social-Emotional and Self- Management Skills Using a Solution-Focused Skillful-Class Method // *The European Journal of Social and Behavioural Science*, 2020. Vol. XXVII. P. 3096—3114. doi.org/10.15405/ejsbs.269

15. Furman B. Instruction for teachers using Skillful-Class intervention methods in primary schools. Helsinki: Helsinki Brief Therapy Institute, 2018.

References

1. Ammon A.V., Filippova E.V. Svyaz' sotsial'nogo statusa detei v grupe s ikh psikhologicheskimi, sotsial'no-kognitivnymi i povedencheskimi kharakteristikami [The social status of a child in a group and its correlation with psychological, social-cognitive and behavioral characteristics]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 162—175. DOI:10.17759/cpp.2015230410. (In Russ.).

2. Boikina E.E. Ostrakizm i rodstvennyye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovaniy [Ostracism and related phenomena: review of foreign studies]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019/ Vol. 9, no. 3, pp.127-140. DOI: 10.17759/psylaw.2019090310. (In Russ.; Abstr. in Engl.).

3. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of development of higher psychological functions]. L.S. Vygotskii. Moscow, *Yurait Publ.*, 2017, 359 p.(In Russ.).

4. Guseva A.V. Rol' uchitelya v profilaktike pravonarushenii podrostkov [The role of a teacher in the prevention of juvenile delinquency]. *Vestnik SaMGU = SaMGUbulletin*, 2011, no. 82 (1-1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-uchitelya-v-profilaktike-pravonarusheniy-podrostkov> (Accessed 11.05.2020). (In Russ.).

5. Organizatsiya prosvetitel'skoi raboty s roditelyami po voprosam profilaktiki deviantnogo povedeniya. Metodicheskie rekomendatsii dlya rukovoditelei obrazovatel'nykh organizatsii [Organization of educational work with parents on the prevention of deviant behavior. Guidelines for heads of educational organizations]. Dvoryanchikov N.V. and other authors. Moscow, *FGBOU VO MGPPU Publ.*, 2018, 112 p. (In Russ.).

6. Profilaktika i korrektsiya deviantnogo (addiktivnogo, protivopravnogo) povedeniya nesovershennoletnikh: problemy, metody, tekhnologii [Prevention and correction of deviant (addictive, illegal) behavior of minors: problems, methods, technologies]. Authors-compilers: N.L. Khananashvili, R.V. Chirkina. Moscow, 2016, 76 p. (In Russ.).

7. Prikaz № 1155 of 17.10.2013 “Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya” [About approval of the Federal state educational standard of preschool education]. *Ministerstvo prosveshcheniya RF =Ministry of Education of the Russian Federation*. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/a72db92c851c9f9c33d52d482420b477> (Accessed 20.05.2020). (In Russ.).

8. Slobodchikov V.I. Stanovlenie chelovecheskogo v cheloveke — imperative otechestvennogo obrazovaniya [Human formation in a person]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.

Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»

Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

PSYEDU.ru. = Psychological Science and Education PSYEDU.ru, 2011, Vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/issues> (Accessed 20.05.2020). (In Russ.).

9. Stratiichuk E.V., Chirkina R.V. Pozitsiya uchitelya v shkol'nom bullinge [Teacher's position in school bulling]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 3, pp. 45—52. DOI:10.17759/jmfp.2019080305.). (In Russ.).

10. Teplova A.B., Chernushevich V.A. Korrektsionno-profilakticheskii potentsial traditsionnoi igry (planirovanie eksperimental'nogo issledovaniya) [Corrective and preventive potential of traditional game (experimental research planning)]. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019 (9), no. 3, pp. 296-309. doi: 10.17759/psylaw.2019090321

11. Furman B. Navyki rebenka v deistvii: Kak pomoch' detyam preodolet' psikhologicheskie problemi [Kids' Skills in action: how to help children to overcome psychological problems]. Ben Furman, Moscow, *ANF Publ.*, 2013. (In Russ.).

12. Furman B. Navyki rebenka: Kak reshat' detskie problemy s pomoshch'yu igry [Kids' Skills: How to solve children's problems by the game]. Ben Furman, Moscow, *Al'pina non-fikshn Publ.*, 2013, 220 p. (In Russ.).

13. Kelly M.S., Kim J.S., & Franklin C. Solution-focused brief therapy in schools: A 360-degree view of the research and practice principles. New York, *Oxford University Press*, 2008.

14. Niu S.J., Niemi H. Teachers Support of Students' Social-Emotional and Self- Management Skills Using a Solution-Focused Skillful-Class Method. *The European Journal of Social and Behavioural Science*, 2020, Vol. XXVII, pp.3096-3114. doi.org/10.15405/ejsbs.269

15. Furman B. Instruction for teachers using Skillful-Class intervention methods in primary schools. Helsinki, Helsinki Brief Therapy Institute, 2018.

Информация об авторах

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Бойкина Екатерина Эдуардовна, аспирант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Койкова Ксения Сергеевна, студент факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0590-1783>, e-mail: xenia.koykova@gmail.com

Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С.,
Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В.,
Чеботарев И.В.
Оценка профилактического потенциала технологии
формирования социально значимых навыков у детей
«Умелый класс»
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 93–110.

Chirkina R.V., Boykina E.E., Koykova K.S., Brigadirenko
N.V., Stratiychuk E.V., Tishkova Y.V., Chebotarev I.V.
Evaluation of the Preventive Potential of the Technology
for the Formation of Socially Significant Children Skills
in the Skillful Class-method
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 93–110.

Бригадиренко Наталья Владимировна, педагог-психолог, ресурсный центр «Одаренные дети», г. Энгельс, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0355-2113>, e-mail: brigadirenko2016@yandex.ru

Стратийчук Евгения Васильевна, психолог, благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Тишкова Юлия Викторовна, магистрант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3440-6167>, e-mail: ulikon@gmail.com

Чеботарев Иван Васильевич, студент факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9076-5896>, e-mail: ivanche8@yandex.ru

Information about the authors

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Ekaterina E. Boikina, post-graduate Student of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Kseniya S. Koikova, student of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0590-1783>, e-mail: xenia.koykova@gmail.com

Natal'ya V. Brigadirenko, psychologist, Head of the Resource Center "Gifted Children", Resource Center "Gifted Children", Engels, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0355-2113>, e-mail: brigadirenko2016@yandex.ru

Evgeniya V. Stratiichuk, psychologist, Charitable Foundation "Volunteers to Help Orphans", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Yuliya V. Tishkova, undergraduate of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3440-6167>, e-mail: ulikon@gmail.com

Ivan V. Chebotarev, student of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9076-5896>, e-mail: ivanche8@yandex.ru

Получена 08.07.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 08.07.2020
Accepted 16.11.2020

Психолого-педагогические условия первичной профилактики наркомании в студенческой среде

Милёхин А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3030-2053>, e-mail: milehinav@mgppu.ru

Умняшова И.Б.

Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России» (ФПО России), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Егоров И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1229-2955>, e-mail: egorovpravo@mail.ru

В статье рассматривается система организации первичной профилактики наркомании в образовательной организации высшего образования. К эффективным психолого-педагогическим условиям относятся: раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ; информирование студентов о правовых последствиях потребления наркотических средств и психотропных веществ; информирование всех участников образовательных отношений о способах получения психолого-медико-социальной помощи в регионе проживания (обучения); организация воспитательной деятельности в вузе, направленной на создание возможностей для студентов принимать участие в активной просоциальной деятельности; развитие психолого-педагогической компетентности у педагогических работников и родителей (законных представителей) в области профилактики зависимого поведения в молодежной среде; организация, реализация и методическая поддержка проекта «Равный обучает равного»; психологическое сопровождение студентов, включающее просветительско-развивающую работу, психологическую помощь и поддержку, психологическое консультирование.

Ключевые слова: первичная профилактика, профилактическая деятельность в вузе, профилактика наркомании в студенческой среде, правосознание.

Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.
Психолого-педагогические условия первичной
профилактики в студенческой среде
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125.

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A.
Psychological and Educational Prerequisites for Primary
Prevention of Drug Addiction among Students
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125.

Для цитаты: Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Психолого-педагогические условия первичной профилактики наркомании в студенческой среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125. DOI:10.17759/psylaw.2020100408

Psychological and Educational Prerequisites for Primary Prevention of Drug Addiction among Students

Andrey V. Milekhin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3030-2053>, e-mail: milehinav@mgppu.ru

Irina B. Umnyashova

Russian Public Organization "Federation of Psychologists of Education of Russia", Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Igor A. Egorov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1229-2955>, e-mail: egorovpravo@mail.ru

The article deals with the organization of primary prevention of drug abuse in an institution of higher education. Effective psychological and educational prerequisites include: early detection of illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances; raising students' awareness of the legal consequences of abusing narcotic drugs and psychotropic substances; informing all participants in educational process on how to obtain medical and social help in the regions they live (are educated); organizing of educational activities in a higher school aiming at creation of possibilities for students to take part in active prosocial work; development of psychological and educational competency of teachers and parents (or legal representatives) in the field of prevention of addictive behavior among the youth; arrangement, carrying out and methodological support for peer training; psychological assistance for students, including educational and developmental work, psychological help and support, as well as psychological counselling.

Keywords: primary prevention, preventive activities in an institution of higher education, drug abuse prevention among students, legal awareness.

For citation: Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Psychological and Educational Prerequisites for Primary Prevention of Drug Addiction among Students. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125. DOI:10.17759/psylaw.2020100408 (In Russ.).

Наркомания «... представляет собой заболевание, обусловленное зависимостью от наркотических средств или психотропных веществ» [5, с. 116]. Проблема наркомании «...

носит глобальный характер и представляет собой опасность для жизни и здоровья всего человечества, особенно молодежи» [18, с. 1]. Профилактика наркомании среди молодежи, как наиболее активной группы незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, «... на протяжении многих лет продолжает оставаться одной из ведущих социально значимых проблем нашего общества, определяющих острую необходимость организации решительного и активного противодействия» [15, с. 2]. Наиболее активным участником процесса профилактики наркомании в Российской Федерации является система образования. «Имеющийся у нее профессиональный, организационный ресурс, а также сфера ее социального влияния позволяют обеспечивать комплексное, системное воздействие на целый ряд социальных групп, прежде всего несовершеннолетних и молодежи, а, следовательно, вносить существенный вклад в формирование культуры здорового и безопасного образа жизни у подрастающего поколения» [15, с. 2—3].

Добиться ожидаемых государством результатов возможно только в ситуации, когда в образовательной организации создана система психолого-педагогических условий, опирающаяся на нормативно-правовые основания и этические основания профилактической деятельности в сфере образования [13] и научно обоснованные представления об эффективной организации процесса профилактической работы. Существует множество научных подходов и моделей к организации первичной профилактики наркомании в детской и молодежной среде, которые условно можно разделить на 3 вида: 1) модели психолого-педагогического воздействия на социальное окружение с целью минимизации негативного влияния на детей, подростков и молодежь; 2) модели социально-психологической поддержки; 3) модели профилактики, в основе которых лежит просветительско-развивающая деятельность, направленная на формирование у детей и молодежи знаний, навыков и компетенций, помогающих решать возникающие жизненные трудности без помощи психоактивных веществ.

В основе построения профилактической деятельности, направленной на социальное окружение, лежат трансакциональная модель превенции А.Дж. Самероффа, рассматривающая человека как продукт опыта, который он получает в ходе социального взаимодействия и модель антисоциального поведения Г. Паттерсона, с точки зрения которой отклоняющееся поведение является видом «протестного» поведения против повышенного контроля и агрессии со стороны взрослых [20, с. 13]. Применение данных моделей профилактики в вузе предполагает просветительско-развивающую и консультативную работу с социальным окружением молодых людей (прежде всего с родителями/законными представителями и педагогическими работниками), направленную на развитие представлений о негативных последствиях неконструктивного взаимодействия в системе «ребенок—родитель»/«обучающийся—педагог» (агрессивное поведение, чрезмерный контроль и гиперопека и т. д.), которые могут стать причинами возникновения интереса к девиантным формам поведения, в том числе к употреблению наркотических и психоактивных веществ.

Конструктивным и позитивно воздействующим поведением со стороны значимого для молодых людей социального окружения может выступать модель социального влияния и поддержки, которая помогает развитию адаптивного поведения, способствует снижению чувствительности к стрессу и помогает развитию установок, связанных с ценностью

собственной жизни и здоровья. Научной основой профилактической деятельности, направленной на формирование конструктивных форм поведения у референтного для молодых людей социального окружения, являются: модель «превентивных буферов» Н. Гемези и М. Роттера [20, с. 14]; модели социального влияния (Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, Р. Петти и Дж. Качиоппо, Ш. Чайкен и др.) [1]; теория социальной идентичности (Г. Тэшфел, Дж. Тернер); теория самокатегоризации (А. Хеслам, Ж. Жеттен и др.) [2]; концепция социальной поддержки (С. Кохен, Т. Виллс и др.) [9, с. 71–76].

Взаимодействие с социальным окружением студентов, несмотря на значимость, является менее эффективным направлением профилактической деятельности в вузах. Это связано, прежде всего, с низким уровнем готовности большинства родителей/законных представителей студентов вступать во взаимодействие с педагогическими работниками вуза по вопросам профилактики отклоняющихся форм поведения их уже достаточно взрослых детей и такой же низкой готовностью/мотивацией со стороны педагогических работников осуществлять воспитательные функции по отношению к обучающимся — студентам. Кроме того, родители/законные представители и педагогические работники не оказывают уже такого сильного влияния на формирование и развитие жизненных установок молодых людей, какое они оказывали в детском и подростковом возрасте. Поэтому взаимодействие педагогического коллектива вуза и значимого для студентов социального окружения происходит, чаще всего, в кризисные для молодых людей моменты и относится к вторичному или третичному уровню профилактической работы. В то время как для первичной профилактики, способствующей сохранению и укреплению ценности жизни и здоровья молодых людей и их отказу от саморазрушающих форм поведения, более способствуют модели профилактической работы, направленные на развитие жизненных навыков и компетенций, помогающих конструктивно справляться с различными трудными жизненными ситуациями. К таким моделям профилактической работы можно отнести: теорию социального научения и самоэффективности; теорию продвижения здоровья А. Бандуры; теорию проблемного поведения Р. Джессора; концепцию здорового жизненного стиля ВОЗ; теорию жизненных навыков Д. Ботвина; мотивационную теорию постадийного изменения поведения (Прохазка, Ди-Клементи); транзакционную теорию стресса и копинг-поведения Р. Лазаруса и др. [4; 9]; модель «Копинг-поведения» (Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский) [17]; модель развития самодетерминации (Э. Деси, Р. Райн, Т.О. Гордеева, О.Е. Дергачева, Л.Я. Дорфман, Е.Р. Калитеевская, Д.А. Леонтьев и др.) [21]; модель «факторов риска и факторов защиты» [3]. Основной акцент в перечисленных выше концепциях и теориях сделан на понимании того, что человек способен противостоять негативным факторам внешней среды в том случае, если у него развиты на достаточно высоком уровне самосознание, самооценка, ценностное отношение к себе и своему здоровью, мотивация к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации. Безусловно, в различные моменты жизни на человека могут оказывать разное влияние ситуации, с которыми он сталкивается, и если он владеет способами конструктивного преодоления трудностей, то у него не возникает потребности обратиться к способам «ухода от реальности» с помощью изменения состояния своего сознания. Создание ситуации для развития самосознания, повышение уровня психологической культуры обучающихся и их родителей (законных представителей) имеет большое значение для профилактики негативных проявлений в детской и студенческой среде, в том числе для первичной профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ.

Для организации первичной профилактической работы в вузе, способствующей предупреждению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде, в образовательной организации должны быть созданы определенные психолого-педагогические условия, такие как:

раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ;

информирование студентов о правовых последствиях потребления наркотических средств и психотропных веществ;

информирование всех участников образовательных отношений о способах получения психолого-медико-социальной помощи в регионе проживания (обучения);

организация воспитательной деятельности в вузе, направленной на создание возможностей для студентов принимать участие в активной просоциальной деятельности;

развитие психолого-педагогической компетентности у педагогических работников и родителей (законных представителей) в области профилактики зависимого поведения в молодежной среде;

организация, реализация и методическая поддержка проекта «Равный обучает равного»;

психологическое сопровождение студентов (просветительско-развивающая работа, психологическая помощь и поддержка, психологическое консультирование). Остановимся подробнее на каждом из вышеперечисленных условий.

Раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в вузе проводится в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 16.06.2014 № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования» [16]. Процедура регламентируется данным приказом и локальными актами образовательной организации, которыми определяются:

- алгоритм получения информационных согласий на участие в процедуре тестирования обучающихся и их родителей (законных представителей) (для обучающихся моложе 18 лет);

- регламент проведения процедуры социально-психологического тестирования, в том числе информация о способах соблюдения конфиденциальности при проведении тестирования и хранении его результатов;

- поименные списки обучающихся, которые примут участие в социально-психологическом тестировании (по итогам получения информационных согласий);

- состав и регламент работы комиссии из числа работников вуза, которая будет обеспечивать организационно-техническое сопровождение процедуры тестирования в образовательной организации;

- утвержденное расписание тестирования, с указанием времени и учебных аудиторий для проведения тестирования [16];

- иные необходимые процедуры.

Информирование студентов о правовых последствиях потребления наркотических средств и психотропных веществ. На государственном уровне незаконное потребление наркотических и психотропных веществ справедливо отнесено к последствиям правового нигилизма, низкого уровня правосознания [14, п. 11]. Как отмечалось ранее, низкий уровень правовых знаний несет в себе высокий риск неправомерного поведения [6], что свидетельствует о необходимости информирования студентов о юридической

ответственности за незаконное употребление наркотиков и психотропных веществ. Вместе с тем одного только информирования об установленных государством санкциях для профилактики будет не достаточно, в образовательном процессе необходимо использование достижений культурно-исторической психологии Выготского Л.В. и теории деятельности Леонтьева А.Н., обеспечивая тем самым, деятельностное участие студентов в процессе [7] — это может быть разбор конкретных ситуаций, например, описанных в прессе, содержание и изложение которых может быть наложено (виртуально) студентами на себя, своих близких и позволит им самим «пережить» последствия; студентам можно предложить спрогнозировать их собственную жизнь в случае участия в незаконном потреблении наркотиков и психотропных веществ с точки зрения правовых последствий, а также их дальнейших профессиональных и личностных перспектив.

Информирование всех участников образовательных отношений о способах получения психолого-медико-социальной помощи в регионе проживания (обучения) также является важным условием организации профилактической работы в вузе. Даже если в образовательной организации функционирует психологическая служба (центр психологического консультирования), далеко не все обучающиеся и представители их семей готовы обратиться к специалистам — сотрудникам вуза за психологической помощью и поддержкой. Основные причины, препятствующие получению психологической помощи в образовательной организации, — боязнь несоблюдения сотрудниками психологической службы этических принципов (прежде всего конфиденциальности) и низкий уровень психологической грамотности обучающихся и их родителей (законных представителей) о принципах и методах работы психологов в сфере образования. Информация о способах получения специальной квалифицированной помощи вне образовательной организации предоставляет более широкий выбор обучающимся и их родителям о возможностях профессиональной поддержки их в сложных для них жизненных ситуациях. Также стоит отметить, что далеко не каждая психологическая служба вуза способна обеспечить весь перечень услуг, потребность в которых может возникнуть у обучающихся и их родителей (например, запрос на семейную психотерапию или длительное психологическое консультирование). Такого рода информация должна содержать актуальные контактные сведения об организациях, где можно пройти социально-психологическое тестирование и профилактический медицинский осмотр; получить консультацию профильных специалистов (очно, онлайн, по телефону и т. д.); узнать информацию о признаках зависимого поведения и способах адекватной помощи людям, у которых проявляются признаки такого поведения. Информация о центрах психолого-медико-социальной помощи, телефонах доверия, реабилитационных организациях и т. д. может быть размещена на информационных стендах в образовательной организации, опубликована на сайте вуза и/или в социальных сетях, опубликована в тематических изданиях образовательной организации и т. д. Место размещения данной информации необходимо сообщать обучающимся и их родителям на собраниях или других воспитательных мероприятиях. Стоит позаботиться о периодической проверке актуальности контактной информации организаций, где можно получить профильную специализированную помощь: продолжает ли оказывать перечисленные в информационном постере услуги та или иная организация, активна ли ссылка на сайт, отвечают ли на звонки по указанным номерам телефонов и т. д. Достоверность информации о способах получения психолого-медико-социальной помощи в регионе их проживания (обучения) позволит организовать начало взаимодействия обучающихся, нуждающихся в

специализированной помощи, и профильных специалистов, готовых им ее оказать за пределами образовательной организации.

Одним из самых актуальных и значимых условий, способствующих предупреждению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде, является *организация воспитательной деятельности в вузе, направленной на создание для обучающихся возможности принимать участие в активной просоциальной деятельности.*

Процесс воспитания представляет собой «... целенаправленный процесс формирования гуманистических качеств личности, основанный на взаимодействии воспитанника и окружающей социальной среды» [19, с. 52]. Основная цель организации воспитательного процесса в образовательной организации — создать условия в учебной и внеучебной деятельности обучающихся, которые будут провоцировать формирование и развитие определенных личностных качеств и компетенций, способствующих личностному развитию и социализации обучающихся. М.И. Рожнов выделяет четыре стратегии воспитания:

- социализирующая — процесс социализации личности;
- акмеологическая — процесс, направленный на развитие человека, создание условий для реализации потенциальных возможностей и самореализации;
- культурологическая — процесс, ориентированный на освоение элементов культуры и этнической идентичности;
- экзистенциальная — процесс формирования человека, умеющего прожить свою жизнь на основе сделанного им экзистенциального выбора, осознающего его смысл и реализующего себя в соответствии с этим выбором [19, с. 54—59].

Воспитательная деятельность в образовательной организации высшего образования реализуется в учебной и внеучебной деятельности через систему учебно-воспитательных средств и действий, направленных на создание благоприятной среды для личностного развития и проявления активной гражданской позиции. К таким средствам и действиям относятся:

- сохранение и создание новых традиций образовательной организации;
- реализация культурно-образовательных, гражданско-патриотических, профилактических программ;
- деятельность творческих объединений и коллективов студентов (в том числе совместно с педагогическими работниками);
- поддержка талантливой молодежи через систему дополнительного образования и творческих конкурсов;
- организация спортивно-оздоровительной работы и пропаганда здорового образа жизни;
- организация досуга и отдыха студентов;
- развитие органов студенческого самоуправления, организация обучения студенческого актива, поддержка работы студенческих объединений и организаций;
- вовлечение и поддержка студентов для участия в волонтерской деятельности;
- социально-психолого-педагогическое сопровождение студентов: помощь в получении социальных льгот, поддержка первокурсников в период адаптации, поддержка соблюдения прав студентов и т. д.;
- организация системы морального и материального стимулирования студентов, активно участвующих во внеучебной жизни вуза;
- организационно-методическая работа с административными и педагогическими

работниками (заместители деканов, кураторы академических групп, руководители творческих объединений и т. д.).

Создание и поддержка психологически безопасной и комфортной образовательной среды, способствующей процессу социализации, а также культурному и личностному развитию студентов является одним из способов предупреждения наркомании в студенческой среде.

Развитие психолого-педагогической компетентности педагогических работников и родителей (законных представителей) обучающихся в области профилактики зависимого поведения в молодежной среде является еще одним значимым условием, способствующим предупреждению наркомании среди студентов. Психолого-педагогическая компетентность понимается учеными (И.С. Якиманская, Н.В. Андропова, М.А. Холодная, Н.В. Кузьмина, Т.Н. Щербакова и др.) как совокупность знаний, умений и навыков по психологии и педагогике. Наличие психолого-педагогической компетентности у педагогических работников и родителей (законных представителей) обучающихся проявляется в способности эффективно применять психолого-педагогические знания в процессе организации взаимодействия с другими людьми и своей профессиональной деятельности. Одной из наиболее эффективных форм организации работы, направленная на повышение психолого-педагогической компетентности взрослых, считается просветительно-развивающая деятельность [23].

Для эффективной первичной профилактики потребления наркотических средств и психотропных веществ среди студентов, просветительно-развивающие мероприятия должны быть посвящены следующим вопросам:

- способы раннего выявления (диагностики) склонности к потреблению наркотических средств и психотропных веществ в юношеском возрасте;
- способы и принципы оказания информационной и психолого-педагогической поддержки студентам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Ведущими просветительно-развивающих мероприятий с сотрудниками вуза и родителями студентов могут быть как штатные преподаватели, имеющие специальные знания по указанным выше вопросам, так и приглашенные специалисты (психологи, наркологи, психотерапевты, социальные работники и т. д.), обладающие достаточным опытом в области организации профилактической деятельности в студенческой среде. Просветительно-развивающая деятельность может осуществляться в различных формах, в том числе с помощью распространения учебно-методических материалов (книги, статьи, методические пособия и т. д.). Но наиболее эффективными для развития практических навыков остаются интерактивные формы обучения (мастер-класс, тренинг, дискуссия и т. д.), которые можно проводить, в том числе, с использованием дистанционных технологий (в форме вебинаров, онлайн-конференций и т. д.).

Организация, реализация и методическая поддержка проекта «Равный обучает равного» с привлечением студентов-волонтеров. В силу различных причин во многих случаях профилактические мероприятия, организуемые взрослыми (педагогами, администрацией образовательных учреждений, специалистами из организаций-партнеров), не имеют высокой эффективности. Но при этом у молодых людей существует потребность в достоверной информации о способах преодоления жизненных трудностей, которую они стараются получить из общения со сверстниками, как в социальных сетях, так и при личном общении. Специалисты в области возрастной психологии подчеркивают, что в юношеском возрасте, в

период активного формирования самосознания и психологической готовности к самоопределению, возрастает значимость доверительного личностного общения [8]. Эта особенность юношеского возраста активно используется в различных странах при реализации профилактических и образовательных программ, основанных на применении принципа «Равный обучает равного». В основе данного принципа лежит представление о том, что молодые люди общаются друг с другом более открыто, свободно и непринужденно, чем со взрослыми, что делает поступающую от сверстника к сверстнику информацию более доступной и принимаемой [10; 11; 12; 22]. Следовательно, в среде молодых людей можно распространять жизненно важные знания о правовых, медицинских и психологических последствиях незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ через специально подготовленных сверстников.

Данное направление профилактической деятельности является востребованным среди студентов, что подтверждается данными опроса, проведенного в апреле 2019 г. среди студентов Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ). В опросе приняли участие 25 представителя студенческого самоуправления и 253 студента 1— 4-го курсов, обучающихся на шести факультетах МГППУ (всего 278 человек). В результате опроса было выявлено:

- наличие интереса и готовности 85% участников студенческого самоуправления МГППУ принять участие в программе просветительских мероприятий, направленных на развитие навыков в области профилактики наркомании в студенческой среде;
- готовность 45% участников исследования принять участие в просветительских мероприятиях, ведущие которых — студенты МГППУ;
- повышенный интерес к реализации просветительских мероприятий для студентов других вузов г. Москвы;
- наиболее востребованные темы профилактических занятий: стрессоустойчивость (68,1%), мотивация к обучению и саморазвитию (65,2%), эмоциональный интеллект (59,8%), самоопределение (53,4%), тайм-менеджмент (47,1 %). Развитие навыков в указанных участниками опроса темах влияют на развитие ценностного отношения к собственной жизни и готовности к здоровому образу жизни, исключая потребление наркотических средств и психотропных веществ [12].

В случае организации проекта «Равный обучает равного» в организации высшего образования необходимо запланировать методическое сопровождение (просвещение и консультирование) кураторов учебных групп и участников проекта по вопросам реализации профилактических задач.

Психологическое сопровождение студентов — крайне желательное, но не всегда возможное с организационной точки зрения условие, способствующее эффективной профилактике наркотических средств и психотропных веществ среди обучающихся вуза. В случае функционирования в вузе службы социально-психологического сопровождения первичная профилактика наркомании может осуществляться по следующим направлениям: просветительно-развивающая работа со студентами, психологическое консультирование и экспертная деятельность.

Как и в случае в педагогическими работниками и родителями обучающихся, просветительно-развивающая работа со студентами должна быть направлена на формирование у обучающихся психолого-педагогической компетентности как важнейшего

условия конструктивного поведения молодежи по отношению к себе и собственной жизни. Основные задачи просветительско-развивающей работы со студентами:

- развитие способности к эффективному самопознанию и саморазвитию,
- развитие ценностного и сознательного отношения к собственному здоровью, направленности на реализацию принципов здорового образа жизни, негативное отношение к потреблению психотропных веществ.

Просветительско-развивающие занятия могут проводиться как отдельные мероприятия внеучной работы вуза (например, студенческий дискуссионный клуб, мастерская по развитию Soft-skills, киноклуб, студенческий форум, выездной психологический тренинг и т. д.), так и являться частью учебных занятий (семинаров, практикумов и т. д.), тематика которых пересекается с задачами первичной профилактики в вузе.

Психологическая помощь и поддержка студентов, осуществляемая в ходе психологического консультирования — более специфический вид профессиональной деятельности специалистов вуза и может осуществляться только профильными специалистами (сотрудниками службы социально-психологического сопровождения вуза). В случае невозможности организации в вузе деятельности службы сопровождения особо актуально создание системы информирования всех участников образовательных отношений о возможностях получения психолого-медико-социальной помощи в регионе проживания и мотивирование студентов на получение данных услуг в случае необходимости.

Организация первичной профилактики наркомании в организации высшего образования — сложный многогранный процесс, требующий участия всех субъектов образовательных отношений: педагогических и административных работников, родителей (законных представителей) обучающихся, а также самих обучающихся, прежде всего активной студенческой молодежи, имеющей активную жизненную позицию и негативное отношение к распространению и употреблению наркотических средств и психотропных веществ среди сверстников. Каждая образовательная организация обладает собственными уникальными ресурсами, которые могут стать основой для разработки концепции первичной профилактики наркомании с учетом потребностей и задач конкретной образовательной организации, основная цель которой — максимальное исключение незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде.

Литература

1. Бовина И.Б. Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 1—9. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72707.shtml> (дата обращения: 10.09.2019).
2. Бовина И.Б. Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ в области здоровья (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 1. С. 40—48. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76147.shtml> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Бочавер А.А., Третьякова Т.В. Принципы построения профилактических программ для подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. Том 6. № 1. С. 108—116. doi:10.17759/psyedu.2014060113
4. Бузина Т.С. Психологическая профилактика наркотической зависимости. М.: Когито-

Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.
Психолого-педагогические условия первичной
профилактики в студенческой среде
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125.

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A.
Psychological and Educational Prerequisites for Primary
Prevention of Drug Addiction among Students
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125.

Центр, 2015. 312 с.

5. Гордеев А.Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его противодействию // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 7А. С. 115—127.
6. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. Том 6. № 3. С. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307
7. Егоров И.А., Умняшова И.Б. Проблема формирования правосознания обучающихся в условиях децентрализации нормативного регулирования деятельности образовательных организаций // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303
8. Кон И.С. Психология ранней юности. М., Просвещение, 1989. 256 с.
9. Кора Н.А. Профилактика наркотической зависимости у молодежи. Благовещенск: Амурский гос.ун-т, 2006. 207 с.
10. Критерии программ «Равный — равному» по профилактике ВИЧ-инфекции и продвижению идеи здорового образа жизни среди молодежи в Российской Федерации: руководство для практиков. М.: Y-PEER, 2006. 116 с.
11. Лыгина М.А. Волонтерское движение — новое направление первичной профилактики наркомании // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2008. № 11. С. 10—15.
12. Методические рекомендации для вузов по организации первичной профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде, основанной на принципе «Равный обучает равного». Пособие для вузов / под ред. Умняшовой И.Б., Леоновой О.И. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2020. 131 с.
13. Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 103-119. doi:10.17759/psylaw.2019090408
14. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 14.07.2011. № 151.
15. Письмо Минобрнауки РФ от 05.09.2011 № МД-1197/06 «О Концепции профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде» // Администратор образования. № 21. Ноябрь, 2011.
16. Приказ Минобрнауки России от 16.06.2014 № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования» (ред. от 14.02.2018) // Российская газета. 20.08.2014. № 187.
17. Профилактика зависимости от психоактивных веществ: руководство по разработке и внедрению программ формирования жизненных навыков у подростков группы риска / [Т. Воробьева, А. Ялтонская]; Организация Объединенных Наций, Упр. по наркотикам и преступности. М.: УНП ООН, 2008. 68 с.
18. Решение Совета по проблемам профилактики наркомании при Совете Федерации по итогам заседания на тему «Организация системы профилактики наркомании в субъектах

Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.
Психолого-педагогические условия первичной
профилактики в студенческой среде
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125.

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A.
Psychological and Educational Prerequisites for Primary
Prevention of Drug Addiction among Students
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125.

Российской Федерации: опыт, проблемы, пути решения» от 26 сентября 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/66274/> (дата обращения: 10.09.2019).

19. Рожков М.И. Юногига. Педагогическое обеспечение работы с молодежью: учеб.-метод. пособие : Изд-во ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2007. 312 с.

20. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения. М: ООО «Центр полиграфических услуг "Радуга"», 2004. 192 с.

21. Степанова Н.А. Модель развития самодетерминации как основа профилактики зависимого поведения подростков в современных образовательных организациях [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 4. С. 21—32. doi:10.17759/psyedu.2017090403.

22. Умняшова И.Б. Волонтерская деятельность как форма первичной профилактики химической аддикции в молодежной среде // Современная реальность в социально-психологическом аспекте: сборник научных трудов / под научной редакцией О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошенковой. Новосибирск: НГПУ, 2020. С. 191 – 197.

23. Умняшова И.Б. Организационно-правовые и этические аспекты деятельности педагогических работников по развитию психолого-педагогических компетенций родителей обучающихся // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся: сборник научных трудов / Под ред. Г.В. Новиковой, И.Б. Умняшовой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ; МГУ; ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА; ФПО России, 2017. С. 45—54.

References

1. Bovina I.B. Vozmozhnosti social'no-psihologicheskikh modelej dlja razrabotki profilakticheskikh programm (Chast' 1) [The potential of socio-psychological models for the development of prevention programs (Part 1)] [Elektronnyj resurs]. Psikhologija i pravo [Psychology and Law], 2014. Vol. 4, no. 3, pp. 1—9. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72707.shtml> (Accessed: 10.09.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Bovina I.B. Vozmozhnosti social'no-psihologicheskikh modelej dlja razrabotki profilakticheskikh programm v oblasti zdorov'ja (Chast' 2) [The potential of socio-psychological models for the development of prevention programs (Part 2)] [Elektronnyj resurs]. Psihologija i pravo [Psychology and Law], 2015. Vol 5, no 1. pp. 40—48. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76147.shtml> (Accessed: 10.09.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Bochaver A.A., Tret'jakova T.V. Principy postroenija profilakticheskikh programm dlja podrostkov [Elektronnyj resurs]. Psihologo-pedagogicheskie issledovanija [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2014. Vol 6, no 1. pp. 108—116. doi:10.17759/psyedu.2014060113. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Buzina T.S. Psihologicheskaja profilaktika narkoticheskoy zavisimosti [Psychological prevention of drug dependence]. Moscow: Publ.: Kogito-Centr, 2015. 312 p.

5. Gordeev A.Ju. Sovremennoe sostojanie, tendencii narkotizma v Rossii i sistema mer po ego protivodejstviju [Current state, trends of drugs in Russia and the system of measures to counter it]. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law], 2018. Vol 8, no. 7A, pp. 115-127.

6. Egorov I.A., Safuanov F.S. *Образовательный процесс как фактор формирования правосознания* [Educational process as a factor in the formation of Legal Consciousness] [Elektronnyj resurs]. *Psichologo-pedagogicheskie issledovanija* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2014. Vol. 6, no 3. pp. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Egorov I.A., Umnyashova I.B. *Problema formirovanija pravosoznaniya obuchajushhihsja v uslovijah decentralizacii normativnogo regulirovanija dejatel'nosti obrazovatel'nyh organizacij* [Formation of Legal Consciousness in Children in the Context of Decentralization of Normative Regulation of Educational Organizations]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural-Historical Psychology], 2017. Vol. 13, no 3, pp. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Kon I.S. *Psichologija rannej junosti* [Psychology of early youth]. Moscow: Publ. Prosveshhenie, 1989. 256 p.
9. Kora N.A. *Profilaktika narkoticheskoj zavisimosti u molodezhi* [Prevention of drug dependence in young people]. Blagoveshhensk: Publ. Amurskij gos.un-t, 2006. 207 p.
10. *Kriterii programm «Ravnyj — ravnomu» po profilaktike VICH-infekcii i prodvizheniju idei zdorovogo obraza zhizni sredi molodezhi v Rossijskoj Federacii: Rukovodstvo dlja praktikov* [Criteria of programs "Equal - Equal" to prevent HIV infection and promote the idea of healthy lifestyle among young people in the Russian Federation: Guide for practitioners]. Moscow: Publ. Y-PEER, 2006. 116 p.
11. Lygina M.A. *Volonterskoe dvizhenie — novoe napravlenie pervichnoj profilaktiki narkomanii* [Volunteer movement - a new direction of primary prevention of drug addiction]. *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [News of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky], 2008, no. 11, pp.10-15.
12. *Metodicheskie rekomendacii dlja vuzov po organizacii pervichnoj profilaktiki nezakonnoego potreblenija narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv v studencheskoj srede, osnovannoj na principe «Ravnyj obuchaet ravnogo»*. *Posobie dlja vuzov* [Methodological recommendations for universities on the organization of the primary prevention of the illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances in the student environment, based on the principle of "Equal training of equal." Manual for universities]. In Umnyashova I.B. (eds). Moscow.: Russian Publik Organization "Federation of Psychologist of Education of Russia", 2020. 131 p.
13. Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. *Normativno-pravovye i jeticheskie osnovanija pervichnoj profilaktiki narkomanii v sisteme obrazovanija* [Regulatory and Ethical Basis of Primary Prevention of Drug Addiction in the Education System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologija i pravo* [Psychology and Law], 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 103–119. doi:10.17759/psylaw.2019090408. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. *Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 no Pr-1168)* [Foundations of the state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens]. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper]. 14.07.2011, no. 151.
15. *Pis'mo Minobrnauki RF ot 05.09.2011 № MD-1197/06 «O koncepcii profilaktiki upotreblenija psihoaktivnyh veshhestv v obrazovatel'noj srede»* [Letter from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 05.09.2011 number MD-1197/06 "On the Concept of Preventing the Use of Psychoactive Substances in the Educational Environment"]. *Administrator obrazovanija* [Administrator of education], no. 21, nojabr', 2011.
16. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 16.06.2014 № 658 «Ob utverzhdenii Porjadka provedenija*

social'no-psihologicheskogo testirovanija lic, obuchajushhihsja v obshheobrazovatel'nyh organizacijah i professional'nyh obrazovatel'nyh organizacijah, a takzhe v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija» (red. ot 14.02.2018) [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 16.06.2014 number 658 "About the statement of the Order of conducting social and psychological testing of the persons studying in the general education organizations and the professional educational organizations and also in the educational organizations of the higher education"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 20.08.2014, no. 187.

17. Profilaktika zavisimosti ot psihoaktivnyh veshhestv : rukovodstvo po razrabotke i vnedreniju programm formirovanija zhiznennyh navykov u podrostkov gruppy riska [Prevention of dependence on psychoactive substances: guidelines for the development and implementation of life skills programmes in adolescents at risk]. In T. Vorob'eva (eds). Moscow: Publ. UNP OON, 2008. 68 p.

18. Reshenie Soveta po problemam profilaktiki narkomanii pri Sovete Federacii po itogam zasedanija na temu «Organizacija sistemy profilaktiki narkomanii v sub'ektah Rossijskoj Federacii: opyt, problemy, puti reshenija» ot 26 sentjabrja 2016 goda [Decision of the Council on Problems of Prevention of Drug Addiction under the Federation Council following the meeting on "Organization of the System of Prevention of Drug Addiction in the Constituent Entities of the Russian Federation: Experience, Problems, Ways to Solve" of September 26, 2016] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/66274/> (Accessed: 10.09.2019)

19. Rozhkov M.I. Junogogiga. Pedagogicheskoe obespechenie raboty s molodezh'ju. Uchebno-metodicheskoe posobie [Yunogogiga. Pedagogical support of work with young people. Educational and methodological manual]. Yaroslavl: Publ. JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2007. 312 p.

20. Sirota N.A., Jaltonskij V.M. Jefferktivnye programmy profilaktiki zavisimosti ot narkotikov i drugih form zavisimogo povedenija [Effective programmes for the prevention of drug dependence and other forms of addictive behaviour]. Moscow, Publ: OOO Centr poligraficheskikh uslug «Raduga», 2004, 192 p.

21. Stepanova N.A. Model' razvitija samodeterminacii kak osnova profilaktiki zavisimogo povedenija podrostkov v sovremennyh obrazovatel'nyh organizacijah [Model of Development of Self-determination as the Basis of Prevention of Addictive Behavior of Adolescents in Contemporary Educational Organizations] [Elektronnyj resurs]. Psihologo-pedagogicheskie issledovanija [Psychological-Educational Studies], 2017. Vol 9, no 4, pp. 21—32. doi:10.17759/psyedu.2017090403. (In Russ., abstr. in Engl.).

22. Umnyashova I.B. Volonterskaja dejatel'nost' kak forma pervichnoj profilaktiki himicheskoy addicicii v molodezhnoj srede [Volunteer activities as a form of primary prevention of chemical addiction in youth environment]. Sovremennaja real'nost' v social'no-psihologicheskom aspekte: sbornik nauchnyh trudov [Modern reality in the socio-psychological aspect: a collection of scientific works]. In Belobrykina O.A. (eds). Novosibirsk : NGPU, 2020. pp. 191 – 197.

23. Umnyashova I.B. Organizacionno-pravovye i jeticheskie aspekty dejatel'nosti pedagogicheskikh rabotnikov po razvitiju psihologo-pedagogicheskikh kompetencij roditelej obuchajushhihsja [Organizational and legal and ethical aspects of activities of pedagogical workers for development of psychology and pedagogical competences of parents of students]. Razvitie psihologo-pedagogicheskij kompetentnosti roditelej obuchajushhihsja : sbornik nauchnyh trudov [Development of psychological and pedagogical competence of parents of students]. In Novikova G.V. (eds). Moscow: Publ. FGBOU VO MGPPU, MGU,FGBOU VO RGAU- MSHA, FPO Rossii.

Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.
Психолого-педагогические условия первичной
профилактики в студенческой среде
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125.

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A.
Psychological and Educational Prerequisites for Primary
Prevention of Drug Addiction among Students
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125.

2017. pp.45-54.

Информация об авторах

Милёхин Андрей Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3030-2053>, e-mail: milehinav@mgppu.ru

Умняшова Ирина Борисовна, кандидат психологических наук, председатель регионального отделения г. Москвы Общероссийской общественной организации «Федерация психологов образования России», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Егоров Игорь Александрович, начальник отдела по работе с персоналом, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1229-2955>, e-mail: egorovpravo@mail.ru

Information about the authors

Andrey V. Milekhin, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor at the Department of Pedagogical Psychology named after professor V.A. Guruzhapov Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3030-2053>, e-mail: milehinav@mgppu.ru

Irina B. Umnyashova, Ph.D. in Psychology, Chairman of the regional branch of Russian Public Organization "Federation of Psychologists of Education of Russia" of Moscow", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Igor A. Egorov, Human Resources Department Head, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1229-2955>, e-mail: egorovpravo@mail.ru

Получена 11.06.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 11.06.2020
Accepted 16.11.2020

Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения

Купцова Д.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (НМИЦПН имени В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Каменсков М.Ю.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (НМИЦПН имени В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@yandex.ru

Проблема определения конструктивной валидности методики производства психофизиологических тестирований на полиграфе на настоящий момент является особо актуальной в связи с увеличением количества таких тестирований в разных сферах общественной жизни. Возможность отнесения психофизиологического тестирования на полиграфе к доказательным методам в судебно-следственной практике отчасти зависит от определения такой теоретической модели, которая будет соответствовать фундаментальным научным положениям. Вместе с тем такая модель не должна противоречить полученным экспериментальным данным. В настоящем обзоре обсуждается вопрос о том, возможно ли представить отдельный психический процесс в качестве объекта психофизиологического тестирования. Приведены критические замечания к предложенным ранее теоретическим моделям объяснения физиологических реакций, возникающих у обследуемого во время тестирования на полиграфе. Рассматривается механизм возникновения физиологических реакций при тестировании на полиграфе с точки зрения теории функциональных систем, предложенной П.К. Анохиным. Предполагается, что системный подход задаст правильный вектор для определения теоретического обоснования этого метода.

Ключевые слова: полиграф, системная психофизиология, тестирование на полиграфе, системная организация поведения.

Для цитаты: Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 126—138. DOI:10.17759/psylaw.2020100409

Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution

Darina M. Kuptsova

V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Maxim Yu. Kamenskov

V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@yandex.ru

The problem of determining the constructive validity of the methodology for the mental and physical polygraph testing is currently particularly pressing due to the increased number of such testing procedures in various fields of social life. The possibility of labeling of mental and physical polygraph testing as one of evidence-based methods in investigative and judicial practice partly depends on defining a theoretical model that would be in line with the core scientific foundations and wouldn't contradict experimental data. In this review we are talking about possibility of considering a separate psychic process as an object of mental and physical testing. Criticisms have been cited for the earlier models of interpreting the psychological responses in individuals examined during a polygraph test. We look at the mechanism for the occurrence of physiological reactions during polygraph testing from the standpoint of the theory of functional systems proposed by Pyotr Anokhin. It is assumed that the systemic approach will set the right direction for defining a theoretical grounding of this methodology.

Keywords: polygraph, systemic psychophysiology, mental and physical testing, polygraph testing, systematic organization of behavior.

For citation: Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 126—138. DOI:10.17759/psylaw.2020100409 (In Russ.).

Введение

Тестирование на полиграфе является одним из самых дискуссионных и противоречивых методов судебной экспертизы. Несмотря на широкое практическое применение, единого мнения о допустимости использования результатов тестирования на полиграфе как доказательства в суде на данный момент нет. В 2003 г. в докладе Национального исследовательского центра было отмечено, что «исследования на полиграфе не совершенствовались с точки зрения науки». На протяжении более полувека так и не было предложено адекватного научного обоснования, которое было бы принято научным сообществом [20]. В разное время появлялись теоретические модели, целью которых было объяснение механизма возникновения психофизиологических реакций, однако отмечалась их противоречивость и разрозненность. Это создало определенные методологические трудности, так как каждая из них предполагает специфический подход к проблеме,

использование различного понятийного аппарата и разных способов анализа данных. При этом попытки напрямую интерпретировать полученные в ходе экспертизы на полиграфе данные с точки зрения фундаментальных концепций зачастую сопровождались некорректным представлением их положений [32].

В связи с отсутствием консенсуса об интерпретации получаемых с помощью полиграфа данных, на сегодняшний момент по-прежнему существует необходимость в определении такой теоретической модели, которая наилучшим образом могла бы объяснить те феномены, которые встречаются в реальной практике применения полиграфа. В первую очередь, это необходимо для того, чтобы появилась возможность увеличить доказательственное значение психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. Существующие на сегодняшний момент теории, необходимо проанализировать, определив, какая из них не противоречит принципам фундаментальной науки.

В общем виде процесс тестирования на полиграфе представляет собой сгруппированные в несколько тестов вопросы, касающиеся исследуемого события с параллельной регистрацией физиологической активности с помощью специальных датчиков: дыхания, электрокожной проводимости и сердечно-сосудистой системы. Сегодня среди полиграфологов, как в России, так и по всему миру, существует консенсус о том, что полиграф не определяет ложь [12; 32]. Вместо этого, перед специалистами чаще встает вопрос о том, какой психический процесс лежит в основе возникновения реакций на вопросы при сообщении человеком недостоверной информации.

Теория целенаправленного тестирования памяти

Теория целенаправленного тестирования памяти была предложена Ю.И. Холодным и затем поддержана другими авторами [25, 26]. Согласно ей, феномен значимости стимула при тестировании на полиграфе возникает в результате взаимодействия механизмов памяти. Вывод делается исходя из силы вегетативных реакций на вопросы, связанные с произошедшим событием, послужившим предметом экспертизы. Иными словами, оценивая величину вегетативных реакций, авторы делают вывод о том, что обнаруживаются «следы памяти», свидетельствующие о том, что событие прошлого, послужившее причиной проведения тестирования, действительно происходило в реальности. Вызывает некоторое сомнение возможность объяснения всех механизмов возникновения реакций с точки зрения данной концепции. Так, использование полиграфологами термина «следы памяти (энграмма)» [26], заимствовано из области зоологии и биологии [28] и традиционно измеряется с помощью оптогенетических и гемогенетических методов. Допустимо ли говорить об оценке «энграммы» путем регистрации вегетативных реакций? Ответ на этот вопрос должен стать предметом отдельной дискуссии.

Кроме того, в некоторых исследованиях был описан феномен отсутствия значимых физиологических реакций при утвердительном ответе на вопросы, связанные с темой проверки. В контексте сказанного это означает, что на этот вопрос отсутствуют «следы памяти», тогда как на самом деле тестируемый признает факт совершения подобного действия в прошлом. Кроме того, определять по величине физиологической реакции, например, в канале кожно-гальванической активности содержание конкретного «следа памяти» некорректно, поскольку показано, что величина реакции может быть связана с множеством физиологических [18] и когнитивных процессов [32; 34; 21].

J.J. Palmatier, L. Rovner [33] также отмечали невозможность принятия памяти как объекта тестирования на полиграфе, поскольку она не функционирует как камера, фиксируя каждую деталь, попадающую в поле зрения человека. Как показал ряд исследований И.М. Соловьева, сформированный образ не хранится в неизменном виде, он всегда претерпевает динамические изменения. Исследования показали, что сохранение образа предмета в памяти связано с выделением и подчеркиванием его наиболее существенных признаков при исчезновении его индивидуальных особенностей [28]. Учитывая вышеизложенное, предполагается, что теория целенаправленного тестирования памяти обладает недостаточной объяснительной силой.

Эмоции как объект тестирования на полиграфе. Концепция «внепикового подавления»

Идея о том, что эмоциональное возбуждение является основным явлением, наблюдаемым в дифференциальном реагировании при тестировании на полиграфе, на протяжении долгого времени активно цитировалась в литературе [29]. На протяжении многих лет данные, полученные с помощью полиграфа, интерпретировались с точки зрения концепции «внепикового подавления», предложенной Сl. Vakster [34]. Центральным звеном этой модели является предположение о том, что негативные эмоции обуславливают привлечение внимания только на значимые вопросы. При этом физиологическая реакция демонстрирует, какой из двух типов вопросов (проверочный или контрольный) является причиной этой негативной эмоции. Под сомнение данную теорию ставят многочисленные лабораторные исследования, где у добровольцев отсутствует угроза обнаружения, напротив, их мотивация подкрепляется положительной установкой (получение денежного вознаграждения). При этом показано, что точность таких исследований зачастую выше, чем в условиях реальной практики [25]. М. Handler, R.I. Nelson [29] также указывали, что термин «внепиковое подавление» не встречается в научной литературе, что делает сомнительным его использование для интерпретации результатов полиграфа. Кроме того, J. Kahnetal [30] было отмечено, что при тестировании на полиграфе невозможно достоверно определить модальность возникающей в данный момент эмоции. Таким образом, предполагается, что в основе механизма возникновения физиологических реакций должно лежать другое объяснение.

Внимание как объект тестирования на полиграфе

Признавая, что определенную роль в возникновении реакций человека играют все основные психические процессы, А.Б. Пеленицын с соавт. указали, что приоритетное значение может принадлежать вниманию [32].

Проблема заключается в том, что существует рассогласование в подходах к определению внимания [19]. С одной точки зрения, внимание относится к самостоятельному психическому процессу, другие полагают, что оно представляет собой определенный механизм взаимодействия всех психических процессов. Другая точка зрения становится все более распространенной — внимание не имеет собственного продукта, а представляет собой динамическую характеристику протекания познавательной деятельности.

Согласно одной из коррелятивных концепций внимания Deutsch J.A., Deutsch D.A. [22], все

сигналы доходят до логического анализатора¹, где определяется специфичность каждого из них. Активность нейронов логического анализатора в большей степени зависит от важности стимула для организма, чем от его физических характеристик. Важность сигнала оценивается на основе прошлого опыта, без участия сознания [19].

Предполагается [32], что в ходе анализа релевантности стимула происходят изменения и в динамике вегетативных реакций: улучшается кровоснабжение мышц, усиливается обмен веществ и т. д. При этом, если дальнейший анализ организмом поступающей информации свидетельствует о том, что физически активные действия не требуются, физиологическая активность возвращается к исходному уровню. Внешне эта динамика представлена как психофизиологическая реакция.

Следует отметить, что те теории внимания, на которых строится концепция полиграфического тестирования, основаны на экспериментах, где изучались только афферентные влияния от внешних стимулов. Вместе с тем, в других экспериментах [19] было показано, что наряду с афферентными влияниями стимула в процесс внимания также включены эфферентные сигналы от корковых структур мозга.

Дискуссионным в этом контексте остается вопрос о возможности напрямую измерять процесс внимания с помощью датчиков, которые регистрируют динамику вегетативной нервной системы; при этом следует учитывать, что активность субъекта не всегда является прямым следствием предъявляемого стимула.

Концепция ориентировочной реакции

В последнее время «Предварительная теория процессов» (Preliminary Process Theory) [19] предлагается как потенциально корректное объяснение наблюдаемых различий в ответ на различные тестовые стимулы [33]. Согласно данной концепции, при сравнении реакций на разные типы вопросов двухфазное замедление сердечного ритма, уменьшение проводимости кожи и замедление дыхательного ритма определяются как индикаторы новизны стимула, процессов привыкания и сенсibilизации. Эти процессы также объяснялись с использованием основ теории об условной рефлекторной деятельности, впервые описанной И.П. Павловым (1927), и теории научения [29]. Например, модель «научения через обуславливание» предполагает, что участие в совершении конкретного проступка можно представить как научение поведенческому паттерну после однократного предъявления стимула. Вопросы, которые задаются во время тестирования на полиграфе, выступают в качестве условных раздражителей. Обсуждение вопросов, которые будут в последующем задаваться, дает возможность непричастному испытуемому привыкнуть к тестовым стимулам, в то время как для причастного данные вопросы станут условным стимулом, запускающим специфическую ориентировочную реакцию. Поскольку все вопросы в процессе тестирования обязательно предъявляются несколько раз, возникающие в ответ физиологические реакции будут иметь разную интенсивность в зависимости от ответа испытуемого. Постепенное угасание вегетативных реакций обычно связывается с

---

¹ *Логический анализатор* — термин, введенный А. Трейсман, означающий словарь, представленный нейронами, активность каждого из которых связана с определенным словом, составляющим словарь индивида, и приводит к осознанию субъектом слов. Эти нейроны активируются неослабленными сигналами, а некоторые из них, с достаточно низким порогом чувствительности, могут быть активированы и ослабленными сигналами.

привыканием к стимулу и свидетельствует об отсутствии значимости.

Однако согласно классическим моделям ориентировочного рефлекса, ведущим и определяющим фактором в любых проявлениях организма являются внешние раздражители, формирующие условно- или безусловно-рефлекторные реакции, обеспечивающие динамическое уравнивание организма с внешним миром [33]. Такой подход построен на принципе детерминистического подхода, согласно которому величина ответной реакции может быть связана исключительно с физическими характеристиками стимула, что не раскрывает истинную природу механизма возникновения реакций при тестировании на полиграфе.

Многие авторы [18; 21; 22; 33] указывали на то, что характер поведения обусловлен не только силой и качеством внешнего стимула, но также и жизненными потребностями, делающими поведение целенаправленным. Кроме того, следует учитывать важную закономерность в работе мозга — способность программировать основные черты будущего подкрепления, что делает невозможным объяснение психофизиологических реакций исключительно условным рефлексом [33]. Таким образом, концепция, объясняющая механизмы психофизиологических реакций должна базироваться не на принципах линейного детерминизма («стимул—реакция»), а на системности реакций, которая в первую очередь зависит от собственной активности субъекта.

Системный подход для объяснения психофизиологических реакций

Начиная с работ П.К. Анохина, в нейробиологию и медицину [21; 33], а затем в психологию [18; 22], социологию [23] и судебную психиатрию все шире внедряется системный подход. Термин «система» чаще всего используется в качестве указания на собранность, организованность группы элементов, отграниченность ее от других групп и элементов. В рамках разработанной П.К. Анохиным теории функциональных систем было определено, что для того, чтобы система была сформирована и реализована, необходим системообразующий фактор, ограничивающий степени свободы ее элементов, тем самым упорядочивая их взаимодействие. Без этого фактора взаимодействие элементов рассматривается как хаос. Таким фактором выступает полезный приспособительный результат, который достигается реализацией этой системы [33]. Важной категорией в контексте теории функциональных систем является феномен опережающего отражения, состоящего в предварительной подготовке к будущим изменениям среды. Таким образом, активность организма в каждый заданный момент — не реакция на прошлое событие, а подготовка к будущему [21].

При этом в каждый данный момент времени деятельность организма определяет доминирующая в плане выживаемости или адаптации к внешней среде функциональная система. Взаимодействие разных функциональных систем всегда иерархично и строится на основании открытого А.А. Ухтомским принципа доминанты. Доминирование функциональной системы в целом организме определяется ее биологической значимостью. Как указывает К.В. Судаков, для человека в некоторых случаях первоочередной является социальная значимость [33].

Ложь как система, обеспечивающая полезный приспособительный результат

Считается, что человек, уличенный во лжи, должен нести ответственность за свой проступок, поскольку его поведение может иметь неблагоприятные последствия для других членов общества. Исходя из такой логики, авторами одной из теорий полиграфа предполагалось, что ложь — это частное проявление внутриличностного конфликта, поскольку интересы индивида противопоставляются общественным [29]. Однако другие исследователи отмечали, что «общество и человек не две сущности, действующие порознь... и достигающие соглашения друг с другом. Напротив, они две стороны развивающегося органического целого» [20].

Сравнительно недавно M.J. Fryling [23] был предложен принципиально иной подход к описанию феномена лжи. Согласно этой позиции, ключевую роль в формировании намерения лгать в раннем, а затем и в более зрелом возрасте играют факторы, возникающие в контексте среды. Авторы приводят пример, иллюстрирующий этот процесс. Изначально действия ребенка импульсивны, например, он просто берет чужие предметы, когда никто не видит. По мере развития с появлением у него вербального репертуара и его последующего усложнения (т. е. постижения производного отношения стимулов) ситуации, с которыми он сталкивается, формируют у него несколько возможных альтернатив реагирования, из которых ему необходимо сделать выбор. Когда родитель впервые спрашивает ребенка: «Это ты взял вещь, которую нельзя было брать?», ребенок всегда отвечает «да», за этим следует наказание. Так ребенок усваивает на эмоциональном уровне, что подобный паттерн поведения приводит к негативным последствиям. В следующий раз в подобной ситуации, ответ на такой же вопрос, вероятно, будет ложным. Предположительно, в такой ситуации, негативных последствий для ребенка в этом случае не наступит, и этот опыт приобретет для него положительную эмоциональную окраску.

Л.М. Веккер [24] отмечает, что будущее действие выстраивается с целью повторения положительного эмоционального результата, имевшего место в прошлом. При возникновении другой конфликтной ситуации ложь уже может нести намеренный характер, если у ребенка формируется негативное отношение к правде и принятие лжи как более позитивного, а следовательно, и более эффективного варианта поведения.

Благодаря феномену генерализации, социально выгодные последствия лжи могут иметь место и в более зрелом возрасте, например, при сокрытии определенных фактов биографии при приеме на работу [23]. Многообразие и сложность субъективного мира по мере развития человека трансформируют эмоциональное переживание в сознательное. При этом образовавшиеся более дифференцированные системы не заменяют ранее сформированные, а «наслаиваются» на них. Таким образом, субъективный опыт индивида представляет собой структуру, образованную системами разного «возраста», сформированными в процессе научения [20]. С этой позиции, ложь в процессе онтогенеза индивида представлена как эффективный механизм адаптации к реальности уже не только на эмоциональном, но и на более сложном осознанном уровне.

Таким образом, ложь можно представить как специфическую форму взаимодействия индивида со средой. В процессе этого взаимодействия на разных уровнях формируются системы поведенческих паттернов, направленные на достижение приспособительного результата в виде адаптации к имеющимся условиям среды.

Предположение о том, что ложь — это системный процесс, было доказано некоторыми нейрофизиологическими исследованиями [9; 10]. Так, Liu P. et.al отмечали, что между

активированными во время дачи ложного ответа нейронными ансамблями лобной, теменной и височной областей обнаружена функциональная связность. В этих исследованиях применялся метод когерентности ЭЭГ, величина которого отражает значимость интеграции функций между этими областями мозга. При даче правдивого ответа, указанная когерентность между областями коры значимо менее выражена.

Системное вегетативное реагирование при приспособительном результате

Согласно определению, функциональная система представляет собой круг определенных физиологических проявлений, связанных с выполнением какой-то определенной функции (акт дыхания, например) [33]. П.К. Анохин также отмечал, что нет дыхания как отдельного физиологического процесса, есть дыхательный компонент в целостной реакции при реализации определенного поведения. Если деятельность сложилась в целостную систему в результате опыта, то каждая вегетативная реакция в ней занимает во времени и пространстве именно то место, которое придает деятельности максимально полезное приспособительное значение [21]. А.В. Бахчиной и Ю.И. Александровым была изучена энтропия сердечно-сосудистой деятельности в связи с активностью мозга [5]. Было также показано, что нет сердечных ударов, которые происходят сами по себе, есть удары, являющиеся «элементами» определенного мотивацией поведения и все эти системы согласованы в общеорганизменной интеграции. Снижение сложности динамики сердечного ритма является результатом уменьшения количества актуализированных систем и межсистемных связей, с которыми сердце согласует свою активность, встраиваясь в общий процесс разворачивания поведения [23].

В настоящее время одновременное измерение корковой и периферической активности в ответ на разные типы стимулов активно набирает популярность. В исследованиях Bhutta M. R. et.al. анализировалась динамика изменений нейрональной активности префронтальной коры (fNIRS) и параметры вегетативной нервной системы в ходе обнаружения лжи. Авторами было показано, что линейная дискриминантная функция параметров двух объединенных уровней работает статистически достовернее, чем по параметрам вегетативных и нейрональных компонентов отдельно [21].

В системе целостного поведенческого акта, все его внешние проявления подчиняются общеорганизменным закономерностям. Вегетативные реакции интегрируются с активацией на уровне коры, которая определяет гармоничное участие в конкретном поведенческом акте каждой из них. Кора больших полушарий приспособливает отрегулированную функцию (например, дыхательного центра в стволе мозга) к запросам целого организма в приспособительном поведении. Этим достигается соответствие вегетативных реакций специфике приспособительного акта. Например, в экспериментах В.М. Бехтерева было показано, что при раздражении определенных зон коры головного мозга можно наблюдать выраженные изменения в динамике дыхательных движений [21].

Таким образом, записанные в ходе тестирования на полиграфе физиологические реакции на стимулы предлагается описывать как отражение части работы функциональных систем, обеспечивающих приспособительный результат. Такой подход представляется более корректной теоретической моделью, которая при этом не будет противоречить данным, полученным в смежных научных областях.

В течение нескольких лет R. Nelson et.al [12; 13] разрабатывалась аналитическая теория,

которая, с нашей точки зрения, согласуется с описанными выше положениями о системности физиологических реакций. Согласно этой модели, если записанные физиологические реакции на различные типы стимулов сравнить с теоретическими эталонными распределениями, определив тем самым их систематичность, используя байесовский метод вычисления вероятности, специалист может сделать научно обоснованный вероятностный вывод о значимости конкретной темы. В подтверждение данного теоретического предположения в настоящий момент разрабатывается специальная математическая модель [31]. Предполагается, что такой подход будет более корректным для объяснения данных, полученных в ходе тестирования на полиграфе.

Заключение

Одна из основных методологических задач применения полиграфа состоит в том, чтобы определить, какая из существующих концепций может быть принята научным сообществом [22]. Теоретические концепции, базирующиеся на корреляционном подходе к объяснению механизмов физиологических реакций, предполагают оценку значимости стимула напрямую из величины силы реакций, не раскрывая при этом сути феномена. Системный подход дает возможность построения научно обоснованной модели, которую можно подтвердить эмпирически, используя математический аппарат, предложенный R. Nelson et.al. С этой точки зрения, предполагается, что объектами тестирования на полиграфе выступают не отдельный психический процесс, а функциональные системы с разными приспособительными результатами.

Литература

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления // М.: Изд-во Институт психологии РАН. 2009. С. 453.
2. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности: избранные труды / П.К. Анохин, Наука, 1979. 454 с.
3. Барабанщиков В.А. Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. № 1 (2). С. 86—99.
4. Бахчина А.В., Александров Ю.И. Сложность сердечного ритма при временной системной дедифференциации // Экспериментальная психология. 2017. № 2(10). С. 114—130.
5. Иванов Р.С. Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа // Национальный психологический журнал. 2014. № 3(15). С. 90—97.
6. Иванов Р.С. Закон силы в ситуации психофизиологического исследования с применением полиграфа // Вестник психофизиологии. 2016. № 2. С. 12.
7. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии / СПб.: Питер, 2004. 210 с.
8. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная детекция лжи: академический курс // Ярославль: Ньюанс. 2004. С. 353—354.
9. Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. № 2. С. 20.
10. Судаков К.В. Функциональные системы организма / М.: Медицина. 1987. 432 с.
11. Тарханов И.Р. О гальванических явлениях в коже человека при раздражении органов

чувств и различных формах психической деятельности // Вестн. клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1889. № 1(7). С. 73—81.

12. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 1. Принцип изоморфизма // Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 19.

13. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 3. Рождение интенции // Российский психиатрический журнал. 2019. № 2. С. 17—27.

14. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Собр. соч. 1950. С. 293—315.

15. Хавкин А.Ю. Комплексная диагностика нарушений сексуального предпочтения (клинико-психопатологический, психофизиологический и психологический анализ): дисс... канд. мед. наук. М., 2003. 240 с.

16. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. № 13(1). С. 39.

17. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // М.: Институт психологии РАН. 1995. 162 с.

18. Arici S. [u dp.]. Sympathetic skin responses in adult humans during sequential swallowing // Neurophysiologie Clinique/Clinical Neurophysiology. 2013. № 1(43). С. 11—17.

19. Barry R.J. Preliminary process theory: towards an integrated account of the psychophysiology of cognitive processes // Acta Neurobiologiae Experimentalis. 1996. № 2. С. 87—98.

20. Ben-Shakhar G. [u dp.]. Preliminary process theory does not validate the comparison question test: A comment on Palmatier and Rovner // International Journal of Psychophysiology. 2015. № 1(95). С. 16—19.

21. Bhutta M.R. [u dp.]. Single-trial lie detection using a combined fNIRS-polygraph system // Frontiers in psychology. 2015. № 1. С. 709.

22. Deutsch J.A., Deutsch D. Attention: Some theoretical considerations // Psychological review. 1963. № 1(70). С. 80.

23. Fryling M.J. A developmental-behavioral analysis of lying // International Journal of Psychology and Psychological Therapy. 2016. № 1(16). С. 13—22.

24. Holper L., Scholkmann F., Wolf M. The relationship between sympathetic nervous activity and cerebral hemodynamics and oxygenation: A study using skin conductance measurement and functional near-infrared spectroscopy // Behavioural brain research. 2014. С. 95—107.

25. Iddekinge C.H. Van [u dp.]. The criterion-related validity of integrity tests: An updated meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 2012. № 3 (97). С. 499.

26. Kireev M. [u dp.]. Deceptive but not honest manipulative actions are associated with increased interaction between middle and inferior frontal gyri // Frontiers in Neuroscience. 2017. № 1(11). С. 482.

27. Liu P., Shen H., Ji S. Functional Connectivity Pattern Analysis Underlying Neural Oscillation Synchronization during Deception // Neural plasticity. 2019. № 13. С. 35—40.

28. Marx G., Gilon C. The tripartite mechanism as the basis for a biochemical memory engram // Journal of Integrative Neuroscience. 2019. № 2 (18). С. 181—185.

29. Nelson R.I. Scientific basis for polygraph testing // Polygraph. 2015. № 1(41). С. 21—61.

30. Nelson R.I. Testing the Limits of Evidence Based Polygraph Practices // Polygraph. 2016. № 45. С. 74—85.

31. Nelson R.I. Multinomial reference distributions for the Empirical Scoring System // Polygraph

& Forensic Credibility Assessment. 2017. № 46 (2). С. 81—115.

32. Nepal O. [и др.]. Galvanic Skin Response as a Simple Physiology Lab Teaching Tool-An Alternative Indicator of Sympathetic Arousal // Kathmandu Univ Med J. 2018. № 2(62). С. 156—160.

33. Palmatier J.J., Rovner L. Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph process, and construct validity // International Journal of Psychophysiology. 2015. № 1(95). С. 3—13.

34. Senter S. [и др.]. Psychological set or differential salience: A proposal for reconciling theory and terminology in polygraph testing // Polygraph. 2010. № 2(39). С. 109—117.

References

1. Aleksandrov YU.I., Aleksandrova N.L. Sub"yektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nyye predstavleniya [Subjective experience, culture and social representations]. Moscow: Publ. Institute of Psychology RAN, 2009. — 453 p.
2. Anokhin P.K. Sistemnyye mekhanizmy vysshey nervnoy deyatel'nosti: izbrannyye trudy [Systemic mechanisms of higher nervous activity: selected works]. Nauka, 1979. - 454 p.
3. Barabanshchikov V.A. Sistemnyy podkhod v structure psikhologicheskogo poznaniya [A systematic approach to the structure of psychological knowledge]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and history of psychology], 2007, no. 1, pp. 86—99. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Bakhchina A.V., Aleksandrov YU.I. Slozhnost' serdechnogo ritma pri vremennoy sistemnoy dedifferentsiatsii [Heart rate complexity during the temporary systems dedifferentiation]. Eksperimental'nayapsikhologiya [Experimental Psychology], 2017. Vol. 10, no. 2, pp. 114—130. doi:10.17759/exppsy.2017100210. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Ivanov R.S. Individual'nyy simptomokompleks kak instrument interpretatsii rezul'tatov psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniym poligrafa [The law of force in a situation of psychophysiological research using a polygraph]. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal], 2014. Vol. 3, no.15, pp. 90-97. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Ivanov R.S. Zakon sily v situatsii psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniym poligrafa [The law of force in a situation of psychophysiological research using a polygraph]. Vestnik psikhofiziologii [Psychophysiology news], 2016, no.2. 12 p.
7. Kuznetsov V.V., Baburov S.V., Mal'chevskiy A.A. Sistemnyy analiz v fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniyakh [System analysis in basic and applied research]. Saint-Petersburg: Politekhnik. 2014. 325 p.
8. Luriya A.R. Lektsii po obshchey psikhologii [Lectures in General Psychology]. Saint-Petersburg: Piter. 2004. 210 p.
9. Ogloblin S.I., Molchanov A.YU. Instrumental'naya detektsiya lzhi: akademicheskii kurs [Instrumental lie detection] Yaroslavl': Nyuans, 2004. P. 353—354.
10. Pelenitsyn A.B., Soshnikov A.P., Zhbankova O.V. Tak chto zhe vse-taki opredelyayet poligraf? [What does the polygraph determine after all?]. Vestnik kriminalistiki [Criminalistics news], 2011, no.2. 20 p.
11. Sudakov K.V. Funktsional'nyye sistemy organizma [Functional systems of the organism]. Moscow: Meditsina, 1987, 432 p.

12. Tkachenko A.A., Demidova L.YU. Postroyeniye obshchey modeli samoregulyatsii v sudebnoy psikiatrii. Soobshcheniye 1. Printsip izomorfizma [Development of the general model of self-regulation in forensic psychiatry. Paper 1. The principle of isomorphism]. Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry], 2018, no. 5, 19 p.
13. Tkachenko A.A., Demidova L.YU. Postroyeniye obshchey modeli samoregulyatsii v sudebnoy psikiatrii. Soobshcheniye 3. Rozhdeniye intentsii [Development of the general model of self-regulation in forensic psychiatry. Paper 3. Appearance of intention]. Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry], 2019, no.2, pp. 17—27.
14. Ukhtomskiy A.A. Dominanta kak factor povedeniya. Sobr. soch. [Dominant as a behavior factor], 1950, pp. 293—315.
15. Khavkin A.YU. Kompleksnaya diagnostika narusheniy seksual'nogo predpochteniya (kliniko-psikhopatologicheskii, psikhofiziologicheskii i psikhologicheskii analiz). Diss. kand. med. nauk. [Comprehensive diagnosis of violations of sexual preference (clinical, psychopathological, psychophysiological and psychological analysis). Ph.D. Sci. (Medicine) diss.]. Moscow, 2003. 240 p.
16. Kholodnyy YU.I. Opros s ispol'zovaniyem poligrafa i yego yestestvennonauchnyye osnovy [A survey using a polygraph and its natural-scientific foundations]. Vestnik kriminalistiki [Criminology news], 2005. Vol.1, no. 13. 39 p.
17. Shvyrvkov V.B. Vvedeniye v ob"yektivnyuyu psikhologiyu. Neyronal'nyye osnovy psikhiki [Introduction to objective psychology. The neural basis of the psyche]. Moscow: Publ. Institute of Psychology RAN, 1995. 162 p.
18. Arici S. [et.al.]. Sympathetic skin responses in adult humans during sequential swallowing / Neurophysiologie Clinique/Clinical Neurophysiology, 2013. Vol.1, no. 43. pp. 11—17.
19. Barry R.J. Preliminary process theory: towards an integrated account of the psychophysiology of cognitive processes / ActaNeurobiologiaeExperimentalis, 1996, no. 2, pp. 87—98.
20. Ben-Shakhar G. [et.al.]. Preliminary process theory does not validate the comparison question test: A comment on Palmatier and Rovner (2015) / International Journal of Psychophysiology, 2015. Vol.1, no. 95, pp. 16—19.
21. Bhutta M.R. [et.al.]. Single-trial lie detection using a combined fNIRS-polygraph system / Frontiers in psychology, 2015. Vol. 1, no. 6, p.709.
22. Deutsch J.A., Deutsch D. Attention: Some theoretical considerations. / Psychological review, 1963. Vol. 1, no. 70. P. 80.
23. Fryling M.J. A developmental-behavioral analysis of lying / International Journal of Psychology and Psychological Therapy, 2016. Vol. 1, no. 16, pp. 13—22.
24. Holper L., Scholkmann F., Wolf M. The relationship between sympathetic nervous activity and cerebral hemodynamics and oxygenation: A study using skin conductance measurement and functional near-infrared spectroscopy / Behavioural brain research, 2014, no. 270, p. 95—107.
25. Iddekinge C.H. Van [et.al.]. The criterion-related validity of integrity tests: An updated meta-analysis / Journal of Applied Psychology, 2012. Vol. 3, no. 97, p. 499.
26. Kireev M. [et.al.]. Deceptive but not honest manipulative actions are associated with increased interaction between middle and inferior frontal gyri / Frontiers in neuroscience, 2017. Vol. 1, no. 11, p. 482.
27. Liu P., Shen H., Ji S. Functional Connectivity Pattern Analysis Underlying Neural Oscillation Synchronization during Deception / Neural plasticity, 2019, no. 13, pp. 35—40.

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю.
Теоретическая модель тестирования на полиграфе:
проблемы
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 126—138.

Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu.
Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and
Prospects for their Solution.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 126—138.

28. Marx G., Gilon C. The tripartite mechanism as the basis for a biochemical memory engram / Journal of integrative neuroscience, 2019. Vol. 2, no. 18, pp. 181—185.
29. Nelson R.I. Scientific basis for polygraph testing / Polygraph, 2015. Vol. 1, no. 41, pp. 21—61.
30. Nelson R.I. Testing the Limits of Evidence Based Polygraph Practices / Polygraph, 2016. Vol. 1, no. 45, pp. 74—85.
31. Nelson R.I. Multinomial reference distributions for the Empirical Scoring System / Polygraph & Forensic Credibility Assessment, 2017. Vol. 46, no. 2, pp. 81—115.
32. Nepal O. [et.al.]. Galvanic Skin Response as a Simple Physiology Lab Teaching Tool-An Alternative Indicator of Sympathetic Arousal / Kathmandu Univ Med J., 2018. Vol. 2, no. 62, p. 156—160.
33. Palmatier J.J., Rovner L. Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph process, and construct validity / International Journal of Psychophysiology, 2015. Vol. 1, no. 95, P. 3—13.
34. Senter S. [et.al.]. Psychological set or differential salience: A proposal for reconciling theory and terminology in polygraph testing / Polygraph, 2010. Vol. 2, no. 39, P. 109—117.

Информация об авторах

Купцова Дарина Михайловна, младший научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (НМИЦПН им. В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Каменсков Максим Юрьевич, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (НМИЦПН им. В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@yandex.ru

Information about the authors

Darina M. Kuptsova, Junior Researcher, V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Maxim Yu. Kamenskov, Doctor of Medicine, Senior Researcher, V.Serbsky Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@yandex.ru

Получена 10.06.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 10.06.2020
Accepted 16.11.2020

Особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом

Белякова М.Ю.

Национальный медицинский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского
Минздрава РФ (ФГБУ НМИЦ ПН имени В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8715-0236>, e-mail: belyakova.m@serbsky.ru

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского
Минздрава РФ (ФГБУ НМИЦ ПН имени В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом в связи преобладающим типом нарушений мышления. Представленные материалы эмпирического исследования получены на выборке больных шизофренией с криминальным анамнезом. Исследование включало в себя анализ историй болезни, экспертных заключений, а также диагностику особенностей саморегуляции, самоконтроля, социальной перцепции и негативной симптоматики у больных. Для больных шизофренией с преобладающим нарушением динамики мыслительных процессов характерна низкая сформированность способности к программированию, склонность к оценочным суждениям, отсутствие эмпатии и продуцирование минимального количества вариантов развития ситуации. У лиц с преобладанием нарушений операциональной стороны мышления была выявлена низкая способность к целеполаганию, склонность предлагать социально неприемлемые способы разрешения ситуации. Нарушения мотивационного компонента мышления связаны с привнесением личностных смыслов в интерпретацию ситуации, а также с наличием трудностей в распознавании модальностей эмоций изображенных персонажей.

Ключевые слова: нарушения мышления, социальная перцепция, саморегуляция, шизофрения, негативная симптоматика, общественная опасность.

Для цитаты: Белякова М.Ю., Булыгина В.Г. Особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 139 – 151. DOI:10.17759/psylaw.2020100410

Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with Criminal Case History

Mariya Yu. Belyakova

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8715-0236>, e-mail: belyakova.m@serbsky.ru

Vera G. Bulygina

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

The article researches the social perception and self-regulation in people with schizophrenia who had criminal case history (due to the prevailing type of their thinking impairment). The presented materials of empirical study were obtained with the sample of schizophrenic individuals with criminal case records. The study included analysis of the medical histories, expert judgements and also diagnostics of self-regulation, self-control, social perception and negative symptomatology of the patients.

The schizophrenic patients with prevailing impairments in cognitive dynamics are distinguished by underdeveloped ability to program, tendency to value judgement, lack of empathy and producing minimal numbers of possible scenarios. Persons with prevailing impairments in the operational thought are shown to have poor ability for goal-setting, tendency to come up with socially unacceptable ways of resolving situations. Impairments in the motivational aspect of thinking are linked with infusion of the patients' personal ideas in the interpretation process, and also problems in recognizing emotional modalities of displayed characters.

Keywords: impaired thinking, social perception, self-regulation, schizophrenia, negative symptomatology, social danger, threat to society.

For citation: Belyakova M. Yu., Bulygina V.G. Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with Criminal Case History. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 139–151. DOI:10.17759/psylaw.2020100410 (In Russ.).

Введение

Среди лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих повышенную общественную опасность, преобладают больные шизофренией с дефицитарной симптоматикой и изменениями личности [13]. Наряду с позитивными и негативными симптомами в качестве ядерных единиц патологии психики при шизофрении в настоящий момент выделяют элементы когнитивного функционирования и эмоционально-волевой сферы как один из компонентов шизофренического дефекта [7; 8].

Дефект при шизофрении рассматривают как интеллектуальное снижение (нарушение

внимания, восприятия и мышления, регуляторной функции), формирующееся в процессе заболевания; как последовательную цепь негативных изменений — от малозаметной деформации личностного склада до расстройств мышления при редукции энергетического потенциала. Основными характеристиками описанных нарушений психической деятельности являются низкая обратимость нарушений, резистентность симптоматики, невысокий прогноз эффективности лечебных или реабилитационных мероприятий [7; 8].

В отечественной патопсихологии степень выраженности психического дефекта у больных шизофренией определяется на основании качественной оценки состояния мотивационно-личностного компонента мышления, динамики и истощаемости мыслительных процессов, операциональной стороны мышления, памяти и внимания [4; 5; 7; 9; 16]. В судебной психиатрии и судебной психологии наряду с оценкой когнитивного функционирования больных с выраженными психическими расстройствами, совершивших правонарушения, ключевой задачей является определение степени нарушений эмоционально-волевой сферы [3; 11; 13]. В связи с этим особое значение приобретает оценка нарушений операционального уровня саморегуляции [2; 3; 6; 11; 13; 14]. Зарубежные авторы также подчеркивают важность исследования влияния психической патологии на саморегуляцию посредством изучения взаимосвязи степени сохранности и активности когнитивных процессов. При этом особое внимание уделяется изучению роли восприятия и переработки информации психически больными в генезе их криминального поведения [17; 18; 19].

Оценка социальной опасности в экспертной и клинической практике определяет необходимость включения в анализ широкого спектра психологических переменных, в том числе оценку способности пациентов к пониманию социального контекста и адекватному реагированию в ситуациях социального взаимодействия [2; 3; 13]. Исследование особенностей социального познания тем более важно при оценке риска совершения противоправных действий больными шизофренией, поскольку снижение социальной направленности и социальной регуляции деятельности и поведения было определено в качестве ведущего фактора в структуре патопсихологического синдрома, специфического для шизофренической патологии [10; 12; 15; 16]. Слаборегулируемые социальными факторами интеллектуальная деятельность и поведение больных шизофренией проявляются в снижении социальной перцепции, в высвобождении из смыслового контекста, в снижении константности восприятия, а также в склонности к конкретно-ситуационным обобщениям [5; 16]. Механизм такого рода нарушений связывается с неспособностью больных войти в роль другого человека и использовать накопленный ранее опыт [1].

По мнению Ю.В. Мухитовой, на сегодняшний день «зоной ближайшего развития» современной патопсихологической диагностики является комплексное изучение психологических и социальных факторов, связи между степенью выраженности когнитивных нарушений и тяжестью социальной дезадаптации. Вместе с тем при определении уровня социальной дезадаптированности особое значение имеет также оценка степени выраженности эмоционально-волевых расстройств [7].

Практическая значимость оценки особенностей социальной перцепции лиц с тяжелыми психическими расстройствами с преобладанием негативной симптоматики и изменений личности обусловлена необходимостью совершенствования прогноза уровня их социальной адаптации и составления программы коррекционных мероприятий.

Таким образом, целью настоящего исследования является определение особенностей

социальной перцепции и саморегуляции и соотнесение их с качественными характеристиками нарушений мышления у больных шизофренией с криминальным анамнезом.

Материал и методы

В выборку исследования вошли 83 больных шизофренией мужского пола с криминальным анамнезом в возрасте от 18 до 49 лет (средний возраст — $38,3 \pm 9,4$ года), находящихся на принудительном лечении в психиатрической больнице специализированного типа (52 человека) и психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением (31 человек).

На первом этапе исследования был определен психодиагностический инструментарий и проведен сбор эмпирических данных. Из историй болезни и экспертных заключений были выделены клиничко-социальные характеристики больных, а также проанализированы заключения экспериментального патопсихологического исследования на предмет выявления превалирующих нарушений мышления. Для оценки характеристик мышления применялась классификация нарушений мышления, предложенная Б.В. Зейгарник [4]. Далее была проведена диагностика структуры и степени выраженности негативной симптоматики, особенностей самоконтроля, саморегуляции и социальной перцепции больных при помощи диагностического комплекса, включающего следующие методики.

1. Опросник Р. Грасмика (в адаптации Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2008 год), диагностирующий 6-факторную структуру темперамента, которой соответствуют шкалы опросника: «Импульсивность», «Предпочтение простых задач», «Стремление к риску», «Физическая активность», «Эгоцентризм», «Несдержанность».

2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения», направленный на изучение особенностей волевой саморегуляции поведения (Моросанова В.И., 1999).

3. Авторская проективная Методика изучения социальной апперцепции (Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., 2012), состоящая из ситуаций, предполагающих различные варианты развития сюжета, относящихся к криминальному, социально-бытовому контексту и контексту, связанному с болезнью. Испытуемым было предложено проинтерпретировать ситуацию, назвать возможные варианты ее развития, а также идентифицировать эмоциональное состояние изображенных персонажей. Методика позволяет исследовать сформированность когнитивных подпроцессов регуляции поведения, связанных с пониманием социального контекста и навыками социального функционирования.

4. Шкала оценки негативной симптоматики SANS, которая позволяет оценить структуру и степень выраженности негативной симптоматики.

На втором этапе исследования при помощи частотного анализа выборка была разделена по характеру преобладающих в структуре патопсихологического симптомокомплекса нарушений динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления, выявленных в ходе экспериментального патопсихологического исследования. У 15,7% обследованных преобладали нарушения динамики мыслительной деятельности, у 22,6% — нарушения операциональной стороны мышления, у 14,5% — нарушения мотивационного компонента мышления. У 5% обследованных преобладали нарушения мотивационного и динамического компонентов мышления, у 10,8% — нарушения операционального и динамического компонентов, у 14,5% обследованных — нарушения мотивационного и

динамического компонентов мышления. У 16,9% обследованных были в равной степени выражены нарушения динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления. Для повышения достоверности полученных результатов было принято решение исключить из анализа больных с выраженными нарушениями двух и более компонентов мышления одновременно.

В рамках исследования особенностей самоконтроля, саморегуляции и социальной перцепции больных шизофренией с криминальным анамнезом с различной степенью выраженности нарушений операционального, динамического и мотивационного компонентов мышления проводилась статистическая обработка данных. В связи с тем, что эмпирическое распределение данных не соответствовало нормальному, были использованы непараметрические методы статистического анализа: критерии Крускала—Уоллиса и Манна—Уитни, анализ таблиц сопряженности признаков (с использованием критерия Хи-квадрат). Также были проведены дискриминантный и кластерный анализ. Обработка данных производилась в программных пакетах Excel 2019 и SPSS v. 2

Результаты и их обсуждение

На начальном этапе статистической обработки полученных данных психодиагностического исследования при помощи коэффициента ранговой корреляции Пирсона был проведен анализ взаимосвязей между параметрами саморегуляции, самоконтроля, социальной перцепции и негативной симптоматики и нарушениями операционального, динамического и мотивационного компонентов мышления у больных шизофренией с криминальным анамнезом (табл. 1).

Таблица 1

Значимые корреляции параметров саморегуляции, самоконтроля, социальной перцепции, негативной симптоматики и выраженности нарушений динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления у больных шизофренией с криминальным анамнезом

Параметр	Динамический	Операциональный	Мотивационный
	Коэффициент корреляции Пирсона		
Нарушение режима	,280*	,122	-,092
Нарушения внимания	,394**	,190	-,063
Физическая активность	-,018	,015	-,290**
Импульсивность	-,069	,034	-,267*
Понимание основного смысла	-,005	,006	,256*
Оценочность суждений	,017	,029	-,223*
Привнесение личностного смысла	,140	,258*	,343**
Присутствие неадекватных вариантов развития событий	,072	,214	,246*

Идентификация с жертвой	-,246*	,043	-,145
Идентификация с агрессором	,231*	,057	,152
Две альтернативы	,227*	,196	,023
Четыре альтернативы	-,258*	-,177	-,017
Нераспознавание эмоций	,294**	,210	,368**
Распознавание модальностей	,092	,008	-,235*
Четкая идентификация эмоций	-,384**	-,234*	,012

Примечание: «*» — уровень значимости $p < 0,05$; «**» — уровень значимости $p < 0,01$.

Согласно полученным результатам, нарушения динамического компонента мышления связаны с большей выраженностью таких негативных симптомов, как склонность к нарушению режима ($p=0,032$) и наличие нарушений внимания ($p=0,002$). Чем более выражены нарушения динамического компонента мышления, тем в большей степени больные склонны идентифицироваться с агрессором ($p=0,024$) и в меньшей степени склонны идентифицироваться с жертвой ($p=0,035$) при анализе ситуаций социального взаимодействия, а также продуцировать не более двух вариантов развития сюжета ситуации ($p=0,038$). Выраженность нарушений динамического компонента мышления связана с неспособностью больных к идентификации эмоций участников ситуации ($p=0,018$).

Выраженность нарушений операционального компонента мышления связана со склонностью к привнесению личностного смысла в трактовку изображенных ситуаций ($p=0,018$), а также с неспособностью к четкой идентификации эмоций изображенных персонажей ($p=0,032$). Чем больше выражены нарушения мотивационного компонента мышления, тем в меньшей степени больные склонны к предпочтению физической активности ($p=0,008$), импульсивному поведению ($p=0,015$), оценочным суждениям ($p=0,042$). Больным с выраженными нарушениями мотивационного компонента мышления доступно понимание ситуационного контекста ($p=0,019$); при этом они склонны к привнесению личностного смысла в интерпретацию ситуации ($p=0,001$), а также к продуцированию неадекватных вариантов развития событий ($p=0,025$). Неспособность к четкой идентификации эмоций ($p=0,001$), а также наличие трудностей в идентификации эмоций по модальности ($p=0,032$) также связаны с выраженностью нарушений мотивационного компонента мышления.

На втором этапе исследования с помощью кластерного анализа (метод k -средних) были выделены 2 группы больных шизофренией с криминальным анамнезом в зависимости от выраженности нарушений динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления.

В первый кластер вошли лица с менее выраженными нарушениями динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления. Во второй кластер вошли лица с преобладанием нарушений операционального компонента мышления наряду с

выраженными нарушениями динамического и мотивационного компонентов (рис. 1).

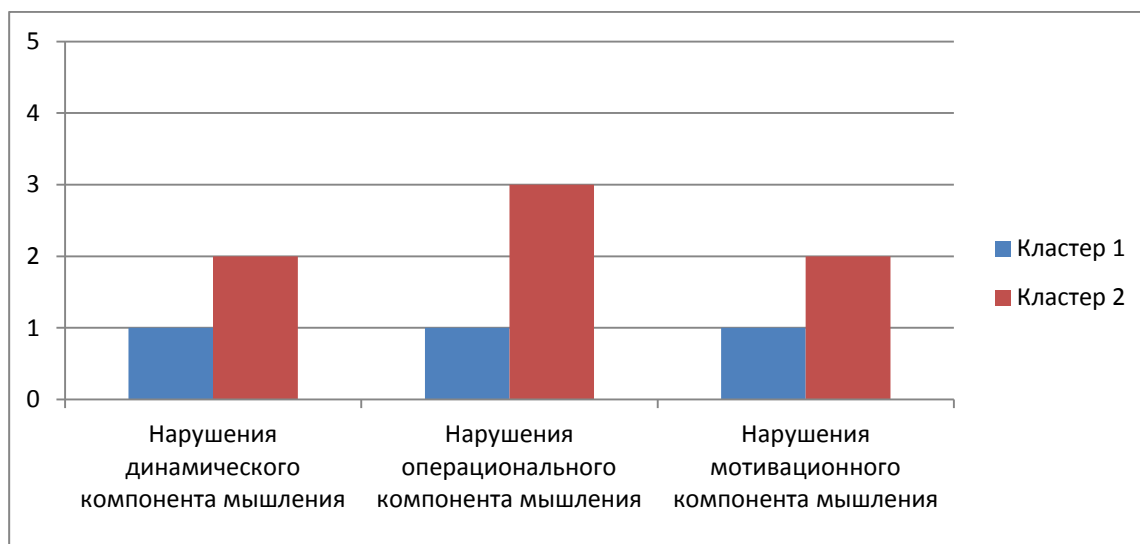

Рис. 1. Средние значения выраженности нарушений динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления у больных шизофренией с криминальным анамнезом в выделенных кластерах

Для выявления клинико-социальных и индивидуально-психологических особенностей больных шизофренией, входящих в каждый из кластеров, был проведен анализ таблиц сопряженности для клинико-социальных переменных и анализ значимых различий с использованием критерия Манна—Уитни для показателей негативной симптоматики, саморегуляции, самоконтроля и социальной перцепции (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия индивидуально-психологических характеристик больных шизофренией с криминальным анамнезом, вошедших в первый и второй кластеры (критерий Манна—Уитни)

Параметр	1-й кластер	2-й кластер	U Манна—Уитни	p<
	Средний ранг			
Аффективное уплощение	22,62	34,71	240,5	0,007
Нарушения режима	21,82	35,32	220,5	0,002
Нарушения внимания	23,76	33,85	269,0	0,022
Регуляторная гибкость	30,35	21,29	1123,0	0,046
Неадекватные варианты развития ситуации	35,06	26,28	298,5	0,040
Три и более альтернативы развития ситуации	37,72	25,34	257,0	0,004

Идентификация с нейтральным персонажем	29,91	22,26	1106,5	0,038
--	-------	-------	--------	-------

При помощи метода кросстабуляции (критерий Хи-квадрат) было выявлено, что среди лиц, вошедших во второй кластер, значимо больше тех, кто совершал агрессивные преступления против личности ($p < 0,041$). Также в первый кластер вошли лица с интервалом рецидивности более 5 лет, второй кластер включает лиц с интервалом рецидивности менее 5 лет ($p < 0,047$).

Больные шизофренией, вошедшие во второй кластер, в большей степени демонстрируют такие негативные симптомы, как нарушения внимания ($p < 0,007$), аффективное уплощение ($p < 0,002$), а также большую склонность к нарушениям режима, чем представители первого кластера ($p < 0,022$). Представителей первого кластера характеризует большая регуляторная гибкость ($p < 0,046$), способность к продуцированию большего числа альтернатив развития ситуации ($p < 0,040$), а также склонность к идентификации с нейтральным персонажем ($p < 0,004$), при том, что данные больные в большей степени склонны предлагать неадекватные варианты развития событий ($p < 0,038$).

На третьем этапе исследования был проведен дискриминантный анализ данных, полученных при помощи методик оценки негативной симптоматики, самоконтроля, социальной перцепции и осознанной саморегуляции поведения. По результатам дискриминантного анализа были выделены переменные, вносящие значимый вклад в отнесение обследуемых к группе лиц с преобладанием нарушений динамического, операционального и мотивационного компонентов мышления. Зависимая переменная — преобладание нарушений динамического/операционального/мотивационного компонентов мышления; ее значение представлено в виде дихотомической шкалы, где 0 — отсутствие признака, 1 — наличие признака. Качество классификаций оценивалось с помощью построения ROC-кривых (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее значимые переменные для различения обследованных по преобладающему типу нарушений мышления (дискриминантный анализ)

		Группы больных шизофренией, выделенные в зависимости от преобладающего вида патологии мышления		
№	Компонент линейной дискриминантной функции (переменная)	Преобладание нарушений динамики мыслительной деятельности	Преобладание нарушений операциональной стороны мышления	Преобладание нарушений мотивационного компонента мышления
	AuROC	0,793	0,811	0,592
	Чувствительность %	67	83	25
	Специфичность %	93	78	95
x1	Полное непонимание смысла ситуации	-31,29	-	-
x2	Детализированность	-29,72	-	-

	описания ситуации			
x3	Продуцирование единственного варианта развития ситуации	28,37	-	-
x4	Построение программы исполнительских действий	-26,06	-	-
x5	Наличие оценочных суждений	22,64	-	-
X6	Склонность к нарушению режима	-	-24,78	-
x8	Планирование	-	-31,40	-
	Предложение неконструктивных решений	-	-20,20	-
	Апато-абулические нарушения	-	15,03	-
	Преобладание социально неприемлемых способов разрешения проблемной ситуации	-	13,55	-

В группе лиц с преобладанием нарушений динамики мыслительной деятельности значимыми для классификации переменными являются полное непонимание смысла ситуации (коэффициент линейной дискриминантной функции (ЛДФ) = -31,29), детализированность описания ситуации (ЛДФ = -29,72), неспособность к продуцированию нескольких вариантов развития ситуации (28,37), способность к построению программы исполнительских действий (-26,06), наличие оценочных суждений (22,64).

В группе лиц с преобладанием нарушений операциональной стороны мышления значимыми для классификации переменными являются способность к целеполаганию (ЛДФ=-31,40), склонность к нарушению режима (-24,78), предложение неконструктивных способов разрешения проблемной ситуации (-20,20), наличие апато-абулических нарушений (15,03), предпочтение социально неприемлемых способов разрешения проблемной ситуации (13,53).

Низкое качество модели, построенной с целью отнесения обследованных к группе лиц с преобладанием нарушений мотивационного компонента мышления, не позволяет проводить дальнейший анализ и выделение переменных значимых для классификации по данному признаку.

Заключение

Полученные результаты позволяют описать значимые индивидуально-психологические характеристики больных шизофренией с криминальным анамнезом, имеющих различные по выраженности и структуре нарушения мышления. Так, для лиц с преобладанием нарушений динамики мыслительных процессов в структуре патопсихологического симптомокомплекса характерно наличие нарушений внимания, что может быть связано с игнорированием деталей ситуации и может способствовать недостаточному пониманию ситуационного

контекста. Низкая сформированность способности к программированию свидетельствует о неумении продумывать последовательность своих действий, что в сочетании со склонностью к оценочным суждениям может способствовать совершению импульсивных поступков. Импульсивность наряду с неспособностью к распознаванию эмоций участников ситуации, а также с отсутствием эмпатии по отношению к потенциальной жертве может обуславливать предпочтение идентификации с персонажем-агрессором. Также представители данной группы, как правило, продуцируют минимальное количество вариантов развития ситуации, что может снижать вероятность выбора конструктивного решения.

Для лиц с преобладанием нарушений операциональной стороны мышления характерна низкая способность к целеполаганию и планированию своей деятельности. Цели зачастую выдвигаются ситуативно, что наряду с неспособностью к четкой идентификации эмоций участников ситуации способствует привнесению личностных смыслов в интерпретацию ситуационного контекста. Представители данной группы склонны предлагать социально неприемлемые способы разрешения ситуации, которые могут способствовать достижению сиюминутных целей, но при этом не быть конструктивными в долгосрочной перспективе.

Больные шизофренией с преобладанием нарушений мотивационного компонента мышления способны к пониманию заданного контекста ситуации. При этом привнесение личностных смыслов в интерпретацию отношений между ее участниками, а также неспособность к четкой идентификации и наличие трудностей в распознавании модальностей эмоций изображенных персонажей могут способствовать продуцированию неадекватных контексту вариантов развития событий.

Сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей обследованных, больных шизофренией, в зависимости от выраженности нарушений мышления в целом позволил сделать следующие выводы. Совершение агрессивных общественно опасных действий против личности, а также снижение интервала рецидивности характерно для больных с большей выраженностью нарушений мышления. Данных лиц также значительно отличает преобладание негативной симптоматики, в частности склонности к нарушению режима, аффективного уплощения и нарушений внимания. Для больных шизофренией с менее выраженными нарушениями мышления характерна большая степень регуляторной гибкости, что находит отражение в их способности продуцировать большее число альтернативных сценариев развития ситуации. Также представители данной группы избегают идентификации с жертвой или агрессором, предпочитая предлагать способы разрешения проблемной ситуации от имени нейтрального персонажа. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что для больных шизофренией, обладающих большей степенью общественной опасности, характерна большая выраженность нарушений мышления и негативной симптоматики в сочетании с низкими показателями регуляторной гибкости и нарушениями социальной перцепции.

Представленное исследование носит поисковый характер. Полученные данные эмпирически уточняют и подтверждают основные теоретические представления об особенностях социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией. В перспективе предполагается целесообразным дополнить исследование не только качественной, но и количественной оценкой состояния когнитивных функций больных шизофренией с криминальным анамнезом, а также расширить выборку.

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.
Особенности нарушений мышления, социальной
перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с
криминальным анамнезом
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 139–151.

Belyakova M. Yu., Bulygina V.G.
Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and
Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with
Criminal Case History
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 139–151.

Литература

1. Белякова М.Ю. Нарушения социальной апперцепции как фактор риска криминализации больных шизофренией // Психическое здоровье. 2020. № 1. С. 57—64. DOI: 10.25557/2074-014X.2020.01.57-64
2. Белякова М.Ю. Психологические факторы риска совершения повторных общественно опасных действий у лиц с негативно-личностными расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2015. № 4. С. 11—16.
3. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 393 с.
4. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 287 с.
5. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 256 с.
6. Лапина Е.Н. Саморегуляция лиц с пограничной психической патологией, совершивших правонарушение и признанных ограниченно вменяемыми // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. № 4. С. 47—54.
7. Морозова М.А., Бениашвили А.Г. Актуальные проблемы в развитии концепции психического дефекта при шизофрении // Психиатрия. 2007. № 4. С. 7—25.
8. Мухитова Ю.В. Диагностика когнитивных дисфункций у больных шизофренией при оценке степени выраженности психического дефекта // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2017. Т. 9. № 2(43). С. 7.
9. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения их в клинике: практическое руководство. М.: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2010. 224с.
10. Руденко С.Л. Нарушение социального восприятия у больных параноидной шизофренией: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2013. 34 с.
11. Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В. Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 31—42.
12. Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе / Ред.-сост. А.Б. Холмогорова. М.: НЕО-ЛИТ, 2016. 312 с.
13. Токарева Г.М. Психологические предикторы криминализации лиц с психическими расстройствами: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 23 с.
14. Шеховцова Е.С. Психологические факторы и особенности принятия решений лицами с различными формами психической патологии, совершившими общественно опасные действия // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (24—27 мая 2017 года). М.: МГППУ, 2017. С. 81—85.
15. Etchepare A., Roux S., Destailats J-M. et al. What are the specificities of social cognition in schizophrenia? A cluster-analytic study comparing schizophrenia with the general population // Psychiatry Research. 2019. Vol. 272. P. 369—379.
16. Kritskaya V.P., Meleshko T.K. Patopsikhologiya shizofrenii [Abnormal Psychology of Schizophrenia]. Moscow: «Institut psikhologii RAN» Publ., 2015. 389 p.
17. Kopelowicz A., Liberman P. Integration of Care: Integrating Treatment With Rehabilitation for Persons With Major Mental // Inesses Psychiatr Serv. 2003. Vol. 54. P. 1491—1498.
18. Kupper Z., Hoffmann H. Course patterns of psychosocial functioning in schizophrenia patients

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.
Особенности нарушений мышления, социальной
перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с
криминальным анамнезом
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 139–151.

Belyakova M. Yu., Bulygina V.G.
Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and
Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with
Criminal Case History
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 139–151.

attending a vocational rehabilitation program // *Shizophr. Bull.* 2000. Vol. 26. P. 681—698.

19. Monahan J. The evolution of violence risk assessment / J. Monahan, L. Skeem // *CNS Spectr.* 2014. Vol. 19(5). P. 419—424.

References

1. Belyakova M.Yu. Deficiency of social apperception as a risk factor for criminalization of schizophrenia patients. *Psikhicheskoe zdorovie[Mental Health]*, 2020, no.1, pp. 57-64. DOI:10.25557/2074014X.2020.01.5764 (In Russ.).
2. Belyakova M.Yu. Psihologicheskie faktory riska soversheniya povtornykh obshchestvenno opasnykh dejstvij u lic s negativno-lichnostnymi rasstrojstvami // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 11—16.
3. Bulygina V.G. Psihologicheskaya koncepciya profilaktiki obshchestvenno opasnykh dejstvij lic s tyazhelymi psihicheskimi rasstrojstvami: dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2015. 393 p.
4. Zejgarnik B.V. Patopsihologiya. Moscow: Izd-vo MGU, 1986. 287 p.
5. Kritskaya V.P., Meleshko T.K., Polyakov YU.F. Patologiya psihicheskoy deyatel'nosti pri shizofrenii: motivaciya, obshchenie, poznanie. Moscow: Izd-vo MGU, 1991. 256 p.
6. Lapshina E.N. Samoregulyaciya lic s pograničnoj psihicheskoy patologiej, sovershivshih pravonarushenie i priznannyh ogranichenno vmenyaemymi // *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya*, 2006, no 4, pp. 47—54.
7. Morozova M.A., Beniashvili A.G. Aktual'nye problemy v razvitii koncepcii psihicheskogo defekta pri shizofrenii // *Psihiatriya*, 2007, no 4, pp. 7—25.
8. Muhitova YU.V. Diagnostika kognitivnyh disfunkcij u bol'nyh shizofreniej pri ocenke stepeni vyrashennosti psihicheskogo defekta // *Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.*, 2017. Vol. 9, no. 2(43), p. 7.
19. Rubinshtejn S.YA. Eksperimental'nye metodiki patopsihologii i opyt ih primeneniya ih v klinike. (Prakticheskoe rukovodstvo). Moscow: Aprel'-Press, Psihoterapiya, 2010 — 224 p.
10. Rudenko S.L. Narushenie social'nogo vospriyatiya u bol'nyh paranoidnoj shizofreniej. Avtoref. diss. na soiskanie uchenoj stepeni k. psihol. n. Saint-Petersburg, 2013. 34 p.
11. Savina O.F., Makushkin E.V., Morozova M.V. Algoritm ekspertnogo issledovaniya dizregulyacii deyatel'nosti v kriminal'noj situacii u lic s psihicheskimi rasstrojstvami // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*, 2018, no 1, pp. 31—42.
12. Social'noe poznanie kak vysshaya psihicheskaya funkciya i ego razvitie v ontogeneze. Red. sost. A.B. Holmogorova. Moscow: NEO-LIT, 2016. 312 p.
13. Tokareva G.M. Psihologicheskie prediktory kriminalizacii lic s psihicheskimi rasstrojstvami: Avtoref. dis. Na soiskanie uchenoj stepeni k. psihol. n. Moscow, 2019. 23 p.
14. Shekhovcova, E.S. Psihologicheskie faktory i osobennosti prinyatiya reshenij licami s razlichnymi formami psihicheskoy patologii, sovershivshimi obshchestvenno opasnye dejstviya / E.S. Shekhovcova // *Sbornik tezisov uchastnikov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii po yuridicheskoy psihologii (24-27 maya 2017 goda)*. Moscow: MGPPU, 2017. P. 81—85.
15. Etchepare A., Roux S., Destaillets J-M. et al. What are the specificities of social cognition in schizophrenia? A cluster-analytic study comparing schizophrenia with the general population // *Psychiatry Research*, 2019. Vol. 272., pp. 369—379.
16. Kritskaya V.P., Meleshko T.K. Patopsihologiya shizofrenii [Abnormal Psychology of

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.
Особенности нарушений мышления, социальной
перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с
криминальным анамнезом
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 139–151.

Belyakova M. Yu., Bulygina V.G.
Specifics of Impaired Thinking, Social Perception and
Self-Regulation in Schizophrenic Individuals with
Criminal Case History
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 139–151.

Schizophrenia]. Moscow, "Institut psikhologii RAN" Publ., 2015. 389 p.

17. Kopelowicz A., Liberman P. Integration of Care: Integrating Treatment With Rehabilitation for Persons With Major Mental// *Innesses Psychiatr Serv.*, 2003. Vol.54, P.1491—1498.

18. Kupper Z., Hoffmann H. Course patterns of psychosocial functioning in schizophrenia patients attending a vocational rehabilitation program // *Shizophr. Bull.*, 2000. Vol. 26, pp.681—698.

19. Monahan J. The evolution of violence risk assessment / J. Monahan, L. Skeem // *CNS Spectr.* 2014. Vol. 19(5). P. 419—424.

Информация об авторе

Белякова Мария Юрьевна, научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава РФ (ФГБУ НМИЦ ПН имени В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8715-0236>, e-mail: belyakova.m@serbsky.ru

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5584-1251, e-mail: ver210@yandex.ru

Information about the author

Mariya Yu. Belyakova, Researcher, The V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8715-0236>, e-mail: belyakova.m@serbsky.ru

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Head of Laboratory the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0001-5584-1251, e-mail: ver210@yandex.ru

Получена 10.06.2020

Принята в печать 16.11.2020

Received 10.06.2020

Accepted 16.11.2020

Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет

Гайворонская И.Б.

Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина (ЛГУ им. А.С.Пушкина),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3530-7291>, e-mail: ig15041971@mail.ru

Фомина Т.Ф.

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7993-7538>, e-mail: fatzoes@yandex.ru

Аманжолова Б.А.

Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова (КарГУ имени академика
Е.А.Букетова), г. Караганда, республика Казахстан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9508-2234>, e-mail: botanik76@mail.ru

Данная статья посвящена экстремизму и терроризму как формам насильственных действий, активной вербовке рядовых членов организованных формирований, являющихся непосредственными исполнителями противоправных действий, а также основным психологическим ловушкам для вовлечения в МТО. Отмечено, что экстремизм и терроризм стали серьезной проблемой для современного мира, все больше угрожая безопасности многих стран. Представлен механизм вовлечения в международные террористические организации с использованием социальных сетей. В статье подробно описано, что наиболее подвержены внушению подростки, молодые люди, не нашедшие свое место в жизни и имеющие психологические проблемы, молодые девушки, у которых не сложилась личная жизнь, и многие из тех, кто использует Интернет для игр. Кроме того, в статье поднята проблема борьбы с современным терроризмом, который использует разнообразный инструментарий для вовлечения рекрутов-исполнителей террористических действий. Освещаются стратегии борьбы с террористами.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, террорист, вербовка, религия, псевдорелигия, инструменты воздействия, манипуляция, международные террористические организации, схемы вовлечения, механизм внушения, социальные сети, проблема борьбы с МТО, силовые структуры, национальная безопасность.

Для цитаты: Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

DOI:10.17759/psylaw.2020100411

Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations

Gaivoronskaya I. B.

Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3530-7291>, e-mail: ig15041971@mail.ru

Fomina T. F.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7993-7538>, e-mail: fatzoes@yandex.ru

Amanzholova B. A.

E.A. Buketov University of Karaganda, Karaganda, Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9508-2234>, e-mail: botanik76@mail.ru

This article addresses extremism and terrorism as forms of violent actions, intense recruitment of individuals into the rank-and-file membership of organized formations and using those individuals as direct perpetrators of unlawful acts, as well as most common psychological traps for engaging into international terrorist organizations. It has been noted that extremism and terrorism have become a serious challenge for the modern world, increasingly threatening the security of many countries. A mechanism is outlined for drawing individuals into international terrorist organizations using social networks. The article describes in detail that most vulnerable to suggestions are teenagers, young people who haven't found their place in life and who have psychological problems, young girls who haven't been successful in their personal lives and of those who use the internet for games. Additionally, the article raises the issue of fighting against the modern-day terrorism which makes use of various tools to bring into play the recruits and make them perform terrorist acts. Strategies of fighting against terrorists are described.

Keywords: extremism, terrorism, terrorist, recruitment, religion, pseudo-religion, tools for influencing, manipulation, international terrorist organizations, schemes of involvement, suggestion mechanism, social networks, the problem of fighting against international terrorist organizations, security forces, national security.

For citation: Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A. Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165. DOI:10.17759/psylaw.2020100411 (In Russ.).

На сегодняшний день основной проблемой не только регионального, но и мирового масштаба стали экстремизм и терроризм.

Эти явления в нашей стране были порождены трансформацией системы ценностей, которые возникали и закреплялись на фоне модернизации социальной жизни. Глобализация в экономическом, политическом, культурном аспекте стала причиной ряда процессов,

связанных в том числе и с миграционными потоками. Эти процессы привели к изменению и усложнению структурных связей, что, в свою очередь, повлияло на характер межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, приводя к конфликтам. Кроме того, на этой почве стали возникать целые группы, использующие для достижения своих целей экстремизм и терроризм.

И если в современной науке понятия «экстремизм» и «терроризм» имеют выраженную юридическую силу, то определения этих понятий остается неоднозначным.

В этимологических словарях понятие «экстремизм» (от лат. *extremus*— крайний), трактуется как приверженность к крайним взглядам и использование запрещенных законом способов для достижения целей. Отсюда экстремист это не просто преступник, это преступник, «вооруженный убеждением» в своей правоте.

Опасность экстремизма очевидна в силу своей системности, поскольку он направлен на разрушение мирного сосуществования разных этносов, религий, политической стабильности, международных правовых норм.

Экстремизм охватывает общественное сознание, направляя свое влияние на изменение идеологии, моральных норм и ценностей между социальными группами, этносами, конфессиями, политическими партиями и т.п.

Терроризм как форма насильственных действий известен с давних времен. Его методы формировались веками и видоизменялись. Однако цель террористов всегда оставалась неизменной —добиваться желаемого посредством устрашения.

В настоящее время терроризм стал серьезной проблемой для современного мира, все больше угрожая безопасности многих стран.

Это опаснейшее социально-политическое явление представляет собой конгломерат различных преступлений, которые совершаются отдельными лицами или группами лиц с использованием насилия. Данные насильственные действия направлены на политическую власть через оказание влияния, захват или давление с целью подчинения требованиям террористов.

Терроризм как явление имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить террористические акты, которые были совершены еврейской политической группировкой еще в 66—73 гг. до н.э. против римлян в борьбе за автономию Фессалонии. Жестокость и насилие как символы терроризма вошли в историю: Французская буржуазная революция, Варфоломеевская ночь и т.п.

Однако сам термин «террорист» возник в историческом плане относительно недавно, появившись во времена Великой Французской революции, когда оппозиция добивалась реализации своих идей через террор по отношению к представителям власти.

Современная история знает ряд самых кровавых террористических актов, произошедших уже в XX и XXI вв. Достаточно вспомнить массовое побоище в Израиле (аэропорт Лод), захват и гибель заложников на олимпиаде в Мюнхене, захват в заложники министров ОПЕК в Вене, взрыв бомбы в московском метро «Измайловский парк» и «Первомайская», серия терактов во Франции, минометный обстрел аэропорта Хитроу, серия терактов на территории РФ (Кавказ, Москва, Санкт-Петербург и т.п.).

Современный терроризм отличается высокоразвитой инфраструктурой, которая состоит из лагерей, где проходят подготовку диверсанты. Располагая новейшими средствами электронной связи, современный терроризм способен контролировать действия правоохранительных органов, которые ведут с ними борьбу. Кроме того, в их арсенале

компоненты химического и бактериологического оружия, современные средства осуществления террористических актов.

Современный терроризм имеет целью сеять страх среди населения, выражая протест политике государства и правительства, нанося серьезный экономический ущерб государству, частному бизнесу и т.п.

Мир стал сильно уязвим. А террористические атаки стали реальной угрозой на всей планете.

При этом религиозный фактор в распространении этого явления носит явно негативный характер. Идеология салафизма становится основой борьбы с существующими политическими режимами государств, неугодными деятелями и оправданием применения суицидальных террористических атак. В условиях современной глобализации экономик и политических связей идеи экстремизма и терроризма стали еще более опасными в связи с их распространением путем использования становящихся все более популярными и развитыми информационными технологиями.

Самой большой опасностью на сегодняшний день является деятельность международных террористических организаций (МТО), которые используют в своих целях такой инструмент, как социальные сети. Это серьезно усложняет работу правоохранительных органов по предотвращению расширения преступных террористических организаций.

Борьба с международным терроризмом предполагает включения в нее всех стран, стремящихся к спокойной и мирной жизни.

Серьезная задача, направленная на борьбу с терроризмом и экстремизмом, которую ставит перед собой наше государство, связана с недопущением вовлечения в ряды террористов и экстремистов граждан своего государства и предотвращением преступных действий со стороны террористических организаций.

Серьезной проблемой последних пяти лет стала активная вербовка рядовых членов организованных формирований, являющихся непосредственными исполнителями противоправных действий.

Поскольку для реализации террористических актов требуются непосредственные исполнители, представители террористических организаций осуществляют постоянный поиск путей и методов вовлечения участников в свою преступную деятельность.

Проблема борьбы с современным терроризмом заключается в том, что, широко используя социальные сети, вербовщики могут оставаться анонимными, что серьезно осложняет их нейтрализацию, учитывая и то обстоятельство, что часто вербовщики находятся за пределами Российской Федерации, а согласованность борьбы с ними совместно с международными правоохранительными организациями оставляет желать лучшего.

Известно, что вербовка граждан России в ряды террористов осуществляется с территорий других стран. Для этого самым действенным каналом вовлечения является Интернет. Интернет в качестве идеологического инструмента используется в отношении той категории граждан, которая большую часть своего времени посещает виртуальное пространство. К ним относятся в первую очередь подростки и молодежь.

На сегодняшний день самой неконтролируемой со стороны общества и, увы, государства, является сеть Интернет. Общение в Сети самых разных людей и групп лиц осуществляется не только анонимно, но и скрытно, что и дает широкий простор для тех, кто заинтересован в таком бесконтрольном пространстве «ловить души» различных категорий граждан. Именно такое неконтролируемое пространство серьезно захватили те, кто использует данный ресурс

в своих преступных целях.

Профессор И.Ю. Сундиев справедливо отмечает, что современные технологии позволяют нынешним террористам и экстремистам безнаказанно действовать в виртуальном пространстве, и обеспечивают экстремистским и террористическим организациям «...глобальную силу и размах без неизбежного обнаружения»[20].

Созданные террористами и экстремистами виртуальные сообщества никак не привязаны к какой-либо территории. Созданные ими сайты и чаты имеют свою направленность. Это и религиозные, и социальные, и этнические, и культурологические сайты, которые при первичном знакомстве не вызывает подозрений и опасений у обывателей. И таких сайтов и чатов великое множество в виртуальном пространстве. Но под какими бы одеждами не прятались их создатели, цель у них одна —привлечь максимальное количество кандидатов для выполнения террористических действий.

Однако ошибочно думать, что вербовка и подготовка новых адептов занимает немного времени. Вербовщики хорошо понимают, что подобные процессы не терпят ускорения, поскольку это вызвало бы подозрение у кандидатов. Хорошо понимая, что практически любой человек нуждается в том, чтобы у него «проросла» и сформировалась привязанность к какой-то новой для него концепции, идее, чтобы он ощутил потребность в самопожертвовании во имя принятых идей и убеждений. В связи с этим важно учитывать то обстоятельство, что вербовщики не подходят к вопросу вербовки односторонне, а используют в своих способах полноструктурность. Поэтому отбор потенциальных жертв осуществляется тщательно и целенаправленно, с учетом личностных качеств, соответствующих типичным свойствам члена, который готов к беспрекословному повиновению духовного наставника.

Именно это обстоятельство заставляет рекрутеров проводить подготовительную работу по вовлечению кандидатов в несколько этапов. Многоэтапность подготовительной работы позволяет скрывать следы вербовки.

Предваряя начальные действия по втягиванию потенциальной жертвы в контакт, вербовщик сначала ее выслеживает, изучает, наблюдая за ней. Для него важно получить как можно больше информации о человеке. Поиск жертв осуществляется на всех направлениях. Внимание привлекают те, кто страдает от несчастной любви, от непонимания со стороны родителей, учителей, коллег, кто недоволен политическим и социальным положением дел в стране, кто ищет ответы на жизненные вопросы в религии и философии, кто стремится найти справедливость. Вся эта информация становится для вербовщика «маяком», который будет положен в основание «работы» с потенциальной жертвой. Вербовщик «лайкает» высказывания намеченного им кандидата, приглашает его в «друзья», осуществляет какое-то время моральную поддержку вновь приобретенному «другу». Спустя некоторое время приглашает такого «друга» обсудить важную для последнего проблему. В этих ситуациях вербовщик проявляет тонкое понимание психологии человека, чтобы в дальнейшем точно воздействовать на самые «болевы точки». Здесь уже используется индивидуальный подход. Все зависит от того, что больше всего волнует потенциального кандидата.

Начальный этап предполагает втягивание потенциального кандидата в разговор на бытовые темы, чтобы вызвать у него доверие. Вербовщик в процессе начального контакта «прощупывает» слабые стороны собеседника. Далее он составляет психологический портрет потенциальных кандидатов, при этом неважно, как они относятся к владельцу, используя и ту информацию, которую человек оставляет при регистрации, и ту, которую он получает в

результате беседы. Постепенно интригуя потенциального кандидата «интересной» для него информацией, вербовщик постепенно втягивает его в контакт. Часто используется прием вовлечения посредством дискуссии, в которой могут участвовать несколько потенциальных кандидатов; при этом неважно, как они относятся к владельцу сайта — поддерживают или отрицают его позицию по дискутируемому вопросу.

Такие дискуссии привлекают множество людей, что чрезвычайно важно для вербовщиков. Кроме того, они позволяют втягивать в дискуссию большое количество участников, путем использования для этого психологические приемы с тем, чтобы селекция кандидатов имела в перспективе «качественный» и количественный выбор. Подверженность к втягиванию чаще всего проявляют участники с несформированными личностными качествами, но имеющие весьма амбициозные личностные характеристики.

Именно это обстоятельство указывает на то, что вербовка не проводится в отношении случайных лиц, а осуществляется с подбором тех кандидатов, чьи личностные, психологические, социальные качества соответствуют требованиям эмиссаров экстремистских и террористических групп, их целям и задачам. Анонимность таких дискуссий позволяет им реализовывать себя как состоявшуюся личность, хотя налицо это не вполне самостоятельные индивиды. Именно эта категория людей, преимущественно подростки, студенческая молодежь, достаточно легко втягивается в дискуссионный процесс и дальше подвергается специальным психологическим методикам манипулирования, оказываясь послушным орудием в руках заинтересованных лиц. Это и есть те лица, которые, как правило, склонны к внушению. Им вербовщики и отдают предпочтение.

Если вербовщики используют религию как инструмент вовлечения, то это не означает, что они отдают предпочтение только тем, кто исповедует ислам. Часто они в контактах с представителями других вероисповеданий привлекают их внимание тем, что утверждают, будто человек, перешедший в другую (исламскую) веру, получает в качестве награды прощение всех грехов, которые совершил до этого. Кроме того, потенциальный кандидат доктринируется тем, что именно член мусульманской общины получает всестороннюю поддержку, внимание и помощь от своей общины на протяжении всей своей земной и неземной жизни.

Доктринирование осуществляется посредством внушения. Внушение основывается на базе не критического восприятия того воздействия, которое направлено на человека. При этом вербальное воздействие целенаправленно снижает критичность воспринятой информации и практически полностью снижает ее осознание и анализ.

В этом случае переданная человеку эмоционально окрашенная, в виде повелительных словесных формул информация, должна вызывать у него определенное состояние и потребность к определенным действиям.

Несмотря на то, что механизм внушения не в полной мере изучен, известно, что он способен ослаблять контроль сознания, снимая ряд барьеров и запретов.

Для того чтобы заставить человека подчиниться требованиям, все вербальные формулы подаются в повелительном наклонении.

Существенным фактором эффективности внушения является авторитетность субъекта воздействия, плюс определенные интонация и ритм речи, которые он умело использует, а также созданная им атмосфера, располагающая к доверию и раскрепощению.

В процессе подобного воздействия на последующих после втягивания в контакт этапах, используются манипулятивные приемы внушения, которые не оставляют человеку свободы

выбора.

Манипуляция как скрытое управление собеседником помимо его воли, применяется вербовщиками достаточно активно и широко. Различают несколько способов воздействия с применением манипуляции:

- отвлечение внимания собеседника от некоторых важных деталей темы разговора;
- повышение собственной значимости собеседника в глазах других людей;
- изоляция собеседника от мнения других людей;
- перехватывание инициативы и переключение собеседника на другие, важные для воздействующего темы;
- сокращение времени у собеседника для глубокого обдумывания и принятия решения по важным для вербовщика вопросам;
- психологическое воздействие на «струны души», т.е. значимые для собеседника переживания, связанные с нетерпимостью к какому-то типу людей или роду занятий, к религиозным предпочтениям и т.п.

Манипуляторы часто используют так называемый прием «нога в двери», когда человек, согласившись с чем-то однажды, взяв на себя какие-то обязательства, выполнив какие-то действия, в дальнейшем будет осознавать свою важность и значимость, повышая свою самооценку, при этом демонстрируя свою готовность выполнять более сложные задачи «на благо людей». Этот прием будет эффективно работать в том случае, когда первая задача/просьба, которую выполняет манипулируемый, была бы для него важной и он мог бы себя ощущать значимым человеком. В последующем он уже сам может инициировать выполнение задач.

Другим, не менее эффективным манипулятивным приемом, является прием «пробного шара». Суть его состоит в том, что манипулятор предлагает, в качестве пробного шара, посетить, например, интересное мероприятие и, как только получает согласие со стороны манипулируемого, вносит условие, которое без «пробного шара» не имело бы перспективы.

В качестве «пробного шара» используются «приманки». Это может быть любая интересная для объекта манипуляции информация, либо деньги, либо то, на что человек «клюнет». Хотя при неумелом использовании этого приема можно получить обратный эффект. Здесь важно для манипулятора быть психологически подготовленным.

Отработав первый этап вовлечения кандидатов, используя проверки и разные манипулятивные приемы в ходе бесед, вербовщики плавно переходят ко второму этапу вовлечения потенциальных кандидатов. Для этого включаются новые механизмы втягивания, используются все более и более закрытые узлы и серверы, где осуществляются более тесные контакты с пользователями. В число вошедших на следующий этап отбора в первую очередь включаются наиболее лояльные кандидаты, с которыми контакты осуществляются персонально и уже приобретают жесткий характер индивидуальной работы.

Самыми распространенными «ловушками» для вовлечения в МТО являются не только материальная заинтересованность потенциальных кандидатов или идеологические установки, но и человеческое тщеславие. Не последнюю роль играет и компрометирующая информация потенциальной жертвы.

Широко распространены для вовлечения в экстремистские или террористические организации специальные сайты и чаты для подростков и молодежи, как наиболее внушаемой категории граждан.

Работа с ними проводится в доступной для них форме — например, интернет-игры.

Реклама об играх не имеет адресного характера и направлена широкому кругу пользователей.

При этом материальные затраты на организацию такой деятельности компенсируют сами участники подобного общения, перечисляя деньги на банковские карты и расчетные счета каких-то физических лиц или организаций.

Иногда для перехода с одного уровня контакта на другой вербовщик подводит потенциальную жертву к необходимости выполнить некоторые действия. Это могут быть отчеты заказчику, что и станет искомой точкой субъекта расследования при обнаружении злоумышленника.

Как уже было выше отмечено, вербовщики достаточно часто используют псевдорелигиозные идеи. Они используют то, что потенциальные жертвы их воздействия не знают религиозные тексты в буквальном их значении, и осознанно искажают их трактовку и понимание. Несмотря на то, что добродетель ислама, как религии умеренности и справедливости, пропагандирующей добро и милосердие, вряд ли может быть орудием в руках манипуляторов, тем не менее, вербовщики используют ее в своих преступных целях, искусно пользуясь незнанием священных текстов объектами воздействия. Они мастерски манипулируют трактовками текстов, преподнося их в таком понимании, в каком это выгодно самим вербовщикам.

Под подобное влияние попадают в первую очередь те лица, которые интересуются религиозными текстами и их переводами.

Искаженные и особо интерпретированные религиозные тексты становятся причиной возникновения радикальных направлений религиозных течений.

Так, «джихадистское» течение ислама стали использовать в качестве обоснования своих действий те, кто принадлежит к мировому терроризму.

Искажая тексты Корана, многие вербовщики утверждают, что «джихад» — это «священная война против неверных» и что это якобы дает право мусульманам вести борьбу с немусульманским миром любыми средствами, в том числе террором. Такое трактование религиозного текста не просто некорректно, но и преступно. Кроме того, от интересующихся исламом и попавших под влияние таких «наставников» скрывается тот факт, что ислам налагает строгий запрет как на убийство, так и на самоубийство. В Коране эти понятия вообще не используются.

Однако, манипулируя текстами, вербовщики оправдывают убийства и самоубийства, делая их орудием идеологической борьбы с негодными режимами и конкретными политиками. Открытое искажение религиозных текстов, разжигание дискуссии на тему правильности их толкования — основание для проверки владельцев подобных ресурсов на причастность к вербовке в МТО. Подобные дискуссии, как уже было обозначено выше, могут быть тем первоначальным этапом отбора кандидатов для дальнейшего их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

Однако не только сеть Интернет напрямую может использоваться для подбора кандидатов. Такой подбор может проводиться и в образовательных учреждениях религиозного и иного направления.

Известны случаи, когда в подобную деятельность были вовлечены сотрудники вузов. Они открыто использовали на своих занятиях видеоролики по религиоведению, взятые из сети Интернет, где в рамках «образовательных программ» были использованы искаженные религиозные тексты для формирования преступных убеждений у жертв вербовки.

Недостаточное знание религиозных текстов и искаженное их толкование в этих программах способно вводить в заблуждение даже преподавателей некоторых культуроведческих дисциплин, что создает предпосылки к полному искажению понимания смысла религиозного текста, транслируемого преподавателем на занятиях, но способного менять установки у обучаемых.

Не секрет, что вовлечение в экстремистскую или террористическую организацию достаточно часто происходит вследствие использования субъектами «вербовки» не столько чисто идеологических, религиозных связей, сколько дружественно-родственных отношений.

Так, объектами воздействия преступников такого рода зачастую становятся родственники погибших участников преступных формирований, воздействие на которых оказывается и со стороны близких родственников, и со стороны знакомых. Это, в свою очередь, позволяет в течение длительного времени скрыто воздействовать на жертв вербовки.

Кроме того, на потенциальных кандидатов оказывается массированное воздействие через различные мессенджеры информацией о том, что жизнь в современном мире греховна и только государство, живущее по законам Шариата, способно спасти человечество.

Большое внимание вербовщики уделяют вовлечению в преступные организации молодых девушек из воюющих государств Ближнего востока. Основой мотивации такого шага для них является то, что девушек убеждают в необходимости вступить в религиозный брак, что станет для них гарантией крепкой семьи и бытовой стабильности на всю жизнь. Однако всячески утаивается информация об отсутствии элементарной медицинской помощи, о бытовой неустроенности, о возможном насилии в условиях боевых действий.

В России правоохранительные органы ведут серьезную борьбу с подобного рода преступлениями. Главная их работа направлена на выявление, пресечение, раскрытие и расследование фактов вовлечения в преступные террористические организации и террористическую деятельность граждан России. Для этих целей используются различные государственные ресурсы. Роскомнадзор использует свои законные полномочия, блокируя доступ к интернет-ресурсам, которые содержат экстремистский контент.

Однако в борьбе с подобного рода преступлениями принимают участие и религиозные деятели.

Известны случаи, когда субъекты вербовки сами являются фанатичными в своих религиозных воззрениях. Это обстоятельство должно настораживать священнослужителей, и именно они могут способствовать оперативному выявлению из числа прихожан радикально и фанатично настроенных вербовщиков.

Такое внимательное отношение священнослужителей к прихожанам, тесное их взаимодействие с правоохранительными органами может послужить серьезной помощью в выявлении потенциально опасных вербовщиков.

В настоящее время Национальный антитеррористический комитет разрабатывает комплекс мер по противодействию терроризму. При его разработке учитывается международный опыт борьбы с терроризмом, в котором отдается предпочтение такому направлению, как защита информационного пространства от проникновения экстремистских и террористических угроз. Кроме того, новый документ содержит важное направление — профилактическую работу с молодежью.

Исследующие проблему терроризма и экстремизма специалисты предлагают следующие стратегии борьбы с ним:

- прогрессивную, т.е. такую стратегию, при которой следует идти на некоторые уступки,

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

связанные с требованиями террористов, и которые могут быть в виде выкупа либо каких-то территориальных или моральных уступок;

- консервативную, т.е. такую стратегию, которая предполагает физическое устранение и террористов, и их пособников, при этом всяческое поощрение тех, кто готов к сотрудничеству с правоохранительными органами. Сторонники данной стратегии не допускают каких бы то ни было переговоров с террористами и заключения с ними мирных договоренностей.

Обе стратегии имеют рациональное зерно, но однозначного предпочтения какой-то из них сложно отдать. Проблему борьбы с международным экстремизмом и терроризмом следует серьезно изучать, привлекая к сотрудничеству специалистов и международные организации, всех тех, кто заинтересован в мирной и спокойной жизни людей.

Литература

1. Аллисон Г.Т. Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. М.: ЛКИ, 2018. 296 с.
2. Андронов И. Убийство без возмездия. М.: Издательство политической литературы, 2019. 224 с.
3. Архитектура евроатлантической безопасности/Под общ.ред. проф. И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. М.: Экон-Информ, 2009. 124 с.
4. Базаркина Д.Ю. Коммуникация и терроризм. М.:СИНТЕГ, 2015. 215с.
5. Брасс А. Тайна и трагедия Усамы бен-Ладена. На заре создания Исламского государства Ирака и Леванта. М.: Москва, 2015. 437 с.
6. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 284 с.
7. Гамзатов Р. Взаимодействие общественных, религиозных и государственных структур — основа профилактики экстремизма и радикализма. Мусульманский мир. 2014. №1. С. 106—116.
8. Губарев О.И. Воздушный террор. Хроника преступлений. М.: Вече, 2016. 336 с.
9. Дуайер Д., Флинн К. Башни-близнецы. 102 минуты борьбы за жизнь. М.: Амфора, 2015. 504 с.
10. Журавель В., Король Н., Полуев А. Противодействие терроризму. М.: ТОМ, 2019. 252 с.
11. Завалишина О.В., Загуменных Н.А., Постоева Е.С. Интернет-аддикция— одна из актуальных проблем современности // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 105(01).
12. Иванич Ю. Наркотики и терроризм: Паутина зла. М.: Машиностроение, 2016. 464 с.
13. «Исламское государство». Сущность и противостояние. М.: Кавказский геополитический клуб, 2016. 226 с.
14. Калачев Б.Ф. Наркотерроризм в России: новые характеристики старого явления [Электронный ресурс]. URL:http://www.narkotiki.ru/ocomments_2362.html (дата обращения: 20.01.2020).
15. Кочои С.М., Хасан Х.А. Преступление геноцида / Под ред. С.М. Кочои. М.: Проспект, 2016. 128 с.
16. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 27 августа 2001. № 35. ст. 3513.
17. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) // Сборник международных договоров СССР. М.: 1989. вып. XLIII. ст. 99.

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

18. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 24 марта 2003. № 12. ст. 1059.6.
19. Муссаи А.С., Букийя Ф. Мой брат - террорист? / Пер. с франц. А. Луцанова. М.: РГГУ, 2015. 224 с.
20. Мюрд Э. ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? (ИГИЛ — запрещенная в России террористическая организация): моногр. М.: Книжный мир, 2016. 186 с.
21. Пашкевич О.И. Профилактика интернет-зависимости // Мастерство-онлайн. 2016. № 1.
22. Русский Этимологический словарь. Выпуск 13 / Под ред. А.Е. Аникина. М.: Нестор-История, 2019. 376 с.
23. Скотт А. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / Пер. с англ. Н.И. Подунова. М.: Карьера Пресс, 2016. 608 с.
24. Современный терроризм. Взгляд из Центральной Азии / А.Г. Косиченко [и др.]. М.: Алматы, 2016. 216 с.
25. Сундиев И.Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Научный портал МВД России. 2010. № 10. С. 16—17.
26. Тепляков О. Терроризм — формула разрушения: монография. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. 148 с.
27. Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Под ред. И.Л. Трунова, Ю.С. Горбунова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
28. Терроризм — угроза человечеству в XXI веке / М.Р. Арунова [и др.]. М.: Огни, 2019. 272 с.
29. Терроризм и политический экстремизм. Вызовы и поиски адекватных ответов / Под ред. А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов. М.: Институт политического и военного анализа, 2002. 240 с.
30. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Компенсация вреда жертвам терроризма. М.: Мир, 2018. 112 с.
31. Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся. 5-е изд. / Пер. с англ. Е.П. Бугаева, Е.Н. Волков, О. Пузырева. СПб.: Питер, 2017. 480 с.
32. Шойбе М. Джихад: террористами не рождаются / Пер. с немец. О.В. Козонкова. М.: КомпасГид, 2012, 256 с.
33. Янг К.С. Диагноз — интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. 24 с.
34. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). "Парламентская газета". 30.07.2002. N 142-143. (дата обращения: 18.06.2020).
35. Якубов О.А. По следам Бен Ладена. Террорист № 1: известный и неизвестный. М.: Вече, 2018. 320 с.
36. Эрель А. Я была джихадисткой. Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ. М.: Кучково поле, 2016. 256 с.

References

1. Allison G. T. Nuclear terrorism. The most terrible, but preventable catastrophe. Moscow: LKI, 2018. 296 p.
2. Andronov I. Murder without retribution. Moscow: Publishing House of Political Literature, 2019.

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

224 p.

3. Euro-Atlantic security architecture/Under the general editorship of Prof. I. Yu. Yurgens, A. A. Dynkin, V. G. Baranovsky. Moscow: Ekon-Inform, 2009. 124 p.
4. Bazarkina D. Yu. Communication and terrorism. Moscow: SINTEG, 2015. 215 p.
5. Brass A. The Mystery and Tragedy of Osama bin Laden. At the dawn of the creation of the Islamic State of Iraq and the Levant. Moscow, 2015. 437 p.
6. Bykov O. N. National interests and Foreign Policy. Moscow: IMEMO RAS, 2010. 284 p.
7. Gamzatov R. Interaction of public, religious and state structures—the basis of prevention of extremism and radicalism. Muslim world, 2014, no. 1, pp. 106-116.
8. Gubarev O. I. Air terror. Chronicle of Crimes. Moscow: Veche, 2016. 336 p.
9. Dwyer D., Flynn K. Twin Towers. 102 minutes of struggle for life. Moscow: Amphora, 2015. 504 p.
10. Zhuravel V., Korol N., Poluev A. Counteraction to terrorism. Moscow: VOL., 2019. 252 p.
11. Zavalishina O. V., Zagumennykh N. A., Postoeva E. S. Internet-addiksiya— odna iz aktual'nykh problem sovremennosti [Internet addiction— one of the actual problems of our time]. Nauchnyi zhurnal KubGAU, 2015, no. 105(01).
12. Ivanich Yu. Narkotiki i terrorizm: Pautina zla. Moscow: Mashinostroenie, 2016. 464 p.
13. "Islamic State". Essence and Opposition. Moscow: Caucasian Geopolitical Club, 2016. 226 p.
14. Kalachev B. F. Narco-terrorism in Russia: new characteristics of the old phenomenon [Electronic resource]. URL:http://www.narkotiki.ru/ocomments_2362.html (Accessed: 20.01.2020).
15. Kochoi S. M., Khasan Kh. A. Crime of genocide / In S. M. Coco (eds.). Moscow: Prospect, 2016. 128 c.
16. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (New York, December 15, 1997). 3513.
17. International Convention for the Suppression of the Taking of Hostages (New York, December 17, 1979) // Collection of International Treaties of the USSR. Moscow: 1989. issue XLIII. article 99.
18. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (adopted by UN General Assembly Resolution 54/109 of 9 December 1999). Of the Russian Federation of March 24, 2003, no. 12, article 1059.6.
19. Mussai A. S., Bukiiya F. Moi brat - terrorist? [is my brother a terrorist?]. Moscow: RGGU, 2015. 224 p.
20. Murid E. ISIL. The Islamic State and Russia. Is a collision inevitable? (ISIL is a terrorist organization banned in Russia): monogr. m.: knizhny mir, 2016. 186 p.
21. Pashkevich O.I. Profilaktika internet-zavisimosti [prevention of internet addiction] // Masterstvo-onlain, 2016, no. 1.
22. Russian Etymological dictionary. Issue 13 / Edited by A. E. Anikin. Moscow: Nestor-Istoriya, 2019. 376 p.
23. Scott A. Talking to the enemy. Religious extremism, sacred values and what it means to be a person / Translated from English by N. I. Podunova. Moscow: Career Press, 2016. 608 p.
24. Modern terrorism. View from Central Asia / A. G. Kosichenko [et al.]. Moscow: Almaty, 2016. 216 p.
25. Sundiev I. Yu. Information technologies in extremist activity of youth associations // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 10, pp.16-17.
26. Teplyakov O. Terrorism—the formula of destruction: monograph. Moscow: LAP Lambert

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

Academic Publishing, 2015. 148 p.

27. Terrorism. Pravovye aspekty protivodeistviya: normativnye i mezhdunarodnye pravovye akty s kommentariyami, nauchnye stat'i / In I.L. Trunova (eds.). Moscow: Eksmo, 2007. 768 p.

28. Terrorism-a threat to humanity in the XXI century / M. R. Arunova [et al.]. Moscow: Ogni, 2019. 272 p.

29. Terrorism and political extremism. challenges and search for adequate answers / In A. A. Sharavin (eds.). Moscow: Institute of Political and Military Analysis, 2002. 240 p.

30. Trunov I. L., Trunova L. K. Kompensatsiya vreda zhertvam terrorizma [Compensation of harm to victims of terrorism]. Moscow: Mir, 2018. 112 p.

31. Cialdini R. Psikhologiya vliyaniya. Ubezhdai, vozdeistvui, zashchishchaisya [Psychology of influence. Persuade, influence, defend]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 480 p.

32. Shoibe M. Dzhikhad: terroristami ne rozhdaiutsya [Jihad: terrorists are not born]. Moscow: KompasGid, 2012, 256 p.

33. Yang K.S. Diagnostika —internet-zavisimost' [Diagnosis —Internet-dependence]. Mir Internet [The World of the Internet], 2000, no. 2. 24 p.

34. Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 "On Countering Extremist Activities" (as amended). "The parliamentary newspaper", 30.07.2002, no. 142-143. (Accessed: 18.06.2020).

35. Yakubov O. A. Po sledam Ben Ladena. Terrorist № 1: izvestnyi i neizvestnyi [On the trail of bin Laden. Terrorist No. 1: Known and Unknown]. Moscow: Veche, 2018. 320 p.

36. Erel A. Ya byla dzhikhadistkoi. Rassledovanie v tsentre verbovochnoi seti IGIL [I was a jihadist. Investigation in the center of the recruitment network of ISIL]. Moscow: Kuchkovo field, 2016. 256 p.

Информация об авторах

Гайворонская Ирина Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, директор Ломоносовского института (филиала), декан факультета психологии, Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина (ЛГУ им. А.С.Пушкина), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3530-7291>, e-mail: ig15041971@mail.ru

Фомина Татьяна Фёдоровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7993-7538>, e-mail: fatzoes@yandex.ru

Аманжолова Ботагоз Атымтаевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, ассоциированный профессор, зам. декана по научной работе, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (КарГУ имени академика Е.А.Букетова), г. Караганда, республика Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9508-2234>, e-mail: botanik76@mail.ru

Information about the authors

Irina B. Gaivoronskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Lomonosov Institute (branch), Dean of the Faculty of Psychology, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3530-7291>, e-mail: ig15041971@mail.ru

Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.
Вербовка в экстремистские и террористические
организации посредством сети Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.

Gaivoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A.
Online Recruitment into Extremist and Terrorist
Organizations
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165.

Tatyana F. Fomina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7993-7538>, e-mail: fatzoes@yandex.ru

Botagoz A. Amanzholova, PhD, Professor, Department of criminal law, process and criminalistics, associate Professor, Deputy Dean for Research, E.A. Buketov University of Karaganda, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9508-2234>, e-mail: botanik76@mail.ru

Получена 30.04.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 30.04.2020
Accepted 16.11.2020

Особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом

Вартанян Г.А.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Горбатов С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@spbu.ru

Муртазина И.Р.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>, e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом. Обследована 61 женщина в возрасте 18—37 лет: 32 женщины, работающие в интимных салонах ($M \pm SD = 25,94 \pm 5,30$), и 29 социально адаптированных женщин ($M \pm SD = 27,69 \pm 4,69$). Проверялось предположение о наличии различий в структуре личности женщин, занимающихся проституцией, и социально адаптированных женщин. Выявлено, что женщины, занятые в сфере секс-услуг, не чувствуют принадлежности к профессиональному сообществу и конкретному социальному статусу, свои интересы, ресурсы и досуг связывают со временем, проведенным на работе, а также характеризуются недостаточной ответственностью и непостоянством, от окружающих ожидают стереотипного отношения к себе. В субъективно значимых и стрессовых ситуациях склонны снижать психоэмоциональное напряжение или избегать его посредством девиантного поведения. Проститутки отличаются выраженными депрессивными тенденциями, подавляемой агрессией и аутоагрессией. Установлены значимые взаимосвязи самооценки проституток с их психологическими особенностями (суверенность психологического пространства личности, агрессивность, копинг-поведение).

Ключевые слова: Я-концепция, коммерческий секс, проституция, самооценки.

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Елену Васильевну Дмитриеву.

Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р.
Особенности Я-концепции женщин, занимающихся
коммерческим сексом
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 166—184.

Vartanyan G.A., Gorbatov S.V., Murtazina I.R.
Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing
Commercial Sex
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 166—184.

Для цитаты: Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р. Особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 166—184. DOI:10.17759/psylaw.2020100412

Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing Commercial Sex

Gayane A. Vartanyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Sergey V. Gorbatov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@spbu.ru

Inna R. Murtazina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>, e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru

The article presents the results of studying the specifics of self-concept in women, practicing commercial sex. 61 women aged 18-37 were examined, with 32 of them working in "intimacy parlors" ($M \pm SD = 25,94 \pm 5,30$) and 29 socially adapted women ($M \pm SD = 27,69 \pm 4,69$). It was checked whether there are differences in personality organization between the women engaged in prostitution and the socially adapted ones. It is revealed that the women engaged in sex-services don't feel themselves belonging to their professional community or their particular social standing. They associate their interests, resources and leisure time with the time they spend at work, and are also distinguished by deficient responsibility and inconstancy; from those around them such women expect stereotypical attitude towards themselves. In psychologically meaningful and stressful situations they tend to lower their mental and emotional strain or avoid it through deviant behavior. Prostitutes are distinguished by strong tendencies towards depression, suppressed aggression and self-aggression. Significant correlation has been established between prostitutes' self-attitude and their psychological make-up (sovereignty of their psychological personal space, aggressiveness, coping behavior).

Keywords: self-concept, commercial sex, prostitution, self-attitude.

Acknowledgements: The authors are grateful to Dmitrieva E.V. for the assistance in data collection.

For citation: Vartanyan G.A., Gorbatov S.V., Murtazina I.R. Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing Commercial Sex. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 166—184. DOI:10.17759/psylaw.2020100412 (In Russ.).

Постановка проблемы

Коммерческий секс, или проституция, является структурно сложной и многоуровневой поведенческой, сексуальной и одновременно социальной девиацией, приводящей к долговременным и часто к необратимым последствиям для всех непосредственных участников данной девиантной практики. Ввиду правовой неопределенности проституция получила распространение в современной России в маргинализованной и закрытой от постороннего глаза среде. Коммерческий секс оказывается вне правового, социального и медицинского контроля, что создает существенный риск стать жертвой негативного воздействия любого рода, как потребителям, так и лицам, предоставляющим сексуальные услуги. Кроме того, у вовлеченных в проституцию также присутствует риск возникновения непрямого побочного ущерба: латентного или открытого саморазрушения, появления постстрессовых психических расстройств, социальной дезинтеграции и т. д. Последнее отчасти связано с негативным отношением социума к секс-работникам, принимающего в том числе и формы открытой агрессии. От негативной стигматизации и неоднозначного к ним отношения не освобождает даже факт легализации и включения проституции в систему лицензирования и налогообложения в некоторых штатах США и отдельных странах Западной Европы.

Феномен проституции на протяжении уже нескольких веков привлекает пристальное внимание специалистов самых разных областей — врачей, юристов, историков, социологов и психологов. Однако стоит заметить, что если историческому и социологическому анализу посвящено немало работ, равно как и рассмотрению проституции с эпидемиологической и уголовно-правовой позиций (А. Flexser, 1914; V. L. Bullough, B. Bullough, 1987; F. Delacoste, P. Alexander, 1987; K. Barry, 1995; J. Sallman, 2005; С.И. Голод, 1988, 1989; И.С. Кон, 1997, 2005; А.Г. Быкова, 2000; А.В. Меренков, 2002, 2017; Т.А. Гурко, 2004; И.С. Алихаджиева, 2009, 2016 и др.), то психологических исследований в этой области явно недостаточно. Так, малоизученной остается клинико-психологическая составляющая феномена. Как правило, ученых интересуют мотивы и факторы вовлечения женщин в проституцию (Ю.М. Антонян, 2004; С.В. Ильина, 2000; Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко, 2013); одним из центральных вопросов исследований последнего полувека стал вопрос о роли перенесенного в детстве насилия при вовлечении женщин в проституцию [13]. При этом исследования, посвященные изучению психологических особенностей этих женщин, практически отсутствуют. Вместе с тем программа психологической помощи таким женщинам, разработанная с учетом их психологических особенностей, позволила бы не только снизить эпидемиологическую угрозу, но и урегулировать уголовно-правовой аспект данной деятельности.

Нет сомнений, что проституция представляет собой сложный феномен, включающий сексуальный, морально-этический, социальный, юридический, медицинский и психологический аспекты. В современной литературе имеется множество терминов, определяющих проституцию: коммерческий секс, секс-индустрия, сексуальный бизнес. Нет и единого обозначения женщин, занимающихся оказанием секс-услуг: в научной литературе встречаются термины «проститутки», «секс-работницы», «работницы сферы сексуальных услуг». Такое терминологическое многообразие обусловлено историческим, политическим и социально-экономическим развитием общества. В частности, Н.В. Дмитриева и Л.В. Левина отмечают, что развитие общества связано с резкими социальными потрясениями, расширением культурных норм сексуального поведения, сексуальной флюидностью, резким

увеличением числа лиц с сексуальными аддикциями [4]. Так, XIX век представляет собой фактически начало эпохи, когда многие социальные и культурные вопросы начинают решаться посредством научных исследований и дискуссий, что позволило выявить отдельные характеристики проституток: недостаточное умственное развитие, бедный эмоциональный мир, погашенное материнское чувство, отсутствие стыда и альтруизма, склонность ко лжи, тщеславию, моральная неразвитость и неумение планировать [там же].

Интересные результаты получены в первых исследованиях отношения проституток к сексуальной жизни, согласно которым женщины делятся на три группы: женщины равнодушно-апатичные, безразличные к сексуальной жизни (самая большая группа); женщины, испытывающие отвращение и негативное отношение к сексу; и самую немногочисленную группу составляли женщины гиперсексуальные [4]. Отметим, что адекватного отношения к сексу среди проституток выявлено не было.

Современное состояние проблемы свидетельствует о том, что количество женщин, добровольно занимающихся проституцией, неуклонно растет. Это заставляет специалистов сосредоточить свое внимание на психологических причинах подобного поведения, в частности, искать их в отношении женщин к самим себе и к другим, в возможном аутоагрессивном поведении, в способности соблюдать личностные границы, а также справляться с трудными жизненными ситуациями, что делает клинико-психологические исследования проституции особо актуальными. Кроме того, следует отметить, что накопленные к настоящему времени исследования содержат преимущественно данные, полученные в процессе изучения так называемых уличных девушек — женщин нижнего ценового уровня из бесплатных общественных центров помощи, венерических диспансеров и отделений полиции. Что касается женщин более высокой ценовой категории, которые внешне и во многих аспектах поведения почти не отличаются от социально адаптированных женщин, то ранее они практически не изучались. В этой связи представленное исследование обладает особой ценностью. Выявленные особенности образа Я женщин, занимающихся проституцией, могут позволить наметить дальнейшие методологические подходы к изучению данной проблемы. Особой практической значимостью обладает дальнейшая разработка на основании результатов исследования психопрофилактических программ и программ психологической помощи женщинам, занимающимся коммерческим сексом.

Организация и методы исследования

Вышесказанное послужило основанием для проведения исследования, **цель** которого — изучить особенностей Я-концепции женщин, вовлеченных в проституцию.

Выборка исследования: 61 женщина в возрасте 18—37 лет, проживающая в г. Санкт-Петербурге; 32 женщины (средний возраст $25,94 \pm 5,30$ лет), работающие в интимных салонах средней и высокой ценовой категории (от 4000 до 25000 рублей в час); 29 социально адаптированных женщин, отобранных в соответствии с половозрастными характеристиками экспериментальной группы (средний возраст $27,69 \pm 4,69$ лет). Участие в исследовании было добровольным и анонимным, с соблюдением всех этических норм. По желанию участницы получили обратную связь по результатам обследования.

Мы предположили, что структура личности женщин, добровольно занимающихся коммерческим сексом, отличается от таковой у социально адаптированных женщин, что может выражаться в нарушении структуры самоотношения и суверенности

психологического пространства личности, в использовании неэффективных копинг-стратегий, повышенной агрессивности и аутоагрессии, в искажениях полоролевой идентичности. Такие женщины предположительно имеют особый детский опыт и опыт сексуального насилия, обладают качественно своеобразным подходом к решению личных и финансовых трудностей.

Методы исследования: подбор психодиагностических методик осуществлялся с учетом возможной склонности женщин к социальной желательности, обусловленной спецификой их деятельности и отношением к ней в обществе, поэтому в пакет методик были включены проективные методы. Всего было использовано восемь методов и методик.

1. Социально-психологическая анкета в двух формах: для женщин, занимающихся коммерческим сексом, и социально адаптированных женщин.

2. Методика «COPE» (C.S. Carver, M.F. Scheier, J.K. Weintraub, ред. С.В. Горбатов, В.В. Шукайло, 2005).

3. Тест «Кто я?» (M. Kuhn & T. Mcpartland, модификация Т.В. Румянцевой, 2005).

4. Опросник на ауто- и гетероагрессивность Е.П. Ильина (2013).

5. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С. Р. Пантелеев, 1998).

6. Опросник «Суверенность психологического пространства личности» (С. К. Нартова-Бочавер, 2010).

7. «Тест руки» Edwin E. Wagner (в адаптации Т.Н. Курбатовой, О.И. Муляр, 2001).

8. Проективный рисунок человека (К. Маховер, 1996). Интерпретация результатов состояла из 2 частей: 1) анализ в соответствии с уровнем дифференцированности и интегрированности образа Я, измеряемым по шкале Н. Marlens и Н. Witkin, в виде шкал анализа, используемых С.В. Ильиной; 2) анализ фигуры человека в соответствии с методикой «Дом-дерево-человек» Р.Ф. Белиускайте (1982).

Математико-статистические методы включили в себя первичные описательные статистики, сравнительный анализ (критерий U-Манна—Уитни), корреляционный анализ (r-критерий Спирмена). Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программы SPSS.

Результаты исследования

Согласно анализу данных социально-психологической анкеты, все женщины, участвовавшие в исследовании, пошли работать в сферу интимных услуг добровольно. Как отмечают сами женщины, основным мотивом явилась финансовая выгода. Среди неосновных мотивов упоминаются удовольствие, интерес и любопытство. Все женщины (100%) отметили, что работают только с использованием средств контрацепции (презервативы), каждая из них проверяется в коммерческих центрах на наличие заболеваний, передающихся половым путем, в среднем один раз в три месяца. Большинство респонденток, занятых в сфере коммерческого секса, имеют незаконченное высшее образование (31,3%), 28,1% женщин имеют среднее профессиональное образование, 21,9% — общее среднее и 18,8% — высшее.

Сравнительный анализ семейного положения респонденток не выявил статистически значимых различий, при этом большинство женщин обеих групп имеют романтического партнера (рис. 1). Средняя длительность отношений в группе секс-работниц составила 20 месяцев, в группе социально адаптированных женщин — 22 месяца.

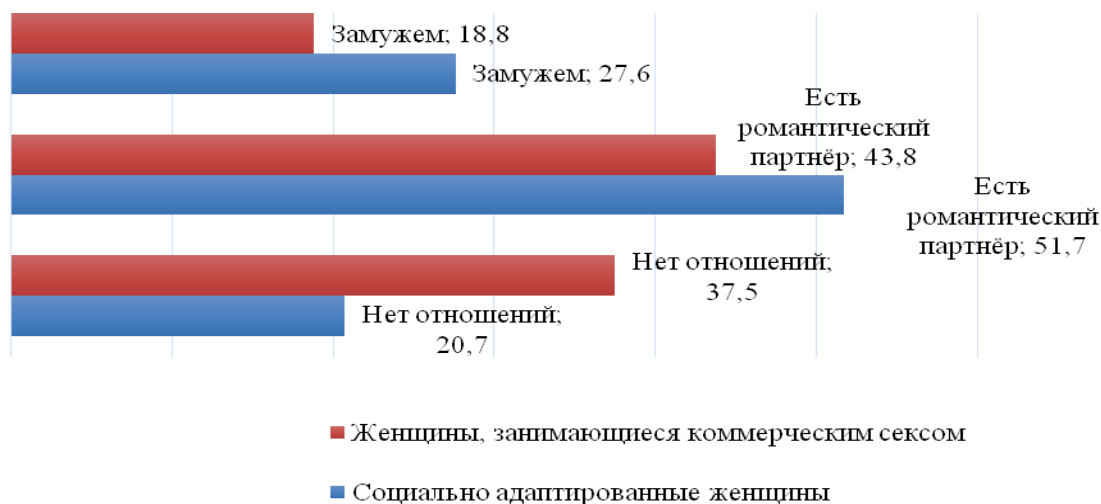

Рис. 1. Характеристика отношений для проституток и социально адаптированных женщин, %

Статистически значимые различия были получены по показателю наличия и количества детей ($\chi^2=6,062$; $p=0,048$). В частности, у большинства секс-работниц 1 ребенок (46,9%), нет детей у 37,5%, двое детей — у 15,6%. В группе социально адаптированных женщин большинство не имеют детей (69,0%), один ребенок — у 24,1% и двое — у 6,9%. Таким образом, можно предположить, что занятие коммерческим сексом не мешает женщинам строить и поддерживать отношения с молодыми людьми, выходить замуж и рожать детей.

Мечты и планы на будущее, которые отмечали обе группы респонденток, как правило, связаны с финансовым благополучием, самореализацией и «хорошими детьми» (цитата).

Стоит отметить также результаты наблюдения: женщины, занятые в сфере коммерческого секса, более открыты в общении, чем социально адаптированные, с большей легкостью воспроизводят травматичные события детства и подросткового возраста (34,4% женщин ранее подвергались сексуальному насилию). Внешне проститутки привлекательны, ухожены, приятны в общении, не проявляют развязности в поведении, что контрастирует со сложившимися стереотипами о поведении женщин сферы коммерческого секса (как правило, такие стереотипы оправданы в отношении «уличных проституток», а не женщин средней и высокой ценовой категории). Стереотипы и субкультура проституток навязывают им необходимость демонстрировать подчеркнутую женственность — красивый макияж, длинные уложенные волосы, дорогая одежда, подчеркивающая достоинства женской фигуры, что является, скорее, не частью особого стиля, а составляющей «товарного вида», объединяющего их своеобразной «униформой». Женщины, занимающиеся проституцией, чрезвычайно заботливо относятся к своему телу, стараются много спать, хорошо питаться, посещают спортивные залы, салоны красоты, массаж и spa-процедуры. Эти данные заслуживают особого внимания, поскольку вышеописанное позиционируется, скорее, как совокупность профессиональных и субкультурных клише, а не является истинным образом Я.

Изучение самоотношения и самовосприятия обследуемых групп женщин, их

представлений о своей личности и своем Я позволило получить следующие результаты.

В ответах проституток и социально адаптированных женщин выявлены статистически значимые межгрупповые различия по уровню выраженности таких показателей, как количество социальных характеристик, представленность в жизни сфер «работа» и «досуг», а также количество имен существительных (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели содержательных характеристик идентичности личности,
методика «Кто я?», $M \pm SD$**

Показатели	Женщины, занимающиеся коммерческим сексом	Социально адаптированные женщины	U Манна—Уитни
Социальные характеристики*	4,13±1,04	8,86±1,80	325,50
Работа**	0,63±0,14	2,34±0,43	254,00
Досуг*	0,31±0,13	1,24±0,37	328,50
Существительные*	5,63±1,09	11,00±2,06	320,00

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,001$.

У женщин, занимающихся коммерческим сексом, выраженность показателя «количество социальных характеристик» статистически значимо ниже, чем у социально адаптированных женщин. Это может свидетельствовать о том, что проститутки значительно меньше соотносят себя с социальными ролями или характеристиками-определениями, не чувствуют своей принадлежности к определенному социальному статусу. Средние показатели представленности в жизни сфер «работа» и «досуг» также статистически значимо ниже в группе женщин, занятых в сфере секс-услуг, чем у социально адаптированных женщин. Проститутки из-за специфики деятельности в описании себя значительно реже говорят о своей профессии, о своих профессиональных ролях и навыках, а свои интересы, ресурсы и досуг связывают со временем, проведенным на работе. Статистически значимо различаются также результаты групп женщин по показателю количества имен существительных, меньшее использование которых свидетельствует об отсутствии стремления к постоянству и недостаточной ответственности женщин, занимающихся коммерческим сексом (табл. 1).

Содержательный анализ ответов позволяет предположить наличие внутриличностного конфликта у проституток, выражающегося в противоречивых высказываниях: «Я ненавижу мужиков — вонючие уроды» вместе с ответом: «Я планирую создать большую крепкую семью»; «Я Богиня» вместе с ответом: «Я моральный урод»; «Я будущая мама» вместе с ответом: «Я наркоманка» и т. д.

В ходе изучения самоотношения женщин двух групп были получены статистически значимые межгрупповые различия по уровню выраженности показателей отношения других и ожидаемого отношения других (табл. 2).

Таблица 2

Показатели содержательных характеристик самоотношения, тест-опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелеева, $M \pm SD$

Характеристика (шкалы)	Женщины, занимающиеся коммерческим сексом	Социально адаптированные женщины	U Манна—Уитни
Ожидаемое отношение от других**	9,25±0,38	10,52±0,38	281,00
Отношение других*	5,06±0,22	5,76±0,23	297,00

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,001$.

Отношения других, а также ожидание секс-работницами позитивного или негативного отношения к себе окружающих, вероятно, связано с общественным осуждением выбранного ими вида деятельности.

Отличительные особенности самоотношения женщин, занимающихся проституцией, выражаются в показателях незащищенности, чувства неполноценности, конфликтности и депрессивности (табл. 3).

Таблица 3

Показатели содержательных характеристик самоотношения, методика проективного рисунка человека (К. Маховер), $M \pm SD$

Характеристика	Женщины, занимающиеся коммерческим сексом	Социально адаптированные женщины	U Манна-Уитни
Незащищенность*	2,94±0,24	3,77±0,27	263,50
Чувство неполноценности**	1,53±0,23	0,65±0,15	246,00
Конфликтность*	0,63±0,13	1,12±0,19	297,50
Депрессивность**	1,13±0,19	0,38±0,11	239,00

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Проститутки отличаются внутренней уверенностью в собственной безопасности, отрицание рискованности своей работы. При этом такие женщины испытывают чувство неполноценности, неспособности к каким-либо действиям и характеризуются выраженными депрессивными тенденциями в отличие от социально адаптированных женщин.

Интересными представляются данные о меньшем уровне конфликтности проститутки. Выявленный факт, как нам кажется, может быть обусловлен более высоким уровнем самоконтроля проявлений агрессивности женщинами, вовлеченными в проституцию, в целях собственной безопасности и стремлением максимально снизить конфликтное поведение. Особый интерес эти данные приобретают с учетом результатов, полученных посредством методики «Тест руки», продемонстрировавших статистически значимые межгрупповые

различия по уровню выраженности таких показателей, как агрессивные тенденции, агрессия, указание, эмоциональность, увечность и описание между проститутками и социально адаптированными женщинами (табл. 4). Статистически значимая выраженность агрессивных тенденций и агрессии у проституток в сравнении с социально адаптированными женщинами, наряду со статистически незначимыми результатами по уровню агрессии по опроснику Е.П. Ильина (результаты будут представлены ниже), может свидетельствовать о снижении внешних проявлений агрессивности ввиду социальной желательности, которая хорошо диагностируется в проективных методиках.

Таблица 4

Показатели выраженности характеристик агрессивного поведения, методика «Тест руки», $M \pm SD$

Характеристика (показатели)	Женщины, занимающиеся коммерческим сексом	Социально адаптированные женщины	U Манна—Уитни
Агрессивные тенденции***	5,66±0,63	2,28±0,36	175,50
Агрессия**	3,56±0,50	1,66±0,28	264,00
Указание***	2,09±0,26	0,62±0,14	184,50
Эмоциональность*	2,41±0,37	1,34±0,29	324,50
Увечность***	1,81±0,33	0,21±0,09	220,50
Описание**	2,66±0,70	0,66±0,26	309,50

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Как представлено в табл. 4, проститутки отличаются нежеланием приспособливаться к окружению, а также наличием агрессивных тенденций, нивелировать которые позволяет повышение эмоциональной приспособляемости к окружающим. Вместе с тем стоит отметить значительное снижение общего уровня активности женщин, занимающихся коммерческим сексом, следствием которого является общая эмоциональная истощенность и астения. Также обращают на себя внимание высокие статистически значимые показатели проституток по категории «Увечность». Несмотря на то, что данная категория ответов не учитывается при оценке вероятности агрессивных действий, она может раскрывать возможную причину агрессивности, которой могут быть реакции на субъективное чувство собственной «увечности», «поврежденности», неспособности к каким-либо действиям, скрываемое чувство неполноценности.

Как уже упоминалось ранее, статистически значимых межгрупповых различий по показателю направленности агрессии на других выявлено не было, в отличие от показателей аутоагрессии (рис. 2).

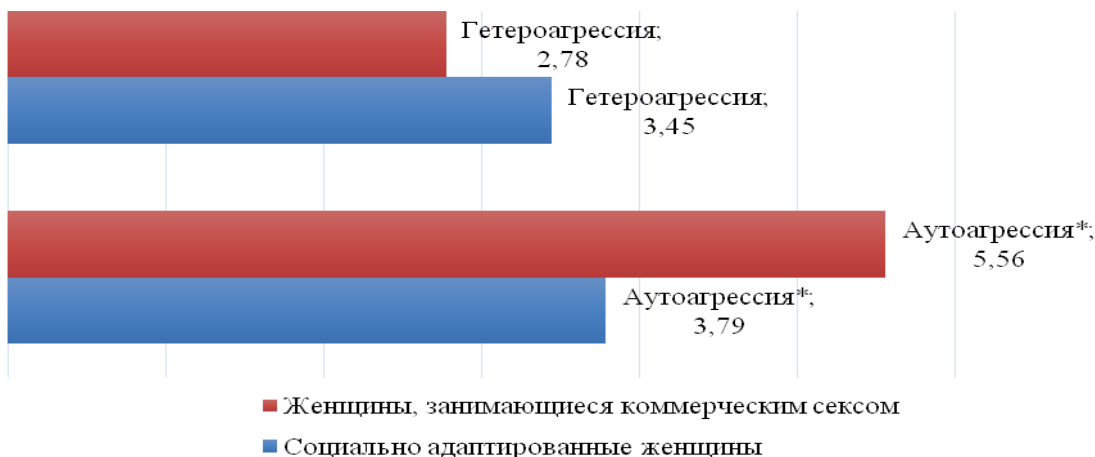

Рис. 2. Показатели выраженности гетероагрессивности и аутоагрессии у проституток и социально адаптированных женщин (* $U=255,50$; $p\leq 0,01$)

Изучение психологического пространства личности исследуемых групп женщин не выявило статистически значимых различий ни по одному из показателей. Однако стоит отметить, что женщин, занимающихся коммерческим сексом, отличает нарушенная суверенность привычек ($M\pm SD=2,47\pm 0,70$) и суверенность социальных связей ($M\pm SD=0,84\pm 0,35$). Полученные данные свидетельствуют о нарушении принятия проститутками временной формы организации своей жизни, об ощущении насильственных попыток изменить комфортный для них распорядок, а также о субъективном ощущении невозможности иметь определенный социальный круг, не одобряемый близкими.

Женщины, занимающиеся проституцией, в отличие от социально адаптированных женщин статистически значимо чаще при преодолении трудностей используют такие копинг-стратегии, как принятие ($U=310,00$; $p\leq 0,05$), отрицание ($U=302,00$; $p\leq 0,05$) и избегание на уровне алкоголя и наркотиков ($U=319,00$; $p\leq 0,05$). Сталкиваясь с трудностями, такие женщины, с одной стороны, отказываются поверить в существование стрессора или стремятся действовать так, будто он отсутствует, с другой стороны, принимают реальность стрессовой ситуации. Отметим, что это две противоположные стратегии. Кроме того, в субъективно значимых и стрессовых ситуациях для женщин характерно избегание, уход от ситуаций и способы снижения психоэмоционального напряжения через девиантные формы поведения (алкоголь/наркотики).

Изучение взаимосвязи составляющих структуры самооотношения женщин, занимающихся коммерческим сексом, с выявленными психологическими особенностями позволило установить некоторые значимые взаимосвязи. Приведем их ниже.

1. Положительные взаимосвязи самоуважения с суверенностью физического тела ($r=0,48$; $p\leq 0,05$), территории ($r=0,90$; $p\leq 0,01$), привычек ($r=0,88$; $p\leq 0,01$), активным копингом ($r=0,77$; $p\leq 0,01$), а также представленностью семьи ($r=0,73$; $p\leq 0,01$), работы ($r=0,86$; $p\leq 0,01$) и досуга ($r=0,48$; $p\leq 0,05$) в жизненных сферах. Отрицательные — с уровнем депрессии ($r=-0,53$;

$p \leq 0,01$), суммарным показателем агрессии ($r = -0,44$; $p \leq 0,01$), ауто- ($r = -0,42$; $p \leq 0,05$) и гетероагрессией ($r = -0,69$; $p \leq 0,01$), а также с такими копинг-стратегиями, как избегание на уровне алкоголя и наркотиков ($r = -0,82$; $p \leq 0,01$), отрицание ($r = -0,57$; $p \leq 0,01$), принятие проблемы ($r = -0,88$; $p \leq 0,01$) и концентрация на эмоциях и эмоциональном выходе ($r = -0,84$; $p \leq 0,01$).

2. Положительные взаимосвязи аутосимпатии с суверенностью физического тела ($r = 0,51$; $p \leq 0,01$), территории ($r = 0,56$; $p \leq 0,01$), привычек ($r = 0,97$; $p \leq 0,01$), а также с представленностью семьи в жизненных сферах ($r = 0,80$; $p \leq 0,01$) и активным копингом ($r = 0,67$; $p \leq 0,01$). Отрицательные — с ауто- ($r = -0,53$; $p \leq 0,01$) и гетероагрессией ($r = -0,40$; $p \leq 0,05$), а также с такими копинг-стратегиями, как избегание на уровне алкоголя и наркотиков ($r = -0,98$; $p \leq 0,01$), принятие проблемы ($r = -0,68$; $p \leq 0,01$) и концентрация на эмоциях и эмоциональном выходе ($r = -0,71$; $p \leq 0,01$).

3. Положительные взаимосвязи ожидаемого отношения от других с активным копингом ($r = 0,41$; $p \leq 0,05$), отрицательные — с опытом пережитого насилия ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$), враждебностью ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$), уровнем императивных тенденций ($r = -0,77$; $p \leq 0,01$) и страхом ($r = -0,64$; $p \leq 0,01$).

4. Отрицательные взаимосвязи самоинтереса с суверенностью привычек ($r = -0,57$; $p \leq 0,01$), вещей ($r = -0,43$; $p \leq 0,05$), социальных связей ($r = -0,71$; $p \leq 0,01$), физического тела ($r = -0,73$; $p \leq 0,01$), общим показателем суверенности психологического пространства личности ($r = -0,68$; $p \leq 0,01$) и представленностью в жизни таких сфер, как работа ($r = -0,53$; $p \leq 0,01$) и семья ($r = -0,71$; $p \leq 0,01$).

5. Положительные взаимосвязи самоуверенности с суверенностью привычек ($r = 0,76$; $p \leq 0,01$), территории ($r = 0,88$; $p \leq 0,01$), физического тела ($r = 0,59$; $p \leq 0,01$), общим показателем суверенности психологического пространства личности ($r = 0,66$; $p \leq 0,01$), конфликтностью ($r = 0,36$; $p \leq 0,01$) и такими копинг-стратегиями, как планирование ($r = 0,60$; $p \leq 0,01$) и активный копинг ($r = 0,51$; $p \leq 0,01$). Отрицательные — с суммарной агрессией ($r = -0,59$; $p \leq 0,01$), ауто- ($r = -0,54$; $p \leq 0,01$)-и гетероагрессивностью ($r = -0,46$; $p \leq 0,01$), с такими копинг-стратегиями, как принятие ($r = -0,79$; $p \leq 0,01$), концентрация на эмоциях и эмоциональный выход ($r = -0,82$; $p \leq 0,05$), отрицание ($r = -0,45$; $p \leq 0,05$) и избегание на уровне алкоголя и наркотиков ($r = -0,75$; $p \leq 0,05$).

6. Положительные взаимосвязи самопринятия с суверенностью привычек ($r = 0,96$; $p \leq 0,01$), территории ($r = 0,56$; $p \leq 0,01$), физического тела ($r = 0,44$; $p \leq 0,01$), общим показателем суверенности психологического пространства личности ($r = 0,70$; $p \leq 0,01$), представленностью семьи в жизненных сферах ($r = 0,85$; $p \leq 0,01$) и активным копингом ($r = 0,78$; $p \leq 0,01$). Отрицательные — с гетероагрессией ($r = -0,58$; $p \leq 0,01$) и такими копинг-стратегиями, как принятие ($r = -0,65$; $p \leq 0,01$), отрицание ($r = -0,41$; $p \leq 0,01$), концентрация на эмоциях и эмоциональный выход ($r = -0,61$; $p \leq 0,01$), избегание на уровне алкоголь, наркотики ($r = -0,90$; $p \leq 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем больше принятие временной организации своей жизни, ощущение безопасности физического пространства, отсутствия попыток нарушения соматического благополучия, а также ощущение себя частью семьи, рабочего коллектива и интересное проведение досуга, тем выше уровень самоуважения женщин, занимающихся коммерческим сексом. Уровень самоуважения женщин, кроме того, возрастает с увеличением предпринимаемых ими активных действий для предотвращения стрессовой ситуации, с уходом от влияния стрессового фактора или изменением его

воздействия. При этом, уровень самоуважения проституток становится ниже с возрастанием агрессивности, в том числе аутоагрессии, с нарастанием депрессивного состояния; в ситуациях решения субъективно значимых и стрессовых ситуаций они, с одной стороны, используют такие неэффективные копинг-стратегии, как избегание проблемы на уровне алкоголя и наркотиков, ее отрицание, «зацикливание» на собственных переживаниях и выражение этих чувств, а, с другой стороны, принимают сложившуюся стрессовую ситуацию. Повышение принятия временной организации своей жизни, ощущение безопасности физического пространства, отсутствия попыток нарушения соматического благополучия, а также ощущение себя частью семьи и использование активных действий для предотвращения стрессовой ситуации повышают одобрение себя как в целом, так и в конкретных аспектах, повышают доверие к себе и позитивную самооценку женщин, занимающихся коммерческим сексом. В то же время низкая самооценка, готовность к самообвинению и такие возможные эмоциональные реакции на себя, как раздражение и презрение, возрастают с агрессивностью, в том числе с аутоагрессией, использованием таких неэффективных копинг-стратегий, как, опять же, с одной стороны, избегание проблемы через алкоголь и наркотики, «зацикливание» на собственных переживаниях, а с другой стороны, принятие стрессовой ситуации.

Женщины, занимающиеся коммерческим сексом, ожидают позитивного отношения к себе от окружающих тем больше, чем меньше испытывают страх, враждебность и имеют императивные тенденции. Опыт пережитого ими насилия взаимосвязан с ожиданием негативного отношения к себе со стороны окружающих; и чем больше женщины используют активные действия для преодоления стрессовых ситуаций, тем больше они ожидают позитивного отношения к себе от окружающих. Интерес женщин к собственным мыслям и чувствам, их готовность общаться с собой на равных и уверенность в том, что они интересны другим, тем выше, чем чаще они позволяют себе агрессивно реагировать на окружающих, имеют свободу вкусов и мировоззрения, используют стресс как стимул для положительной переоценки и собственного развития, с одной стороны, а, с другой стороны, могут избегать его, отрицая, или через алкоголь и наркотики. Стоит также отметить, что уровень самоуверенности проституток тем выше, чем выше принятие ими временной организации своей жизни, ощущение безопасности физического пространства, ощущение отсутствия попыток нарушения соматического благополучия и в целом возможность контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, используя обобщенный опыт успешного автономного поведения. Повышению уверенности в себе способствует также меньшая боязнь конфликтных ситуаций, обдумывание и использование конкретных и активных действий при преодолении стрессовых и фрустрирующих ситуаций. Понижают уровень уверенности в себе использование таких неэффективных копинг-стратегий, как, с одной стороны, отрицание проблемной ситуации и ее избегание через алкоголь и наркотики, «зацикливание» на собственных переживаниях, и, с другой стороны, принятие стрессовой ситуации, а также уровень агрессии, в том числе аутоагрессии.

Обсуждение результатов

Проведенное нами исследование позволило выявить некоторые особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом, а также проанализировать мотивы выбора ими рода деятельности и наличие у них предшествующего психотравмирующего опыта. Так, выявленные нами данные о том, что 34,4% женщин ранее подвергались сексуальному

насилию, согласуются с уже имеющимися в научной литературе. В частности, М. Farley, Н. Barkan отмечают, что около 60% женщин, занимающихся проституцией, сообщают о пережитом в детстве физическом и сексуальном насилии, а у некоторых из них диагностировано ПТСР [22]. С.С. Widom, J.B. Kuhns отмечают, что группу людей, брошенных или подвергавшихся насилию в детстве, от представителей контрольной группы, не имеющих зарегистрированных случаев насилия, отличает только большая вероятность заниматься проституцией [27]. По исследованиям J.J. Potterat, S. Muth, W. Darrow, среди секс-работников распространено пограничное расстройство личности, что обусловлено, помимо прочих факторов, пережитым ими ранее насилием [24]. М. Farley обращает внимание на то, что у людей, вовлеченных в проституцию, наличие детского травматического опыта способствует легкости формирования постстрессовых расстройств. [21]. Еще чаще о детской травматизации в виде сексуального насилия и развратных действиях сообщают мужчины, занимающиеся предоставлением секс-услуг [10].

Многие исследователи отмечают, что для женщин-проституткок характерны определенные психологические особенности. Так, Ю.А. Шатыр, И.Г. Мулик, И.В. Улесикова, В.В. Деларю, А.Б. Мулик обнаруживают у женщин, склонных к занятиям проституцией, некоторую комбинацию фенотипических признаков: повышенный уровень возбудимости, дистимичности, гипертимности, циклотимичности [17]. Е.В. Короткова отмечает значимые признаки эмоциональных нарушений и связанные с ними отдельные проявления личностной незрелости, а также искажения в системе отношений с близкими; особенно это касается отца, которого женщины описывают как дефицитарную, не проявляющую заботу и защиту личность. 70% из этих женщин относятся к супружеской жизни с недоверием, негативно или крайне негативно [9].

Стоит также отметить, что занятия проституцией имеет достаточно сложную системную природу взаимосвязанных между собой событий-причин, психологических состояний-трансформаций и негативных последствий. Различного рода обстоятельства жизни, в том числе те, которые привели к занятию проституцией, способствуют эффекту накопления неудач у лиц, вовлеченных в проституцию, т. е. появлению таких не прямых негативных последствий от занятий проституции, как химическая зависимость, психические расстройства, виктимность и т. д. Как пишет М.М. Русакова: «Женщины, испытавшие детскую безнадзорность, повлекшую ранний сексуальный опыт, раннюю пробу алкоголя и наркотиков, уход из родительского дома в ночное время, испытывают более тяжелые последствия от занятия проституцией» [13]. Накопленные неудачи в проституции оказались тесно связаны и с другими негативными событиями в жизни женщин, в том числе с опытом нахождения в местах лишения свободы. Для женщин с накопленными негативными последствиями характерны различного рода дезадаптивные состояния, социальная инкапсуляция, сложность получения поддержки от людей из обычной не криминализованной среды.

Отдельные исследования позволяют говорить, что проституция взаимосвязана с различного рода сексуальными девиациями, среди которых промискуитет, садизм, мазохизм и некоторые другие. Женщинам, вовлеченным в коммерческий секс, как правило, характерны различные нарушения эмоционально-волевой сферы и использование примитивных механизмов психологических защит. Травматогенная реальность формирует у одних из них уход в мир фантазий, у других — усиливает агрессивное напряжение [12].

Беспорядочные и систематические вступления в сексуальные отношения, не основанные

на личной симпатии и влечении, а также предварительная договоренность об оплате сексуальных услуг — главные признаки проституции. При этом, несмотря на то, что эмоциональное безразличие к половому партнеру не является конструктивным признаком проституции, тем не менее, отсутствие чувственно эмоциональной близости в сексе, отчуждение своего тела как объекта продажи ведет к поведенческим и внутриличностным изменениям [16]. Для женщин, вовлеченных в проституцию, характерен особый тип поведения, основанный на выделенном Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой синдроме «бесстрастной проститутской сексуальности». Характерной чертой этой сексуальности является запрет на проявление эмоциональности в сексе. «Проститутская сексуальность» исключает всякую возможность совмещения секса с романтикой. Секс в таком случае имеет исключительно утилитарное значение и используется для получения прибыли [8].

Т.Ю. Голенищева и С.В. Кудрявцева отмечают, что проститутки обладают особенностями, не только способствующими занятию проституцией, но и затрудняющими выход из нее [2]. Для таких женщин характерна противоречивая самооценка, нестабильное отношение к себе, избегание критики, пассивная жизненная позиция, ощущение внутренней пустоты, отсутствие эмпатии и эмоциональное дистанцирование. У них слабо развита способность дифференцировать собственные чувства и потребности, есть склонность к замещению реальности совокупностью собственных проекций. Секс-работницам свойственно слабо развитое нарциссическое ядро. В связи с этим отметим, что Х. Кохут вслед за З. Фрейдом ставит детский естественный нарциссизм в центр развития структур Я, т. е. нарциссизм является нормальной и необходимой основой развивающегося Я [6]. Именно структуры Я вследствие постоянной травматизации и перенесенного в детстве насилия или, в отдельных случаях, деструктивного расширения сферы родительских чувств в виде эротизации отношений с ребенком оказываются наиболее уязвимыми и разрушенными у женщин, занимающихся проституцией. По мнению С.В. Ильиной, проститутки и пациенты с расстройствами личности обладают общей конфигурацией личностной организации, для которой характерны низкая степень внутренней цельности образа Я, нарушения осознания собственного «телесного единства», размытость границ репрезентаций Я и Другого, тотальная психологическая зависимость, восприятие отношений «Я—Другой» в рамках дихотомической модели «жертва—преследователь», флуктуация Я-репрезентаций от образа Ничтожного и Беспомощного к образу Всемогущего и Карающего, защитные механизмы примитивного обесценивания и отрицания [5].

Е.Т. Соколова психологическую составляющую проституции рассматривает в одном синдроме с другими разнообразными проявлениями деструктивного самоотношения, в том числе, с многократными суицидальными попытками, аддикциями, промискуитетом, с действиями, которые приводят к увечьям и калечат тело, но позволяют выделиться (пирсинг, шрамирование, самоприжигание, татуирование и другое), маниакальным стремлением добиться телесного суперсовершенства с помощью изнурительных физических нагрузок, фитнеса, жестких диет или пластической хирургии. Их всех, по мнению автора, объединяет общий генез, связанный с эмоциональным опытом отвержения, потери и насилия; им всем присущи черты, парадоксально сочетающие стремление к смерти, разрыву всех связей с миром и другими людьми, но также и отчаянное стремление к полному воссоединению и слиянию с ними [15].

Проведенное нами исследование также позволяет предположить наличие

внутриличностного конфликта у секс-работниц. Такие женщины аутоагрессивны, они значимо чаще при преодолении трудностей используют неконструктивные примитивные копинг-стратегии отрицания и избегания на уровне алкоголя и наркотиков.

Выводы и заключение

Изучение особенностей Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом, позволило установить, что проститутки не чувствуют принадлежности к профессиональному сообществу и конкретному социальному статусу, в меньшей степени, чем социально адаптированные женщины, соотносят себя с социальными ролями. Свои интересы, ресурсы и досуг связывают со временем, проведенным на работе. Женщины, занимающиеся коммерческим сексом, характеризуются недостаточной ответственностью и не стремятся к постоянству, а от окружающих ожидают определенного стереотипного отношения к себе. Основным мотивом занятия проституцией является финансовая выгода.

О внутриличностном конфликте проституток могут свидетельствовать, с одной стороны, их внутренняя уверенность в собственной безопасности, в отрицании рискованности своей работы, с другой — чувство неполноценности и неспособности к каким-либо действиям, а также диаметрально противоположные описания себя (например, «Я Богиня» наряду с «Я моральный урод») и использование противоположных копинг-стратегий отрицания и принятия. В субъективно значимых и стрессовых ситуациях для женщин также характерно избегание ситуаций и снижение психоэмоционального напряжения через девиантные формы поведения (алкоголь/наркотики). Женщины, занимающиеся проституцией, отличаются выраженными депрессивными тенденциями, подавляемой агрессией. Их выраженная аутоагрессия может быть реакцией на скрываемое чувство неполноценности, «увечности». Для проституток характерно нарушение принятия ими временной формы организации своей жизни, ощущение насильственных попыток изменения комфортного для них распорядка. Они не чувствуют за собой права иметь друзей или знакомых, не одобряемых близкими.

Самоотношение женщин, занимающихся коммерческим сексом, тесно связано с суверенностью психологического пространства их личности, представленностью семьи в жизненных сферах, агрессивностью и копинг-поведением. В частности, такие показатели самоотношения, как самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение от других, самоинтерес, самоуверенность и самопринятие, связаны с общим показателем суверенности психологического пространства личности проституток, с суверенностью привычек, территории, физического тела, а также такими противоположными копинг-стратегиями, как избегание на уровне алкоголя и наркотиков, отрицание, концентрация на эмоциях и эмоциональный выход, принятие и активный копинг.

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что феномен Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом, требует дальнейшего изучения, поскольку имеет не только научную, но и социальную значимость.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос. 2004. 448 с.
2. Голенищева Т.Ю., Кудрявцева С.В. Психологические корреляты женской проституции // IV Фрейдовские чтения. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / Под ред. М.М. Решетникова. Санкт-Петербург: Восточно-европейский институт психоанализа. 2019. С. 282—296.

3. *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. Институт социологии РАН. С.-Петербургский филиал. СПб.: Петрополис, 1998. 127 с.
4. *Дмитриева Н.В., Левина Л.В.* История проституции. Подходы и парадигмы // *Universum: психология и образование*. ООО «Международный центр науки и образования». 2013. № 1. 15 с.
5. *Ильина С.В.* Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000. 220 с.
6. *Когут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
7. Кон И.С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. *Время*. 2010. — 608 с.
8. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Особенности девиантного поведения женщин, занимающихся проституцией // *Вестник ИГПИ имени П.П. Ершова Педагогика и психология*. 2014. № 5(17). С. 129—133.
9. *Короткова Е.В.* Психологическое здоровье женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение // *Северо-кавказский психологический вестник*. 2009. № 7/2. С. 73—80.
10. *Максимов А.М.* Психологические исследования мужской гомосексуальной проституции // *Консультативная психология и психотерапия*. 2011. № 1. С. 137—135.
11. *Наихоев М.Р.* Психологические особенности женщин, занимающихся уличным секс-бизнесом // *ИППП*. 2000. № 6. С. 31—37.
12. *Русакова М. М.* Опыт «накопленных неудач» женщин, вовлеченных в проституцию // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 439—454.
13. *Русакова М.М.* Влияние перенесенного в детстве сексуального насилия на вовлечение женщин в проституцию // *Петербургская социология сегодня*. Т. 1. ООО «Нестор-история». 2009. С. 354—359.
14. *Русакова М.М.* Трансформация понятия «проституция» в общественных науках в контексте социального контроля: история и современность // *Вестник СПбГУ. Сер. 12*. 2010. Вып. 2. С. 40—48.
15. *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
16. *Шалагин А.Е.* Проституция как социально-негативное явление и ее общественная опасность // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2012. № 1. С. 295—298.
17. *Шатыр Ю.А., Мулик И.Г., Улесикова И.В., Деларю В.В., Мулик А.Б.* Систематизация факторов формирования социальных девиаций // *Logos et Praxis*. 2017. Т. 16. № 3. С. 136—144.
18. *Яковлева А.А.* Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // *Гендерные исследования*. Харьков, 2003. № 7—8. С. 226—245.
19. *Barry K.* *The Prostitution of Sexuality* // New York: New York University Press, 1995. P. 381.
20. *Basserman L.* *The Oldest Profession: A History of Prostitution* // New York, 1994. P. 312.
21. *Farley M.* 2004. *Prostitution, trafficking and traumatic stress*. Routledge. 1st Edition. Routledge. P. 384.
22. *Farley M., Barkan H.* *Prostitution, Violence Against Women, and Posttraumatic Stress Disorder* // *Women & Health*. 1998. Vol. 27(3). P. 37—49.
23. *Pateman C.* *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press, 1988. P. 261.

24. Potterat J.J., Muth S., Darrow W. 1998. Pathways to Prostitution: The Chronology of Sexual Abuse and Drug Abuse Milestones // *Journal of Sex Research*. 1999. November. at: Ebsco Host Information Access, 25 February.
25. Wardlou R. Lectures on female prostitution. Glasgow, 1853. P. 190.
26. Weitzer R. Legalizing Prostitution. From Illicit to Lawful Business // New York: New York University Press, 2011. P. 288.
27. Widom C.S., Kuhns J.B. Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: A prospective study // *American Journal of Public Health*. 1996. № 86(11). P. 1607—1612.

References

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. Izbrannye lektsii [*Criminology. Selected Lectures*] // Moscow: «Logos». 2004. 448 p. (In Russ.).
2. Golenishcheva T.Yu., Kudryavtseva S.V. Psikhologicheskiye korrelyaty zhenskoy prostitutsii [*Psychological correlates of female prostitution*] IV Freudian readings. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference / Ed. M.M. Reshetnikov. Saint-Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis. 2019. pp. 282 — 296. (In Russ.).
3. Golosenko I.A., Golod S.I. Sociologicheskie issledovaniya prostitutsii v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa [*Sociological studies of prostitution in Russia: history and current status of the issue*]. Institut sociologii RAN. S.-Peterburgskij filial. Saint-Petersburg: «Petropolis», 1998. 127 p. (In Russ.).
4. Dmitrieva N.V., Levina L.V. Istoriya prostitutsii. Podhody i paradigmy [*The history of prostitution. Approaches and Paradigms*] // Universum: psikhologiya i obrazovanie. OOO «Mezhdunarodnyj centr nauki i obrazovaniya», 2013, no. 1, 15 p. (In Russ.).
5. Il'ina S.V. Emocional'nyj opyt nasiliya i pogranichnaya lichnostnaya organizaciya pri rasstrojstvah lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk. [*The emotional experience of violence and borderline personality organization in personality disorders*]. Moscow, 2000. 220 p. (In Russ.).
6. Kogut Kh. Vosstanovleniye samosti [*Restoring the self*] Moscow: Kogito-Tsent, 2002. 316 p. (In Russ.).
7. Kon I.S. Klubnichkanaberyozke: Seksual'nayakul'tura v Rossii [*Strawberry on a birch: Sexual culture in Russia*]. Vremya, 2010. 608 p. (In Russ.).
8. Korolenko Ts.P., Dmitriyeva N.V. Osobennosti deviantnogo povedeniya zhenshchin, zanimayushchikhsya prostitutsiyey [*Features of deviant behavior of women engaged in prostitution*] Bulletin of the P.P. Ershov Institute of Pedagogy, 2014, no. 5 (17). Pedagogy and Psychology. pp.129 — 133. (In Russ.).
9. Korotkova Ye.V. Psikhologicheskoye zdorov'ye zhenshchin, realizuyushchikh rentno-promiskuitetnoye povedeniye [*Psychological health of women implementing rental-promiscuous behavior*]. North-Caucasian psychological bulletin, 2009, no. 7/2, pp. 73 — 80. (In Russ.).
10. Maksimov A.M. Psikhologicheskiye issledovaniya muzhskoy gomoseksual'noy prostitutsii [*Psychological studies of male homosexual prostitution*]. Counseling psychology and psychotherapy, 2011, no. 1, pp.137 —135. (In Russ.).
11. Nashkhoyev M.R. Psikhologicheskiye osobennosti zhenshchin, zanimayushchikhsya ulichnym seksbiznesom [*Psychological features of women engaged in street sex business*]. IPPP, 2000, no. 6, pp.31 — 37. (In Russ.).

12. Rusakova M.M. Opyt «nakoplennykh neudach» zhenshchin, вовлеченных в проституцию [*Experience of "accumulated failures" of women involved in prostitution*]. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology, 2018. Vol. 11, no. 4, pp. 439 — 454. (In Russ.).
13. Rusakova M.M. Vliyanie pereneyonnogo v detstve seksual'nogo nasiliya na вовлечение zhenshchin v проституцию [*The impact of childhood sexual abuse on the involvement of women in prostitution*] // Peterburgskaya sociologiya segodnya [*Petersburg sociology today*], 2009. T.1, pp. 354 — 359. (In Russ.).
14. Rusakova M.M. Transformatsiya ponyatiya «проституция»v obshchestvennykh naukakh v kontekstesotsial'nogo kontrolya:istoriya i sovremennost' [*Transformation of the concept of "prostitution" in the social sciences in the context of social control: history and modernity*] // Vestnik SPbGU. [*Bulletin of St. Petersburg University*] Ser. 12, 2010. Vyp. 2, pp. 40 — 48. (In Russ.).
15. Sokolova Ye.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty YA [*Clinical psychology of the loss of Ego*]. Moscow: Smysl, 2015. 895 p. (In Russ.).
16. Shalagin A.Ye. Prostitutsiya kak sotsial'no-negativnoye yavleniye i yeye obshchestvennaya opasnost'. [Prostitution as a socially negative phenomenon and its social danger]. Actual problems of economics and law, 2012, no. 1, pp.295 — 298. (In Russ.).
17. Shatyr Yu.A., Mulik I.G., Ulesikova I.V., Delaryu V.V., Mulik A.B Sistematsiya faktorov formirovaniya sotsial'nykh devitsiy [*Systematization of factors of the formation of social deviation*], Logos et Praxis, 2017. Vol. 16, no. 3, pp. 136 — 144. (In Russ.).
18. Yakovleva A. A. Globalizatsiya seksual'nogo nasiliya: ot prostitutsii k transnatsional'noj seksual'noj industrii [*Globalization of Sexual Violence: From Prostitution to the Transnational Sexual Industry*] // Gendernye issledovaniya [*Gender studies*], 2003, no. 7-8, pp. 226—245. (In Russ.).
19. Barry K. The Prostitution of Sexuality // New York. New York University Press, 1995. P. 381.
20. Basserman L. The Oldest Profession: A History of Prostitution // New York, 1994. P. 312.
21. Farley M. 2004. Prostitution, trafficking and traumatic stress. Routledge. 1st Edition. Routledge. P. 384.
22. Farley M., Barkan H. 1998. Prostitution, Violence Against Women, and Posttraumatic Stress Disorder. Women & Health, 1998.Vol. 27(3), pp. 37 — 49.
23. Pateman C. The Sexual Contract // Stanford: Stanford University Press, 1988. P. 261.
24. Potterat J.J., Muth S., Darrow W. 1998. Pathways to Prostitution: The Chronology of Sexual Abuse and Drug Abuse Milestones. Journal of Sex Research. November. at: Ebsco Host Information Access, 25 February 1999.
25. Wardlour R. Lectures on female prostitution. Glasgow, 1853. P. 190.
26. Weitzer R. Legalizing Prostitution. From Illicit to Lawful Business // New York: New York University Press, 2011. P. 288.
27. Widom C.S., Kuhns J.B. Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: A prospective study // American Journal of Public Health, 1996, no. 86 (11), pp. 1607—1612.

Информация об авторах

Вартанян Гаянэ Аршалусовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская

Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р.
Особенности Я-концепции женщин, занимающихся
коммерческим сексом
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 166—184.

Vartanyan G.A., Gorbatov S.V., Murtazina I.R.
Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing
Commercial Sex
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 166—184.

Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Горбатов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@spbu.ru

Муртазина Инна Ралифовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>, e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru

Information about the authors

Gayane A. Vartanyan, PhD in Psychology, Research Fellow, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Sergey V. Gorbatov, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@spbu.ru

Inna R. Murtazina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>, e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru

Получена 23.06.2020

Принята в печать 16.11.2020

Received 23.06.2020

Accepted 16.11.2020

Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергнувшегося локальным военным действиям

Захарова Н. М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2424-0901>, e-mail: natali_oslo@mail.ru

Цветкова М. Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8736-1674>, e-mail: tsvetkovamd@yandex.ru

В настоящее время острой проблемой человечества остается участие в военных действиях, в том числе в локальных конфликтах, нередко сопряженных с деятельностью радикально настроенных организаций. Обстрелы, бомбардировки, захват заложников, насильственное удержание, связанные с непосредственной угрозой жизни и благополучию людей, относятся к наиболее значимым психотравмирующим факторам современной жизни. В статье рассмотрены последствия негативного влияния дистресса, пережитого мирными жителями и беженцами, в том числе детьми, нередко приводящие к снижению качества жизни, формированию патологических черт личности, социальной дезадаптации, возникновению коморбидных психических и соматических заболеваний. Во многих проанализированных исследованиях делается акцент на том, что массивное отрицательное влияние на психику множественных психотравмирующих факторов приводит к тому, что долгосрочные последствия могут оказаться более разрушительными, чем моментальные. В связи с этим, приобретает чрезвычайно важное значение максимально раннее выявление у пострадавших психических и поведенческих нарушений, профилактика у них постстрессовых расстройств на отдаленных этапах психотравмы и их своевременная и полноценная реабилитация и реинтеграция в общество.

Ключевые слова: локальные конфликты, психические и поведенческие расстройства у мирного населения и беженцев, «дети войны».

Для цитаты: Захарова Н.М., Цветкова М.Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергнувшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.
Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197.

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.
Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197.

Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare

Natalia M. Zakharova

“V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2424-0901>, e-mail: natali_oslo@mail.ru

Marina G. Tsvetkova

“V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8736-1674>, e-mail: tsvetkovamd@yandex.ru

Currently an acute and persistent problem for humanity is participation in military activities, including local conflicts which oftentimes involve activities of radical organizations. Shooting, shelling, bombing, taking hostages, forceful retention, which provide imminent threat to the lives and well-being of people, belong to the most significant psychologically traumatic factors of modern life. The article looks into the consequences of the negative impact of the distress which civilians and refugees (including children) have gone through. Not infrequently these negative consequences lead to deterioration in the quality of life, development of pathological personality traits, social maladaptation, emergence of co-morbid mental and somatic diseases. In the number of the studies we analyzed it is emphasized that massive negative impact on the mental health from the multiple traumatizing factors turns out to be more devastating in the long run than it is in the beginning. Therefore, the following becomes critically important: the earliest possible detection of mental and behavioral disorders in the victims, preventive treatment of their post-stress disorders at the remote stages of the traumatic experience as well as their complete and timely rehabilitation and reintegration into society.

Keywords: local warfare, local conflicts, mental and behavioral disorders in civilian population and refugees, "children of war".

For citation: Zakharova N.M., Tsvetkova M.G. Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413 (In Russ.).

На протяжении всей истории, человечество ведет нескончаемые большие и малые войны, приводящие к массовой гибели и страданиям мирного населения, появлению большого числа беженцев и вынужденных переселенцев.

Неотъемлемой частью нашего времени являются локальные конфликты, нередко сопряженные с деятельностью радикально настроенных организаций. Исследования, проводившиеся в зонах различных локальных войн, показали, что гражданское население,

подвергается значительной психической травматизации и, как следствие, развитию различных психических расстройств [1; 2; 9]. В группе высокого риска развития психических нарушений находятся также беженцы и насильственно перемещенные лица, количество которых, по данным Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), в мире превысило 68 миллионов, и продолжает расти [4]. Обстрелы, бомбардировки, захват заложников, насильственное удержание, связанные с непосредственной угрозой жизни и благополучию людей, относятся к наиболее значимым психотравмирующим факторам современной жизни. Негативное влияние дистресса, пережитого мирными жителями и беженцами, проявляется не только в острой ситуации, но и сказывается на последующей жизни людей, нередко приводя к снижению качества жизни, формированию патологических черт личности, социальной дезадаптации, возникновению коморбидных психических и соматических заболеваний [14; 15].

Проводившиеся в Боснии и Герцеговине исследования, в рамках проекта «Психосоциальные аспекты войны в БиГ», выявили, что количество обращений в больницы и амбулаторные медицинские учреждения, связанных с развитием стрессовых реакций и реактивных психозов в период войны, значительно увеличилось. Распространенность невротических расстройств выросла на 40%, а психотических — на 20%. Среди детей и подростков отмечалось увеличение невротических и психотических расстройств в самом начале первого года войны и уменьшение аналогичных диагнозов в течение второго года, что можно объяснить особой адаптацией молодежи к условиям войны. Однако, по мнению исследователей, эти цифры предварительные, поскольку ожидалось нарастание психических расстройств в отсроченном периоде из-за низкого уровня образования, очень низкого уровня жизни, безработицы, плохого состояния здоровья, особенно среди перемещенных лиц, подвергающихся дополнительному риску вследствие возникновения различных психосоциальных проблем [27].

Исследования, проводившиеся в Демократической Республике Конго, показали, что в ходе военного конфликта гражданские лица подвергались сильным стрессовым воздействиям, причем психотравмирующие переживания не только кумулятивно повышали риск развития психических отклонений, но и влияли на когнитивное и психосоциальное функционирование пострадавших. Обследование 323 конголезских беженцев (средний возраст: 31,3 года) в Уганде выявило наличие основных симптомов ПТСР и их связи с нарушениями когнитивного и психосоциального функционирования, что способствовало повышению риска бедности и отсутствия перспектив и еще большему усугублению последствий военного конфликта [17].

По данным исследований, проводившихся в Чечне [8], заболеваемость гражданских лиц психическими расстройствами, связанными с перенесенным стрессом, составляла 91,2%, из которых 58,2% приходилось на ПТСР. При этом, в течение 3 лет выздоровление наступило только у 9,2% обследуемых. В остальных случаях происходила трансформация ПТСР в аффективные расстройства (31,6%), соматоформные расстройства (35,7%) и хроническое изменение личности (11,3%).

При обследовании мирного гражданского населения в Чечне и Ингушетии (653 человека) в период с 1996 по 2001 г. ("первая" и "вторая" война) [2] было выявлено наличие у пострадавших значительных психических нарушений, возникших вследствие пережитых психотравмирующих военных событий. Постстрессовые психические расстройства

классифицировались как ПТСР и Расстройство адаптации и представляли собой сочетание отчужденности, замкнутости, подозрительности, эмоциональной неустойчивости, высокой тревожности, фрустрированности, низкого самоконтроля, подчиненности, чувства вины, социальной робости а также, нередко, сверхценной идеи мести, что существенно снижало эффект от проводимой терапии и требовало особого внимания со стороны терапевта.

Исследования психического состояния женщин-беженцев, проводившиеся в США, показали высокий уровень дистресса, с наибольшим риском развития психических расстройств в возрасте от 19 до 25 лет и старше 50 лет. Причем психическая уязвимость женщин-беженцев увеличивалась в связи с воздействием дополнительных категорий стрессоров, таких как проблемы доступа к службам здравоохранения и психосоциальной поддержки, трудности с общением на иностранном языке и социальная изоляция [25].

В период обследования и специализированного лечения в Германии 1100 езидских женщин-беженцев из северного Ирака, подвергшихся насилию со стороны боевиков ИГИЛ, у пострадавших преимущественно отмечались расстройства сна (ночные кошмары и бессонница), нервозность, избегание связанных с травмой раздражителей, вялость и навязчивые воспоминания. К частым проявлениям относились также депрессивные симптомы, беспокойство и приступы паники. Помимо психических расстройств авторами отмечался высокий уровень сомато-вегетативных проявлений. Наиболее часто встречающимися жалобами соматического характера были боли различной локализации (особенно в спине), нарушения работы желудочно-кишечного тракта и головокружения. [31]. Выраженные признаки дистресса у них отмечались как сразу после приезда, так и в течение всего времени пребывания в Германии. Дополнительными факторами, оказывавшими негативное влияние на психическое состояние беженцев являлись беспокойство по поводу членов их семей, оставшихся в Ираке, и неопределенность в отношении будущего.

Чрезвычайные события оказывают негативное влияние на психику не только взрослых, но и детей. Многочисленные исследования свидетельствуют, что беззащитность и зависимость от взрослых, повышенная эмоциональность и психическая незрелость, а также резкая смена привычной среды способствуют развитию у детей психических и поведенческих нарушений [12; 16; 20; 24; 28; 30; 33].

Когда речь идет о «детях войны», основными травмирующими факторами становятся непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка или его близких, смерть близких, физические травмы ребенка [12]. Для детей дошкольного возраста наиболее характерны такие постстрессовые проявления, как регрессивное поведение (энурез, страх разлуки с родителями, страх перед незнакомыми людьми, утрата имеющихся навыков), раздражительность. У детей школьного возраста появляются проблемы в учебе и общении, поведенческие нарушения от агрессии до депрессии с чувством «вины выжившего», различные соматические жалобы, не имеющие органической природы [6; 16].

Проводившиеся в Донецкой и Луганской областях исследования 286 детей в возрасте 7 - 18 лет (из них 209 из зоны антитеррористической операции и 77 детей-переселенцев) [10], выявили у большинства детей соматические и психосоматические жалобы. У 62,3% обследованных определялись астено-невротические расстройства с преобладанием в клинической структуре астении, эмоциональной лабильности, напряжения, повышенной умственной и физической утомляемости, периодической головной боли, головокружений.

При анализе данных, полученных при обследовании 605 чеченских детей (от 6 до 15 лет)

— вынужденных переселенцев, переживших военные события дважды (1994—1996 и 1999—2000гг), у большинства были выявлены симптомы, характерные для ПТСР. Наиболее часто встречались расстройства депрессивного круга (60,6%), проявления психологического дистресса (54,9%) (возникавшие при столкновении с чем-то, напоминающим пережитое), гипербдительности с раздражительностью и вспышками гнева (56,5%), агрессивности (35,8%), неспособность испытывать положительные эмоции, сверхсерьезность, состояния оцепенения (31,9%), а также другие психические расстройства: энурез (психогенный) (10,7) %, тики (11,9 %), гиперактивность (21,8 %) [3,11].

В последнем десятилетии наибольший резонанс получила деятельность запрещенной в РФ террористической группировки Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), приведшая, в том числе и к появлению особого рода жертв: детей и женщин — членов семей участников этой организации. Большинство боевиков вывезли (не всегда добровольно) с собой на территорию так называемого халифата своих жен и детей, которые были вынуждены проживать в условиях длительной локальной войны, не имея возможности покинуть опасную территорию. Женщины играли различные роли — от послушных жен и "джихадистских невест" до активных пропагандистов исламского радикализма и сборщиков средств для нужд "халифата". Дети подвергались специфическому воспитанию в духе шариата [21; 22; 26]. В ходе военных действий, предпринимаемых правительственными войсками и союзниками по анти-игиловской коалиции, многие семьи боевиков попали в плен. Женщины были осуждены за пособничество террористам и, на протяжении длительного времени (1,5 — 2 года) вместе со своими детьми находятся в тюрьмах на территории Сирии и сопредельных государств.

В настоящее время проводится работа по возвращению на родину детей российских женщин, осужденных за связь с ИГИЛ и отбывающих наказание в иракских и сирийских тюрьмах.

Дети, вывезенные из Ирака и Сирии, длительное время подвергались воздействию множественных стрессогенных факторов: проживание в зоне военных действий с артобстрелами и бомбежками, тяжелые утраты (гибель отца, братьев, сестер, близких друзей). Последние примерно 1,5 года они, независимо от пола и возраста, провели в общих тюремных камерах вместе с осужденными матерями. Ограничение свободы, отсутствие какого-либо обучения, прогулки один раз в неделю в закрытом дворе тюрьмы, сложности с удовлетворением естественных потребностей из-за постоянных очередей в туалет, крайне однообразное питание (чечевица, рис, редко — овощи), практически полный отказ от мяса (по религиозным соображениям), оказали негативное влияние на физическое и психическое состояние детей. При обследовании таких детей на первый план выступали возрастные, национальные и религиозные особенности. Поведенческие реакции были однотипны и обусловлены растерянностью, настороженностью, страхом нарушить религиозные заповеди и наказания родителей. Обращает на себя внимание выраженная задержка как психического, так и физического развития у детей до 6 лет (рожденных в зоне военного конфликта). У детей старше 6 лет отмечается значительная педагогическая запущенность, религиозная направленность полученных знаний и привитых умений [7].

Дополнительными факторами, оказывающими огромное негативное влияние на детскую психику также являются смена привычной обстановки и разлука с матерью. Многие психологи и психиатры, работавшие с детьми, пережившими военные действия [5; 9; 16],

отмечали, что дети, находившиеся в стрессовых ситуациях вместе с родителями, переносят тяжелые испытания легче, чем те, которых отрывают от родителей и увозят в безопасное место. Длительная разлука с матерью провоцирует нарушение эмоционального фона (дети не улыбаются), депрессию, неспособность испытывать удовольствие.

Следует отметить, что тяжелый стресс, переживаемый детьми, вывезенными с территории Ирака и Сирии, обусловлен не только длительным пребыванием в зоне военных действий и в тюрьме. По сообщениям, звучавшим в пропагандистских заявлениях представителей ИГИЛ, а также в международных средствах массовой информации, многие дети жителей «халифата» (преимущественно мальчики старше 8 лет) проходили психологическую идеологическую обработку и специфическую физическую подготовку с последующим участием в актах насилия и жестокого обращения [9].

В ранее проводившихся исследованиях отмечалось, что дети 8 - 12 лет особенно восприимчивы к демонстрируемому насилию. Особенно это относится к детям, принадлежащим к слоям общества с низким социальным статусом, к которым, безусловно, можно отнести беженцев, вынужденных переселенцев, узников тюрем. Пропагандистские лозунги, демонстрация видеороликов террористических актов с героизацией террористов-смертников приводили к тому, что в процессе восприятия и переработки поступающей информации, у детей происходило формирование угрожающего образа окружающего мира и, как следствие, усиление агрессивных тенденций и склонности к проявлениям деструктивного поведения в дальнейшем [23].

В ходе анализа поведения и адаптации детей-беженцев в школьной среде, проводившегося британскими исследователями, было установлено, что помимо симптоматики, характерной для постстрессовых расстройств, у детей-беженцев на первый план выступают трудности социального плана. Дети младшего школьного возраста сообщали о большем количестве проблем со сверстниками, функциональных нарушениях физического здоровья и психосоматических проблемах по сравнению с контрольными детьми и более старшими группами детей-беженцев. С другой стороны, у детей-беженцев старшего возраста была более низкая академическая и социальная самооценка по сравнению с младшей группой [32].

Наличие комплекса психологических и социальных проблем может приводить к идентификации ребенка с членами реальных или виртуальных экстремистских групп, которые упрощают взгляд на окружающую действительность до «черно-белого» и воспринимаются как единственный источник эмоциональной поддержки [29]. Поэтому важная роль в процессе адаптации и ресоциализации детей-беженцев отводится характеру социального окружения. Риск агрессии и склонности к насилию возрастает в случае принадлежности к слоям с низким социальным статусом, где имеется расхождение между социальными стандартами и законными способами достижения потребностей, а также у подростков, которые испытывали на себе жестокое обращение или холодное отношение со стороны родственников, были отвергаемы сверстниками [19]. При этом отмечается, что позитивные социальные отношения со сверстниками (наличие приятельских и дружественных контактов, количество друзей и т. п.) играют важную защитную роль и способствуют более быстрой адаптации в новом социуме [13].

Французские исследователи обращают особое внимание на проблему подготовки педагогического, медицинского и вспомогательного персонала, работающего с женщинами и детьми, возвращенными из зоны, подконтрольной террористической группировке. Важным

аспектом этой подготовки являются мероприятия, направленные на дестигматизацию и дерадикализацию как самих пострадавших, так и окружающего их микро- и макросоциума. [18].

Здоровье и социальное благополучие женщин и детей, зависят от целостного, культурно приемлемого подхода к оказанию помощи. Специалисты, работающие с пострадавшими, должны принимать во внимание не только имеющиеся у данной уязвимой группы населения значительные психологические травмы, но и культуральные особенности для оценки их конкретных потребностей. В то же время важно уделять внимание собственному психологическому состоянию и отношению к беженцам и вынужденным переселенцам в обществе [25].

Заключение

Таким образом, исследователи разных стран сходятся во мнении, что основными последствиями для психического здоровья взрослого мирного населения являются нарушения сна, аффективные нарушения, такие как кратковременные и пролонгированные депрессивные и тревожно-депрессивные реакции, психосоматические расстройства, нарушения социальной адаптации, усугубляющиеся проблемами, связанными с трудностями ресоциализации в новом обществе.

Последствия военных конфликтов тяжким бременем ложатся на плечи всего населения. Но особенно при этом страдают дети. Голод, потеря близких, отсутствие или прерывание образования, постоянное чувство незащищенности с развитием затяжных постстрессовых психических расстройств оказывают длительное негативное воздействие на психику ребенка.

Для детей, родившихся или с младенчества находившихся на территории военных действий, более характерны комплексные нарушения психического и соматического характера, выражающиеся в задержке психофизического развития. Более старшие дети имеют трудности с интеграцией в социум, в том числе в связи с радикальным религиозным воспитанием, педагогической запущенностью.

В целом, пострадавшим детям свойственно развитие функциональных нарушений физического здоровья и пострессовой психической симптоматики вплоть до развития ПТСР.

Во многих исследованиях делается акцент на том, что массивное отрицательное влияние на психику множественных психотравмирующих факторов приводит к тому, что долгосрочные последствия могут оказаться более разрушительными, чем моментальные. В связи с этим, приобретает чрезвычайно важное значение максимально раннее выявление у пострадавших психических и поведенческих нарушений, профилактика у них постстрессовых расстройств на отдаленных этапах психотравмы и их своевременная и полноценная реабилитация и реинтеграция в общество. Для реализации этих мероприятий необходимо проведение специальной подготовки медицинского, педагогического и вспомогательного персонала, важным аспектом которой являются знания культуральных и религиозных особенностей и направленность на дестигматизацию и дерадикализацию пострадавших.

Литература

1. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 177 с.
2. Ахмедова Х.Б. Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.
Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197.

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.
Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197.

расстройства адаптации // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 37—44.

3. Ахмедова Х.Б. Эрготерапия детей-беженцев с посттравматическими стрессовыми расстройствами // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 196—205.
4. Цифры с первого взгляда (2017) [Электронный ресурс] / Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ). URL: <http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Еремينا Л.Ю. Профилактика кризисных психологических состояний у детей в зоне чрезвычайных ситуаций: сб. научных трудов. М.: МГПУ, 2006. 175 с.
6. Еремينا Л.Ю. Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций // Системная психология и социология // Научно-практический журнал. 2011 № 4. С. 61—71.
7. Захарова Н.М., Милехина А.В. Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 225 - 235 doi:10.17759/psylaw.2018080314
8. Идрисов К.А. Динамика посттравматических стрессовых расстройств у гражданских лиц, переживших угрозу жизни в зоне локального военного конфликта: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2002. 184 с.
9. Кекелидзе З.И. Психические расстройства, возникающие при ЧС. Психиатрия чрезвычайных ситуаций. Руководство: в 2 т. Т. 1. / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. С. 182—222.
10. Корнев Н.М., Лебец И.С., Толмачева С.Р. и др. Состояние соматического и психического здоровья детей из зоны антитеррористической операции // Здоровье ребенка. 2017. Т. 12. № 1. С. 1—5.
11. Овдун Д.А., Палихов М.С. Жизненный цикл: детство и чеченская война // Смальта. 2017. № 6. С. 72 - 74
12. Олейник А.Д. Психологические последствия войн для детей // Материалы II Межвузовской научно-практической конференции «Международно-правовые и социально-психологические последствия мировых войн» (г. Москва, 29 марта 2017 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: МЮИ, 2017. С. 94 - 101.
13. Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2. С. 123 - 132.
14. Панишева О.В., Логинов А.В. Анализ педагогических особенностей «детей войны» // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Личность. Общество. Образование. Качество жизни и образование: стратегии и инновационные практики» (г. Санкт-Петербург, 30 - 31 марта 2016 г.). СПб: Ленинградский областной институт развития образования, 2016. С. 186-191.
15. Панишева О.В., Логинов А.В. Особенности социализации, обучения и воспитания «детей войны» // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2016. Т. 2. С. 352 - 360.
16. Портнова А.А. Особенности клинических проявлений посттравматического стрессового расстройства у детей // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство. Т. 1. 2-е изд. исправ. и доп. / Под ред. проф. З.И. Кекелидзе. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2011. С. 248—275.

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.
Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197.

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.
Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197.

17. *Ainamani H.E., Elbert T., Olema D.K., Hecker T.* PTSD symptom severity relates to cognitive and psycho-social dysfunctioning - a study with Congolese refugees in Uganda [Электронный ресурс] // *Eur J Psychotraumatol.* 2017. Vol. 8(1). doi: 10.1080/20008198.2017.1283086. (дата обращения: 20.04.2020).
18. *Alirol C.* Management of minors returning from regions controlled by Islamic State // *Soins PEDIATR Pueric.* 2018. Vol. 39(304). P. 43 - 47 doi: 10.1016/j.spp.2018.07.010. [Article in French]
19. *Bartol C.R.* Criminal Behavior: A Psychological Approach. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010. 672 p.
20. *Benotman N., Malik N.* The Children of Islamic State. London: Quilliam, 2016, P. 37 — 40.
21. *Cheema U.* 20 Men, Women, Children from Lahore join Daesh, go to Syria. The News [Электронный ресурс]. 2015. 31 December. URL:<https://www.thenews.com.pk/print/85370-20-men-women-children-from-Lahore-join-Daesh-go-to-Syria> (дата обращения: 20.04.2020).
22. *Cook J., Vale G.* From Daesh to ‘Diaspora’: Tracing the Women and Minors of Islamic State. London: King’s College, 2018. 72 p.
23. *Crossett C., Spitaletta J.* Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group, 2010. 110 p.
24. Four Years of Jail for Arab-Israeli who Joined Islamic State // The Jerusalem Post [Электронный ресурс]. 2017. 21 March. URL:<http://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Four-years-of-Jail-for-Arab-Israeli-who-joined-Islamic-State-484758> (дата обращения: 20.04.2020).
25. *Irene C. Felsman, Janice C. Humphreys, Rebecca Kronk* Measuring Distress Levels of Refugee Women to Enhance Community-Based Psycho-social Interventions // *Issues in Mental Health Nursing.* 2019. 40(4). P. 310 - 316. doi: 10.1080/01612840.2018.1543744
26. *Khelghat-Doost H.* Women of the Caliphate: The Mechanism for Women’s Incorporation into the Islamic State (Is) // *Perspectives on Terrorism* 11. 2017. Vol. 1. P. 17 - 25.
27. *Loga S. et al.* Psychosocial research during the war in Sarajevo // *Med Arh.* 1999. Vol. 53(3). P. 139 - 44. [Article in Croatian, abstract in English]
28. *Marcin Mamon M.* The Lost Children of ISIS // *Foreign Policy* [Электронный ресурс]. 2018. 2 January. URL:<http://foreignpolicy.com/2018/01/02/the-lost-children-of-isis/> (дата обращения: 20.04.2020).
29. *Moghaddam F.M., Marsella A.* Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions. Washington DC: American Psychological Association. 2003. 302 p.
30. The Children of ISIS: The Indoctrination of Minors in ISIS-Held Territory [Электронный ресурс] / National Coordinator for Security and Counterterrorism (NCTV) and General Intelligence and Security Service (AVID). The Hague: Dutch Ministry of the Interior and Kingdom Relations, 2017. URL:<https://english.aivd.nl/publications/publications/2017/04/26/the-children-of-isis.-the-indoctrination-of-minors-in-isis-held-territory> (дата обращения: 20.04.2020).
31. *Rometsch-Ogioun E. et al* Psychological Burden in Female, Iraqi Refugees Who Suffered Extreme Violence by the "Islamic State": The Perspective of Care Providers // *Front Psychiatry.* 2018 Nov. Vol. 8(9). P. 562. doi: 10.3389/fpsy.2018.00562.
32. *Samara M., El Asam A., Khadaroo A., Hammuda S.* Examining the psychological well-being of refugee children and the role of friendship and bullying // *British Journal of Educational Psychology.* 2020. 90(2). P. 301 - 329. doi:10.1111/bjep.12282
33. *Wanless J.* Born Under ISIS, the Children Struggling in Iraq // *International Rescue Committee* [Электронный ресурс]. 2018. 19 January. URL:<https://www.rescue.org/article/born-under-isis->

children-struggling-iraq (дата обращения: 20.04.2020).

References

1. Aleksandrovskij Yu.A., Lobastov O.S., Spivak L.I., Shchukin B.P. Psihogenii v ekstremal'nyh usloviyah [Psychogenesis in extreme conditions]. Moscow: Meditsina, 1991. 177 p.
2. Ahmedova H.B. Mirnye zhiteli v usloviyah voennyh dejstvij: lichnostnye cherty i rasstrojstva adaptacii [Civilians in hostilities: personality traits and adaptation disorders]. Psihologicheskij zhurnal [A psychological journal], 2003, no. 3, pp.37—44. (In Russ.).
3. Ahmedova H.B. Ergoterapiya detej-bezhencev s posttravmaticheskimi stressovymi rasstrojstvami [Ergotherapy for refugee children with post-traumatic stress disorders]. Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal [Moscow psychotherapeutic journal], 2001, no. 4, pp. 196—205. (In Russ.).
4. Figures at Glance (2017). United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) (ed.). URL: <http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (Accessed 20.04.2020).
5. Eremina L.Ju. Profilaktika krizisnyh psihologicheskikh sostojanij u detej v zone chrezvychajnyh situacij. Sbornik nauchnyh trudov. [Prevention of crisis psychological conditions in children in the emergency zone. Collection of scientific papers] Moscow: Publ. MSPU, 2006. 175 p.
6. Eremina L.Ju. Sistema social'no-psihologicheskoy raboty s det'mi, perezhivajushhimi posledstvija chrezvychajnyh situacij [The system of socio-psychological work with children experiencing the consequences of emergencies]. Sistemnaja psihologija i sociologija. Nauchno-prakticheskij zhurnal [System psychology and sociology. Scientific and practical journal], 2011, no. 4, pp. 61-71. (In Russ.).
7. Zaharova N.M., Milehina A.V. Osobennosti psihicheskikh i povedencheskikh narushenij u detej, osvobodzhennyh iz irakskoj tjur'my [Peculiarities of mental and behavioral disorders in children released from an Iraqi prison]. Psihologija i pravo [Psychology and Law], 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 225-235 doi:10.17759/psylaw.2018080314 (In Russ.).
8. Idrisov K.A. Dinamika posttravmaticheskikh stressovyh rasstrojstv u grazhdanskih lic, perezhivshih ugrozu zhizni v zone lokal'nogo voennogo konflikta. Dis. kand. med. nauk. [The dynamics of post-traumatic stress disorders in civilians surviving the threat of life in the zone of local military conflict. Ph. D. (Medical) Thesis]. Moscow: Moskovskiy nauchno-issledovatel'skij institut psixiatrii [Moscow Research Institute of Psychiatry]; 2002. 184 p.
9. Kekelidze Z.I. Psihicheskie rasstrojstva, vznikayushchie pri CHS. Psihiatriya chrezvychajnyh situacij. Rukovodstvo: v 2 t. [Mental disorders that occur in emergency situations. Psychiatry emergency. Guideline: in 2 vol.] In Dmitrievoj T.B. (eds.). Moscow: GNC SSP im. VP Serbskogo, 2004. Vol. 1. pp. 182—222.
10. Korenev N.M., Lebec I.S., Tolmacheva S.R., et al. Sostoyanie somaticheskogo i psihicheskogo zdorov'ya detej iz zony antiterroristicheskoy operacii [The state of somatic and mental health of children from the anti-terrorist operation zone]. Zdorov'e rebenka [The health of the child], 2017, 12 (1), pp. 1—5. (In Russ.) DOI: 10.22141/2224-0551.12.1.2017.95016
11. Ovdun D.A., Palihov M.S. Zhiznennyj cikl: detstvo i chechenskaja vojna [Life cycle: childhood and the Chechen war]. Smal'ta, 2017, no. 6, pp. 72-74. (In Russ.).
12. Olejnik A.D. Psihologicheskie posledstvija vojn dlja detej [The psychological consequences of wars for children]. Materialy II Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Mezhdunarodno-pravovye i social'no-psihologicheskie posledstvija mirovyh vojn" (g. Moskva, 29

- marta 2017 g.) [Proceedings of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference "International Legal and Socio-Psychological Consequences of World Wars"]. Ed. S.V. Shermazanova. 2017, pp. 94-101. (In Russ.).
13. Oshevsky D.S. Kliniko-psikhologicheskie aspekty vkhozheniya podrostkov v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatelnost' [Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 123-132. (In Russ.).
14. Panisheva O.V., Loginov A.V. Analiz pedagogicheskikh osobennostey «detey vojny» [Analysis of the pedagogical features of the children of war]. *Sbornik statej XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Lichnost'. Obshhestvo. Obrazovanie. Kachestvo zhizni i obrazovanie: strategii i innovacionnye praktiki"* (g. Sankt-Peterburg, 30-31 marta 2016 g.) [Proceedings of the XIX International scientific-practical conference "Personality. Society. Education. Quality of life and education: strategies and innovative practices"]. Saint Petersburg: Publ. LRIDE, 2016, pp. 186-191. (In Russ.).
15. Panisheva O.V., Loginov A.V. Osobennosti socializacii, obuchenija i vospitanija «detey vojny» [Features of socialization, training and education of "children of war"]. *Nauchno-tehnicheskoe i jekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke* [Scientific, technical and economic cooperation of the Asia-Pacific countries in the 21st century], 2016. Vol. 2, pp. 352-360. (In Russ.)
16. Portnova A.A. Osobennosti klinicheskikh proyavlenij posttravmaticheskogo stressovogo rasstrojstva u detej. Psihatriya chrezvychajnyh situacij. Rukovodstvo: v 2 t. [Features of the clinical manifestations of post-traumatic stress disorder in children. Psychiatry emergency. Guideline: in 2 vol.] In prof. Kekelidze Z.I. (eds.). 2-e izd. isprav. i dop. Moscow: GNC SSP im. VP Serbskogo, 2011, T. 1, pp. 248—275.
17. Ainamani H.E., Elbert T., Olema D.K., Hecker T. PTSD symptom severity relates to cognitive and psycho-social dysfunctioning - a study with Congolese refugees in Uganda. *Eur J Psychotraumatol*, 2017, Vol. 8 (1). doi: 10.1080/20008198.2017.1283086. (Accessed 20.04.2020).
18. Alirol C. Management of minors returning from regions controlled by Islamic State. *Soins PEDIATR Pueric*, 2018. Vol. 39 (304), pp. 43-47 doi: 10.1016/j.spp.2018.07.010. (In French)
19. Bartol C.R. *Criminal Behavior: A Psychological Approach*. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010, 672 p.
20. Benotman N., Malik N. *The Children of Islamic State*. London: Quilliam, 2016, pp. 37—40.
21. Cheema U. 20 Men, Women, Children from Lahore join Daesh, go to Syria. *The News*, 31 December 2015. URL:<https://www.thenews.com.pk/print/85370-20-men-women-children-from-Lahore-join-Daesh-go-to-Syria> (Accessed 20.04.2020).
22. Cook J., Vale G. *From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of Islamic State*. London: King's College, 2018, 72 p.
23. Crossett C., Spitaletta J. *Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts*. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group, 2010, 110 p.
24. Four Years of Jail for Arab-Israeli who Joined Islamic State. *The Jerusalem Post*, 21 March 2017. URL:<http://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Four-years-of-Jail-for-Arab-Israeli-who-joined-Islamic-State-484758> (Accessed 20.04.2020).
25. Irene C. Felsman, Janice C. Humphreys, Rebecca Kronk Measuring Distress Levels of Refugee Women to Enhance Community-Based Psycho-social Interventions. *Issues in Mental Health Nursing*, 2019, 40 (4), pp. 310-316. doi: 10.1080/01612840.2018.1543744

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.
Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197.

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.
Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197.

26. Khelghat-Doost H. Women of the Caliphate: The Mechanism for Women's Incorporation into the Islamic State (Is). *Perspectives on Terrorism* 11, 2017. Vol. 1, pp. 17—25.
27. Loga S. et al. Psychosocial research during the war in Sarajevo. *Med Arh.* 1999, Vol. 53 (3), pp. 139-44. (In Croatian, abstr. in Eng.).
28. Marcin Mamon M. The Lost Children of ISIS. *Foreign Policy*, 2 January 2018. URL:<http://foreignpolicy.com/2018/01/02/the-lost-children-of-isis/> (Accessed 20.04.2020).
29. Moghaddam F.M., Marsella A. *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions.* Washington DC: American Psychological Association, 2003. 302 p.
30. National Coordinator for Security and Counterterrorism (NCTV) and General Intelligence and Security Service (AVID). *The Children of ISIS: The Indoctrination of Minors in ISIS-Held Territory.* The Hague: Dutch Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2017. URL:<https://english.aivd.nl/publications/publications/2017/04/26/the-children-of-isis.-the-indoctrination-of-minors-in-isis-held-territory> (Accessed 20.04.2020).
31. Rometsch-Ogioun E. et al Psychological Burden in Female, Iraqi Refugees Who Suffered Extreme Violence by the "Islamic State": The Perspective of Care Providers. *Front Psychiatry*, 2018, Vol. 8 (9), p. 562. doi: 10.3389/fpsy.2018.00562.
32. Samara M., El Asam A., Khadaroo A., Hammuda S. Examining the psychological well-being of refugee children and the role of friendship and bullying. *British Journal of Educational Psychology*, 2020, 90 (2), pp. 301-329. doi:10.1111/bjep.12282
33. Wanless J. Born Under ISIS, the Children Struggling in Iraq. *International Rescue Committee*, 19 January 2018. URL:<https://www.rescue.org/article/born-under-isis-children-struggling-iraq> (Accessed 20.04.2020).

Информация об авторах

Захарова Наталья Михайловна, кандидат медицинских наук, руководитель отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России (Москва), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2424-0901>, e-mail: natali_oslo@mail.ru

Цветкова Марина Геннадьевна, младший научный сотрудник отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (Москва), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8736-1674>, e-mail: tsvetkovamd@yandex.ru

Information about the authors

Natalia M. Zakharova, Ph.D., Chief of Department of emergency psychiatry and assistance to victims of emergency situations, “V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2424-0901>, e-mail: natali_oslo@mail.ru

Marina G. Tsvetkova, Junior researcher of Department of emergency psychiatry and assistance to victims of emergency situations, “V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8736-1674>, e-mail: tsvetkovamd@yandex.ru

Захарова Н.М., Цветкова М.Г.
Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197.

Zakharova N.M., Tsvetkova M.G.
Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197.

Получена 22.04.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 22.04.2020
Accepted 16.11.2020

Оптимизация системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции

Макух Н.О.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН
России), г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Сочивко Д.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН
России), г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

В статье описаны результаты проведенного исследования отношения к семье у женщин, осужденных за криминальные насильственные действия против членов собственной семьи. Произведен анализ научной литературы по исследуемой проблеме, представлена подробная структура эмпирического и экспериментального исследований, объясняется подбор психодиагностических и психокоррекционных методов. Выявлена детерминация насильственных преступлений психологическими изменениями в системе самоотношения и отношения к семейному окружению. В структуре системы семейных отношений рассматривается индивидуальная, однопоколенная и межпоколенная подсистемы с мотивационно-поведенческим, когнитивным, эмоциональным компонентами. На основе выявленной структуры отношений к семье предложены методы психологической коррекции, реализуемые с применением метафорических ассоциативных карт. С помощью предложенных методов оптимизация системы семейных отношений происходит в результате воздействия на когнитивные процессы и эмоциональные переживания и чувства, возникающие при реальных, воображаемых или символических взаимодействиях с членами семьи, а также на побудителей и регуляторов семейной активности, операциональный состав внутрисемейной деятельности.

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Makuh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

Ключевые слова: места лишения свободы, осужденные, осужденные женщины, семья осужденных, отношение к семье, система семейных отношений, психокоррекция отношения к семье.

Для цитаты: *Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.* Оптимизация системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213. DOI:10.17759/psylaw.2020100414

Optimizing the System of Family Relations of Convicted Women in Places of Imprisonment through Psychological Intervention

Natalia O. Makuh

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (VIPE of the Federal penitentiary service of Russia), Vologda, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Dmitry V. Sochivko

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

The article describes the results of the conducted research of the attitude to family in women convicted for criminal violence against the members of their own families. A review was carried out of the scientific publications on this problem; a detailed structure of empirical and experimental studies is presented; the selection of psychodiagnostic and psychological-remedial methods is substantiated. It was found that violent crimes are determined by psychological changes occurring in one's self-attitude and attitude towards one's family environment. Within the structure of family relations various subsystems, such as individual, one-generational and intergenerational are considered in combination with motivational-behavioral, cognitive, emotional components. Based on the established structure of attitudes to family, several methods for psychological treatment have been suggested. These are implemented through the use of metaphoric cards of association. With the methods suggested the process of family relations optimization occurs owing to the influence on: 1) the cognitive processes, feelings and emotional experience evoked by real, imaginary or symbolic interactions with family members; 2) the incentives and regulators of family activity and 3) operational composition of intra-family activities.

Keywords: confinement institutions, places of imprisonment, convicts, convicted women, family of a convict, attitude to family, the system of family relationships, psychological treatment of attitude to family.

For citation: Makuh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V. Optimizing the System of Family Relations of Convicted Women in Places of Imprisonment through Psychological Intervention. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213. DOI:10.17759/psylaw.2020100414 (In Russ.).

Введение

По данным Федеральной службы исполнения наказаний России [13; 14], в местах лишения свободы отбывает уголовные наказания большое количество осужденных женщин (в декабре 2018 года – 36253), из них 35,4% совершили насильственные (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования и насильственные действия сексуального характера) и корыстно-насильственные (разбой, грабеж, вымогательство) преступления, в том числе по отношению к членам собственной семьи. Условия отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях России способствуют исправлению, раскаянию, пересмотру осужденными-женщинами собственного поведения, коррекции системы семейных отношений, а деятельность пенитенциарного психолога помогает планировать, организовывать и координировать эту работу.

Трудность оказания психологической помощи осужденным женщинам обусловлена тем обстоятельством, что, с одной стороны, у значительной их части (более 40%) семья распадается в период отбывания женщиной уголовных наказаний в местах лишения свободы; с другой стороны – тем обстоятельством, что у большинства осужденных женщин семья является неблагополучной, а система семейных отношений нуждается в длительной психологической коррекции. Это связано с тем, что в условиях лишения свободы у осужденных женщин значительно затруднен доступ к социально значимым ценностям, поэтому общение с членами семьи помогает им избавиться от одиночества, апатии, предупредить конфликтные эмоциональные состояния, деструктивные проявления, суицидальное поведение. С целью эффективной адаптации и ресоциализации осужденных к условиям отбывания уголовных наказаний персоналу исправительного учреждения чрезвычайно важно наладить взаимодействие и поддерживать у осужденных социально-полезные связи с семьей и их стремление к сохранению собственной семьи.

Однако у большинства осужденных женщин семья является неблагополучной, поэтому особый интерес вызывает понимание термина «семейное неблагополучие». В современной психолого-педагогической литературе имеется чрезвычайно широкая трактовка этого понятия.

По мнению И.С. Ганишиной, семья, не выполняющая свои основные функции, является неблагополучной, она создает стрессовые и дистрессовые ситуации, способствует появлению психотравмирующих переживаний и возникновению психических травм, приводит к проявлению различных форм девиантного поведения личности. Особое влияние она оказывает на несовершеннолетних, способствует раннему началу половой жизни, проституции, употреблению наркотических, токсических средств и спиртных напитков,

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Макух N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

суицидальному поведению, а также проявлениям жестокости, повышенного уровня агрессии у подростков [4; 5].

Все виды агрессии у женщин, осужденных за убийства, по данным Д.В. Сочивко и Е.А. Щелкушкиной, сильно коррелируют между собой и представляют собой единое свойство агрессивности, которое может привести к всевозможным проявлениям недифференцированной агрессии в поведении. Самолюбование, смешанное с внутренней неуверенностью, у осужденных за насильственные преступления способствует возникновению невротических форм поведения с целью снятия и отражения раздражения [19].

В исследовании А.В. Молостова объясняется детерминация совершения насилия против близких родственников наличием у психически здоровых осужденных женщин самоотношения с высоким уровнем эмоциональных переживаний и внутренней конфликтности, стабилизированного защитными механизмами по типу проекции и компенсации [10].

По мнению О.Н. Ракитской, Н.О. Морозовой, совершение женщинами насильственных преступлений свидетельствует о психологических изменениях в структуре их личности [15; 16; 17] и системе отношений к себе и близкому окружению. Следовательно, обеспечение восстановления психологических и социальных возможностей женщин, осужденных за криминальные действия насильственного характера в период отбывания наказаний в исправительных учреждениях возможно при осуществлении целенаправленного психокоррекционного воздействия с учетом причин насилия и механизмов его реализации.

В рамках изучения особенностей семейных отношений осужденных женщин как одной из наиболее значимых причин совершения насильственных преступлений с точки зрения системного подхода мы рассматриваем их семьи как целостные системы, реализующие комплекс функций, обеспечивающих удовлетворение потребностей их членов и характеризующиеся иерархической ролевой структурой отношений. Поэтому осужденные женщины как структурные элементы семейной системы, взаимозависимы от семьи, способны развиваться, объединяясь с членами семьи, приобретая новые, отличные от индивидуальных характеристик психологические качества (свойства).

Важно отметить, что семьи осужденных женщин также имеют системную структурную организацию со свойственной иерархичностью, соподчиненностью членов семьи друг другу, сплоченностью и ролевой структурой, наличием границ внутрисемейных отношений и отношений с социальной средой.

Отечественные и зарубежные исследователи семейной структуры (В. Бамберри, М. Боуэн, А.Я. Варга, К. Витакер, В.Н. Дружинин, О.А. Карбанова, С.В. Ковалев, С. Минухин, В. Сатир, Ч. Фишман, В.М. Целуйко, Л.Б. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер, Е.Н. Юрасова, В. Юстицкис) [1; 2; 3; 6; 7; 8; 12; 18; 21; 22; 23; 24] объединяют в семью совокупность ее элементов и взаимосвязей между ними. С. Минухин и Ч. Фишман [25] определили в качестве структурных элементов семьи как системы супружескую, родительскую, сиблинговую и индивидуальную подсистемы, которые представляют собой дифференцированную совокупность семейных ролей, позволяющих выполнять определенные функции семье в целом.

Мы предлагаем рассматривать взаимосвязи между членами семей (в частности семей осужденных женщин) как семейные отношения – основанную на прошлом опыте систему

стереотипов, ориентаций, установок и ожиданий, детерминирующую восприятие и оценку членов собственной семьи и себя как части семьи, поведения в межличностных семейных взаимодействиях. С нашей точки зрения, система семейных отношений состоит из следующих элементов: индивидуальная подсистема отношений (самоотношение, самооценка, страхи, переживания), однопоколенная подсистема отношений (супружеские, родительские и сиблинговые отношения) и межпоколенная подсистема отношений (детско-родительские и гендерные отношения). Каждая подсистема имеет обязательные структурные компоненты: мотивационно-поведенческий, когнитивный, эмоциональный.

Мотивационно-поведенческий компонент состоит из внутренних побудительных сил и готовности к взаимодействию с членами семейных отношений, а также определению поведенческих стратегий при взаимодействии с семьей.

Когнитивный компонент в подсистеме семейных отношений включает в себя мнения и убеждения членов семьи о семейных отношениях, знания о свойствах и назначении семьи, способах взаимодействия.

Эмоциональный компонент имеет такие составные части как реальные, воображаемые или символические эмоциональные переживания и чувства, возникающие при взаимодействии с членами семьи.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что для восстановления психологических и социальных возможностей женщин, осужденных за насильственные преступления, в период отбывания наказания в местах лишения свободы необходимо проводить целенаправленное психокоррекционное воздействие на систему их семейных отношений. В результате психокоррекционного воздействия у осужденных женщин отношение к семье изменится в более благоприятную сторону в связи со снижением уровня тревожности и конфликтности, связанных с темой семьи. Позитивные изменения в отношениях к семье проявятся в увеличении значимости позиций ее членов (родителей, детей, мужа).

Структура и методы исследования

Экспериментальное исследование проводилось на базе следственных изоляторов и исправительных колоний для женщин УФСИН России по Вологодской, Ивановской, Костромской областям и г. Москве. В исследовании принимали участие осужденные женщины (n=242) в возрасте от 21 до 40 лет. Данный возрастной период, согласно периодизации психического развития D. Bromley, соответствует стадиям «ранней и средней взрослости» [9], в течение которых происходит становление женщины, строится ее личностный образ, создается семья, укрепляются социальные и профессиональные роли.

Эмпирическое исследование системы семейных отношений осужденных женщин проходило в три этапа.

На первом этапе мы сформировали две независимые выборки женщин, различающиеся по виду совершенного преступления. В первую группу вошли 122 женщины, осужденные за преступления насильственного характера против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы близких родственников [11, с. 58]. Во вторую группу вошли 120 женщин, осужденных за ненасильственные преступления, такие как злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, кража, мошенничество, незаконное изготовление, приобретение и хранение наркотических средств и др.

На втором этапе было проведено психодиагностическое обследование осужденных женщин обеих групп с использованием комплекса методик: тест «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана; методика цветowych метафор И.Л. Соломина; методика «Незаконченные предложения» Д. Сакса и С. Леви; опросник «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозмана; Висбаденский опросник к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии Н. Пезешкиана и Х. Дайденабаха; тест «Родительско-детские отношения» Е.С. Шефера и Р.К. Белла, адаптированного Т.Н. Нещерет.

На третьем этапе производился сравнительный анализ результатов, полученных в обеих группах. Установлено, что независимо от вида совершенных преступлений всем осужденным женщинам присущи высокие и средние показатели тревожности и напряженности, связанные с темой семьи. Однако женщины, совершившие насильственные преступления, в отличие от женщин, совершивших ненасильственные преступления, приуменьшают значимость семейных отношений (рис. 1), обесценивают семью в целом, в связи с чем испытывают негативные переживания.

По мнению ряда авторов, такое отношение к семье может являться стимулятором психического напряжения, избытки которого приводят к насильственным формам поведения [15; 16].

Поэтому с целью оптимизации психического напряжения у женщин-осужденных за насильственные преступления целесообразно воздействовать на систему их субъективного отношения к теме семьи. Позитивное отношение к членам родительской семьи способствует возникновению соответствующего отношения к созданию собственной семьи с вероятной коррекцией паттернов поведения в конструктивную сторону.

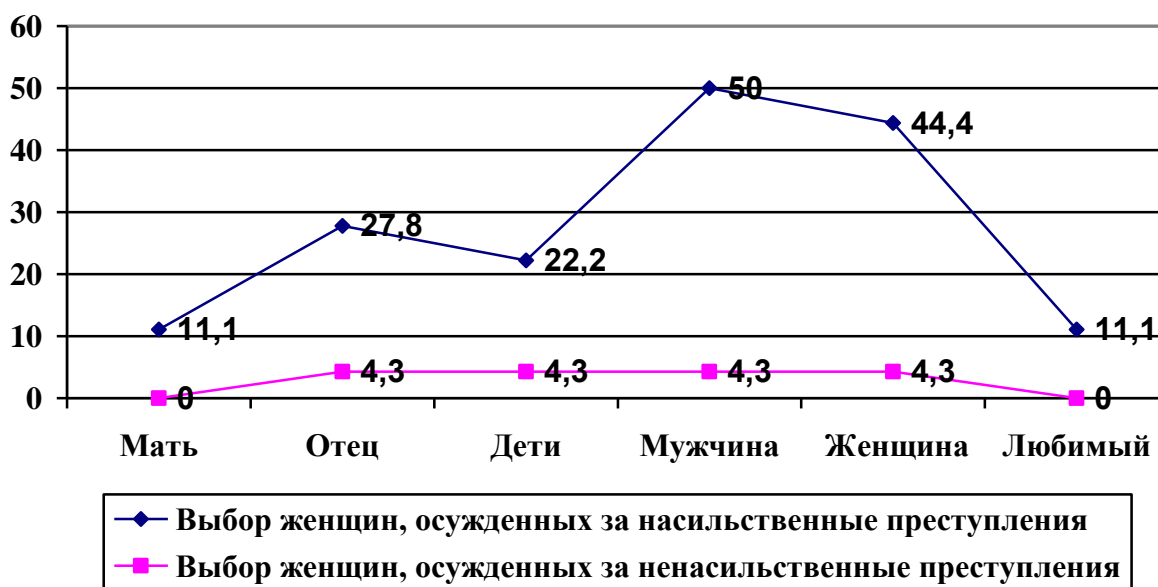

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа незначимости близкого окружения для женщин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления

В экспериментальном исследовании приняли участие осужденные женщины в количестве

122 человек. Экспериментальное исследование осуществлялось нами в четыре этапа.

Первым этапом эксперимента явилось формирование экспериментальной (n=62) и контрольной (n=60) групп из числа женщин, осужденных за преступления насильственного характера против близких родственников. Нами проводилась психологическая диагностика отношений к семье у осужденных в контрольной и экспериментальной группах.

На втором этапе эксперимента осуществлялся подбор психотехнических средств, позволяющих в ограниченный период времени в индивидуальной форме осуществить психокоррекционное воздействие на отношение к семье у осужденных женщин. Подбирая психотехнические средства, мы ориентировались на возможность коррекции индивидуальной подсистемы отношений (самоотношение, самооценка, страхи, переживания утраты близкого человека), однопоколенной подсистемы отношений (супружеские, родительские и сиблинговые отношения) и межпоколенной подсистемы отношений (детско-родительские и гендерные (женские) отношения). Психологическое воздействие на каждую подсистему отношений к семье осуществлялось в комплексе с учетом диагностируемых структурных компонентов (когнитивного, эмоционального, мотивационно-поведенческого).

Внутри структурных компонентов подвергались воздействию следующие мишени: когнитивные процессы (мнения и убеждения о семейных отношениях, знания о свойствах и назначении семьи, способах взаимодействия с ее членами); эмоциональные переживания и чувства, возникающие при реальных, воображаемых или символических взаимодействиях с членами семьи; побудители (потребности, интересы, склонности, идеалы взаимодействия с членами семейных отношений); регуляторы семейной активности (смысловые, целевые и операциональные установки, самооценка, групповые нормы, убеждения, мировоззрение, верования); операциональный состав внутрисемейной деятельности (стиль поведения, привычки, умения, навыки).

Из отобранных нами психотехник мы составили психокоррекционную программу отношения к семье у женщин, осужденных за преступления насильственного характера. При составлении программы мы опирались на экзистенциальный и стратегический психотерапевтические подходы.

На третьем этапе эксперимента осуществлялось психокоррекционное воздействие на систему отношения к семье у осужденных женщин с помощью психотерапевтических приемов с представителями экспериментальной группы (n=62). Работа проводилась в соответствии с разработанной психокоррекционной программой. Были использованы метафорические ассоциативные карты: «ОН», «Ессо» и «Persona» (М. Эгетмейер, Э. Раман: ОН Verlag, Германия); «Соре» (О. Аялон, М. Лукьянова: ОН Verlag, Германия); «Анима» и «Аниби» (И. Шмулевич, Израиль); «Она» (К. Крюгер, В. Курдий: Речь, Россия); «Проститься, чтобы жить» (М. Травкова, Е. Мучник, Е. Мухаматулина: Генезис, Россия); «Кнуты и пряники. Метафора жестокости в отношениях» (Т. Ушакова, А. Арианова: Генезис, Россия); «Это все в нем. Метафора мужской идентичности» (А. Яшанина, А. Колосовцев, И. Логачёва: Генезис, Россия); которые «давали возможность напрямую обращаться к бессознательному осужденных женщин» [20, с. 36].

Нами были отобраны психотехники и наборы метафорических ассоциативных карт с учетом содержательной направленности, возможностей применения для осужденных, применимости как в групповой, так и в индивидуальной работе. Они позволяли реализовать психокоррекционную, психодиагностическую, психопрогностическую функции, что

обеспечивало осознание осужденной женщиной отношений к семейному окружению в целом, понимание существующих в отношениях трудностей и их причин.

В рамках проведенного эксперимента нами были использованы наборы метафорических ассоциативных карт

На четвертом этапе эксперимента для проверки эффективности проведенных занятий через год производилось повторное психодиагностическое обследование испытуемых, как экспериментальной, так и контрольной групп с использованием психодиагностических методик: тест «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана; методика цветowych метафор И.Л. Соломина; методика «Незаконченные предложения» Д. Сакса и С. Леви; опросник «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозмана; Висбаденский опросник к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии Н. Пезешкиана и Х. Дайденабаха; тест «Родительско-детские отношения» Е.С. Шефера и Р.К. Белла, адаптированного Т.Н. Нещерет.

Сравнительный анализ полученных результатов производился с помощью непараметрического статистического Т-критерия Вилкоксона и U-критерия Манна–Уитни, а также осуществлялся поиск корреляционных связей между параметрами, замеряемыми методикой цветowych метафор И.Л. Соломина, отражающими отношение к семье и ее отдельным членам с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. На основе корреляций было осуществлено построение структурограмм, являющихся графическим представлением значимых корреляционных связей в системе семейных отношений осужденных женщин.

Результаты исследования

По данным исследования, у экспериментальной группы среди когнитивных особенностей личности дисфункции, выявленные при первичной диагностике, нормализовались по шкалам «Аккуратность» (снизилось требование к нахождению вещей «на своем месте», соответственно, реже возникает раздражение), «Вежливость» (по отношению к окружающим людям проявляется корректность, уважительное отношение к ним и к себе).

Показатели по шкале «Обязательность» остались на высоком уровне. Полагаем, что расчетливость, скрупулезность, принципиальность и стремление безукоризненно выполнить любое обещание независимо от внешних препятствий и обстоятельств, вероятно, требуют более длительного психотехнического воздействия.

В структуре эмоционального компонента у осужденных экспериментальной группы нетерпеливость и агрессивное настаивание на немедленном удовлетворении своих потребностей стали проявляться реже. Тягостное переживание чувства вины из-за неумения рационально организовывать свою деятельность уменьшилось в силу понимания причин и обстоятельств, препятствующих беспрекословному исполнению намеченного плана.

Осужденные женщины экспериментальной группы в силу повышения уверенности в себе и увеличения возможностей конструктивного взаимодействия с окружающими людьми стремятся наладить эти отношения. Их глубокий пессимизм сменился оптимизмом, так как обнаружилось признание будущих возможностей.

По отношению к партнеру наблюдалось психологическое принятие его личности и индивидуально-психологических особенностей, гармоничность эмоциональных и когнитивных особенностей личности была достигнута в силу превалирования когнитивного

начала.

В результате психотехнического воздействия на особенности реагирования участников эксперимента в конфликтной ситуации обнаруживается адекватность реакций, в связи с рассмотрением и освоением конструктивных способов выхода из конфликта.

При анализе структурограмм измеряемых признаков в экспериментальной группе на основе результатов ранговой корреляции Спирмена в структуре семейных отношений осужденных женщин нами были выявлены следующие закономерности.

1. При первичной диагностике по методике цветowych метафор И.Л. Соломина выявлены нарушения системы семейных отношений у осужденных женщин. Установлено, что женщины, осужденные за насильственные преступления, считают «мать» менее значимой, чем женщины, осужденные за ненасильственные преступления, соотносят ее с «властной женщиной», а также «матери» приписываются мужские роли (рис. 2).

2. В ходе проведенного исследования обнаружено, что в семьях женщин, осужденных за насильственные преступления, в отличие от женщин, осужденных за ненасильственные преступления, муж/сожитель и даже мать воспринимаются негативно как влиятельные, властные фигуры.

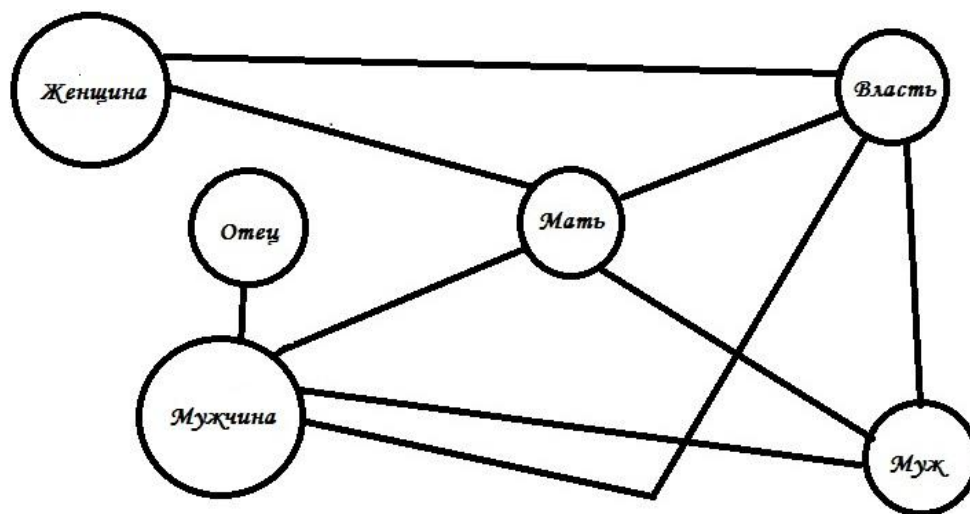

Рис. 2. Структурограмма связанных категорий у женщин, осужденных за насильственные преступления, при первичной диагностике:
— наличие положительной корреляционной связи

3. У женщин, осужденных за насильственные преступления, понятие «муж» также имеет тесную связь с категорией «власть». У 50% женщин, совершивших преступления криминального характера, связанного с насилием против близких людей (n=61), «муж» является основным источником неконструктивных форм взаимодействия, таких как «ссоры», «конфликты» (рис. 3). Мужа осужденные женщины соотносят с прошлым и в будущем видеть не хотели бы. Категория «любимый» в их понимании несовместима с категорией «муж». Для них «любимый» является неким идеалом, образом, который вызывает доверие,

любовь, играет роль верного друга. Данный факт подтверждает отрицательная корреляция понятий «муж» и «любимый».

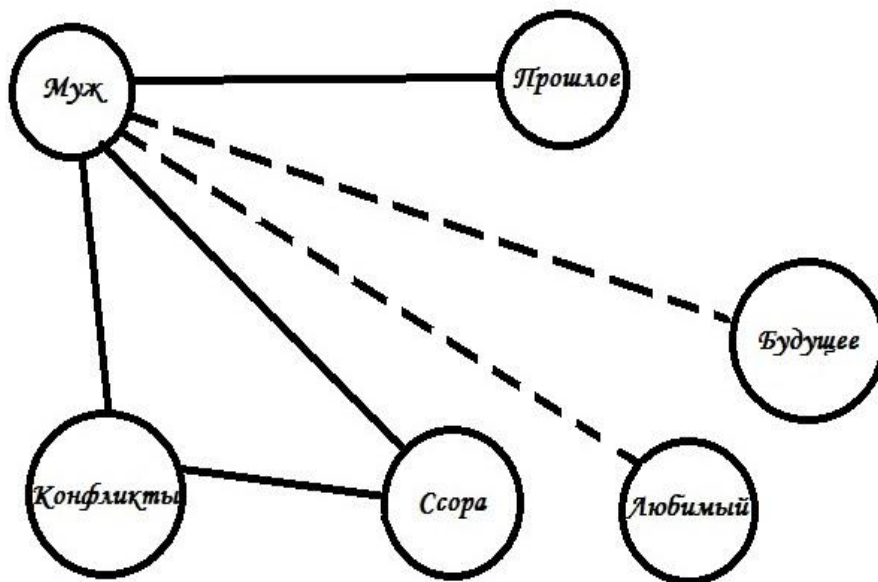

Рис. 3. Структурограмма связанных категорий у женщин, осужденных за насильственные преступления, при первичной диагностике:

- – наличие положительной корреляционной связи
- - - - - – наличие отрицательной корреляционной связи

4. Стимульная категория «дети» для 40% женщин, осужденных за насильственные преступления (n=48), является наиболее значимой, хотя многие из них соотносят это понятие с «печалью» (рис. 4). Вероятно, это вызвано разлукой с собственным ребенком, невозможностью встреч с ним из-за нахождения в местах лишения свободы, совершением преступления против собственного ребенка. По всей видимости, беспокойство у осужденных женщин за преступления, связанные с применением насилия, вызывает отсутствие эмоциональной окрашенности отношений с детьми, так как данное понятие коррелирует с категориями «семья» и «каким я хочу быть», что обуславливает чувство неполноценности в семейной ситуации.

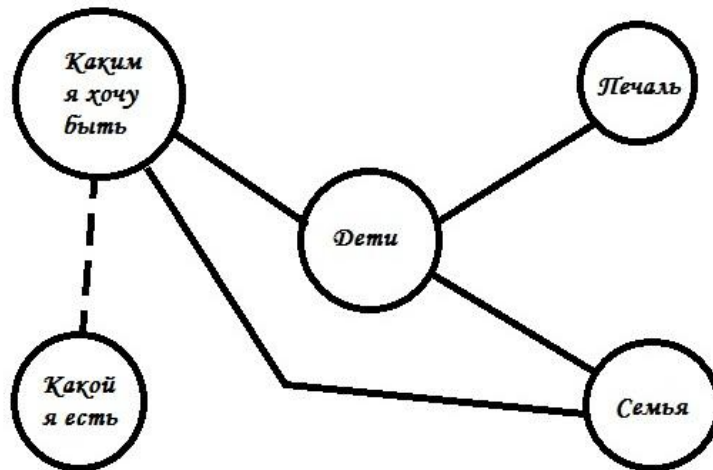

Рис. 4. Структурограмма связанных категорий у женщин, осужденных за насильственные преступления, при первичной диагностике:

- – наличие положительной корреляционной связи
- - - - - – наличие отрицательной корреляционной связи

5. По данным повторного тестирования через год после проведенного психокоррекционного воздействия, у осужденных женщин экспериментальной группы в отношениях к семье произошли некоторые изменения. В восприятии испытуемыми понятия «муж», «мужчина», «мать» «отец», «семья» стали занимать более значимые позиции. У «матери» появились новые позитивные роли, такие как «учитель», «подруга» (рис. 5).

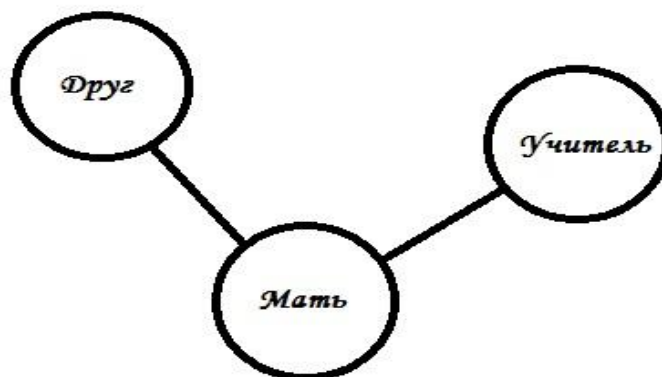

Рис. 5. Структурограмма связанных категорий у женщин экспериментальной группы при повторной диагностике:

- – наличие положительной корреляционной связи

6. После проведенной психокоррекции в восприятии осужденных женщин экспериментальной группы «муж» стал позиционироваться как «мужчина», «друг»,

«учитель», возможно в будущем будет «любимый» (рис. 6), это подтверждается положительным коэффициентом ранговой корреляции Спирмена.

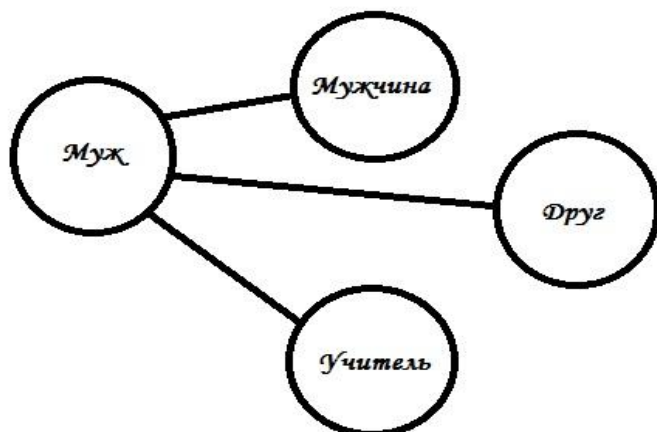

Рис. 6. Структурограмма связанных категорий у женщин экспериментальной группы после проведенной психокоррекции:

————— – наличие положительной корреляционной связи

7. Примечательно, что у экспериментальной группы осужденных женщин понятие «дети» положительно коррелирует с понятием «друзья», это свидетельствует о появлении в их понимании дружеской роли детей в системе семейных отношений (рис. 7).

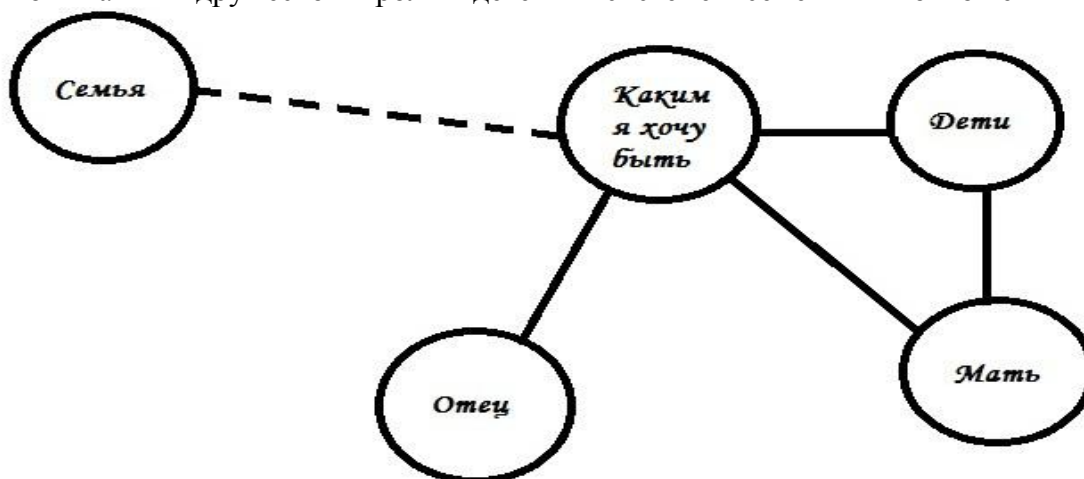

Рис. 7. Структурограмма связанных категорий у женщин экспериментальной группы при повторной диагностике:

————— – наличие положительной корреляционной связи

- - - - - – наличие отрицательной корреляционной связи

После проведенного психокоррекционного воздействия у осужденных женщин появилось желание иметь их в будущем / «родить и воспитывать», «проводить совместно время».

8. Однако у женщин экспериментальной группы понятие «семья» отрицательно коррелирует с категорией «каким я хочу быть». Возможно, это связано с негативным

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Макух N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

восприятием семейных отношений в прошлом, до совершения преступления, а также с сохранившимся чувством неполноценности в семейной ситуации, что требует длительной психологической коррекции.

Таким образом, мы осуществили психокоррекционное воздействие на систему семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции. Проведенный анализ системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы и ее положительная динамика позволил нам утверждать об оптимизации этой системы.

Литература

1. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / М. Боуэн; под. ред. А.Я. Варга., К.Бейкер; пер. с англ. А.И. Мирер, Т. Дабкиной, Е. Дайчик, А. Боковикова, И. Меркуловой. М.: Когито-Центр, 2015. 496 с.
2. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-Центр, 2011. 184 с.
3. Витакер К. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте / К. Витакер, В. Бамберри; пер. с англ. А.З. Шапиро. СПб.: Питер, 2019. 224 с.
4. Ганишина И.С., Ушатиков А.И. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006. 288 с.
5. Ганишина И.С. Семья неблагополучная // Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / Под ред. Д.В. Сочивко. М.: МПСИ, 2009. 456 с.
6. Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2012. 176 с.
7. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2007. 320 с.
8. Ковалев С.В. Психология современной семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
9. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
10. Молоствов А.В. Особенности самоотношения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010. №4. С. 73–78.
11. Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. С. 58.
12. Олифирович Н.И. Психология семейных кризисов / Н.И. Олифирович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. СПб.: Речь, 2007. 360 с.
13. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2019. 294 с.
14. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. М., 2003–2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/> (дата обращения: 06.06.2019).
15. Ракитская О.Н., Морозова Н.О. Об эффективности психокоррекции отношения к семье у женщин, осужденных за преступления насильственного характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3(27). С. 99–102.
16. Ракитская О.Н., Морозова Н.О. Отношения в семье как фактор совершения преступлений насильственного характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1(21). С. 52–55.

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Макух N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

17. Ракитская О.Н. О возможностях социально-психологической реабилитации женщин, осужденных за преступления насильственного характера // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 4. С. 18–23.
18. Сатур В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту / Под ред. С. Римского; пер. с англ. Е. Дониной, Н. Дмитриевой. М.: Апрель Пресс; Изд-во Эксмо, 2000. 320 с.
19. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Женщины-убийцы: сравнительное функционально-психодинамическое исследование личности. М.;-Рязань: Высшая школа психологии, 2016. 151 с.
20. Толстая С.В. Метафорические ассоциативные карты в семейном консультировании. М.: ООО «Вариант» при участии ИП Шиманского А.Г., 2018. С. 36.
21. Целуйко В.М. Психология современной семьи. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 272 с.
22. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 768 с.
23. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
24. Юрасова Е.Н. Основы психологии семьи и семейного консультирования / Е.Н. Юрасова, Л.Г. Жедунова, И.А. Можаровская, Н.Н. Посысоев; под общ. ред. Н.Н. Посысоева. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 328 с.
25. Minuchin S. Family therapy techniques / S. Minuchin, H. Charles Fishman. USA: Harvard University Press, 2002. 303 p.

References

1. Boujen M. Teorija semejnyh sistem Mjurreja Boujena: Osnovnye ponjatija, metody i klinicheskaja praktika [Theory of family systems Bowen Bowen: basic concepts, methods and clinical practice] / M. Boujen; A.Ja. Varga., K.Bejker (eds.). Moscow: Kogito-Centr, 2015. 496 p.
2. Varga A.Ja. Vvedenie v sistemnuju semejnuju psihoterapiju [Introduction to systemic family psychotherapy]. Moscow: Kogito-Centr, 2011. 184 p.
3. Vitaker K. Tancy s sem'ej. Semejnaja terapija: simvolicheskij podhod, osnovannyj na lichnostnom opyte [Dancing with the family. Family therapy: a symbolic approach based on personal experience] / K. Vitaker, V. Bamberri. Saint Petersburg: Piter, 2019. 224 p.
4. Ganishina I.S., Ushatkov A.I. Neblagopoluchnaja sem'ja i deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Dysfunctional family and deviant behavior of minors]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 2006. 288 p.
5. Ganishina I.S. Sem'ja neblagopoluchnaja [Dysfunctional family] // Prestuplenie i nakazanie ot «A» do «Ja» (slovar' po penitenciarnoj psihologii) [Crime and punishment from “A” to “Z” (dictionary of penitentiary psychology)] / D.V. Sochivko (eds.). Moscow: MPSI, 2009. 456 p.
6. Druzhinin V.N. Psihologija sem'I [Family psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 176 p.
7. Karabanova O.A. Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija [Psychology of family relations and the basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 2007. 320 p.
8. Kovalev S.V. Psihologija sovremennoj sem'I [Psychology of the modern family]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 672 p.
9. Krajg G., Bokum D. Psihologija razvitija [Developmental Psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2005. 940 p.

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Makuh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

10. Molostvov A.V. Osobnosti samootnosheniya osuzhdennykh zhenshhin, otbyvajushhih nakazanie v vide lisheniya svobody za nasil'stvennye prestupleniya, sovershennyye v otnoshenii blizkikh rodstvennikov [Features of self-attitude of convicted women serving sentences of imprisonment for violent crimes committed against close relatives]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija=Applied Legal Psychology*, 2010, no. 4, pp. 73-78.
11. Nasil'stvennaja prestupnost' [Violent crimes] / V.N. Kudrjavcev, A.V. Naumov (eds.). Moscow: Spark, 1997. p. 58.
12. Olifirovich N.I. Psihologija semejnykh krizisov [Psychology of family crises] / N.I. Olifirovich, T.A. Zinkevich-Kuzemkina, T.F. Velenta. Saint-Petersburg: Rech', 2007. 360 p.
13. Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. [Key performance indicators of the penitentiary system]. Tver. 2019. 294 p.
14. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij Rossii [Official site of the Federal Penal Service of Russia]. Moscow, 2003-2019. URL: <http://fsin.su/> (Accessed: 06.06.2019).
15. Rakitskaja O.N., Morozova N.O. Ob jeffektivnosti psihokorrekcii otnosheniya k sem'e u zhenshhin, osuzhdennykh za prestupleniya nasil'stvennogo haraktera [On the effectiveness of psycho-correction of attitudes towards the family in women convicted of crimes of a violent nature]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: crime, punishment, correction*, 2014, no. 3 (27), pp.99—102.
16. Rakitskaja O.N., Morozova N.O. Otnosheniya v sem'e kak faktor soversheniya prestuplenij nasil'stvennogo haraktera [Family relations as a factor in the commission of violent crimes]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: crime, punishment, correction*, 2013, no. 1 (21), pp. 52—55.
17. Rakitskaja O.N. O vozmozhnostjakh social'no-psihologicheskoy rehabilitacii zhenshhin, osuzhdennykh za prestupleniya nasil'stvennogo haraktera [On the possibilities of socio-psychological rehabilitation of women convicted of crimes of a violent nature]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy=Bulletin of the penal system*, 2014, no. 4, pp. 18—23.
18. Satir V. Vy i vasha sem'ja. Rukovodstvo po lichnostnomu rostu [You and your family. Guide to personal growth] / V. Satir; S. Rimskij (eds.). Moscow: Aprel' Press, Izd-vo Jeksmo, 2000. 320 p.
19. Sochivko D.V., Shhelkushkina E.A. Zhenshhiny-ubijcy: sravnitel'noe funkcional'no-psihodinamicheskoe issledovanie lichnosti [Female killers: a comparative functional-psychodynamic study of personality]. Moscow-Ryazan: Vysshaja shkola psihologii, 2016. 151 p.
20. Tolstaja S. V. Metaforicheskie asociativnye karty v semejnom konsul'tirovanii [Metaphorical associative cards in family counseling]. Moscow: OOO «Variant» pri uchastii IP Shimanskogo A.G., 2018. p.36.
21. Celujko V.M. Psihologija sovremennoj sem'I [Psychology of the modern family]. Moscow: VLADOS-PRESS, 2004. 272 p.
22. Shnejder L.B. Semejnaja psihologija [Family psychology]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Yekaterinburg: Delovaja kniga, 2006. 768 p.
23. Jejdemiller Je., Justickis V. Psihologija i psihoterapija sem'I [Psychology and family psychotherapy]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 672 p.
24. Jurasova E.N. Osnovy psihologii sem'i i semejnogo konsul'tirovanija [Basics of family psychology and family counseling] / E.N. Jurasova, L.G. Zhedunova, I.A. Mozharovskaja, N.N. Posysoev; N.N. Posysoev (eds). Moscow: VLADOS-PRESS, 2004. 328 p.
25. Minuchin S. Family therapy techniques / S. Minuchin, H. Charles Fishman. USA: Harvard

Макух Н.О., Ганишина И.С., Сочивко Д.В.
Оптимизация системы семейных отношений у
осужденных женщин в местах лишения свободы с
помощью методов психологической коррекции.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 198–213.

Makuh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V.
Optimizing the System of Family Relations of Convicted
Women in Places of Imprisonment through
Psychological Intervention.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 198–213.

University Press, 2002. 303 p.

Информация об авторах

Макух Наталья Олеговна, преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе психологического факультета, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Сочивко Дмитрий Владиславович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии психологического факультета, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

Information about the authors

Natalia O. Makuh, Lecturer at the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Faculty of Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (VILE of the FPS of Russia), Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Associate Professor, the head of the chair of legal psychology and education, faculty of psychology, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Dmitry V. Sochivko, Doctor of Psychology, Professor, Professor at the Department of General Psychology, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

Получена 16.03.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 16.03.2020
Accepted 16.11.2020

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть II)

Тихонова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Радикализация молодежи является актуальной проблемой современного общества, рассматривается как реакция на неопределенность, способ ее преодоления. Цель второй части теоретико-аналитического обзора заключается в социально-психологическом анализе пропаганды организаций, признанных террористическими и запрещенных в Российской Федерации, посредством использования социальных медиа. В статье затрагивается проблема «клипового» сознания в век быстрого темпа потребления информации, анализируются особенности визуальных эффектов в пропаганде террористических организаций, подчеркивается важность воздействия визуальной информации на восприятие предлагаемого сообщения аудиторией. Изображения, наряду с текстовой информацией, образуют некий фрейм, который воздействует на когнитивные образования и влияет на обработку и интерпретацию сообщения, восприятие фактов и обстоятельств сказанного. В представленной работе обсуждается сходство пропаганды организации «Исламское государство», признанной террористической и запрещенной в Российской Федерации, и пропаганды Национал-социалистической немецкой рабочей партии Германии (НСДАП), рассматриваются приемы воздействия, которые используются в пропаганде организацией «Исламское государство», применительно к женской аудитории.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, пропаганда, изображения, психологическое воздействие, социальные сети, массовая коммуникация.

Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть II)
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 214—230.

Tikhonova A.D., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part II)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 214—230.

Финансирование: Бовина И.Б. выполняла теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Экспансия (Конкурс на соискание финансовой поддержки для подготовки и опубликования научных обзорных статей)» — № 19-113-50280.

Для цитаты: Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть II) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 214—230. DOI:10.17759/psylaw.2020100415

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part II)

Anastasiya D. Tikhonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The purpose of this article is to provide a social psychological analysis of the propaganda of terrorist organizations through the use of social media. This article deals with the problem of «clip» consciousness in the age of rapid consumption of information, analyzes the features of visual effects in the propaganda of terrorist organizations, and emphasizes the importance of the impact of visual information on the perception of the message by the audience. Images, along with text information, form a frame that affects cognitive formations and affects the processing and interpretation of the message, the perception of facts and circumstances of what is said. The article discusses the similarity between the propaganda of the terrorist organization «Islamic state», banned in the Russian Federation, and the propaganda of the Nazi party (NSDAP), and examines the methods of influence used in its propaganda by the «Islamic state» in relation to a female audience.

Keywords: propaganda, images, psychological impact, terrorism, social networks, mass communication.

Funding: Bovina I. B. performed theoretical and analytical research on the problem of radicalization with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project “Expansion (Competition for financial support for the preparation and publication of scientific review articles)” - № 19-113-50280.

For citation: Tikhonova A.D., Bovin B.G., Bovina I.B. Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part II). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 214—230. DOI:10.17759/psylaw.2020100415 (In Russ.).

Введение

Во второй части нашего теоретико-аналитического исследования речь пойдет о том, как в эпоху «визуальной культуры» изображения включены в процесс коммуникации, как они используются для пропаганды идей терроризма. Согласно идеям С. Московиси [5], для вовлечения в определенную деятельность (в том числе и террористическую) используются три основные стратегии пропаганды: *представление*, *церемониал* и *убеждение*, где первая стратегия отвечает за пространство, вторая — за время, третья — за слово. Надо отметить, что сетевые цифровые технологии, особенно Интернет, значительно изменили не только способы создания и обмена информацией, взаимодействия с другими людьми, но и способы воздействия на людей [11; 15; 40; 43]. Если раньше вожди или партии использовали ограниченные пространства для своих выступлений перед массами, то сегодня для такой цели служит Интернет, который не ограничен пространством и временем (например, Facebook, YouTube, Twitter, ВКонтакте).

Интернет изменил практику публичной коммуникации — все больше и больше людей полагаются на социальные сети не только для общения с другими людьми, но и для получения актуальной информации. В связи с этим различные организации начали активно использовать платформы социальных сетей для своих информационных (рекламных, пропагандистских) кампаний.

В современной медийной коммуникации образы и тексты редко представлены независимо друг от друга, зачастую они появляются в мультимодальных сообщениях, в которых взаимодействуют различные семиотические системы (изображение, текст, звук). Сегодня изображение и текст являются наиболее распространенными модусами в социальных медиа, и их весьма сложные взаимодействия уже были рассмотрены в ряде зарубежных исследований [10; 29]. Так, например, согласно исследованиям М. Беликова [12], страницы социальной сети Facebook, содержащие медиаконтент (изображения и видео), являются более популярными, чем страницы, где изображения отсутствуют. По мнению Морриса, Контс, Сео, Розвея, Хоффа и Шварца [32; 41], информация, которой делятся пользователи социальной сети Twitter с реальными изображениями в профиле, оценивается как более достоверная, чем та информация, которая распространяется пользователями Twitter со стандартным изображением профиля (по умолчанию — цветной фон с белым яйцом).

Появление социальных медиа сделало роль визуальных элементов в коммуникации более заметной, поскольку люди выбирают легкий для усвоения контент и делятся привлекающими внимание изображениями через каналы социальных сетей [12; 38; 42]. По этой причине, согласно мнению Фама [23], многие организации пытаются оптимизировать визуальный контент для эффективной коммуникации. Использование развлекательных продуктов (изображения, музыка) для распространения пропаганды погружает индивида в постоянный поток, который формирует его мысли и обуславливает его действия. С точки зрения Бучера, Шумахера [14] и Мендельсона [31] выбор изображения влияет на оценку предлагаемой нам информации. Прежде всего, изображения используются для привлечения внимания читателей, на что указывают результаты исследований по отслеживанию глазодвигательной реакции испытуемых. Тем самым визуальные образы — это связь или так

называемая «точка входа» читателя в новостную историю — люди не читают газет и журналов; вместо этого *они их смотрят*, просматривая заголовки и фотографии, чтобы определить, на что стоит потратить больше времени. Изображения направляют наше внимание: как правило, читатели просматривают картинки и заголовки, чтобы решить, стоит ли читать публикацию. Согласно результатам исследования Бучера, Шумахера [14], образы служат входными стимулами в сюжеты и увеличивают вероятность того, что история получит дальнейшее внимание. Тем самым наличие визуальных эффектов повышает коммуникативное качество публикации для потенциальной аудитории.

Стоит отметить, что читатели критичнее к пропаганде, чем зрители — к прочтенному слову можно вернуться (в этом смысле актуальна идея нацистской пропаганды — устное слово более значимо, чем письменное). Таким образом, визуальная пропаганда выстраивает не картину мира, а сам мир с его особенностями и ролями.

Согласно исследованию Данкама [19], изображения, наряду с текстовой информацией, образуют некий фрейм, который воздействует на когнитивные образования и влияет на обработку и интерпретацию информации, восприятие фактов и обстоятельств сказанного. Так, экспериментальное исследование, проведенное Брантером, Лобингером и Вещштейном [13], показало, что визуальное обрамление международных конфликтов влияет на то, как зрители эмоционально реагируют на эти конфликты. Ученые анализировали новостное освещение конфликта в Газе в период с декабря 2008 по январь 2009 г. в четырех еженедельных изданиях (новостные журналы и газеты), выпускавшихся в Германии, Австрии и Великобритании (20 статей). Из проанализированного материала были выделены две статьи, которые предъявлялись группе из 36 человек (журналисты и ученые); статьи было предложено оценить по следующим критериям: понятность, нейтральность и сбалансированность информации. Статья, набравшая больше всего баллов по указанным критериям, была модифицирована в 3 вариантах:

- 1) с двумя фотографиями, отражающими интересы израильской стороны конфликта (изображены политические деятели Израиля — Ципи Ливни и Эхуд Ольмерт);
- 2) с двумя фотографиями палестинских жертв (раненый палестинский мальчик в больнице со своей матерью и скорбящие люди в северной части Газы вокруг мертвого тела ребенка, покрытого палестинским флагом);
- 3) без фотографий.

Таким образом, указанные 3 статьи были предъявлены 240 студентам старших курсов факультета коммуникации Венского университета. Каждому студенту было предложено прочитать одну из трех версий статьи и заполнить стандартизированную анкету, в которой были заданы вопросы, касающиеся статьи и ее журналистского качества. Три варианта статьи были распределены случайным образом, при этом распределение по возрасту и полу в трех экспериментальных задачах не отличалось. В целом, испытуемые, которым была предъявлена статья 2 (с палестинскими жертвами), высказали более сильные суждения по большинству исследуемых аспектов, чем участники других групп. Различия в суждениях студентов о статье 1 и статье 3 были в целом низкими и незначительными. Согласно полученным результатам, оценка информации аудиторией зависит не только от наличия изображения, сколько от типа изображения, которое используется. Тем самым выбор изображений, сопровождающих текст — это нечто большее, чем простой эстетический выбор, и поэтому его следует рассматривать как содержательный процесс.

Оказывая влияние на суждения, оценки читателя, его установки, предпочтения, точку

зрения, эмоциональную реакцию, образы помогают осмысленно структурировать социальное пространство в условиях широкого потребления информации [1]. Согласно мнению С.В. Докуки [2], созданные клиповым мышлением образы оцениваются не с разумных и логических, а с эмоциональных позиций, на что указывает основная идея фрагментарной клиповой культуры — «наблюдение вместо рассуждения». Человек фиксирует сиюминутные события (не задаваясь вопросами об их сущности и смысле), потому что осмыслить огромный поток информации оказывается просто невозможно: обладатели клипового мышления не нуждаются в критической оценке получаемой информации. Согласно идеям А.Ш. Тхостова с коллегами [3], опосредствованная техническими средствами деятельность во многом проще и требует значительно меньше усилий; носители клипового сознания потребляют более простые по форме и содержанию сведения, не разграничивая информационный мусор и полезную информацию. В связи с этим технологии психологического влияния в отношении них оказываются гораздо более эффективными: люди усваивают готовые образы и воззрения, не размышляя об их правильности и справедливости [6; 7].

Масштабность изменений современного информационного общества ставит вопрос о выработке адекватных способов приспособления к ним активных пользователей. Новые технологии открывают новые возможности, меняя наш мир и делая его более удобным. Но это удобство сопровождается изменениями образа жизни и образа мысли, а также структуры потребностей и мотивации. Современный человек является жертвой бессмысленности и эмоциональной пустоты, и представляется важным обозначить риски, связанные с пропагандой определенных идей, ведь пропаганда не только наставляет, но и может придать человеку экзистенциальный смысл. Именно здесь средства массовой коммуникации выступают как решение проблемы человеческой пустоты, используя пропаганду для придания смысла жизни, реинтеграции человека в общество.

Роль изображений в пропаганде терроризма

Во времена «глобальной деревни Маклюэна» и скоростных социальных сетей методы пропагандистов мутировали в Интернете [4]. Способность террористических организаций распространять свои сообщения через различные средства массовой коммуникации уже давно считается решающим фактором их результативности. Для того чтобы действия террористов были эффективными, их должна видеть и слышать обширная аудитория. Традиционно это означало зависимость от основных средств массовой коммуникации, однако, учитывая доступность, масштабы и потенциальную аудиторию, которую сегодня предоставляет Интернет, террористические организации теперь нашли способы обойти эту зависимость от основных средств массовой коммуникации и донести свои нефильТРованные, неотредактированные сообщения непосредственно до аудитории [9; 18].

Исследования Коэна [17] и Пеледа [34] показали, что относительно недавно изображения, распространяемые через социальные сети, стали эффективным пропагандистским инструментом во время военных конфликтов. Быстро развивающаяся среда цифровых медиа подтолкнула террористические организации к использованию некоторых новых тактик пропаганды, при одновременном использовании уже существующих. Поле боя сегодня переместилось из реальности в медиaprостранство [18; 20; 36; 38]. Изображения дают возможность соперничать автору, с их помощью создается так называемое парасоциальное

взаимодействие — читатель становится очевидцем/участником военных действий, которые осуществляются на расстоянии от него. В своем исследовании о влиянии иллюстраций, изображающих жертв войны, Пфау с коллегами [35] предъявляли испытуемым две новостные статьи, отражающие репатриацию останков американских военных (в первом случае) и потери противника во время битвы за Фаллуджу (во втором случае). В одном случае статья представляла собой текст и изображение, в другом — просто текст. Испытуемые (181 студент факультета коммуникации в университете Среднего Запада) были поделены на две группы: одной из них предъявлялась статья, содержащая изображения, другой — статья, состоящая исключительно из текстовой информации. Пфау с коллегами установил, что статьи, содержащие текст в сочетании с изображением, вызывают у читателя более сильные эмоциональные реакции, чем статьи, содержащие только вербальный компонент информации.

Как уже было сказано выше, изображения способны эффективнее привлекать внимание читателя, чем текст. Изображения увеличивают степень эмоциональной вовлеченности читателя в проблему, заявленную в публикации. Этот аргумент подкрепляет предположение о том, что когнитивные схемы скорее могут быть активированы образами, чем текстами [16; 20; 37; 38; 39]. Именно по этой причине не только политические лидеры, но и лица, чья деятельность направлена на привлечение новых сторонников в террористические организации, используют образы в качестве одного из основных идеологических инструментов, направленных на привлечение сторонников [16; 20; 22; 25].

Особенности пропаганды террористических организаций

Следует отметить, что приемы, используемые современными террористическими и экстремистскими организациями, не новы. В своей работе Томпсон [46] провел сравнительный анализ пропаганды ИГИЛ и НСДАП по 10 категориям и выявил общие институциональные и методологические характеристики пропагандистской деятельности указанных организаций.

1. *Лидерство и управление коммуникациями.* И у ИГИЛ, и у нацистской партии были своеобразные лидеры-диктаторы, которые заполняли вакуум власти: Гитлер, равно как Абу Бакр аль-Багдади, за удивительно короткое время превратился из возбуждающего толпу политического оратора в глубоко любимого фюрера/амира.

2. *Особенности названия.* Название ИГИЛ — это двухсловная номенклатура стратегических претензий, которая одновременно утверждает исламизм группы, государственность и обещание халифата для мусульманского сообщества. Аналогичное чувство национального притязания и новой государственности использовалось НСДАП — националистические заявления были сделаны в названии самой партии, в визуальной составляющей и вспомогательных элементах, включая использование музыки немецких композиторов.

3. *Язык убеждения и авторитета.* Язык убеждения в национальном обновлении через дисциплину был привлекателен для сторонников НСДАП точно так же, как предложение ИГИЛ жить по законам шариата привлекательно для некоторых новобранцев. Авторитетная простота посланий НСДАП хорошо работала на плакатах, которые использовались в пропагандистской работе с молодежью (например, призыв Людвиг Хольвайна к молодым студентам быть пропагандистами фюрера — пример пропаганды, ориентированной на

молодежь, также используемой «Исламским государством»).

4. *Риторика включения и исключения («свой—чужой»)*. Платформа риторики включения—исключения была использована нацистами для создания нового чувства немецкой идентичности, основанного на расовом превосходстве германо-арийцев. Нацистская партия представляла себя энергичной партией молодежи и создавала молодежные движения, такие как Гитлерюгенд и Лига немецких девушек. Эта риторика включения ясно давала понять, что в новую Германию были включены здоровые, энергичные, патриотичные и, прежде всего, те, кто не был евреем. Название организации «Исламское государство» сочетает в себе включение и исключение одновременно, что усиливает ценность принадлежности, в то же время отсекая тех, кто не хочет быть вовлеченным или не может быть вовлечен, потому что не является мусульманином-суннитом.

5. *Территориальный дискурс*. В Третьем рейхе территориальная экспансия отечества оправдывалась плакатами и прочей пропагандой, как защитная акция, направленная на внешних врагов, которые иначе отобрали бы «продовольствие от немецких детей». Точно так же, как сторонники защиты халифата, нацистская Германия представляла агрессию в оборонительном свете.

6. *Мифы и легенды*. Культ Гитлера был важным инструментом риторики НСДАП, который смягчал дискомфорт граждан от грубого насилия и запутанной политики партии. Результатом стал дуализм между партийной машиной и Гитлером, поскольку он все больше и больше получал власть благодаря личной харизме. В свою очередь, элементы мифологии соединились в биографии лидера ИГИЛ и самопровозглашенного халифа Абу Бакра аль-Багдади, который представлен как потомок пророка Мухаммеда. Это важная квалификация в исламской теологии для того, чтобы стать лидером халифата.

7. *Мученичество*. Прославление мученичества, восхваление загробной жизни достаточно актуально в пропаганде ИГИЛ. Эти элементы также находили отражение и в пропаганде НСДАП (призывы «помнить жертв», раненых или убитых в уличных боях с целью создания новой Германии; изображения людей, «спасающих раненых товарищей»).

8. *Пропаганда ультранасилия*. Как ИГИЛ, так и НСДАП пришли к власти в политическом контексте развалившихся государств и покорили противников сочетанием крайнего насилия и актов гражданской добродетели. Геббельс использовал аналогичную ИГИЛ стратегию, связанную с насильственными действиями, когда Германия вторглась в Польшу: активно демонстрировались изображения сожженных немецких ферм в Польше в совокупности с изображениями преувеличенного числа смертей немецких граждан, чтобы оправдать ультранасилие в отношении поляков.

9. *СМК*. НСДАП активно использовало современные (на тот момент) средства массовой коммуникации — радио и киноиндустрию, чтобы донести партийные послания и заручиться поддержкой сторонников, а документальные фильмы о собраниях еще больше увеличивали воздействие Гитлера. ИГИЛ сегодня называют «хозяевами цифровой вселенной», которые никогда не смогли бы достичь своих территориальных амбиций и не набрали бы такую большую армию за столь короткое время без овладения Интернетом. ИГИЛ использует все современные СМК для привлечения новобранцев — социальные сети, онлайн-чаты и т. д..

10. *Визуальная эстетика*. Пропагандистская коммуникация ИГИЛ сформировала собственную визуальную эстетику, в том числе с помощью использования образов

компьютерных игр, что дает потенциальному стороннику возможность сыграть свою роль в реальной версии игры. Точно так же в пропагандистских журналах «Исламского государства» помещаются изображения, отсылающие к сценам из фильмов о Джеймсе Бонде или Джейсоне Борне, используются графические стили компьютерных игр (таких как Call of Duty). В случае с НСДАП была провозглашена концепция «фашистской эстетики», что включало в себя отличительные особенности архитектуры, одежды, массовых мероприятий.

Хотя пропаганда ИГИЛ была относительно статичной по сравнению с различными фазами нацистской пропаганды, основанной на политическом признании и прогрессе военных усилий, она быстро приняла новые медиа-технологии. Автор также отмечает, что параллели между ориентацией «Исламского государства» на молодежь и различными нацистскими молодежными организациями свидетельствуют о том, что задача планирования контрмер в области коммуникации с молодежью является сложной и включает в себя возможность предложить лучшее повествование, чем сочетание идеалистического видения, светлого будущего и дружеских отношений, предлагаемых экстремистскими группами.

Интернет произвел революцию в радикализации, сократив пространство, позволив установить контакты независимо от национальности и границ. За относительно короткий промежуток времени организация «Исламское государство», признанная террористической и запрещенная в Российской Федерации, стала эффективно использовать интернет-пространство в качестве средства сбора данных, планирования и координации своих акций (в том числе террористических), сбора средств, привлечения новых членов и ведения пропаганды [9; 21; 36; 47]. В частности, «Исламское государство» продемонстрировало тревожную результативность, как в привлечении новых членов со всего мира [33], так и в поддержании сложной и продуктивной пропагандистской машины, управляемой опытными техническими специалистами [26; 44]. Отчасти эта эффективность обусловлена тем, что «Исламское государство» создает и распространяет пропагандистские материалы, ориентированные на конкретную аудиторию, принимая во внимание уникальные социальные, политические, культурные обстоятельства различных стран и регионов [24]. На это указывает содержание пропагандистских изданий: журналов «Дабик» (на английском), «Дар аль-ислам» (на французском), «Исток» (на русском), «Румийя» (на нескольких языках в том числе турецком, индонезийском), а также материала производства медиа-центра «Аль-Хайят» — медиа-подразделения «Исламского государства», выпускающего пропагандистскую продукцию — тексты, видео, песни [28; 30]. Согласно исследованию Л. Макнаира [32] и др. благодаря эксплуатации определенных тем и образов медиа-центр «Аль-Хайят» создал особый имидж организации «Исламское государство». Ученые проанализировали десять англоязычных видеороликов, которые были произведены и выпущены исключительно медиа-центром «Аль-Хайят» (на что указывал характерный логотип в начале и конце каждого ролика), ролики были выпущены в период с июня 2014 по июль 2016 г. В исследованных пропагандистских материалах активно эксплуатировались следующие темы и образы.

1. *Образ товарищества, братства*, где приветствуются все, независимо от возраста, национальности, расы и способностей. На целенаправленно подобранных изображениях демонстрируется смех, объятия боевиков «Исламского государства», их совместная деятельность, тем самым создается картина дружбы и сопричастности, которая может отсутствовать в жизни многих потенциальных новобранцев.

2. *Тема насилия*: с одной стороны — как способ подчеркнуть серьезность и легитимность

сил террористической организации (посредством изображения массовых казней), с другой стороны — как способ демонстрации дискриминации мусульман во всем мире, совершаемых в отношении них преступлений (демонстрация изображений, где жертвами являются мусульмане).

3. *Образ силы, победы.* Боевики террористической организации изображаются сильными и неизменно победоносными (в боевой экипировке и с оружием в руках, эксплуатируется образ готовности к боевым действиям), в совокупности с изображением гробов, задрапированных американскими флагами.

Эти результаты, полученные путем тематического анализа, согласуются с исследованиями Визбурда [48] и Хьюи [27], в которых указывается, что террористы (боевики Аль-Каиды), как правило, изображаются на снимках улыбающимися, наслаждающимися обществом друг друга. При этом враги обычно представляются несправедливыми, слабыми и трусливыми [48]. Дегуманизация и унижение врагов — это обычная тактика экстремистских СМК [48]; но если раньше для создания образов террористы использовали вербальные средства, то сегодня прослеживается тенденция в целенаправленном выборе именно визуального ряда для усиления эмоционального воздействия на адресата.

В работе Али, Макдональда, Джарвиса и Чена [8] описана более широкая пропагандистская стратегия организации «Исламское государство», включающая в том числе несколько дополнительных тем:

- 1) *милосердие* (в отличие от жестокости и темы насилия);
- 2) *жертвенность*, например, сопутствующий ущерб от врага;
- 3) *война или военные достижения* (соотносится с темой *силы, победы* в исследовании Макнаира и др.);
- 4) *принадлежность к «своей» группе* (в первую очередь это касается иностранных рекрутов, соотносится с темой *товарищества, братства* в исследовании Макнаира и др.);
- 5) *утопизм*, т. е. не просто разговоры о халифате, а совершение целенаправленных действий для претворения их в жизнь.

Тем самым пропаганда «Исламского государства» охватывает более широкую аудиторию (а не только боевиков и смертников), что объясняет высокие показатели ее пропагандистской деятельности.

В первой части нашего теоретико-аналитического исследования уже освещался вопрос радикализации женщин и недостаточного внимания, которое уделяется этой проблеме в литературе. В работах Али и коллег [8], Таррас-Вальберг [45], указывается, что женщины постепенно становились все более важной аудиторией для организации «Исламское государство». В своем исследовании Таррас-Вальберг анализировал пропагандистские журналы «Дабик» и «Румийя». После тщательного изучения официальной пропаганды в указанных периодических изданиях он сгруппировал *обещания*, которые даются женщинам. Женщинам предлагается возможность *выполнить религиозный долг*: женщины, которые подчиняются требованию совершения хиджры, тем самым выполняя свой религиозный долг, будут щедро вознаграждены Аллахом как в этой жизни, так и в будущей. Часто подчеркивается тот факт, что вознаграждение будет соответствовать принесенным жертвам. Те, кто не исполнит свой религиозный долг, будут подвергнуты суровому наказанию. Кроме того, уделяется особое внимание *участию женщин в строительстве государства*. Здесь у женщин есть три основные функции, которые изображаются как ключевые для выживания государства:

1) *занятость* — женщинам предлагается возможность стать врачами, медсестрами или учителями в новом государстве;

2) *сестринство* — бескорыстные поступки, согласно пропаганде ИГИЛ, щедро вознаграждаются;

3) *материнство* — женщины также, благодаря материнству, рассматриваются в качестве ключевых действующих лиц в построении государства: женщины «производят» следующее поколение мужчин, от которых зависит выживание государства. Возможность рожать и воспитывать детей в «Исламском государстве» изображается не только как долг, но и как великая возможность. Таким образом, женщины несут ответственность за дальнейшее продвижение дела ИГИЛ в следующем поколении. Важность этой роли подчеркивается как в «Дабике», так и в «Румийи».

В своей работе Али и коллеги [8] также отмечают, что в анализируемых изданиях «Дабик» и «Румийи» акцентируется внимание на тривиализации мирской и романтизации загробной жизни (особенно в «Румийи»). Женщинам, вступающим в «Исламское государство», также обещают увлекательное приключение: путешествие в халифат характеризуется как возможность получить экстраординарные впечатления.

Таким образом, женщинам представляется возможность исполнить свой религиозный долг, стать важными государственными строителями, испытать чувство глубокой сопричастности и сестринства, а также в какой-то степени романтики и приключений. Ранняя официальная пропаганда ИГИЛ не настаивает на участии женщин в насильственных акциях на территориях, подконтрольных «Исламскому государству», но и не осуждает подобные акции на чужой территории. Такие обещания, вероятно, создают мощную притягательную силу, которая отчасти может объяснить, как ИГИЛ удалось привлечь беспрецедентное количество женщин.

Следует отметить, что, согласно теории неопределенности—идентичности Хогга [49], которая описывает психологический механизм модификации неопределенности в экстремизм, такие группы (организации), которые предлагают адресату ощущение *братства/сестринства*, власть и защиту, являются более привлекательными для человека в ситуации неопределенности.

Заключение

Проблема распространения экстремизма в мире является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государств и их граждан.

Итак, во второй части нашего теоретико-аналитического исследования в фокусе внимания была проблема пропаганды, того, как в эпоху «визуальной культуры» изображения включены в процесс коммуникации для пропаганды идей терроризма. В наш век быстрого темпа потребления информации использование визуальных эффектов — это больше, чем просто украшение. Описанные выше исследования показали, что образы способны влиять на формирование общественного мнения, восприятие, оценку и интерпретацию информации. Изображения способны оказывать аффективное воздействие на читателей и, таким образом, влиять на их суждения о предлагаемой проблеме.

Методы и средства, используемые современными террористическими и экстремистскими организациями, не новы, на что указывает неоспоримое сходство пропаганды НСДАП с пропагандой террористической организации «Исламское государство». Пропаганда организации «Исламское государство» охватывает более широкую аудиторию (а не только боевиков и смертников), предлагает потенциальному новичку ощущение

братства/сестринства, власти, защиты, а также собственной значимости, в связи с чем участие в указанной организации становится привлекательным для человека в ситуации неопределенности, что и объясняет ее высокие показатели пропагандистской деятельности.

Литература

1. *Азаренок Н.В.* Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна: в 6 т. Т. 5. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2009. С. 110—112.
2. *Докука С.В.* Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 169—176.
3. *Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш.* Мотивация террориста // *Вестник Московского университета*. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20—34.
4. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.; Академический проект. 2005. 496 с.
5. *Московиси С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 480 с.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ. 2004. 781 с.
7. *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] // Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20.05.1998. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Эко/Int_Gutten.php (дата обращения: 01.08.2020).
8. *Aly A., Macdonald S., Jarvis L., Chen T.* Introduction to the Special Issue: Terrorist Online Propaganda and Radicalization // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2017. Vol. 40. P. 1—9. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1157402
9. *Argomaniz J.* European Union responses to terrorist use of the Internet // *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 50. P. 250—268. DOI: 10.1177/0010836714545690
10. *Barthes R.* The Responsibility of Forms Critical Essays on Music Art and Representation. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 312.
11. *Benkler Y.* The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom // *Journal of Media Economics*. 2006. Vol. 20. P. 161—165. DOI: 10.1080/08997760701193787
12. *Belicove M.* Facebook posting techniques that really work [Электронный ресурс] // *Entrepreneur.com*. 2011. URL: <http://www.entrepreneur.com/blog/220166#> (дата обращения: 25.07.2020).
13. *Brantner C., Lobinger K., Wetzstein I.* Effects of visual framing on emotional responses and evaluations of news stories about the Gaza conflict 2009 // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2011. Vol. 88. P. 523—540. DOI: 10.1177/107769901108800304
14. *Bucher H., Schumacher P.* The relevance of attention for selecting news content. An eye-tracking study on attention patterns in the reception of print and online media // *Communications*. 2006. Vol. 31. P. 347—368. DOI: 10.1515/COMMUN.2006.022
15. *Castells M.* Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint. In: M.Castells (ed.). *The Network Society: a cross-cultural perspective*. Northampton, MA: Edward Elgar. 2004. P. 36—45.
16. *Cloud D.* “To veil the threat of terror”: Afghan women and the (clash of civilizations) in the imagery of the U.S. war on terrorism // *Quarterly Journal of Speech*. 2004. Vol. 90. P. 285—306. DOI: 10.1080/0033563042000270726

17. *Cohen N.* Fighting with weapons, and postings on Twitter [Электронный ресурс] // The New York Times. 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/11/22/world/middleeast/in-gaza-conflict-fighting-with-weapons-and-postings-on-twitter.html> (дата обращения: 12.08.2020).
18. *Conway M.* Terrorism and the Making of the “New Middle East”: New Media Strategies of Hezbollah and al Qaeda // *New Media and the New Middle East*. 2007. P. 235—258. DOI: 10.1057/9780230605602_13
19. *Duncum P.* Visual Culture isn't Just Visual: Multiliteracy, Multimodality and Meaning // *Studies in Art Education*. 2004. Vol. 45. P. 252—64. DOI: 10.1080/00393541.2004.11651771.
20. *Edwards J., Winkler C.* Representative form and visual ideograph: The Iwo Jima image in editorial cartoons // *Quarterly Journal of Speech*. 1997. Vol. 83. P. 289—310. DOI: 10.1080/00335639709384187
21. *Erez E., Weimann G., Weisburd A.* Jihad, crime and the Internet: Content analysis of Jihadist [Электронный ресурс] // Forum discussions. Report submitted to the National Institute of Justice. 2011. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/236867.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
22. *Erickson K.* Presidential Rhetoric's Visual Turn: Performance Fragments and the Politics of Illusionism In: L.C.Olson, C.A.Finnegan, D.S.Hope (eds.). *Visual Rhetoric: A Reader in Communication and American Culture*. Reprinted from *Communication Monographs*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. Vol. 67. P. 138—157.
23. *Fahmy S.* Photojournalists' and photo editors' attitudes and perceptions: The visual coverage of 9/11 and the Afghan War // *Visual Communication Quarterly*. 2005. Vol. 12. P. 146—163. DOI: 10.1080/15551393.2005.9687454
24. *Gates S., Podder S.* Social media, recruitment, allegiance and the Islamic State // *Perspectives on Terrorism*. 2015. Vol. 9. P. 107—116. DOI: 10.1017/S1537592710003713
25. *Hariman R., Lucaites J.* Public Identity and Collective Memory in U.S. Iconic Photography: The Image of "Accidental Napalm" // *Critical Studies in Media Communication*. 2003. Vol. 20. P. 35—66. DOI: 10.1080/0739318032000067074
26. *Heickerö R.* Cyber Terrorism: Electronic Jihad // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. P. 554—565. DOI: 10.1080/09700161.2014.918435
27. *Huey L.* This is not your mother's terrorism: Social media, online radicalization and the practice of political jamming // *Journal of Terrorism Research*. 2015. Vol. 6. P. 1—16. DOI: 10.15664/jtr.1159
28. *Ingram H.* An analysis of Islamic State's Dabiq magazine // *Australian Journal of Political Science*. 2016. Vol. 51. P. 458—477. DOI: 10.1080/10361146.2016.1174188
29. *Knox J.* Visual-verbal Communication on Online Newspaper Home Pages // *Visual Communication*. 2007. Vol. 6. P. 19—53. DOI: 10.1177/1470357207071464
30. *Macnair L., Frank R.* “To My Brothers in the West...”: A Thematic Analysis of Videos Produced by the Islamic State's al-Hayat Media Center // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2017. Vol. 33. DOI: 104398621769931 DOI: 10.1177/1043986217699313
31. *Mendelson A.* How Verbalizers and Visualizers Process the Newspaper Environment // *Journal of Communication*. 2004. Vol. 54. P. 474—491. DOI: 10.1093/joc/54.3.474
32. *Morris M., Counts S., Roseway A., Hoff A., Schwarz J.* Tweeting is believing? Understanding microblog credibility perceptions [Электронный ресурс] // CSCW. 2012. URL: http://research.microsoft.com/pubs/155374/tweet_credibility_csw2012.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
33. *Neumann P.* Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980 s [Электронный ресурс] // The international centre for the study of

- radicalisation and political violence (ICSR). 2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (дата обращения: 22.03.2020).
34. Peled A. The first social media war between Israel and Gaza [Электронный ресурс] // The Guardian. 2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/media-network/media-network-blog/2012/dec/06/first-social-mediawar-israel-gaza> (дата обращения: 22.03.2020).
35. Pfau M., Haigh M., Fifrick A., Holl D., Tedesco A., Cope J., Nunnally D., Schiess A., Preston D., Roszkowski, P., Martin M. The effects of print news photographs of the casualties of war // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2006. Vol. 83. P. 150—168. DOI: <https://doi.org/10.1177/107769900608300110>
36. Richards J. *Cyber-War: The anatomy of the global security threat*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2014. DOI: 10.1057/9781137399625
37. Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials // *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. 2012. Vol. 49. DOI: 10.1111/j.1755-618X.2012.01310.x
38. Scheufele D. Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited: Another Look at Cognitive Effects of Political Communication // *Mass Communication & Society*. 2009. Vol. 3. P. 297—316. DOI: 10.1207/S15327825MCS0323_07
39. Scheufele D. A. Framing as a Theory of Media Effects // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. № 1. P. 103—122. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x
40. Seo H. Visual Propaganda in the Age of Social Media: An Empirical Analysis of Twitter Images During the 2012 Israeli—Hammas Conflict // *Visual Communication Quarterly*. 2014. Vol. 21. P. 150—161. DOI: 10.1080/15551393.2014.955501
41. Seo H., Ebrahim H. Visual Public Relations in Middle Eastern Higher Education: Content Analysis of Twitter Images // *Journal of Communication: Media Watch*. 2019. Vol. 10. P. 41—53. DOI:10.15655/mw/2019/v10i1/49563
42. Seo H., Kinsey D. Meaning of Democracy Around the World: A Thematic and Structural Analysis of Videos Defining Democracy // *Visual Communication Quarterly*. 2012. Vol. 19. P. 94—107. DOI: 10.1080/15551393.2012.682890
43. Seo H., Thorson S. Networks of networks: Changing patterns in country bandwidth and centrality in global information infrastructure, 2002—2010 // *Journal of Communication*. 2012. Vol. 62. P. 345—358. DOI: 10.1111/J.1460-2466.2012.01631.X
44. Singh S., Krupaker J. Indo—US Cooperation in Countering Cyber Terrorism: Challenges and Limitations // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. P. 703—716. DOI: 10.1080/09700161.2014.941218
45. Tarras-Wahlberg L. ISIS Female Recruits: The Alluring Propaganda Promises. In: P. Baines, N. O'Shaughnessy, N. Snow (eds.). *The SAGE Handbook of Propaganda*. Newbury Park: Sage Publishing, 2019. P. 550—565.
46. Thompson G. Parallels in propaganda? A comparative historical analysis of Islamic State and the Nazi Party // *Journal of Public relations research*. 2017. Vol. 29. P. 51—66. DOI: 10.1080/1062726X.2017.1281136
47. Weimann G. Terror on Facebook, Twitter, and YouTube // *The Brown Journal of World Affairs*. 2010. Vol. 16. P. 45—54.
48. Weisburd A. Comparison of Visual Motifs in Jihadi and Cholo Videos on YouTube // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2009. Vol. 32. P. 1066—1074. DOI: 10.1080/10576100903319789
49. Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup

communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015. P. 136—156.

References

1. Azarenok N.V. Klipovoe soznanie i ego vliyanie na psixologiyu cheloveka v sovremennom mire [Clip consciousness and its influence on human psychology in the modern world]. *Materialy` Vserossijskoj yubilejnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshtejna* [Materials of the All-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S.L. Rubinstein], 2009, Vol. 5, pp. 110-112 (In Russ.).
2. Dokuka S.V. Klipovoe my`shlenie kak fenomen informacionnogo obshhestva [Clip thinking as a phenomenon of the information society]. *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost= Social sciences and modernity*, 2013. Vol. 2, pp. 169—176 (In Russ.).
3. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. Motivaciya terrorista [Motivation of a terrorist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta= Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2007. Vol. 14, no 2, pp.20-34 (In Russ.).
4. Maklyue`n M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushhego*. [Gutenberg Galaxy. Becoming a typist]. M.Akademicheskyy proekt, 2005. 496 p. (In Russ.).
5. Moscovisi S. Vek tolp. Istoricheskii traktat po psixologii mass. — M.Akademicheskyy proekt, 2011. 480 p. (In Russ.).
6. Toffler E`. *Tret`ya volna* [The third wave]. M.: AST, 2004. P. 781 (In Russ.).
7. E`ko U. Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst. *Otry`vki iz publichnoj lekcii Umberto E`ko na e`konomicheskom fakul`tete MGU 20.05.1998*. [From the Internet to Gutenberg: text and hypertext // Excerpts from a public lecture by Umberto Eco at the Faculty of Economics of Moscow State University 05/20/1998] Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (Accessed: 01.08.2020). (In Russ.).
8. Aly A., Macdonald S., Jarvis L., Chen T. Introduction to the Special Issue: Terrorist Online Propaganda and Radicalization. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2017. Vol. 40, no. 1, pp. 1—9. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1157402.
9. Argomaniz J. European Union responses to terrorist use of the Internet. *Cooperation and Conflict*, 2015. Vol. 50, pp. 250-268. DOI: 10.1177/0010836714545690.
10. Barthes R. *The Responsibility of Forms Critical Essays on Music Art and Representation*. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 312.
11. Benkler Y. The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom. *Journal of Media Economics*, 2006. Vol. 20, no.2, pp. 161-165. DOI: 10.1080/08997760701193787.
12. Belicove M. Facebook posting techniques that really work. *Entrepreneur.com*. 2011. Available at: <http://www.entrepreneur.com/blog/220166#> (Accessed: 25.07.2020).
13. Brantner C., Lobinger K., Wetzstein I. Effects of visual framing on emotional responses and evaluations of news stories about the Gaza conflict 2009. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 2011. Vol. 88, pp. 523—540. DOI: 10.1177/107769901108800304.
14. Bucher H., Schumacher P. The relevance of attention for selecting news content. An eye-tracking study on attention patterns in the reception of print and online media. *Communications*, 2006. Vol. 31, no. 3, pp. 347-368. DOI: 10.1515/COMMUN.2006.022.
15. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint. In: M.Castells (ed.). *The Network Society: a cross-cultural perspective*. Northampton, 2004. MA:

Edward Elgar, pp. 36-45.

16. Cloud D. “To veil the threat of terror”: Afghan women and the (clash of civilizations) in the imagery of the U.S. war on terrorism. *Quarterly Journal of Speech*, 2004. Vol. 90, no. 3, pp. 285-306. DOI: 10.1080/0033563042000270726.
17. Cohen N. Fighting with weapons, and postings on Twitter. *The New York Times*. 2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/11/22/world/middleeast/in-gaza-conflict-fighting-with-weapons-and-postings-on-twitter.html> (Accessed: 12.08.2020).
18. Conway M. Terrorism and the Making of the “New Middle East”: New Media Strategies of Hezbollah and al Qaeda. *New Media and the New Middle East*, 2007, pp. 235-258. DOI: 10.1057/9780230605602_13.
19. Duncum P. Visual Culture isn't Just Visual: Multiliteracy, Multimodality and Meaning. *Studies in Art Education*, 2004. Vol. 45, no 3, pp. 252-64. DOI: 10.1080/00393541.2004.11651771.
20. Edwards J., Winkler C. Representative form and visual ideograph: The Iwo Jima image in editorial cartoons. *Quarterly Journal of Speech*, 1997. Vol. 83, no 3, pp. 289-310. DOI: 10.1080/00335639709384187.
21. Erez E., Weimann G., Weisburd A. Jihad, crime and the Internet: Content analysis of Jihadist. *Forum discussions. Report submitted to the National Institute of Justice*. 2011. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/236867.pdf> (Accessed: 19.04.2020).
22. Erickson K. Presidential Rhetoric's Visual Turn: Performance Fragments and the Politics of Illusionism. In: L.C.Olson, C.A.Finnegan, D.S.Hope (eds.). *Visual Rhetoric: A Reader in Communication and American Culture. Reprinted from Communication Monographs*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. Vol. 67, no. 2, pp. 138-157.
23. Fahmy S. Photojournalists' and photo editors' attitudes and perceptions: The visual coverage of 9/11 and the Afghan War. *Visual Communication Quarterly*, 2005. Vol. 12, no. 3-4, pp. 146—163. DOI: 10.1080/15551393.2005.9687454.
24. Gates S., Podder S. Social media, recruitment, allegiance and the Islamic State. *Perspectives on Terrorism*, 2015. Vol. 9, no. 4, pp. 107-116. DOI: 10.1017/S1537592710003713.
25. Hariman R., Lucaites J. Public Identity and Collective Memory in U.S. Iconic Photography: The Image of "Accidental Napalm". *Critical Studies in Media Communication*, 2003. Vol. 20, no. 1, pp. 35-66. DOI: 10.1080/0739318032000067074.
26. Heickerö R. Cyber Terrorism: Electronic Jihad. *Strategic Analysis*, 2014. Vol. 38, no. 4, pp. 554-565. DOI: 10.1080/09700161.2014.918435.
27. Huey L. This is not your mother's terrorism: Social media, online radicalization and the practice of political jamming. *Journal of Terrorism Research*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 1-16. DOI: 10.15664/jtr.1159.
28. Ingram H An analysis of Islamic State's Dabiq magazine. *Australian Journal of Political Science*, 2016. Vol. 51, pp. 458-477. DOI: 10.1080/10361146.2016.1174188.
29. Knox J. Visual-verbal Communication on Online Newspaper Home Pages. *Visual Communication*, 2007. Vol. 6, no. 1, pp. 19-53. DOI: 10.1177/1470357207071464.
30. Macnair L., R. Frank “To My Brothers in the West...”: A Thematic Analysis of Videos Produced by the Islamic State's al-Hayat Media Center. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2017. Vol. 33, no. 3. DOI: 104398621769931 DOI: 10.1177/1043986217699313.
31. Mendelson A. How Verbalizers and Visualizers Process the Newspaper Environment. *Journal of Communication*, 2004. Vol. 54, no. 3, pp. 474-491. DOI: 10.1093/joc/54.3.474.
32. Morris M., Counts S., Roseway A., Hoff A., Schwarz J. Tweeting is believing? Understanding

- microblog credibility perceptions. *CSCW*. 2012. Available at: http://research.microsoft.com/pubs/155374/tweet_credibility_cscw2012.pdf (Accessed: 08.05.2020).
33. Neumann P. Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980 s // The international centre for the study of radicalisation and political violence (ICSR). 2015. Available at: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (Accessed: 22.03.2020).
34. Peled A. The first social media war between Israel and Gaza. *The Guardian*, 2012. Available at: <http://www.guardian.co.uk/media-network/media-network-blog/2012/dec/06/first-social-mediawar-israel-gaza> (Accessed: 22.03.2020).
35. Pfau M., Haigh M., Fifrick A., Holl D., Tedesco A., Cope J., Nunnally D., Schiess A., Preston D., Roszkowski, P., Martin M. The effects of print news photographs of the casualties of war. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 2006. Vol. 83, no. 1, pp. 150-168. DOI: <https://doi.org/10.1177/107769900608300110>.
36. Richards J. *Cyber-War: The anatomy of the global security threat*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2014. DOI: 10.1057/9781137399625.
37. Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. *Canadian Review of Sociology/Revue Canadienne de sociologie*, 2012. Vol. 49, no. 4. DOI: 10.1111/j.1755-618X.2012.01310.x.
38. Scheufele D. Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited: Another Look at Cognitive Effects of Political Communication. *Mass Communication and Society*, 2009. Vol. 3, no. 2, pp. 297-316. DOI: 10.1207/S15327825MCS0323_07.
39. Scheufele D. A. Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, 1999. Vol. 49, no. 1, pp. 103-122. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x.
40. Seo H. Visual Propaganda in the Age of Social Media: An Empirical Analysis of Twitter Images During the 2012 Israeli—Hammas Conflict. *Visual Communication Quarterly*, 2014. Vol. 21, no. 3, pp. 150-161. DOI: 10.1080/15551393.2014.955501.
41. Seo H., Ebrahim H. Visual Public Relations in Middle Eastern Higher Education: Content Analysis of Twitter Images. *Journal of Communication: Media Watch*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 41-53. DOI:10.15655/mw/2019/v10i1/49563.
42. Seo H., Kinsey D. Meaning of Democracy Around the World: A Thematic and Structural Analysis of Videos Defining Democracy. *Visual Communication Quarterly*, 2012. Vol. 19, no. 2, pp. 94—107. DOI: 10.1080/15551393.2012.682890.
43. Seo H., Thorson S. Networks of networks: Changing patterns in country bandwidth and centrality in global information infrastructure, 2002—2010. *Journal of Communication*, 2012. Vol. 62, no. 2, pp. 345—358. DOI: 10.1111/J.1460-2466.2012.01631.X.
44. Singh S., Krupaker J. Indo—US Cooperation in Countering Cyber Terrorism: Challenges and Limitations. *Strategic Analysis*, 2014. Vol. 38, no. 5, pp. 703—716. DOI: 10.1080/09700161.2014.941218.
45. Tarras-Wahlberg L. ISIS Female Recruits: The Alluring Propaganda Promises. In: P.Baines, N.O'Shaughnessy, N.Snow (eds.). *The SAGE Handbook of Propaganda*. Newbury Park: Sage Publishing, 2019, pp. 550-565.
46. Thompson G. Parallels in propaganda? A comparative historical analysis of Islamic State and the Nazi Party. *Journal of Public relations research*, 2017. Vol. 29, no. 1, pp. 51-66. DOI: 10.1080/1062726X.2017.1281136.
47. Weimann G. Terror on Facebook, Twitter, and YouTube. *The Brown Journal of World Affairs*,

Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть II)
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 214—230.

Tikhonova A.D., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part II)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 214—230.

2010. Vol. 16, no. 2, pp. 45-54.

48. Weisburd A. Comparison of Visual Motifs in Jihadi and Cholo Videos on YouTube. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2009. Vol. 32, no. 12, pp. 1066-1074. DOI: 10.1080/10576100903319789.

49. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp.136-156.

Информация об авторах

Тихонова Анастасия Дмитриевна, магистр психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Anastasiya D. Tikhonova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 18.06.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 18.06.2020
Accepted 16.11.2020

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | HISTORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних**

Шишков С.Н.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4169-9447>, e-mail: shishkov50@mail.ru

Макушкин Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1937-5908>, e-mail: evm14@list.ru

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Бадмаева В.Д.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних, минимального возраста, мер воздействия для несовершеннолетних правонарушителей актуальна и часто становится предметом общественной дискуссии. Однако очень мало известно об истории отношения уголовного права к несовершеннолетним в России. Целью статьи является анализ развития этого отношения от начала русской государственности до XVIII века. Показано, что на начальном этапе в практике применения уголовного закона к детям и подросткам прослеживались традиции римского права, однако законодательной дифференциации взрослых и несовершеннолетних правонарушителей фактически не было. Переломным стал XVIII век, в начале которого обозначилась необходимость такой дифференциации, а в конце она была реализована наряду с определенными гуманистическими тенденциями, отражавшими идеи Просвещения в Европе, включая создание специальных

*Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.*
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

*Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.*
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

судов, рассматривавших преступления несовершеннолетних.

Ключевые слова: развитие законодательства, уголовная ответственность, несовершеннолетние, минимальный возраст уголовной ответственности, наказание несовершеннолетних, гуманизация законодательства, Совестьные суды

Для цитаты: *Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.* Российское законодательство XI-XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244. DOI:10.17759/psylaw.2020100416

Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the Criminal Responsibility of Minors

Sergey N. Shishkov

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4169-9447>, e-mail: shishkov50@mail.ru

Evgeny V. Makushkin

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1937-5908>, e-mail: evm14@list.ru

Elena G. Dozortseva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education,
Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Valentina D. Badmaeva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Elena V. Nuckova

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

The problem of juvenile criminal responsibility /liability, minimum age, and measures of influence for juvenile offenders is relevant and often becomes the subject of public discussion. However, very little is known about the history of criminal law attitudes towards minors in Russia. The purpose of the article is to analyze the development of this relationship from the beginning of Russian statehood to the 18th century. It is shown that at the initial stage in the practice of applying the criminal law to children and adolescents, the traditions of Roman law were traced, however, there was practically no legislative differentiation of adult and juvenile offenders. The turning point was the 18th century, at the beginning of which the need for such differentiation became apparent, and at the end it was implemented along with certain humanistic tendencies that reflected the ideas of the Enlightenment in Europe, including the creation of special courts to consider juvenile crimes.

Keywords: development of legislation, criminal responsibility, minors, minimum age of criminal responsibility, punishment of minors, humanization of legislation, Conscientious courts

For citation: Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Nuckova E.V. Russian legislation of XI-XVIII Centuries on the Criminal Responsibility of Minors. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244. DOI:10.17759/psylaw.2020100416 (In Russ.).

Введение

Возраст человека – один из основных параметров его психического и личностного развития, имеющий фундаментальное значение не только для психологии, но и для права. Достижение определенного возраста является одним из основных условий уголовной ответственности. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, человек может стать субъектом преступления с 16 лет, а в случае совершения наиболее тяжких преступлений – с 14. Почему выбран именно этот возраст? Всегда ли это было так? Опосредование действий социальными значениями и нормами – один из основных законов развития человека, сформулированных Л.С. Выготским. Правовая ответственность предполагает способность человека понимать, что он делает и какова социальная значимость его действий, а также возможность управлять собой, руководить своими поступками. Для этого нужно, чтобы у человека были сформированы самосознание и саморегуляция как структуры и функции личности. Известно, что рождение самостоятельной личности происходит в подростковом возрасте. Однако как границы подросткового возраста, так и само его выделение в качестве отдельного возрастного периода, имеют культурно-исторический характер. В качестве социокультурного феномена подростковый возраст появился лишь в Новое время. В современной психологической литературе очень мало сведений о том, каковы исторические корни установления минимального возраста уголовной ответственности в России, а также уголовной политики по отношению к несовершеннолетним. Последить зарождение и развитие законодательства и практики привлечения детей и подростков к уголовной ответственности со времени возникновения государства до конца XVIII века – задача нашего анализа.

Истоки правовой регуляции уголовной ответственности несовершеннолетних (XI – XVII века)

Нормы о возрасте уголовного вменения, ответственности и наказуемости несовершеннолетних (их уголовно-правовой деликтоспособности) появились в российском законодательстве во второй половине XVII столетия. Более ранние памятники отечественного права – от Русской Правды князя Ярослава Мудрого до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича – обходят данный вопрос молчанием. Отсутствие положений о малолетних преступниках в Соборном Уложении 1649 года – одном из важнейших законодательных актов в отечественной истории, дореволюционный правовед Н.Д. Сергеевский объяснял слабостью государственного порядка того периода и энергичными попытками российской власти его всемерно укрепить. По этой причине, писал он, «закон всегда стоял на стороне укрепляющегося государственного порядка... отсюда та суровость, та хладнокровная жестокость, которой пропитано все Уложение; отсюда и забывчивость, и невнимание к личности преступника, которые так характерны для Уложения» [15, с. 138].

Существуют на сей счет и иные точки зрения. А.А. Зорькина считает, например, что «история развития законодательства о правонарушениях несовершеннолетних» ведет свое начало как раз с Соборного Уложения, «в положениях которого предусматривалась равная ответственность малолетних и взрослых преступников (“...в Московском государстве суд и расправа во всяких делах всем равны”» [7, с. 189-191]. Такая логика рассуждений кажется нам неубедительной. Во-первых, в приведенном фрагменте из Уложения малолетство вообще не упоминается, и поэтому остается неясным, имеет ли его в виду процитированная правовая норма. Во-вторых, о законодательстве в отношении несовершеннолетних есть смысл говорить лишь тогда, когда оно характеризуется некой спецификой. Если ее нет, то законодательство о несовершеннолетних теряет свои очертания и собственную предметность и его становится невозможно вычленивать из общего массива законодательных норм для анализа и оценки.

По мнению Т.А. Никитинской, сведения о возрасте уголовной ответственности можно почерпнуть из Кормчей книги¹, которая гласит: «От коего возраста подобает им исповедоваться Богу и девства исповедание, когда истинно помышляти быти с ответом» [9, с. 138-140]. Согласно христианскому вероучению, дети могут оценивать свои поступки в аспекте их дозволенности и греховности не ранее 7 лет (именно с этого возраста они допускаются к таинству исповеди), а всякое преступление есть грех. На Руси Кормчая книга, действовала в качестве вспомогательного источника права уже с XI века. Это дает некоторые основания полагать, что дети младше 7 лет могли освобождаться от уголовного наказания еще в домонгольский период нашей истории. Но так ли это было, судить сейчас сложно за отсутствием подтверждающей эту гипотезу надежной информации. Да и сама Т.А. Никитинская признает, что в законодательстве Древней Руси данный возрастной ценз имел «весьма смутные очертания».

Интересующие нас законоположения впервые появляются в Новоуказных статьях «О

¹ Кормчая книга (Номоканон) – юридический сборник, включающий тексты церковного и светского права, переведенные преимущественно с греческого на церковно-славянский язык в X-XIII веках. В ней, в частности, излагались 153 Новеллы Юстиниана, что позволяет говорить о частичном восприятии римского права через византийские источники.

татейных, разбойных и убийственных делах» от 22 января 1669 г., представляющих собой дополнения к главе XXI Соборного Уложения («О разбойных и татейных делах»). В ст. 108 Новоуказных статей со ссылкой на Градские законы указывалось: «...аще седми лет отрок или бесный убьет кого, неповинен есть смерти» [10, с. 797]. Поскольку приведенная правовая норма опирается на Градские законы, с них и целесообразно начать ее анализ.

Градскими законами (или Градскими законами греческих царей) именовалась глава из уже упоминавшейся Кормчей книги, дополненная некоторыми другими источниками. «Под Градскими законами подразумевалось все рецепированное из Византии государственное законодательство, включенное в канонические источники» [6, с. 116-117]. Причем, по мнению автора приведенных строк В.А. Глухова, Градские законы в части установления уголовной ответственности с 7 лет предусматривали определенные исключения. «Если убийство совершено осознанно и по «воле» убийцы, то его возраст для наступления правосудия становится безразличен» [6, с. 117]. Тем не менее, восприняв нормы Градских законов о семилетнем возрасте начала уголовной ответственности, отечественные законоведы исключений из этого правила не предусмотрели.

Таким образом, ст. 108 Новоуказных статей о минимальном возрасте субъекта преступления восходит к римскому праву, почерпнутому российскими правоведами XVII столетия из византийских источников, но концептуально сформировавшемуся еще в «довизантийский» дохристианский период. Этот вопрос имеет смысл рассмотреть чуть более подробно.

В римском праве малолетние обозначались термином «*infantes*» («бессловесные»). К этой категории были отнесены дети, которые не в состоянии произносить торжественные юридические формулы. В начальный период развития римского права юридически значимые действия совершались в сложной форме, поэтому даже малейшая ошибка в произнесении требуемых законом слов влекла за собой недействительность сделки. Лица, не могущие по малолетству выполнять столь непростое для них условие, признавались недееспособными. Позднее под *infantes* стали понимать детей, не достигших 7 лет. Они считались полностью недееспособными и неделиктоспособными, т.е. не могли приобретать или обязываться и не отвечали за противоправные поступки [3, с. 151]. В сфере уголовного права в отношении несовершеннолетних использовалось понятие «*doli carentes*» – способность распознавать неправомерность деяния. Лица моложе 7 лет объявлялись *doli incarentes* («уголовно недееспособными») и уголовной ответственности не несли. Их правовое положение было идентично положению безумцев (*furiosi*), которые также не подлежали уголовной ответственности и наказанию. Деликтоспособность лиц возрастной группы 7-14 лет определялась индивидуально по принципу *malitia supplet aetatem* – «злонамеренность восполняет недостаток возраста» (чем злонамереннее преступление, тем ниже возрастной порог ответственности за него) [19, с. 9-10]. Таким образом, уголовно-правовая неделиктоспособность малолетних и помешанных имела то общее основание, которое можно определить как недостаток должного разумения. Данное обстоятельство недвусмысленно и четко отражено в латинском юридическом изречении: “*infans non multum a furioso distat*” («ребенок мало чем отличается от невменяемого»).

Распределение возрастных границ недееспособности и отчасти неделиктоспособности по хронологическим периодам, кратным семи (7, 14 лет, 21 год), в истории права встречается достаточно часто. Оно опиралось на медицинскую концепцию, берущую начало от учения

Гиппократ, согласно которому каждые 7 лет составляющие тело человека элементы полностью обновляются, что приводит к качественным изменениям, затрагивающим «организм человеческий как в физическом, так и в нравственном отношении» [16, с. 158].

Вернемся, однако, к российскому законодательству. Проблема уголовно-правовой ответственности несовершеннолетних имеет два основных аспекта: определение низшей возрастной границы, за пределами которой ответственность исключается, и привилегированная ответственность для тех, кто не освобожден от нее полностью. Привилегированность может выражаться в смягчении наказания и/или в отказе от наиболее суровых и жестоких уголовно-правовых санкций.

По свидетельству ряда авторов, малолетних на Руси начали освобождать от смертной казни еще в раннефеодальную эпоху. По Уставу Ярослава Мудрого о земских делах (XI в.) недостижение виновным 12 лет не позволяло выносить ему смертный приговор [5, с. 248; 1, с. 159-163]. В XIV-XVI веках при совершении особо тяжкого преступления отроком в возрасте от 7 до 12 лет смертная казнь заменялась более мягким наказанием [2, с. 34]. Возможно, из данного правила бывали исключения. В статье Е.С. Матвеевой [8, с. 66-76] приведен подобный пример, хотя, как нам представляется, его нельзя считать показательным. Речь идет о повешении в 1614 году трехлетнего сына Марины Мнишек Ивана («Ворёнка»), которого по настоянию матери в 1611 г. объявили сыном царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) и наследником российского трона. Его казнь нельзя назвать актом правосудия, это было политическое убийство.

Уголовная ответственность несовершеннолетних в Новое время (XVIII век)

Реформы Петра I, оказавшие заметное влияние на российское законодательство конца XVII – первой четверти XVIII веков, вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних практически не затронуло. Лишь один юридический источник петровской эпохи обращает на себя внимание исследователей. В толковании к артикулу 195 Воинского устава (1716 г.) указывалось, что «наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели... кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» [17]. «Артикул воинский», входивший в состав Воинского устава, наряду со специальными постановлениями, относящимися к военной службе, содержал также юридические нормы общего характера, применявшиеся в общеуголовных судах. Именно к таким нормам относится толкование к артикулу 195. В части, касающейся «младенцев», оно отличается недопустимой для законодательного документа неопределенностью. Неясно, лица какого возраста имелись в виду, и непонятно, в каких случаях наказание полагалось только «умалить», а в каких – «весьма отставить». Толкование к артикулу явно нуждалось в дополнительном толковании.

Вместе с тем анализ этой нормы наряду с анализом ст. 108 Новоуказных статей и некоторых положений из области древнерусского семейного права дают основание для вывода, что вопрос об уголовной ответственности малолетнего (или освобождении от нее) возникал лишь в связи с совершением убийства или иного тяжкого преступления. При совершении малолетним менее серьезного правонарушения он передавался в распоряжение родителей для применения к нему телесного наказания. Уголовно-исполнительная процедура как бы перемещалась из области публичного права в сферу семейных отношений и

прерогатив родительской власти.

Первое общее и подробное законоположение об ответственности малолетних содержалось в указе Сената от 23 августа 1742 г. [10, с. 641-644]. Поводом послужило дело об убийстве 14-летней крестьянкой Прасковьей Федоровой двух малолетних девочек. Фабула этого дела описана в сенатском указе.

Федорова отправилась в лес «по березовицу» (березовый сок), взяв с собой топор. Компанию ей составили две маленькие крестьянские девочки двух и шести лет. В лесу девочки схватили нарубленные Прасковьей таловые вицы (ветви вербы), и не хотели ей возвращать, передавая друг другу. Невинное детское озорство обернулось трагедией. Федорова погналась за одной из шалуний и сначала ударила ее обухом топора в спину, а когда та упала, перерубила ей шею топором «до половины». Вторая девочка заплакала и побежала домой, выкрикивая, что расскажет все маме, но Федорова догнала ее и «не с умыслу» прикончила ударом топора. Дома она повинилась во всем матери, которая спрятала трупы в лесу и велела дочери молчать. Однако содеянное открылось, и на допросе и очной ставке с матерью Прасковья созналась в двойном убийстве.

Следователи оказались в затруднительном положении. С одной стороны, «по силе Уложения и всем правам за дерзостное смертное убийство убийцы казнены бывают смертью». Оценив поведение Федоровой во время совершения преступления и в ходе сокрытия его следов, следствие решило, что обвиняемая «знала, что убийства чинить не велено» (т.е. сознавала противоправность содеянного). Кроме того, по мнению следователей, «оное убийство учинилось не от скорого какого гнева или сердца, но от самой великой злобы». Поэтому преступница заслуживала предельно суровых мер – пытки и смертной казни. С другой стороны, так как «учинила она то убийство от глупости и младоумия своего и пытки за малолетством ей не снести», ее можно было «наказать лозами нещадно и отдать в девичий монастырь вечно в работу».

В действовавшем в ту пору законодательстве отсутствовали ясные указания, с какого возраста надлежит применять первый или второй способ процессуальных действий. И тогда следователи обратились к Указу Петра I от 17 апреля 1722 г. В нем говорилось, что если дело окажется «темно», или «такое дело, что на оное ясного решения не положено», то «таких дел не вершить», а обращаться в Сенат, который и выносит окончательное решение.

Получив от следователей необходимые документы, Сенат 23 августа 1742 года издал указ, выходящий далеко за пределы судебного казуса Прасковьи Федоровой. Сенаторы «согласно» объявили свое мнение. Малолетними следует считать лиц обоего пола моложе 17 лет. Если таковые повинны в совершении тяжких деяний, за которые законом предусмотрены пытки, наказание кнутом и смертная казнь, то от перечисленных мер они освобождались и подлежали другим, менее суровым санкциям, определяемым тяжестью преступления и некоторыми иными обстоятельствами.

Так, за святотатство, «смертное убийство» и «пожоги» малолетним полагались битье плетью в публичном месте, заковывание в «ножные железа» и ссылка в дальние монастыри на 15 лет. При этом предписывалось «во все те 15 лет употреблять их во всякие тяжелые работы, чтоб они никогда праздны не были». Сосланные в монастырь обязывались ежедневно посещать все церковные службы, а также постоянно каяться и молить у Бога прощение за своей тяжкий грех. По окончании 15-летней ссылки осужденные подлежали возвращению на прежнее место жительства, чтобы жить там «вечно». Малолетние, виновные

в неоднократных разбоях, кражах «и других подобных винах» (караемых смертной казнью), наказывались в публичном месте батогами или плетью («смотря по летам») и ссылались на работы в отдаленные монастыри на семилетний срок. За преступления, по которым законом предписывались пытка и кнут, но без смертной казни, лица, не достигшие 17 лет, подвергались публичной порке батогами или плетью (в зависимости от возраста и состояния здоровья) с последующим освобождением, т.е. без ссылки в монастырь. Наконец, прочие преступления малолетнего угрожали ему поркой розгами, плетью или батогами. Выбор орудия телесного наказания зависел от характера правонарушения и возраста правонарушителя [10, с. 641-644].

Два года спустя Сенат совместно с Синодом внес в этот указ существенные коррективы. В новом указе от 18 июля 1744 года сначала давалось описание дела Прасковьи Федоровой, «виновной в порублении до смерти двух крестьянских девок» и излагалось уже вынесенное сенатское решение. Далее приводились мотивы в пользу внесения в него изменений. Синод представил справку, указав (со ссылкой на Кормчую книгу) на несоответствие возрастных границ малолетства, установленных прежним сенатским указом, Правилам Святых отцов (каноническому своду церковного права). На основании этой справки Сенат и Синод совместно решили, что малолетними надлежит считать детей обоего пола от рождения до 12 (а не 17) лет. Тем самым положение несовершеннолетних в уголовном процессе резко ухудшалось: их разрешалось пытать, бить кнутом и казнить смертью, начиная с 13-летнего возраста. В части самих наказаний, применяемых к малолетним, новый указ изменений не внес, кроме одного: 15-летняя ссылка в дальний монастырь была сокращена до 7-летней [11, с. 174-177]. Впрочем, ни один из этих указов не имел законной силы, ибо они так и не были утверждены императрицей Елизаветой Петровной, хотя их передавали ей на конфирмацию четырежды – в 1742, 1744, 1746 и 1750 годах [4, с. 32].

Отсутствие надлежащим образом утвержденного законодательного документа и противоречивые положения двух сенатских указов порождали правовую неопределенность и разноречивость на практике, о чем свидетельствуют дошедшие до нас следственные документы. Нередко вопрос о применении либо неприменении к несовершеннолетнему жестоких методов ведения следствия и способов наказания решался индивидуально (если не сказать – произвольно), исходя из тяжести деяния, состояния здоровья обвиняемого и иных принятых во внимание обстоятельств. К примеру, по делу 16-летнего Тимофея Соколова, обвинявшегося в двух разбоях (1758 г.), решение о том, пытать его или нет, менялось неоднократно [4, с. 12].

Следует отметить, что пытки в Российской империи были отменены сначала Екатериной II в 1774 году, а затем Александром I. Его указ от 27 сентября 1801 года «Об уничтожении пытки» заканчивался словами: «...чтобы, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной» [14, с. 797-798].

Со смертной казнью дело обстояло сложнее. Многочисленные законодательные акты, начиная с Соборного Уложения 1649 года, предусматривающие смертную казнь, в том числе квалифицированную (четвертование, колесование и т.п.), формально считались действующими в течение многих десятилетий. Наиболее жестокие ее формы были отменены лишь в правление Николая I, хотя на практике они не применялись уже с 1775 года, после казни Емельяна Пугачева. Во многом иначе обстояло дело с практикой назначения и исполнения смертных приговоров [18]. В царствование Елизаветы Петровны (1741-1762)

смертная казнь не применялась. Екатерина II приветствовала это начинание дочери Петра I, однако сама полного моратория на смертную казнь не ввела, зарезервировав ее для наиболее опасных видов государственных преступлений. Два пункта Сенатского указа от 6 апреля 1775 года (6 и 7) [13, с. 104-106], дают основания полагать, что высшую меру наказания стали считать отмененной. Однако даже в периоды введения моратория на смертную казнь она оставалась в замаскированном виде: в форме засечения кнутом, плетью или палками.

Тем не менее прогресс в вопросах гуманизации уголовного права (особенно во второй половине XVIII столетия) был очевидным. К несовершеннолетним правонарушителям сказанное относится едва ли не в первую очередь. 26 июня 1765 г. в царствование Екатерины II был издан указ «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказаний по степени возраста преступников», который регулировал вопросы ответственности малолетних [12, с. 174-175]. Указ признавал «совершенным» возраст в 17 лет. Дела лиц моложе 17 лет по преступлениям, подлежащим смертной казни или наказанию кнутом, предписывалось расследовать, «не производя пыток», и по окончании следствия передавать в Сенат. Сенату с такими преступниками надлежало поступать «по благоразсмотрению и по мере их вины», в соответствии с законом и «сохраняя притом Высочайшее Ея Величества к подданным матернее милосердие... дабы невинные от напрасного кровопролития, конечно, были удалены, и памятуя долг истинного христианина, употреблять к изысканию справедливости больше милосердия, нежели жестокости».

Дела, «не заслуживающие смертной казни», в Сенат не направлялись, их решали местные власти. В качестве уголовной санкции применялись телесные наказания: подростков от 15 до 17 лет били плетью, от 10 до 15 секли розгами («а не батожьями», как уточнялось в указе). Дети младше 10 лет полностью освобождались от уголовной ответственности. Их отдавали для наказания родителям или помещику.

При учинении лицами «несовершеннового возраста» особо тяжких преступлений (убийство, изнасилование, фальшивомонетничество, поджог) телесные наказания могли сопровождаться ссылкой в Сибирь. За наиболее тяжкие криминальные акты, например, кражу из церкви или поджог с особо опасными последствиями (когда сгорела вся деревня), допускалось битье батогами [4, с. 28].

Спустя десятилетие дела о преступлениях несовершеннолетних были переданы созданным в каждой губернии и каждом наместничестве Совестным судам, которым посвящена глава XXVI (статьи 395-403) указа от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [13, с. 278-280]. Совестный суд состоял из судьи и 6 выборных заседателей (по 2 от каждого из сословий: дворянского, городского и сельского), «людей добросовестных, законы знающих и учение имеющих». Этот судебный орган рассматривал дела не только гражданские и семейные, но и уголовные, касающиеся преступников, кои впали в прегрешение «по несчастливому приключению» либо «по стечению обстоятельств», а также дела о преступлениях безумных, малолетних и колдунов, «поелику в оных заключается глупость, обман и невежество».

Совестные суды должны были отправлять правосудие, как и прочие судебные органы, «по законам», но с обязательным соблюдением ряда дополнительных требований. К ним относились: «...1) человеколюбие вообще, 2) почтение к особе ближнего яко человеку, 3) отвращение от угнетения или притеснения человечества» (ст. 397). В указе далее отмечалось, что «Совестный суд никогда ничьей судьбы да не отяготит, но вверяется оному совестный

Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

разбор и осторожное и милосердное окончание дел, ему порученных, в чем пред Богом и Нашим Императорским Величеством подлежит во всякое время ответу и отчету». Совестные суды действовали в России почти столетие и были упразднены в 1866 году.

Заключение

Таким образом, если в законах и судебной практике средневекового российского государства и прослеживались традиции римского права в отношении несовершеннолетних, то особой юридической позиции по отношению к ним выработано не было. Потребность в ней возникла в начале XVIII века, но прошло несколько десятилетий, прежде чем были преодолены первоначальные противоречия, и она получила определенное оформление. Трансформация законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних во второй половине XVIII века была осуществлена под заметным влиянием идей европейского Просвещения. Проводившая законодательные реформы представительница просвещенного абсолютизма в России Екатерина II опиралась на идеи Монтескье, Руссо и французских энциклопедистов, с которыми состояла в личной переписке. Нельзя не отметить, что за те сто лет, которые отделяют указы 1765 и 1775 годов Екатерины II от «Новоуказных статей» царя Алексея Михайловича, российское законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних сделало громадный шаг вперед. Следует обратить особое внимание на создание специальных Совестных судов, в юрисдикцию которых входило рассмотрение преступлений несовершеннолетних с гуманистических позиций.

Дальнейшее формирование законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних было связано с новыми историческими условиями и отражало общее социально-политическое и правовое направление развития российского государства в XIX – начале XX века, а также идеи зарубежных юридических и педагогических концепций.

Литература

1. Авдеев В.А. Этапы правовой регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 159-163.
2. Авдеева О.А. Правовая система России в XIV-первой половине XVI вв. Иркутск, 2004. С. 34.
3. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). Москва : Юридическая литература. 1989. 448 с.
4. Бабкова Г.О. «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750-1760-х годов: препринт WP 19/2012/04. Москва, 2012. 32 с.
5. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права с примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Часть общая. Санкт-Петербург, 1865. Т. 1. 941 с.
6. Глухов В.А. Градские законы в российском уголовном праве // Закон и право. 2009. № 1. С. 116-117.
7. Зорькина А.А. Исторический анализ уголовно-правовых норм об ответственности несовершеннолетних в дореволюционный период // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. Том 1. № 3. С. 189-191.
8. Матвеева Е.С. История применения смертной казни по отношению к

Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

несовершеннолетним в дореволюционной России // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 1 (27). С. 66-76.

9. Никитинская Т. А. Установление возраста уголовной ответственности в истории развития российского уголовного законодательства [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 51. С. 138-140. URL: <https://moluch.ru/archive/237/55141/> (дата обращения: 01.10.2020).

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Электронный ресурс]. Том 1. № 431. Санкт-Петербург, 1830. 1029 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/179-t-1-s-1649-po-1675-ot-no-1-do-618-1830#mode/inspect/page/1063/zoom/4> (дата обращения: 01.10.2020).

11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Электронный ресурс]. Том 12. № 8996. Санкт-Петербург, 1830. 960 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/190-t-12-1744-1748-1830#mode/inspect/page/964/zoom/4> (дата обращения: 01.10.2020).

12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Электронный ресурс]. Том 17. № 12424. Санкт-Петербург, 1830. 1142 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/195-t-17-1765-1766-1830#mode/inspect/page/1137/zoom/4> (дата обращения: 01.10.2020).

13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Электронный ресурс]. Том 20. № 14392. Санкт-Петербург, 1830. 1050 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/198-t-20-1775-1780-1830#mode/inspect/page/1045/zoom/4> (дата обращения: 01.10.2020).

14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Электронный ресурс]. Том 26. № 20022. Санкт-Петербург, 1830. 890 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/204-t-26-1800-1801-1830#mode/inspect/page/887/zoom/4> (дата обращения: 01.10.2020).

15. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве в XVII в. [Электронный ресурс] Санкт-Петербург, 1887. 300 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8779-sergeevskiy-n-d-nakazanie-v-russkom-prave-xvii-veka-spb-1887> (дата обращения: 01.10.2020).

16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Москва: Наука. 1994. Т. 1. 380 с.

17. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век-1917 год) / Составитель В.А. Томсинов. Москва : Издательство МГУ. 2000. 376 с.

18. Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России [Электронный ресурс] // Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной. Москва : Юридическая литература. 1989. URL: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=1419> (дата обращения: 01.10.2020).

19. Штрассман Ф. Учебник судебной медицины: пер с нем. Санкт-Петербург, 1901. 768 с.

References

1. Avdeev V.A. Etapy pravovoi reglamentatsii ugovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Stages of legal regulation of criminal liability of minors]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta= Irkutsk State Technical University Bulletin*, 2007, no. 1 (29), pp. 159-163. (In Russ.).

2. Avdeeva O.A. Pravovaya sistema Rossii v XIV-pervoi polovine XVI vv. [The legal system of Russia in the XIV-first half of the XVI centuries]. Irkutsk, 2004. pp. 34. (In Russ.).

3. Bartoshek M. Rimskoe pravo (ponyatiya, terminy, opredeleniya) [Roman law (concepts, terms, definitions)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. 1989. 448 p. (In Russ.).

4. Babkova G.O. «Bezglasnye grazhdane»: maloletnie prestupniki v sudebnoi sisteme Rossii 1750-1760-kh godov ["Voiceless Citizens": Juvenile Criminals in the Judicial System of Russia 1750-1760s]: preprint WP 19/2012/04. Moscow, 2012. 32 p. (In Russ.).

Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

5. Berner A.F. Uchebnik ugovnogo prava s primechaniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. Chast' obshchaya. [A textbook of criminal law with notes and additions on the history of Russian law and positive legislation. Common part]. Saint-Petersburg, 1865. T. 1. 941 s. (In Russ.).
6. Glukhov V.A. Gradskie zakony v rossiiskom ugovnom prave [City laws in Russian criminal law]. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2009, no. 1, pp. 116-117. (In Russ.).
7. Zor'kina A.A. Istoricheskiy analiz ugovno-pravovykh norm ob otvetstvennosti nesovershennoletnikh v dorevolyutsionnyi period [Historical analysis of criminal law norms on the responsibility of minors in the pre-revolutionary period]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki» = International scientific journal "Symbol of Science"*, 2017. Tom 1, no. 3, pp. 189-191. (In Russ.).
8. Matveeva E.S. Istoriya primeneniya smertnoi kazni po otnosheniyu k nesovershennoletnim v dorevolyutsionnoi Rossii [The history of the use of the death penalty in relation to minors in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*, 2018, no. 1 (27), pp. 66-76. (In Russ.).
9. Nikitinskaya T. A. Ustanovlenie vozrasta ugovnoi otvetstvennosti v istorii razvitiya rossiiskogo ugovnogo zakonodatel'stva [Establishing the age of criminal responsibility in the history of the development of Russian criminal legislation]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2018, no. 51, pp. 138-140. Available at: <https://moluch.ru/archive/237/55141/> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Tom 1. № 431. Saint Petersburg, 1830. 1029 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/179-t-1-s-1649-po-1675-ot-no-1-do-618-1830#mode/inspect/page/1063/zoom/4> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Tom 12. № 8996. Saint Petersburg, 1830. 1029 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/190-t-12-1744-1748-1830#mode/inspect/page/964/zoom/4> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Tom 17. № 12424. Saint Petersburg, 1830. 1142 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/195-t-17-1765-1766-1830#mode/inspect/page/1137/zoom/4> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Tom 20. № 14392. Saint Petersburg, 1830. 1050 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/198-t-20-1775-1780-1830#mode/inspect/page/1045/zoom/4> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Tom 26. № 8996. Saint Petersburg, 1830. 890 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/204-t-26-1800-1801-1830#mode/inspect/page/887/zoom/4> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
15. Sergeevskii N.D. Nakazanie v russkom prave v XVII v. [Punishment in Russian law in the 17th century]. Saint Petersburg, 1887. 300 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/8779-sergeevskiy-n-d-nakazanie-v-russkom-prave-xvii-veka-spb-1887> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).
16. Tagantsev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. [Russian criminal law. Lectures. Common part.]. Moscow : Nauka Publ. 1994. T. 1. 380 p. (In Russ.).

Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

17. Tomsinov V.A. Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek-1917 god) [Reader on the history of the national state and law (X century - 1917)]. Moscow: MGU Publ. 2000. 376 p. (In Russ.).

18. Shishov O.F. Smertnaya kazn' v istorii Rossii. [The death penalty in the history of Russia]. In Kelina S.G. (ed.) Smertnaya kazn': za i protiv [Death penalty: pros and cons]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. 1989. Available at: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=1419> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).

19. Shtrassman F. Uchebnik sudebnoi meditsiny [Forensic textbook]. Saint Petersburg, 1901. 768 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Шишков Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, главный научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4169-9447>, e-mail: shishkov50@mail.ru

Макушкин Евгений Вадимович, доктор медицинских наук, профессор, заместитель генерального директора по научной работе, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1937-5908>, e-mail: evm14@list.ru

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Бадмаева Валентина Дорджиевна, доктор медицинских наук, руководитель Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Information about the authors

Sergey N. Shishkov, PhD in Law, Chief Researcher, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4169-9447>, e-mail: shishkov50@mail.ru

*Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г.,
Бадмаева В.Д., Нуцкова Е.В.*
Российское законодательство XI-XVIII веков об
уголовной ответственности несовершеннолетних.
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 231–244.

*Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G.,
Badmaeva V.D., Nuckova E.V.*
Russian Legislation of XI-XVIII Centuries on the
Criminal Responsibility of Minors.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 231–244.

Evgeny V. Makushkin, Doctor in Medicine, Professor, Deputy Director of FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1937-5908>, e-mail: evm14@list.ru

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Valentina D. Badmaeva, Doctor in Medicine, Head of the Department for Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Elena V. Nuckova, PhD in Psychology, Researcher, V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Получена 01.07.2020
Принята в печать 16.11.2020

Received 01.07.2020
Accepted 16.11.2020